

А. Н. ВОЛОШИН
ЗЕМЛЯ
КУЗНЕЦКАЯ

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОГО
РОМАНА

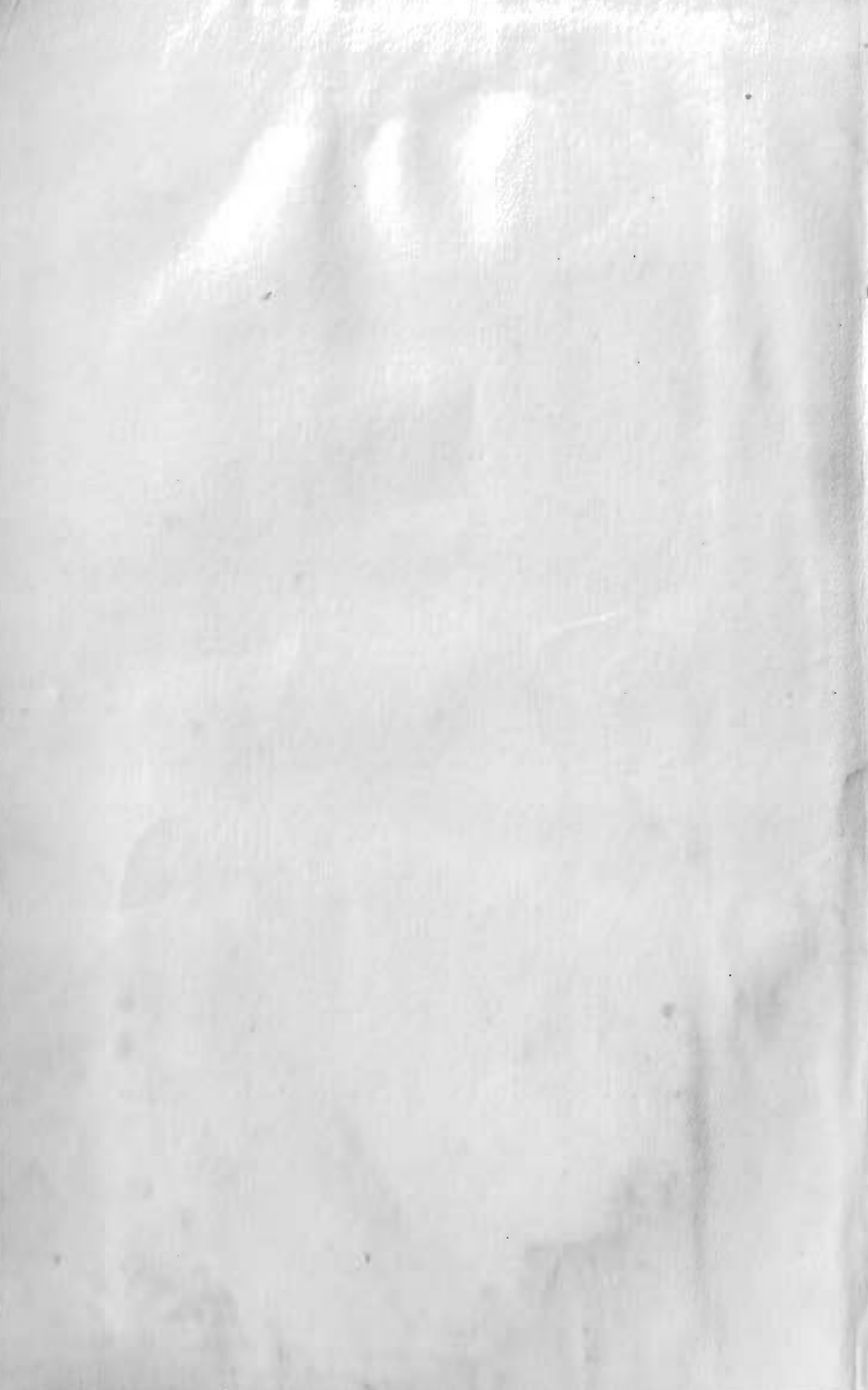
LORR
10

15870

10

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Тип. им. Котлякова. 13—4 620 000

А. Н. ВОЛОШИН

В68.

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОГО РОМАНА

А.Н. ВОЛОШИН

ЗЕМЛЯ
КУЗНЕЦКАЯ

ГОР. БИБЛИОТЕКА

547742
81511

4870

X
X

г. Ленинск-Кузнецкий
Городская библиотека
имени
В. БЕЛИНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА · 1952

г. Ленинск-Кузнецкий
Городская
БИБЛИОТЕКА
имени
В. К. БУДУКО

Постановлением
Совета Министров Союза ССР
от 8 марта 1950 года

ВОЛОШИНУ
АЛЕКСАНДРУ НИКИТИЧУ
присуждена

СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ
второй степени
за роман
«Земля кузнецкая»

Иллюстрации художника
Д. ПЯТКИНА

А. П. ВОЛОШИН

Александр Никитич Волошин родился в 1912 году в Петербурге, где его отец работал котельщиком на Путиловском заводе. Во время первой мировой войны семья Волошиных переехала к своим родным в Сибирь.

Детство свое Александр Волошин провел в Новосибирской области; здесь он вступил в комсомол, здесь закончил в 1929 году среднюю школу.

В начале первой Сталинской пятилетки Волошин, как и многие комсомольцы, поступает на строительство Кузнецкого металлургического завода. На стройке он работает бетонщиком, становится активным общественником. Его направляют комсоргом шахты на ближайший Осинниковский рудник; на этом руднике он работает запальщиком и забойщиком.

В 1934 году Александр Волошин был призван на действительную службу в Красную Армию. Находясь в армии, он успешно учится на заочном отделении Ленинградского коммунистического института журналистики.

После демобилизации из рядов Красной Армии Волошин в 1936 году вернулся на Осинниковский рудник и начал работать в местной газете «За уголь». Переехав через два года в город Черемхово, он сотрудничает корреспондентом в газете «Черемховский рабочий».

С начала Великой Отечественной войны Волошин находился в действующей армии. Он участвовал во многих боях рядовым сапером, был ранен.

В 1945 году, в дни боев на Одере, Александр Волошин вступил в члены ВКП(б). За участие в боевых операциях А. Н. Волошин награжден орденом Отечественной войны 2-й степени и медалями.

После войны Волошин снова возвращается в Сибирь и продолжает свою работу журналиста. Несколько лет он сотрудничает в областной газете «Кузбасс» в городе Кемерово.

Литературной деятельностью Александр Волошин начал заниматься с 1931 года (рассказ из шахтерской жизни «Первая смена»). В сибирских газетах появляются его рассказы, статьи и очерки. В 1939 году в журнале «Сибирские огни» был опубликован большой рассказ Волошина «Два товарища» — о восстании кольчугинских шахтеров против Колчака.

В 1949 году писатель закончил свое первое крупное произведение — роман «Земля кузнецкая», где изображает борьбу шахтеров Кузбасса за выполнение послевоенной Сталинской пятилетки, за широкое внедрение передовых методов труда.

Роман «Земля кузнецкая» удостоен Сталинской премии второй степени за 1949 год.

ПРОЛОГ

И разыгралось же сердце у каждого воина, когда эшелон, перевалив пограничный рубеж, помчался по родной земле. Сгрудившись у открытых дверей вагонов, солдаты молча глядели на израненные поля. Синий дымок вился за дальним лесом, редкие сизые облака ползли на запад, багровея в лучах заходящего солнца. Каждый вдруг понял, что давно в его жизни не было и таких обыкновенных туч, и такого розового заката, и кудрявых дымочков за лесом.

Родина! Сколько сынов не вернулось в твои просторы!..

— Заяц! Смотрите, заяц! — кричит сержант Данилов и, сорвав с головы пилотку, показывает на прыгающий по зеленому полю комочек.

Долго в этот вечер не ложились спать. Сперва беседовали под торопливый перестук колес, потом в несколько голосов пели «Шумел камыш, деревья гнулись». И про Ермака пели и про славное море Байкал. Пели, томимые ожиданием скорых встреч.

Дверь не закрывали, и в бледном проеме ее до поздней ночи маячила небольшая фигурка Степана Данилова. Этот парень, с беленьким вихорком, упрямо торчавшим из-под пилотки, отличался удивительной непоседливостью. Но это была не детская непоседливость, а горячее желание поскорее присмотреться к родной земле, надышаться

се ароматами. Маленький, крепко сбитый Данилов очень прямо носил свою русую вихрастую голову. На его узком подвижном лице светились синие пристальные глаза. Стоило поезду остановиться, будь то рано утром или поздно вечером, он прыгал с подножки и сразу куда-нибудь бежал. Зато в вагоне все точно знали фамилию паровозного машиниста (37 лет стажа!), знали, что у этого старика племянница учится в московской театральной школе, а кроме племянницы, никого нет — всех фашисты порешили.

Данилов же сообщил, что первая узловая станция после границы будет утром.

А утром он вдруг исчез. Сначала этому не придали значения. Ну, нет — и нет человека, едет, значит, в соседнем вагоне или на тормозе. Но к вечеру всем стало не по себе. Аккордеоном заняться было некому, новостей не было.

— Вот якорь-то, отстал парень, — сокрушенно посетовал старый солдат Алексеев.

— Наверняка влюбился, — полушутя сказал Григорий Воцин. — Помните, когда еще из Германии тронулись, он заявил: «Как перееду границу — в первую же русскую девчонку влюблюсь!»

Только через двое суток, уже в Смоленске, Данилов явился в вагон и, ни слова не говоря, завалился на верхние нары. Выспавшись, он не торопясь съел котелок колхозного варенца, вытер губы, отряхнулся и потянул к себе аккордеон. Но после бойкого перебора вдруг остановился и задумчиво пригладил белый непокорный вихор.

— Был в Овражках, — сказал он негромко. — В сорок первом меня там так стукнуло — полгода валялся в госпитале, до пролежней.

— Ну и как? — насторожился Алексеев.

— Что как? До пролежней, говорю, валялся, вот как. Во мне и сейчас железа сколько угодно.

— Я не о том, — поморщился старый солдат. — Чудак человек, нашел чем хвастать. Я спрашиваю, как Овражки?

— Окоп своего отделения нашел... — Данилов растерянно улыбнулся, словно испугавшись, что его уличат в мальчишеском легкомыслии.

Но солдаты выжидающе молчали.

— Там, где первое отделение воевало, картошку посадили, а у самого моего окопа сад разводят... Вот люди! — Данилов помолчал и задумчиво добавил: — Жарко там было, чорт!

На лицах демобилизованных появились несмелые улыбки.

— Видишь ты... — удивился Алексеев. — Сад!

Но Данилов уже встряхнулся и широко развел мехи аккордеона.

В Москве эшелон расформировали. Четверо сибиряков попутчиков и дальше, уже пассажирским поездом, тронулись вместе. Сапер Моисеев, пожилой пехотинец Черкасов и Воцин — кряжистый, широколицый связист — ехали в Кузбасс, Данилов же был родом из Новосибирска.

Проворный маленький сержант занял верхнюю полку и залег там. Теперь он не бегал, а лежал чуть ли не по целым суткам, хотя духота в вагоне была нестерпимая.

За Уралом распахнулась необъятная сибирская ширь. Зеленые степи с голубыми осколками озер медленными кругами поворачивались за окном вагона. Солдаты стали заметно молчаливее. Воцин и Черкасов, оба одинаково обстоятельные, только тем и выдавали свое нетерпение, что чаще обыкновенного перекладывали в солдатских вещевичках скромные гостинцы для домашних. Моисеев из Прокопьевска часто изумленно оглядывался и, потирая руки, говорил:

— А ведь кончилось!.. Товарищи! Вот, ей-богу, чудеса!

— Сиди уж! — подал однажды голос Данилов. — Чудес после воскресенья христового не бывает.

— Нет, в самом деле, воевал, воевал...

— А соображасяшь туго! — снова поддел Данилов.

Моисеев сердито потянул себя за длинный прокуренный ус, но потом махнул рукой и вполголоса предложил, подмигнув:

— Выпьем?

Скромненько выпили, разложив на газете пайковую селедку, яйца вкрутую и кусочки холодного мяса.

Только что миновали Омск. Слегка захмелев, Данилов рассказал, как он познакомился с Воциным.

— Ты молчи, молчи! — строго прикрикнул он на связиста, когда тот попытался возразить что-то. — Раз было

дело, значит, должен я рассказать, тем более что уважаю тебя... А было это двадцать девятого апреля. Мы уже в самом центре Берлина дрались. Лейтенанта нашего у Темпельгофа поранило, а капитана Рогова еще на Одере. Я командовал взводом, а во взводе четыре человека, если меня самого считать.

Утром передают приказ: «Вперед!» По улице немцы бьют из крупнокалиберного, да как! Перебежали мы до угла на Кирхенплатц. Смотрю, у крыльца, посреди известки и кирпичей, двое наших лежат. Убитые. А третий, живой, стоит и не хоронится. Пули тренькают, чиркают обо что ни попадя, а этот солдат стоит и плачет, плачет и ругается: «Сволочи, говорит, ребят наших загубили. Всю войну бились вместе... Сволочи, засели вон под тем танком и подыхать добром не желают!»

— Будет тебе, — несмело останавливает Воцин. — С кем не бывало, сам знаешь...

— Все знаю, ты помолчи! — продолжает Данилов. — Так вот. «Подожди, говорю я солдату, размокнешь еще, чего доброго, дай оглядеться...»

Отдышался. В глазах свет прояснился. Небо на востоке чистое, будто его умыли. А на западе туча на тучу громоздится. Над головами гудит — это наши тяжелые идут. Идут эшелонами и, немного не дотянув до своего переднего края, разом ныряют. Посмотришь — даже голова в плечи уходит. Но бомбы точно следуют во вражеский адрес.

Берлин охает, гарью воняет. «Ага, думаю, это вам за Сталинград, за Овражки, будьте вы прокляты!» Говорю своим ребятам: «Видите угол, под которым танк завалился? Ну, вот нам хоть землю зубами грызи, а нужно хлопнуть фашистов, которые выстрачивают оттуда». Командую больше для бодрости духа: «Справа по одному!»

А справа у меня только один Колька Грачев — маленький, в чем душа, но въедливый, как клещ. Только крикнул я, как на нашу голову столько штукатурки посыпалось — уму непостижимо! Переждали. А чуть утихло — Колька Грачев метнулся на тротуар и за тумбу. По нему и давай щелкать. Парень только головой мотает. Убьют, думаю, стервецы. А солдат, который плакал, тянет меня за ногу

и просит: «Сержант, а сержант, дай я сам...» — «Поди ты, говорю, к чорту, плакса! Не мешай серьезным людям воевать».

И вдруг этот плакса вскакивает, как на пружинах, и в окно, — только его и видели. А мой Грачев забрался уже в воронку от бомбы, в аккурат посреди улицы, но из воронки головы показать не может. У нас, у трюх, положение не лучше. Так четверть часа прошло, не меньше, — и вдруг на обломке балкона, прямо над головами немцев, показался солдат, тот самый, который плакал. Я просто ахнул. Еще какая-нибудь минута — солдат поднимается во весь рост и замахивается.

За танком взрыв, другой!.. Бежим туда. А там уже все аккуратно сработано. Солдат стоит и шатается. «Я, говорит, тут им... закончил войну...» — говорит и падает.

— Вот и вся история, — усмехается Данилов, — хотя не совсем вся, потому что, когда я этого солдата провожал в санбат, произошел один интересный разговор, но об этом как-нибудь потом.

— Правильно, — облегченно вздыхает Вошин.

Несколько секунд они с Даниловым глядят в глаза друг другу, потом разом перемигиваются и уж совсем дружелюбно хохочут.

А где-то уже за Барабинском маленький сержант вдруг поднялся ночью, беспокойно потоптался среди узлов и чемоданов, потом присел рядом с Вошиным.

— Ты понимаешь, друг, — заговорил он вполголоса. — Душа раздваивается. Если в Новосибирске остаться, так что я там буду делать? Ни родных, ни друзей. Голову приткнуть нигде. Специальность тоже — знаешь какая, — парикмахер. Не помирюсь теперь с этим.

— Бывает, — словно сквозь дремоту, но в то же время настороженно промямлил Вошин.

— Во-во! — оживился сержант. — А что, если мне податься в Кузбасс? Как думаешь?

— В Кузбасс? — Вошин привстал.

— Ну, конечно, вот чудак!

— Отчего же, можно и в Кузбасс... Только ты же не шахтер, ты же не металлург!

Данилов отмахнулся:

— Это неважно! Кто же шахтером родится?

Разговор заметно беспокоил Вощина. Он минут пятнадцать поворочался с боку на бок, но, так и не заснув, вышел в тамбур.

Звездная широкая ночь неслась за окном все назад, назад... Перелески темными гуртами то подбегали к самому поезду, то стремительно отскакивали прочь. А сквозь грохот колес был отчетливо слышен стрекот кузнечиков. Казалось, весь мир населен кузнечиками, что-то старательно, почти неистово куяющими под каждой былинкой, под каждым листочком.

Надышавшись вволю упругим ветром, Вощин отошел в глубь тамбура. Может, он не прав, обманывая Данилова? Может быть, следовало сделать как-то по-другому? Рассказать ему всю правду?

Вощин вспомнил сейчас, как в первую же встречу с Даниловым в Берлине они разговорились по пути в санбат.

— Сибиряки, земляки! — обрадовался Данилов. — Эх, Сибирь, Сибирь... Далеко, матушка!

Но Сибирь велика — уточнять стали: откуда? Оказалось, рядом живут: один в Новосибирске, другой — в Кузбассе.

— Так ты из Кузбасса? С Березовского рудника? — удивился сержант. — Ну, дорогóй, за такой удачей мне нужно всю жизнь гоняться. А ну, подожди, садись. Вот так. А теперь выкладывай: Тоню Липилину знаешь? Есть, есть там такая, не крутись! Знаешь? Я тоже. На Брянском встречались. Ранена там была дважды, потом опять воевала, потом мы потеряли друг друга. Адреса домашнего не имею. Вот горе! Ну?..

— Может, на перевязку сначала? — попробовал увильнуть Вощин.

— Ладно, ладно! — запротестовал Данилов. — Не умрем. Все равно через час в бой. Выкладывай.

Пришлось выкладывать. Тоню Липилину Вощин, конечно, знает, потому что она ему приходится двоюродной сестрой. Известно ему, что девушка воевала, а теперь...

— Адрес? — перебил Данилов.

— Вот и с адресом тоже... Неизвестен адрес... Скорее всего переменяла она место жительства... — Вощин густо покраснел под неотступным взглядом сержанта.

Разговора по душам не получилось. А когда они возвращались из санбата, Данилов, криво усмехаясь, сказал:

— Значит, сестра? А что ж ты так крутишься, будто тебя припекают? Имей в виду, я ведь все равно после демобилизации съезжу на этот рудник... Такое мое решение.

Трудно пришлось тогда Вошину, да и потом не легче было. Но что он мог сделать? Сказать всю правду? Сказать, что Тоня на руднике, вернее в соседнем городе, в госпитале, что «не видят ее глазыньки свету белого», как написала однажды тетка Мария?

Нет, это он не мог сделать — нестерпимо жалко было и сестру и солдата-товарища, невмочь было бы смотреть на то, как в глазах Данилова погаснут теплые огоньки... Пусть уж это как-нибудь по-другому произойдет.

— А может быть, все образуется? — вслух спросил Вошин и, выбросив окурок в окно, оглянулся.

В двух шагах от него стоял Данилов. Хотел обойти его стороной, но тот только шире расставил ноги.

— Степан, ты твердо решил в Кузбасс?

Сержант даже головой крутнул.

— Твердо. Мне надоело ходить вокруг этого. Давай разом договоримся. Я хочу видеть Тоню, и пусть она сама скажет окончательное слово. Это она скажет, будь уверен. Но еще не в этом вся суть, не потому только еду именно на тот же рудник, что и ты. Есть там такой человек, единственный для меня на всей земле... Гвардии капитан Рогов... — Данилов помолчал, а потом уже тише закончил: — Роднее брата мне этот человек. Расстались еще на Одере. Я должен видеть его. А тебе не буду надоедать, ночевки не попрошу.

Вошин гневно насунился.

— Ну ну! — примирительно толкнул его Данилов. — Знаю, что солдаты порядочная публика. Я хотел только выяснить обстановку.

Едва ли им принес удовлетворение и этот разговор. Но Данилов вновь ожил, бегал на станциях за кипятком, безустали наигрывал русские, хватающие за сердце песни в приобрел в вагоне немало почитателей.

От Новосибирска в соседнем купе ехала молодая женщина с шестилетним шустрым сынишкой. Мальчуган сразу же пошел по вагону, с живейшим любопытством прислушиваясь к разговору взрослых и сам охотно завя-

зывая беседы. Но где бы он ни был, чем бы ни занимался, а с первой же минуты не выпускал из виду Данилова с аккордеоном. Чудесный перламутровый инструмент заворожил его. Наконец он осмелился и мимоходом тронул одним только пальцем сверкающий клавиш инструмента.

Данилов подмигнул товарищам.

— Серьезный мужик!

Через минуту они познакомились, а через пять подружились. Поэтому довольно легко удалось выяснить, что Валерий очень обстоятельный человек. Во-первых, у него необыкновенная мать — горный инженер; во-вторых, едут они сейчас из отпуска к себе на рудник, где живет бабушка и где Валерий думает заняться рыбной ловлей. Между прочим, рыбная ловля — это только так, для потехи, а вообще-то он твердо решил тоже стать горным инженером.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что и бабушка у Валерия тоже не такая, как у всех соседских ребятшек.

— Н-е-е-т! — мальчуган машет рукой по адресу всех остальных бабушек и пренебрежительно выпячивает нижнюю губу. Собственная бабушка Валерия — мать-героиня называется. — Только... — Валерий подмигивает и с видом глубочайшей доверительности громко шепчет на ухо Данилову: — Только если по правде, на честное слово, то она никакая не мать, а бабушка.

Это он точно знает. Потому что если мать, то обязательно молодая, красивая, как вот у него.

— Ишь ты! — удивляется Вошин. — А где же твой папка? Тоже на руднике?

От окна быстро повертывается мать Валерия. Глаза у нее большие, испуганные. Сердце Данилова тревожно сжимается. Привстав, он энергично подмигивает Вошину.

— А он воевал с фашистами, он сильный! — охотно восклицает мальчуган. — Ты тоже воевал? А почему папу не видел?

Солдаты переглядываются, лица их словно бы сереют. А Валерий все настойчивее спрашивает:

— Он большой — мой папа... Ты видел его?

— Вот что, дорогой, — спокойно перебивает мальчугана Данилов, — приедешь домой, отправляйся сразу же

на рыбалку. А потом учишься на инженера. Папа твой вернется — это я точно знаю.

— Ты его видел?

— Видел, родной! — голос сержанта чуть заметно дрогнул, глаза стали пустыми, невидящими. Но он сейчас не глазами, а занывшим сердцем видел тысячи безыменных могил на полях родины, на берегах Буга, Вислы, Одера... Падают дожди на неприметные холмики, поднимаются буйные травы вокруг, колосятся необъятные хлебные нивы... — Играй, родной! — Данилов ставит огромный аккордеон Валерию на колени и, заметив благодарную улыбку на лице его матери, отвертывается и долго не может зажечь спичку.

— Да ты не тем концом чиркаешь, — замечает Вошин.

— Оставь! — сурово обрывает сержант.

В Белове, выглянув из окна, Валерий кричит на весь вагон так, что в ушах звенит:

— Мама! За нас трамвай зацепился! Бо-ольшущий!

— Не трамвай, деточка, а электровоз, — тихо объясняет женщина.

Слушая звон детского голоса, Вошин смущенно говорит Данилову:

— Умное дите.

Попетляв на Салаирских горных отрогах, поезд миновал маленькую станцию Артышта. Назад, в ясный предвечерний зной, все быстрее катились зеленые холмы. В открытые окна врвался тугой чистый ветер. Изредка сквозь железную скороговорку колес слышались короткие певучие сигналы электровозов. С грохотом обвала пронеслись мимо встречные поезда.

— Уголек... — коротко бросал Вошин и с довольным видом поглаживал колено, словно сам добывал этот уголек. — А это металл, с Кузнецкого. И алюминий теперь там делают, и машины, и эти... как их, ферросплавы. Кузбасс!

Светлые тени скользят по лицам солдат, на губах улыбки то появляются, то исчезают, а глаза сосредоточенно строги.

Каким недостижимо далеким казался родной край, когда в январе 1943 года Вошин мерз трое суток на безыменном снежном увале, в 90 километрах от Орла, когда, не замечая ни обжигающего мороза, ни частых миномет-

ных ударов, он ожесточенно долбил каменно-твердую землю, чтобы было за что зацепиться. Далеко был Кузбасс, а ведь даже в самые страшные минуты не покидала надежда снова увидеть эту суровую землю с ее скуповатой, но такой близкой сердцу красотой.

Распустив чистые легкие паруса, летит над дальними холмами белое облако. Белые домики, выравниваясь по решетчатым оградкам, поднимаются в гору, ближе к солнцу.

— Новый поселок, до войны не было, — замечает Моисеев и начинает торопливо собираться. — Мне пора, — говорит он, взволнованно покашливая. — Понимаете, как-то вдруг: ехал, ехал, ждал, ждал, — целых пять лет ждал!

На перроне прокопьевского вокзала задушевно простились с этим солдатом. А через час поезд тронулся дальше. Смеркалось. Народу в вагоне становилось все меньше. В соседнем купе капризничал Валерий и все спрашивал:

— А он не уйдет? А он даст поиграть на гармошке?

Данилов стоял у окна, медленно приглаживая волосы. Летела мимо смуглая вечерняя земля, взмывали и падали телеграфные провода, ворчали колеса под вагоном: скоро... скоро...

ГЛАВА I

Когда они поднялись на-гора́ через запасный ходок, с чистого неба падали последние дождевые капли. Упираясь в далекие горы двумя косыми столбами ливня, на восток уходило седое облако в розовой шапке.

Закурив, Дробот оглянулся на Рогова.

— Чувствуешь, инженер, как земляца кузнецкая пахнет? Умыло матушку.

С горы виден весь рудник — прямые зеленые улицы, многоэтажные белые дома, квадраты усадеб, вогнутая желтоватая ладонь стадиона и, в двух-трех километрах друг от друга, конусы черных породных отвалов. Отвалы тлеют, над ними стелются сизоватые дымки.

Дробот идет впереди, осторожно ступая по крутой скользкой тропинке. У него неприятная стариковская манера говорить себе под нос. Ему уже за пятьдесят. Приходится до крайности напрягать слух. Очень важно узнать, что он, как начальник шахты, скажет после осмотра трех участков, образующих второй район. Рогов старается не отставать. Но Дробот как будто забыл о деле, идет и принюхивается к винному кисловатому запаху прелой сосновой коры, к тонким, еле различимым ароматам осенних трав, улыбается, распустив мелкие морщинки по широкому костистому лицу. Его седые брови растут прямо вверх, поэтому кажется, что он постоянно чему-то удивляется.

Махнув в сторону рудника, Дробот спрашивает:

— Видишь, выстроились шахтеночки, как на параде. На-днях читал в газете стих: «И в царство черных пирамид въезжает, как в Египет!» Насчет царства это хорошо, а про Египет зря: там же пустыня, а у нас не только на земле, а и под землей люди действуют.

Посмотрев на конусообразные терриконики соседних шахт, он лукаво подмигнул.

— Конкуренты! В прошлом году, когда тебя еще не было, договор подписывали. Пыль столбом! Обогнать обещали. Однако дудки! — почти выкрикнул он и круто остановился вполоборота, одним глазом уткнувшись в лицо Рогова. — Это я не для лирики. Не люблю порожних слов. Это я для тебя. Дельный ты человек, хотя и беспоконный. Второй месяц приглядываюсь. Может, и придется ко двору.

Рогов поморщился. Но Дробот предостерегающе поднял руку.

— Беспоконный, говорю! За все сразу хватаешься. Тут у тебя и цикличность, и крепление, и щиты Чинакала, а про добычу за текущую смену забываешь. Нельзя так. Советую утвердиться на одной мысли: чтоб план был; уголь таскай хоть шапками, хоть горстями!

— И так всю жизнь? — не сдержался Рогов.

Дробот, занятый рассуждениями, не обратил внимания на реплику.

— У нашей шахты традиции. Когда в мае чуть не дотянули программу, я выгнал на добычу всю конторскую братию, всех дамочек и кавалеров, — и выпрыгнул ведь! А с цикличностью, со щитами мы, дорогой, успеем. Соседи ведь тоже ничего еще не делают.

Дробот гордился тем, что умеет держать шахту в кулаке, не допуская даже и мысли, чтобы кто-нибудь, без его ведома, что-то переустраивал, что-то перемещал. Так Рогову и было сказано, когда он пришел сюда с назначением на должность районного инженера.

Вслед за Дроботом и Роговым в кабинет вошел остроглазый чернявенький парень — старший статистик. Не глядя на него, начальник открыл форточку, переставил по-своему, немного наискосок, кресло за столом и, отвер-

нувшись к этажерке с пыльными книгами, спросил угрожающе:

— Ну?

— Не виноват, Петр Михайлович... — голос у парня сорвался, как у молодого петуха.

Дробот медленно оглянулся и подвигал бровями.

— Не виноват? Ты у меня эту десятую процента в пригоршнях будешь таскать из шахты! Из самого поганого забоя! Слышишь? В пригоршнях!

Рогов понял, что разговор идет все о той же утренней истории. Старший статистик, передавая сведения о добыче в трест, назвал фактическую цифру. А Дробот, посмотрев сводки с других шахт, обнаружил, что «его хозяйство» фактически отстало на одну десятую процента от соседней. Немедленно же было приказано недостающую дробь дополнительно передать в трест. Но там заартачились, пожаловались управляющему. Дробот взбеленился и обвинил в ошибке «кавалеров из конторы».

— Молчишь?

Парень растерянно промолчал.

— Я эти несчастные крохи возьму из добычи за сегодняшние сутки, — отчеканил Дробот. — Я вывернусь, а ты запомни: в другой раз кашлянуть вздумаешь — оглянись на меня. Взяли тоже моду: перед государством в ответе я, а командовать каждый лезет. — Дробот махнул рукой: — Отправляйся на место.

Он тут же повернулся к Рогову.

— Забои твои мне понравились. Культурно.

Рогов поймал себя на том, что рад похвале, однако тут же и забыл об этом. Момент был благоприятный, чтобы осуществить мысль, с которой он носился последнее время. Заговорил же с запинкой, словно только сейчас, на ходу, обдумывая предложение:

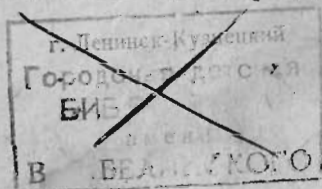
— Петр Михайлович... что, если второму району немного увеличить план?

Дробот недоверчиво фыркнул.

— Это почему такое?

— Вы же видели: две новые лавы вырезаны досрочно — хоть сейчас пускать.

— Ну и пускай! — добродушно усмехается начальник. — Твои лавы нам будут давать пять-шесть процентов...

— Правильно, даже больше!

— Подожди! — Дробот нетерпеливо пожевал сухими губами. — Я говорю: пять-шесть процентов сверх плана. Понимаешь, какой это капитал? Соседи позеленеют! Мы их обязательно оставим, и, может быть, первую скрипку в этом сыграют твои внеплановые лавы. Значит, держи язык за зубами! — Дробот внезапно подмигнул и, захохотав, похлопал Рогова по плечу.

Несколько обескураженный такой беззастенчивой откровенностью, Рогов с минуту не знал, что сказать. Но, вспомнив, что до завтра едва ли придется встретиться с Дроботом, спросил:

— Петр Михайлович, вы смотрели мою записку? Я считаю дело совершенно неотложным.

— Записку?.. — Дробот сделал неопределенный жест. Лицо его потускнело. — Ах да, записку! Не читал, извини, некогда, я же человек дела, солдат, так сказать. Но я передал все это Филенкову. Зайди к нему.

Пока Рогов ждал главного инженера, ему невольно заново припомнился сегодняшний обход участков вместе с начальником шахты. Хорошо все же Дробот знает свое дело, даже завидно! За это, пожалуй, можно простить и его грубоватость, и безапелляционность суждений, и то, как он круто, почти не думая, принимает решения. Только очень уж часто он подчеркивает, выгораживает доброе имя коллектива. Дело тут, по мнению Рогова, было не столько в коллективе, сколько в «добром имени» самого Дробота. А сегодняшняя история с процентами!

Как-то в мимолетном разговоре с Роговым районный инженер Нефедов рассказал, что Дробот попал на «Капитальную» в самом конце войны. Работал он до этого на одной из новостроящихся шахт и, по всему видно, работал не плохо, по крайней мере слух был, что командовал круто.

— Чорт его знает, или он не перестроился, или перестроился не по-человечески... — Нефедов неприязненно усмехнулся. — В общем, не знаю, как у него получилось, но дело на «Капитальной» не пошло. Не пошло — и только. По-моему, он и здесь решил все одной командой взять. Понимаете, Павел Гордеевич, как это плохо получается!

Несколько раз Дробота «выправляли» и в тресте и в горкоме, но заметного улучшения не наступало. А время шло, время выдвигало перед шахтой все более трудные, сложные задачи, их нужно было решать по-новому, новыми средствами. Дробот же попрежнему только командовал и назойливо ссылаясь на старые добрые традиции шахты, из которых он принимал только одну: во что бы то ни стало выполнять план.

Но и план выполнять становилось все труднее.

— Да в чем же дело?! — резко спросил на одном из последних собраний Нефедов. — Давайте разберемся, наконец, в чем же дело? Силы-то у нас те же самые, механизмов больше...

— И план на триста тонн увеличили, — вставил Дробот. — Вопросов мы задаем очень много, а работаем, прямо сказать, вразвалочку.

Рассказывая об этом своем выступлении, Нефедов невольно разводил руками:

— Я просто не нашелся, что сказать... А сказать нужно было одно: что коллектив попрежнему самоотверженно борется за план, но кое-кто из командиров, слишком пожившись на Дробота, перестал себе ясно представлять, какими силами располагает для нового наступления, для решения не только сегодняшних, но и завтрашних задач. Вот в чем дело!

На шахте все чаще назначались ДПД — «дни повышенной добычи». В такие дни план действительно перевыполнялся, но для этого «всех свистали вниз», закрывали подсобные цехи. Даже повара шли в забой.

Предлогов для организации ДПД изобреталось множество: то в начале месяца требовался «рывок», то в конце декады «дотягивали», «дожимали». Но эти своеобразные припарки мало помогали делу. Вслед за рывком почти обязательно наступал спад, забой расстраивались, шахту лихорадило.

— Баш на баш выходит, — услышал как-то Рогов замечание пожилого забойщика.

А районный инженер Нефедов однажды пожаловался:

— Суетимся, как сто чертей, — спать некогда. Все есть — и люди и механизмы, а поразмыслить над работой не умеем.

Рогов попытался сделать первый практический шаг, изложив в своей записке основные, по его мнению, задачи шахты. Задачи по существу сводились к одному — увеличить добычу. Средство — цикличность. Но для достижения цикличности необходимо осуществить массу сложных мероприятий. Выискать среди них главное — дело текущего дня.

Дробот, значит, отмахнулся. Ну что ж, придется заглянуть к главному инженеру.

В начале беседы с главным инженером Рогов даже усмехнулся — так Филенков был похож на Дробота интонациями, словами. А может быть, он только старался быть похожим? Мало ли командиров на руднике делают это! Филенков сказал:

— Насчет записки? Посмотрю как-нибудь... — и, опоздав скрыть короткую позевоту, раздраженно спросил: — Все ищите, где собака зарыта?

— Ищу, Федор Лукич.

— А вы не думаете, что это немного кустарщиной пахнет?

— Не думаю. А вы?

— Что я!.. — Филенков грузно повернулся в кресле. — Я и швец, и жнец, и на дуде игрец. Мне некогда воспарять в заоблачные выси.

Рогов насупился и резко спросил:

— Цикличность — это что ж, фантазия, полет за облака?

— Я говорю о реальных возможностях... — нехотя ответил Филенков.

— Так и я тоже! Все мои выводы построены на реальных возможностях. — Рогов обошел вокруг стола и остановился рядом с главным инженером. — Федор Лукич, когда люди говорят о возможностях, которые придут сами собой, мне кажется, они забывают основное в нашей работе: равнение на лучших. Мы же наступаем, значит — закрепляться должны на тех рубежах, где оказалась передовая часть.

Филенков почесал толстым мизинцем лысеющую макушку.

— Вот видите, какой вы лихой солдат. Закрепляться

начинаете на участке, который — говоря вашим военным языком — мы еще не штурмовали. Поговорите-ка с нашим Дроботом, сразу встопорщится: «Что? Цикличность? А где возьмем забойщиков? А как транспорт?»

— Но ведь вы главный инженер.

— Знаю... — Филенков усмехнулся. — Этакую новость вы мне преподнесите...

Он еще что-то хотел сказать, но тут зазвонили сразу два телефона, и разговор на время прервался.

Главный инженер был лет на десять моложе Дробота, повидимому хорошо знал свое дело, но Рогова бесила его малоподвижность, какое-то сонное равнодушие, с которым он относился ко всему, что выходило за рамки так называемой «производственной текучки», что не было предусмотрено дневным рабочим регламентом. Правда, иногда что-то вдруг словно бы вспыхивало в этом неповоротливом, замкнутом человеке, маленькие серые глазки его некоторое время начинали излучать живые искорки, однако тотчас он снова уходил в себя, снова лицо его расслабленно обвисало, и только нижняя прямая губа неизменно и упрямо подпирала верхнюю.

И все же что-то своеобразное было в Филенкове, и это-то и привлекало Рогова. Может быть, богатый практический опыт, к которому с такой жадностью тянулся Рогов. Хотя что стоит этот практический опыт, если он подернулся рутиной и не обогащает людей!

— По существу цикл простая вещь, особенно если разложить его на элементы, — говорит Рогов. — В сутках три смены. В одну из них лава готовится к добыче; если пласт горизонтальный или полого падающий, он подрубается врубовкой, и нем бурятся скважины, потом продвигается или, вернее, переносится конвейерный став, кровля подхватывается креплением. Наконец производится отпалка. Следующие две смены качают уголь. Так должно быть.

— Правильно, так должно быть! — охотно согласился Филенков с Роговым. — Но существует мнение, старое и прочное, его не легко преодолеть, — что «шахта — это не завод, не кондитерская фабрика, здесь место рабочее постоянно передвигается. Следовательно, изменяются условия. Всего не предусмотреть: один раз лаву готовишь восемь часов, в другой — шестнадцать; один раз уголь

«качаешь» две смены, а в другой — и в три не упрaviшься».

— Однако вы же не можете так рассуждать! — Рогов требовательно глянул в лицо главного инженера. — Это же вакханалия!

Филенков предостерегающе поднял руку:

— Без громких слов, Павел Гордеевич! Я на «Капитальной» не первый год. За это время мы не меньше десяти раз приступали к забоям с цикличностью.

— И что же? — удивился Рогов.

— Как видите, ничего! — главный инженер почти приветливо улыбнулся. — Правда... — он на минуту задумался, при этом лицо его стало строже, даже чуточку посветлело. — Правда, — говорит он медленно, — было у нас гораздо лучше... сильнее... Но это еще при покойном Николае Ильиче... — Филенков снова вздохнул и заметно потускнел. — Положим, «Капитальная» и сейчас тянется, уголек даем не хуже других и без цикла. А для цикличности требуется хороший забойщик. И не один, не десять, а двести шестьдесят на смену. У нас же сто восемьдесят с грехом пополам выходит... Приходится каждые сутки, каждую смену кроить, изворачиваться...

— И долго придется так изворачиваться?

Филенков развел руками:

— А это уже дело комбината.

— Нет! — Рогов встал. — Нет, Федор Лукич, это наше дело! Люди на шахте есть, их нужно расшевелить. Неужели мы для этого будем ждать каких-то особых указаний?

Филенков вздохнул, оттянул пальцем тугий ворот сорочки, выпятив подбородок, поворочал шеей, еще раз вздохнул и, наконец, нехотя согласился:

— Посидите минутку, я при вас прочту докладную.

Вначале он читал ее, бегло пробегая глазами, затем, видимо заинтересовавшись, уже медленно и внимательно прочел до конца.

— Хорошо, — сказал главный инженер, — своей властью я вам утверждаю один график. Но имейте в виду... за успех не ручаюсь, а перед Дроботом отвечать будете вы...

— Вот ручательств мне как раз и не нужно, — усмехнулся Рогов. — А за график спасибо.

Его обрадовала эта первая маленькая победа.

Начались переговоры с лесным складом, с транспортом. Но если на лесном складе сразу согласились давать стандартный крепежник точно по графику, то с подачей порожняка, с откаткой груза дело застопорилось. Тут разговор даже с Дроботом не помог. Пришлось целых два дня ждать возвращения из комбината начальника транспорта Стародубцева.

Со Стародубцевым Рогов был знаком давно. Когда-то они вместе учились в Томском институте. Семен был отличным студентом, веселым товарищем. Вместе защищали дипломные проекты, вместе мечтали о будущем Кузбассе, старались представить, каким он будет через пять, через десять лет. С увлечением занимались разработкой планов сплошной механизации шахт — от забоя до самой последней транспортной операции. Но через два месяца после того, как они стали инженерами и приступили к работе, их разлучила война. Когда Рогов возвратился на рудник, он в первую очередь пошел к Стародубцеву.

— Молодец! — обрадовался тот. — Значит, жив? И орденов дай бог каждому! Ну, да на то ты и шахтер бывший!

— Почему же бывший?

— Ну как же, у вас ведь там была совсем другая наука, от шахты-то она отучила. А вообще не теряйся, мы тут тебя быстро подтянем. Заходи вечером потолковать и к стати благополучное возвращение вспрыснуть.

В тот же вечер Рогов наведился к однокашнику.

Семен Стародубцев успел, оказывается, обзавестись семьей.

— А как же, — басом говорил он, улыбаясь и потирая руки. — Мы хотя и ночей недосыпали, уголек добывая, но и на личном участке не зевали. Имею двух дочерей. Аллочка — годик скоро исполнится — спит. — Семен кивнул в сторону соседней комнаты. — А Верочка — три годика — в гостях у бабушки. Ну и, как ты, очевидно, догадываешься, имею жену. Да я тебя сейчас познакомлю с ней! — спохватился он и негромко окликнул: — Клавочка, ты бы сообразила нам с Павлом Гордеевичем полграфинчика... А, Клавочка?

— Опять за графинчик? Боже мой, когда же конец этому будет? — отозвался из кухни сонный голос.

Семен виновато усмехнулся.

— Строговата она у меня... Извини, брат.

Вспомнили старых знакомых.

— Колька Семенцов? — переспросил Стародубцев и с досадой махнул рукой: — Э, брат, хватился! Его теперь не достанешь, второй год трестом заведует. Встретились недавно на совещании и поговорить не смогли.

— Зазнался?

— Да незаметно как будто... Дело, по-моему, в масштабах. У него четыре шахты, а у меня всего подземный транспорт на одной. Слава в этом, сам знаешь, невелика. — Семен лукаво подмигнул. — А ты не крути головой: думаешь, я за славой гонюсь, за орденами? Где уж там! У меня сейчас в чем главная задача? Работать так, чтобы от других не отстать да семью вот обеспечить всем необходимым.

Вспоминая сейчас эти сентенции, Рогов невольно приходил к выводу, что он или не знал Стародубцева в студенческие годы, или человек на самом деле неузнаваемо изменился.

Рогов прошел в кабинет Стародубцева. Начальник транспорта, не подавая руки, кивнул небрежно.

— Здравствуй. Подожди, я вот разделаюсь с этим партизаном.

«Партизан» — низенький паренек, курносый, с выпуклыми смышленными глазами — стоял перед столом и в упор, но без всякого интереса разглядывал начальника.

— Ну что ты на меня уставился? — крикнул Стародубцев.

Паренек свел губы трубочкой:

— А что мне... Время свободное, вот и уставился.

— Отвечай по существу! Слышишь?

— Слышу.

— Под суд тебя, мальчишку, надо...

— Чего вы меня пугаете? Суд-то советский...

— Видел? — Стародубцев оглянулся на Рогова. — Какой грамотный! Да ты понимаешь... — закричал он, снова обращаясь к парню: — Ты понимаешь, чем это пахнет? Ты знаешь, в какое время мы работаем? Видишь вон лозунг: «Все силы на выполнение послевоенной пятилетки!» Все силы! А ты что делаешь? Ты не выполняешь приказа...

— Потому что незаконно, — тихо возразил парень. — Мало ли что... Меня учили на забойщика, а вы суете куда ни попало.

— Тебя государство имеет право послать куда угодно!

— Так то ж государство, а то вы...

Стародубцев вскопчил, растерянно потоптался и, наконец, трагическим жестом показав на дверь, прошептал:

— Выйди!

Забойщик степенно пожал плечами и вышел.

Начальник транспорта торопливо закурил и начал жаловаться на слабую дисциплину.

— Семен, у меня неотложное дело, — прервал его Рогов.

— С вагонами? — взъерошился Стародубцев. — Не дам! Шахту и так лихорадит — ни днем, ни ночью покоя нет, а тут еще ты со всякими экспериментами.

— Но цикличность не эксперимент!

— Все равно! Не дам! Я и так уж собирался жаловаться на твое самоуправство. Хватаешь порожняк направо и налево, дежурный диспетчер то и дело кричит по телефону: «Опять Рогов!»

— Значит, не дашь?

— И не проси.

Не простившись, Рогов вышел.

ГЛАВА II

Из-за порожняка пришлось повоевать и на следующий день.

— Начальнику пожалуюсь! — крикнул вслед ему транспортный десятник.

— Хоть чорту! — добродушно отозвался Рогов, довольный тем, что уголь сегодня пойдет без задержки.

И тут же он услышал доносившийся из полевого штрека сердитый крик Стародубцева. Второй голос принадлежал пожилому, обыкновенно спокойному проходчику Вошину.

— Какое вы начальство? — гудел проходчик. — Какое вы начальство, если в вас соображения ни на копейку!

— Об этом государству известно, какое я начальство! — кричал Стародубцев. — Поэтому я не позволю...

— Где же государству усмотреть за такими...

— Не позволю! — внезапно взвизгнул Семен, но, увидев Рогова, плюнул. — Вот полюбуйся: плоды твоего ру-

ководства. Этот тип крадет из квершлага¹ четыре рельсовых звена и приспособливает здесь разминовку. Для чего, спрашивается, если в наряде этого не значится?

— Для того, чтобы груз не катать за двести метров, — спокойно возразил Вошин и ожесточенно стал вколачивать костыль в шпалу.

— А кто разрешил?

— Это я приказал взять рельсы, — вмешался Рогов и не торопясь начал расспрашивать проходчика о смене.

— Будьте покойны, — стозвался тот, — костыли нехитрое дело заколачивать. По мне, поскорее бы к забою.

— Ну, ладно... — медленно, с угрожающими нотками в голосе проговорил начальник транспорта. — Я, Павел, терпеливо сносил твои фокусы, а теперь хватит! Для меня интересы производства дороже товарищеских отношений. Мы будем говорить где следует!

— Знаешь что... — Рогов так быстро повернулся к Стародубцеву, что луч лампы молнией пробежал по стойкам.

Может быть, и не сдержался бы он сейчас, и поговорили бы они очень крупно, если бы в этот момент из штрека не вывернулся горный мастер.

— Павел Гордеевич, в лаве беда! — еще издали закричал он. — Кровля поползла начисто!

— Ты слышишь? — почему-то обрадовался Стародубцев. — Я же тебя предупреждал, что все твои затеи с цикличностью при нашей кровле — рискованное дело!

Рогов мельком провел лучом по сухонькому рябоватому лицу Семена, словно вычеркнул его из разговора, и отрывисто стал выпрашивать мастера про обстановку в забое.

Мастер доложил.

— А кто это разрешил вам нарушать технологию? — сдерживая закипевшую ярость, сказал Рогов. — Почему вы... не посадили лаву?

— Что же я могу? — удивился мастер. — Начальник участка приказал делать еще две отпалки. Я ему говорю: «Полползет кровля», а он свое: «Пали!» Вот и... — мастер махнул рукой.

---

¹ Квершлаг — горизонтальная горная выработка, идущая поперек пласта полезного ископаемого и соединяющая штреки; штрек — выработка по простиранию пласта.

Участок этот в район Рогова был передан только на прошлой неделе. Кое-что за это время успели сделать — например, восстановили обрушенную лаву, о которой только что доложил мастер. Тем досаднее был этот случай.

В просеке Рогов услышал, как в аварийном забое кто-то спокойно тюкает топором.

— Забойщик, наверное, — ответил мастер на молчаливый вопрос инженера.

— А вы куда смотрите?

— Так он же сам...

Рогов чертыхнулся и трубно крикнул в лаву:

— Эй, кто там? Быстро вниз!

Запущала по скату угольная крошка, и через минуту в узкую арочку протиснулся щупленький пожилой человек. Аккуратно отряхнув колени, он присел у стенки, весело поблескивая глазами. Это еще более взбесило Рогова.

— Кто такой?

Забойщик кашлянул.

— По фамилии Некрасов.

— Что делаете в аварийном забое? Кто за вас должен отвечать? — закричал Рогов, чувствуя, как кровь прилила к лицу.

Забойщик снова кашлянул.

— Не надо за меня отвечать. Я там больное место клетками подхватил. Лава, пожалуй, угомонится...

Спокойные слова и ясный веселый взгляд забойщика охладили гнев Рогова. Уже спокойно он спросил:

— Коммунист?

— Состою.

— Передайте группарторгу, чтобы зашел ко мне. Скажите, что районный инженер просил.

— А когда зайти?

— А это уж он выберет время.

Забойщик встал.

— Группарторгом я буду... Так что не сомневайтесь.

Рогов невольно потупился под его прямым, отечески снисходительным взглядом, в котором так и сквозило: «Эх, сынок!»

...Через два часа они встретились в мойке. Рогов умышленно стал под душ рядом с забойщиком. Тот, очевидно,

понял его внутреннее движение, может быть поэтому спросил:

— Мыла не требуется?

А заговорили по-настоящему уже в раздевалке.

— Покричать, оно, конечно, можно, — сказал он, надевая аккуратно разглаженный костюм. — Это вроде как отдушина для сердца. Я сам иной раз покомандую над старухой и сплю после того, как дух свят. Только ведь бывает, что и бестолку криком исходят.

Прощаясь, Рогов с удовольствием пожал руку забойщику.

— Нет, ничего, — успокоил тот, — я к вам с большим уважением. Давненько приглядываюсь.

Г Л А В А Ш И

Надвигался вечер. Меркнул розоватый холодный свет на дальних приречных холмах. А с востока, из-за горы, медленно ползла серая угловатая туча.

Сегодня суббота, — на улицах оживление, народ идет в клуб и просто погулять, подышать последним летним теплом. Вот прямо против окна остановилась группа шахтеров с «Капитальной». Не слышно, о чем разговаривают, но разговор, очевидно, очень горячий и дружеский.

И вдруг острая тоска охватывает Рогова. Ему вот не с кем сегодня поговорить. Сам, конечно, виноват, что до сих пор не смог прочно врасти в шахтерский коллектив.

Как нехватает Вали! Взял бы ее сейчас за руку, заглянул бы в глаза и сказал всего одно слово...

Рогов повертывается от окна, идет к вешалке, берет кепку и, ступив через порог, плотно захлопывает за собой дверь. Какая досада, что не спросил у забойщика Некрасова адреса — сходил бы к нему, чего лучше. А тут вот остался один на один со своими думами...

В клубе не оказалось никого знакомых, и он уже собирался уходить, когда столкнулся с техником Аннушкой Ермолаевой. С ней он уже много раз встречался в техническом отделе шахтоуправления.

— Мне жалко вас стало, — приветливо улыбаясь, призналась она. — Стоит такой большущий... Наверно, ду-

маю, потому и стоит на месте, не двигается, что боится наступить на кого-нибудь.

— Это почти правильно! — засмеялся Рогов. — Если судить по вас — народ здесь некрупный.

Девушка смотрела на него снизу вверх, и от этого лицо ее, чистой матовой белизны, казалось немного торжественным.

Даже вот так, вблизи, она походила на девочку. Фигурка тоненькая, перехваченная в талии цветным пояском, светлые глаза, затененные густыми ресницами, широко открыты, в них веселое любопытство; пышные каштановые волосы заплетены в тугую косу. Но стоило присмотреться к этой слабой на вид девушке, к тому, как смело развернуты ее плечи, как иногда упрямо сжимаются ее губы, как она независимо вскидывает свою маленькую голову, стоило присмотреться — и сразу перед вами вставал сложившийся человек.

Услышав звонок, она заторопилась.

— Дайте руку, Павел Гордеевич, я вас проведу в зал.

Когда сеанс окончился и они вышли из клуба, Аннушка была молчалива. Они остановились на деревянном мостике через речушку.

— Как это хорошо! — вздохнула девушка.

— О чем это вы?

— Да вот, есть такие кинокартины: когда смотришь, смеешься, а потом думаешь, как о большой правде... А как вы себя чувствуете после войны? — неожиданно спросила она. — Я слышала разговоры на шахте: одни за вас, другой против. Одни говорят — дельный, другие — беспокойный. А на самом деле, какой вы?

— Какой я? — Рогов помедлил. — Такой же, как все.

— Как Дробот?

Рогов невольно рассмеялся.

— Ну, это, знаете, довольно зло! Не знаю, хуже или лучше, но не такой, как Дробот.

— А скажите, вам не скучно на руднике?

— А если скажу, что скучно?

— Я не поверю.

— Почему?

Аннушка вздохнула, поправила на плечах косынку, огляделась вокруг и заговорила быстро, полушопотом:

— Потому что нет лучше места на земле, чем наш рудник! Понимаете? Нет! Все здесь новое, молодое, сильное... И люди, и работа, и даже песни как-то лучше поются.

— А еще почему?

— И еще... я здесь жить начала по-настоящему, повзрослому.

Рогов полюбопытствовал:

— Сколько же взрослому человеку лет?

— Девятнадцать! Видите? Но разговор о вас...

— Точнее, о руднике, — поправил Рогов и замолчал.

Речка сонно болтала с прибрежными камнями. Ночь летела над теплой землей. Большая оранжевая луна висела над гребнем невысокой горы. Гудели моторы на эстакадах ближней шахты. На путях трудолюбиво пыхтел маневровый паровозик. В нагорных улицах девичий хор выводил проголосную песню. От всего этого повеяло таким покоем, таким миром, что Рогов невольно затаил дыхание. И даже не заметил, как заговорил, медленно, убежденно:

— Аннушка... хорошие вы слова сказали, но я сказал бы их иначе: нет лучше места в мире, чем наша большая земля... Своя земля. На тысячи верст своя земля. Вот в чем главное. Поэтому и рудник дорог, и шахта, и люди. Вот сейчас ночь, тишина... А вдруг бы мы с вами совершили сейчас невозможное — ухватились бы за край кузбасской земли у подножья Алатау и приподняли бы его... А? Посмотрите-ка, что мы увидели бы! Ночь, а сразу над землей стало светло. Видите, сколько забоев, сколько людей, слышите, какой грохот поднимается к самому небу?

Рогов вздохнул, ссутулил плечи и закончил немного будничным тоном:

— А вот эти огни слева — это наш рудник. Но что это там делается, на «Капитальной»? Посмотрите! В некоторых лавах темно. Почему там не работают? А недалеко от рудничного двора стоит целый состав, груженный углем. Почему он стоит? Почему машинист не торопится? Ну как тут не поругаться с начальником подземного транспорта?

Аннушка засмеялась негромко.

— Начали вы стихами...

— А кончил прозой? — подхватил Рогов. — Вот вам и сказ весь — почему я беспокойный.

— Это хорошо... — девушка зябко повела плечами. — Верно вы сказали... Значит, вам не может быть скучно!

Рогов отшутился:

— Давайте о чем-нибудь другом.

— О чем же? О звездах я не умею.

— Я тоже.

— Тогда помолчим, хотя Коля Дубинцев часто мне говорит, что я не умею молчать.

— Коля Дубинцев?

— Да... техник... Теперь на вашем пятом участке работает горным мастером. Разве вы не знаете? Это... — она на секунду замаялась, а потом решительно добавила: — Это мой близкий друг.

— Знаю! — вспомнил Рогов. — Такой невысокий, физкультурник. И глаза... В глазах у него так же светит, как в камешке на вашем кольце?

— Вот-вот! — обрадовалась Аннушка. — Хороший ведь, правда?

И оттого, что вопрос этот прозвучал как признание, она смутилась и тут же попросила:

— Проводите меня, Павел Гордеевич.

Пошли по зыбкому дощатому тротуару в пятнистой лунной тени. Рогов вдруг вспомнил, что послал Дубинцева в шахту не по графику, а вне очереди. Дело было совершенно неотложное, но, подумав сейчас об этом, он даже плечами передернул: выходит так, что он отправил парня в шахту, а сам разгуливает с его девушкой, на луну вздыхает. Смена кончается в двенадцать ночи, еще, чего доброго, встретится этот Коля — совсем красиво получится.

Он наскоро простился, прошел немного по улице и вдруг затосковал. Отчего бы это? Тридцать лет? Чепуха! Может быть, оттого сосет под сердцем, что не все благополучно с работой? На такой вопрос трудно ответить — шахта не оранжерея: ее не выравняешь под линейку. Да и нужно ли ее выравнивать? Разве в этом дело? А кончать с рутинной на шахте нужно. И чем скорее, тем лучше!

Быстро дошел до своего дома, но тут заметил свет в окнах маркшейдера¹ Хомякова и постучался к нему.

---

¹ Маркшейдер — специалист по геодезическим съемкам горных разработок.

Соседи чаевничали. У них были гости — районный инженер Нефедов и племянница хозяйки Оленька Позднякова.

Маркшейдер отложил в сторону газету, вздернул очки на загорелый узкий лоб и пригласил к столу.

— Вот, извольте-ка, с вареньем... — пододвинул он граненую синюю вазочку. — Собственноручное Марии Дмитриевны...

Рогов и сам не понимал, что его привлекало в супружеской чете Хомяковых. Старики жили тихо и незаметно. Маркшейдер увлекался международной политикой, часто целыми часами рассуждая по самому, казалось бы, незначительному поводу. Жена его, Мария Дмитриевна, слушая пространные речи мужа, обыкновенно во всем соглашалась с ним и шумно вздыхала.

Инженера Нефедова Рогов застал здесь впервые. Это был человек страстной приверженности к своему делу, стремительный, запальчивый в речах, когда защищал в чем-нибудь «свой район», «свой план», «свои бригады». Немного грузноватый, коротконогий, он день и ночь носился по шахте, что-то разыскивая, устраивая, перемещая. На лице его постоянно можно было видеть и радость, и удивление, и тревогу, словно он только что совершил потрясающее открытие и не знает, куда с этим деться. Рогов с ним часто встречался, но разговора по душам до сих пор не случилось.

Оленька Позднякова — стенографистка местной газеты — всегда имела в запасе самые свежие, самые разнообразные новости, но на изложение их у нее обыкновенно не доставало терпения и последовательности, от этого новости выглядели немного встрепанно.

Вот и сегодня за каких-нибудь пять минут Оленька успела сообщить об итогах сессии Генеральной Ассамблеи, о том, что Украина успешно заканчивает уборку хлебов, что на экраны вышел новый фильм, что железная дорога Барнаул — Сталинск — Абакан будет проложена в десяти километрах от рудника, что мотористка девятой шахты Есаулова родила тройню, что редактор городской газеты заболел гриппом, а господин Черчилль разразился очередной антисоветской речью.

Выпалив все это одним духом, Оленька с неменьшим вдохновением принялась жевать домашний коржик, а Герасим Петрович пустился в пространные рассуждения по

поводу новостей племянницы. Нефедов улыбался, заложив руки за спинку стула, прижав подбородок к плечу, словно разглядывал что-то диковинное.

Рогов обыкновенно ограничивался скупыми замечаниями, но сегодня была какая-то внутренняя потребность выговориться. Едва маркшейдер коснулся поведения англо-американских союзников на Генеральной Ассамблее, как он прервал его, сказав, что наших, советских дипломатов нужно поддерживать в их нелегкой борьбе настоящими большими делами.

— Совершенно правильно! — быстро согласился Хомяков. — За нашими дипломатами двухсотмиллионный народ!

— Во-во! — вдруг обрадовался Нефедов.

— Я говорю не вообще о народе, а о руднике! — глухо перебил Рогов и положил на край стола крупные кулаки. — Я говорю даже не о руднике, а о нас, о том, как мы работаем и как должны работать... Скажите откровенно, Герасим Петрович: неужели вы не видите, как неважно действуют даже те шахты, которые выполняют план?

— О! О! — воскликнул Хомяков словно в испуге. — Я знаю, Павел Гордеевич, что мы неважно работаем! У меня у самого иной раз кулаки чешутся — так повоевать хочется. Только я не знаю, против чего воевать!

— Против рутины! — почти выкрикнул Рогов, отчего хозяйка вздрогнула, а Оленька удивленно посмотрела на гневное лицо гостя.

— Во-во! — снова обрадовался Нефедов и необычайно быстро, как-то всем телом, повернулся к Рогову.

— Рутиня — это не конкретно, — уже спокойно заметил Хомяков.

Рогов отодвинул стул и крупным шагом прошелся по комнате.

— Разве так можно дальше? — спросил он и рубанул ладошью: — Нельзя! Все это время я доискивался причины: почему производительность труда на шахтах растет так медленно и даже кое-где падает...

— Надо бы с шахтерами посоветоваться, — вставил Герасим Петрович.

Рогов остановился, развел руками.

— Так я же советовался! Понимаете? С десятками

людей переговорил. Они-то меня и натолкнули на выводы, которые теперь не дают спать.

— А что же все-таки основное в ваших выводах? — Нефедов взглянул на Рогова осторожно, словно заранее сомневаясь в его правоте.

— Что? Цикл — вот основное! Порядок железный — вот что! Простор для осуществления самых широких замыслов.

— Все придет в свое время, — коротко заметил Хомяков.

— Придет? — глаза у Рогова как будто даже позеленели. — Ну, нет! Пусть кто-нибудь другой спокойно въезжает в коммунизм — нам с такими не по пути. Да и не позволит никто нам быть пассажирами. В случае чего, не постесняются — попросят: «Подождите, граждане, есть грузы поважнее!» Вот как!

— Чорт! А ведь правильно! — громко рассмеялся Нефедов. — Но цикл-то, цикл, Павел Гордеевич?..

— Что? — не понял Рогов.

— Как, что... сами же знаете, как у нас трудно с этим. Забойщиков нехватает...

— Сказки! — резко перебил Рогов. — Сказки, Василий Васильевич! Уж кому-кому, а вам-то это лучше других известно. Подождите... — Вынув из кармана потертый блокнот и раскрыв его, он отдельно прочел: — Всего забойщиков сто два, должно выходить на смену семьдесят шесть, выходят — шестьдесят три — шестьдесят четыре. Это данные...

— По моему району! — торопливо вставил Нефедов.

— А куда у вас пропадает двенадцать — тринадцать забойщиков ежемесячно?

— Настоящее производственное совещание, — ухмыльнулся Хомяков и весело подмигнул сразу заскучавшей Оленьке.

Рогов и Нефедов не расслышали этого. Они теперь стояли друг против друга. Рогов говорил не двигаясь, слегка наклонив голову, зато Нефедов ходуном ходил, руками размахивал, а широко расставленные карие глаза его то гневались, то смеялись.

— Вы немного академик! — настойчиво повторял он. — Честное слово, не отпирайтесь, вы академик! Вы утверждаете только одно: «как должно быть». Так кто же

не знает таких прописных истин, как нормы выхода забойщиков? Но ведь это же шахта. Я отправил на участок десять забойщиков — прямо в лаву, а тут, как на грех, штрек давануло — где взять рабочих?

— Из забойщиков? — удивился Рогов.

— Конечно. Один-два человека с угля неизбежно снимаются.

Рогов покачал головой.

— Василий Васильевич, за какой срок, по-вашему, наша шахта выполнит пятилетку?

Нефедов недоуменно подняв взгляд на собеседника.

— Не понимаю, какая здесь связь с забойщиками? И как это — за какой срок? За пятилетку, конечно.

Рогов повеселел и отрицательно покачал головой.

— Инженер районный! А если за четыре года? А если за три с половиной?

Нефедов хотел что-то возразить, потом оглянулся на маркшейдера и пожал плечами.

— С этим я вас отсылаю к Дроботу. Знаете, что он скажет?

— Знаю. Он скажет: «Но ведь на соседних шахтах не ломают над этим голову?»

— Значит?

— Все то же: воевать!

На шахте загудел одиннадцатичасовой. Нефедов заторопился на дежурство. Прощаясь, еще раз переспросил:

— Значит, воевать? А добровольцы потребуются? Тогда вот что... — он помолчал и вдруг сказал шопотом: — Я, Павел Гордеевич, сегодня ведь с умыслом зашел сюда на огонек, знал, что бываете у соседей.

После ухода Нефедова немного помолчали. Рогов допил чай и, поблагодарив хозяев, вышел на балкон.

— Слышала, о чем кричали? — спросил Хомяков жену и нетерпеливо потеревил жиденький хохолок над своим высоким лбом.

— Слышала, — добродушно отозвалась старушка, — сам-то хорош; что ни день — то новость: и то не так, и это не по тебе... А тут еще со своей машиной покоя не даешь...

— Тсс!.. — Герасим Петрович испуганно оглянулся в сторону Рогова. — Ты с ума сошла, матушка! Нельзя же смешивать стариковскую затею с этим... ну, с настоящей жизнью.

— А ну тебя, — отмахнулась Мария Дмитриевна, — воз бумаги перепортил на одни чертежи.

Герасим Петрович сделал большие глаза и схватился за голову.

— Ну, что такое ты говоришь, не понимаю. Куда мне с молодыми? — Он вздохнул, а потом кивнул в сторону Рогова: — Ты посмотри, мамочка, какие люди у нас: ставь такого министром — не ошибешься.

— Красивый мужчина, — неожиданно сказала Мария Дмитриевна.

А Оленька засмеялась.

— Ну уж!

— А ты не крути носом, — строго сказала старушка, — ему ведь тоже не легко, одинокому-то.

Рогов стоял у балконного столбика. Опять беспокоится сердце, спешит куда-то... Куда же? Только не за синие моря, не за высокие горы, не за дальние земли, по которым столько вышагал за годы войны.

На мгновение показалось, что он все еще стоит у вагонного окна и со щемящей тоской ищет взглядом очертания знакомых гор, видит зеленые сумерки в падах и изогнутую, как древний гигантский меч, излучину Кондомы. Так ведь вот же все это, вот! И горы, и пады, и Кондома — стоит только протянуть руку, и притронешься к земле, которая подняла на ноги, сделала человеком, толкнула первый раз сердце.

Внизу, в садике, остановились двое. Ночь такая светлая, что и с балкона видно бледное сиянье на их лицах. Парень кладет руку на плечо девушки и говорит нерешительно:

— Знаешь что, Аннушка?

Рогову кажется, что даже он совершенно отчетливо видит лицо девушки, нет, не все лицо, а только округлость щеки и маленький подбородок. Она стоит, полуотвернувшись, словно ждет, что ей сейчас скажут, и в то же время как будто не ждет, а просто задумчиво смотрит вверх шахтных огней.

— Ты знаешь, Аннушка?.. — еще тише повторяет парень.

— Не надо... — чуть внятно отвечает девушка. — Не надо, не говори, я все знаю...

Видно, как она поднимает его руку и прижимается к

ней щекой, а потом говорит неразборчиво, очевидно очень ласковые слова, потому что они счастливо смеются и, обнявшись, выходят из садика. У самой калитки парень вдруг останавливается и громко, будто забыв обо всем на свете, говорит:

— Если бы ты знала, Аннушка, как я буду теперь работать!

Рогов усмехается: только сейчас он понял, что техник Дубинцев нашел все же Аннушку.

— Природой любуетесь, Павел Гордеевич? — окликнула от двери Оленька.

— Нет, — не оборачиваясь, ответил Рогов, — просто шахтеру положен воздух по первой категории.

Прямо с балкона он прошел в свою большую комнату. Включив свет, постоял у стены, потирая виски. Вот ведь какой крутой вечер! Ни кино, ни разговор с Аннушкой, ни беседа у Хомякова — ничего не помогло. Нужно, очевидно, чем-то заняться. Порылся на этажерке среди книг. Почитал с полчаса, но повесть оказалась до того легко сделанной, что стоило только закрыть страницу, сразу забывалось все, о чем шла речь.

И вдруг в дверь постучали. Открыл, неторопливо принял телеграмму, но как только посыльный вышел, рванулся к свету:

«Диплом защитила. Осенью буду проездом. Валя».

Рогов сел у стола и, положив голову на ладони, плотно закрыл глаза.

ГЛАВА IV

Преддипломную практику в 1944 году Валя проходила в одной из геологических экспедиций Западно-сибирского филиала Академии наук. Наступала осень, работы свертывались, и вдруг пришла эта страшная весть о смерти матери. Пришибленная ею, Валя торопливо собралась, но когда приехала в город, все уже было закончено. Маленький потемневший домик на Иркутской хмурился из-за голых акаций завлакавными по-осеннему окнами. Дочь соседей, Нина Сорокина, временно жила в тихих, опустевших комнатках.

Валя приехала вечером. Уставшая и опустошенная, не раздеваясь, она часа два просидела в полутемной спа-

ленке. Ни о чем не расспрашивала, да и некому было бы, кроме Нины, рассказывать о последних днях матери. Но Нина тоже молчала, не зная, нужно ли к этому приступать. Наконец она несмело заглянула в дверь.

— Валя, если вам что-нибудь...

— Нет, благодарю вас... Я вот умоюсь... — Валя хотела сказать: «и лягу спать», но вдруг ужаснулась своей черствости, растерянно оглянулась и только сейчас с беспощадной ясностью представила себе, что никогда больше к ней не придет и не сядет рядом мама.

...Утром она прибрала квартиру и пошла в Геологическое управление, чтобы поговорить о работе, решив затем попросить в институте годовичную отсрочку по дипломному проекту. Старший геолог управления, шестидесятилетний седенький. Вакшин, внимательно выслушал Валу и предложил пока обрабатывать некоторые материалы прошлогодних экспедиций.

Работа почти не занимала ее, но давала возможность немного отойти от себя, от своего горя. Однажды в геологическом музее она познакомилась с профессором Скитским, Василием Пантелеевичем, неутомимым исследователем Западно-сибирской низменности. Близко знавшие его говорили, что это «работяга и умница». Человек лет тридцати пяти, одинокий, Скитский сразу нравился людям и внешностью и откровенной ясностью суждений.

Шли холодные дожди вперемежку со снегом. Валя засиживалась на работе допоздна. Скитский как-то проводил ее до дому, потом еще два раза они оказались попутчиками. Однажды Валя пригласила профессора зайти обогреться. Пока она хлопотала на кухне, приготавливая ужин, Скитский ходил по комнате, с удовольствием растирая озябшее лицо, и рассказывал о последних фронтовых новостях, только что слышанных по радио.

После чая он курил и, чуть прищурив глаза, поглаживая короткими сильными пальцами подбородок, делился с Валею обширными планами исследовательских работ на лето: руды Салаирского края, полиметаллы Горной Шории, чугунашский марганец... Не сегодня завтра — и в первую очередь с геологов — спросят, почему до сих пор Кузбасс пользуется чистурской марганцевой рудой?

— У нас спросят! — На минуту лицо Скитского стало неузнаваемо жестким; он поглядел на Валу и глухо вы-

говорила: — Извините, вам скучно от этих геологических излияний...

— Василий Пантелеевич! — Валя невольно выпрямилась. — Почему?

— Лицо у вас...

Валя медленно покачала головой.

— У меня было большое несчастье, Василий Пантелеевич.

Несколько секунд он смотрел на ее вдруг задрожавшие руки, потом поднял взгляд, хотел, очевидно, спросить о чем-то, но спросил только уже перед уходом: что ей дает работа, надолго ли она оставила институт?

— Что мне дает работа?.. — Валя помедлила. — Она меня успокаивает... — Еще помедлила и вдруг насторожилась: — А что?

Скитский криво усмехнулся.

— Читал я вашу записку по итогам Томь-Усинской экспедиции: ни одной взволнованной мысли, ни одного страстного утверждения... — Резко закончил: — Холодная ученая тарабарщина!

После ухода профессора она долго сидела, охватив холодными пальцами шею, прислушиваясь к своим беспокойным мыслям. Уже недели полторы от Павла не было писем. Случалось это и раньше, но такой тревоги никогда не было. Неужели навсегда замолчал? Павел?

Резко встала. Боже мой, как она может раскисать до такой степени!

«Холодная ученая тарабарщина!»

Валя невольно оглянулась, словно только сейчас услышав эти слова: «Холодная тарабарщина...» Как это стыдно!..

Утром попросила вернуть ей записку о Томь-Усе, пересмотрела ее, вчиталась в каждую строчку. Сколько чужих, нехороших слов: «Нужно полагать...», «Едва ли справедливо утверждение...», «Вызывают сомнение несколько основных положений...»

А люди мучились в таежных дебрях верхней Томи, боролись с непогодой, с гнусом, радовались маленьким открытиям, за которыми им уже виделись почти сказочные богатства нового угленосного района. И вот к этим горячим мечтам прикасаются чьи-то равнодушные руки, и краски меркнут...

С какой-то радостной болью Валя уничтожила свою записку и в несколько ночей написала все заново. А потом, когда начальник партии хвалил ее за смелые выводы и радовался новой союзнице, она не знала, куда деться от горького смущения.

Скитский обо всем знал, но больше и словом не обмолвился по этому поводу...

Несколько раз они вместе ходили в театр. Валя осуждала себя за то, что ей доставляло удовольствие видеть, как этот большой, умный человек, обращаясь к ней, все больше робеет, как легкий румянец вспыхивает при этом на его смуглых щеках. Он ухаживал за Валей, но делал это так неловко, по-мальчишески, что она не могла ни обидеться, ни выговорить ему за это. С ним было спокойно, по крайней мере Валя не замечала, чтобы присутствие Скитского мешало ей думать о Рогове. Она не замечала и того, что все чаще думает о самом Скитском, что рядом с ним далекий образ Рогова порой затуманивается, что в этом образе стираются какие-то характерные для Рогова черточки. Она не замечала, что присутствие профессора, его высоко организованная воля, ясность мысли безотчетно привлекали ее. Она все чаще говорила себе: «Надо посоветоваться с Василием Пантелеевичем», «Спрошу об этом Василия Пантелеевича», или, принимая какое-нибудь решение, спохватывалась: «А вдруг это не понравится Василию Пантелеевичу?»

В январе Советская Армия шагнула к Одру. Стояли морозы. Валя была напряжена до предела. Сердце рвалось за каждым письмом к Павлу. Работала лихорадочно, целыми днями не отрываясь от геологических карт, от записок, от образцов геологических пород.

После двухнедельного перерыва осенью Рогов снова писал очень часто, но кто же мог поручиться, что непрочная цепочка из писем не оборвется? В скурых сводках Совинформбюро сообщалось о стремительном продвижении на запад тысячекилометрового фронта, о тяжелых боях, о многочисленных трофеях и пленных. Рогов писал:

«Сегодня ночью отдыхали в одном польском фольварке. Свободных помещений не оказалось — спали на

сеновале. А ночью обнаружили, что под нами, в сене, тоже отдыхает целое отделение гитлеровских автоматчиков. Пришлось немного повозиться, недоспали».

Прочитав этот лаконичный рассказ, Валя почувствовала, как у нее похолодели плечи.

В феврале писем не стало. Однажды Валя пришла к Вакшину. Попросила:

— Хотела бы еще какую-нибудь работу.

Вакшин фыркнул.

— У вас же и без того по трем отделам?

— Я хотела бы еще что-нибудь делать! — повторила она.

Старый геолог раздраженно повертелся на стуле, несколько раз мельком глянул в лицо девушки и, наконец, выхватив из стола папку с бумагами, перелистал их. Валя склонилась рядом. Но Вакшин спросил вполголоса:

— Он в Польше? Молчит?

Она кивнула. Светлое, солнечное окно перед ее глазами затуманилось, изломалось.

— Молчит... месяц уже молчит.

Вакшин прикоснулся сухонькой ладонью к ее плечу.

— Сын у меня тоже... молчит. Валя, вы стисните зубы... А работы сколько угодно...

Она попрежнему аккуратно через день писала письма Рогову и так же аккуратно получала их обратно с пометкой: «Адресат выбыл».

Иногда забегала Ниночка Сорокина, осторожно спрашивала:

— Валя, все еще нет? — и вздыхала: — Мой тоже целую неделю молчит...

В серебряную пору снеготаяния даже дышать стало трудно — так велико было внутреннее напряжение. Боялась каждой свободной минуты. В дополнение к основной работе взялась готовить материалы еще до двум смежным отделам. С утра и до самого позднего часа сотрудницы видели ее гладко зачесанную светлую голову, склоненную то над столом, то над чертежной доской или в геологическом музее над образцами пород.

...И в тот майский золотистый день она, как обычно, очень устала. Привычным движением повернула ключ в замочной скважине, осторожно открыла бесшумную

дверь, глянула на маленький коврик у входа — письма снова не оказалось. Поглядела на часы — без пяти шесть. Торопливо включила радио, присела к окну и мучительно напряглась.

Внешне все как будто было так, как год и два года назад, но в душе росло что-то большое, копившееся уже давно, что нельзя было назвать точным словом. Сердце отстукивало последние часы перед победой.

Из окна не видно, как солнце все ниже опускается к дальним землям, только розовый свет на крышах соседних домов делается все тоньше, прозрачнее, поднимается и плывет в недостижимой высоте.

Позывные в репродукторе оборвались. Секундная пауза, а потом привычный голос сказал в вечерние сумерки:

— Говорит Москва!

Валя комкает косынку на груди. Да, все идет, как должно. Занят Дрезден. «При выходе на Эльбу наши войска...» Сколько еще рек в Германии?

Больше не было сил сидеть неподвижно. Толкнула створку окна. Не видно еще ни цветов, ни травы, но легкие теплые запахи тревожат сердце.

Без стука вошла Ниночка Сорокина, тихонько присела рядом, смиренно сложила руки на коленях, потупилась, чтобы скрыть покрасневшие веки.

— Я, наверное, самая несчастная, Валя... целую неделю ни строчки...

Дрогнули пальцы ее рук, лежавшие на коленях.

Потом Валя включила свет, Нина развернула два последних письма и прочитала вслух, прислушиваясь к каждому слову. По маленькой карте проследили далекий и трудный путь солдата и согласились, что некогда было ему писать в последнее время. Помолчали.

— А у тебя как? — Нина несмело заглянула в глаза. — Валя?..

Ответила тихо, втянув голову в плечи:

— Устаю очень...

— Все еще ждешь?

Помедлила немного, потом выпрямилась, упрямо приподняв лицо.

— А как же иначе жить? — Резко дернула штепсель из розетки.

Нина первой не вынесла тишины. Заторопилась.

— Ты прости, Валя... я всегда такая неосторожная... Я пойду. Иногда ведь письма по вечерам приносят.

Валя снова включила радио. Эфир молчал в шорохах, в свистах. Но и само молчание и шорох несли в комнату волны высочайшего напряжения.

Сегодня все равно не уснуть, как почти все эти ночи после падения Берлина. Долго ходила от окна до двери, а памятью шла по строчкам давно заученного письма:

«Так жалко, что не увидел тебя. Когда поезд повернул от Юрги на запад, а ты осталась на востоке, в Томске, сердце у меня как будто оборвалось. Встречу ли снова? А потом мне было очень некогда. Десятки боев, гибель товарищей, истерзанная земля... Во мне что-то обуглилось. Мне тогда казалось, что я редко вспоминаю о тебе, но теперь-то знаю, что ты всегда была со мной».

И совсем недавно он писал:

«До Берлина осталось 68 километров. Одер — мутная чужая река. Очень много работы. А какое ты платье носишь?»

Неужели это письмо в феврале писано? Как давно...

Или сон смежил веки, или просто какое-то бессилье опустилось на память. Вскинулась на тихий стук в дверь.

Вошел старичок почтальон, подал квадратик свернутой телеграммы. Испугавшись, что сейчас же неудержимо, вголос, расплечется, Валя негнушными пальцами приняла телеграмму и, не распечатывая, положила ее на угол стола. Почтальон долго копался в сумке, отыскивая квитанцию. Потом он ушел.

Думала, что нехватит сил притронуться к телеграмме. Но это продолжалось всего секунду. Между двумя короткими вздохами развернула бумажный квадратик и прочитала: «Был тяжело контужен. Теперь все хорошо. Не унывай. Павел».

Плохо помнила, как подошла к окну, как долго стояла, прислонившись щекой к стеклу. Незаметно села. В опущенных кистях рук тяжело билась кровь. Уже синело над черепицей ближнего дома. Положив голову на подоконник, так и уснула с лицом, обращенным в рассвет.

Солнце пригрело веки. Золотой квадратный столб света косо ложился на разноцветный половичок. Радужный зайчик от зеркала вздрагивал на непомятой подушке.

В руке Валя попережнему сжимала листочек телеграммы. Каким легким было это раннее пробуждение.

Совсем близко, по ту сторону окна, смеялось мокрое от слез личико Нины.

— Чудная!.. Какая чудная ты, Валя! Что ж ты спишь?!. Мы же это утро четыре года ждали! Сердце... Что с моим сердцем делается, Валя! А на улице!.. Посмотри, даже земля поет!..

Сколько было народу на улице в эту синюю солнечную рань! Какие звонкие песни! Напротив, прямо на кирпичной ограде, двое мальчуганов писали известью, огромными буквами:

«Победа!»

...Валя прождала весь май. Скитский сразу же после Дня победы принес ей букет душистых подснежников и с доверчивой улыбкой положил на стол.

Валя призналась:

— Василий Пантелеевич, я очень счастлива... я так счастлива!..

— Рад за вас, Валентина Сергеевна. — Скитский бережно пожал ей руку...

Рогов приехал неожиданно, как раз в тот день, когда Скитский вылетал самолетом в Кузбасс.

ГЛАВА V

Что ярче всего запомнилось из событий в те весенние дни? Может быть, древняя крепость в Кузнецке, ослепительный, как начищенная сталь, разлив двуречья, ветер, скупое на тепло, но очень молодое солнышко, голубые далекие горы, и снова ветер, ветер... И еще неизбывная радость в милых глазах?

Да, но со всей силой это захватило еще раньше, когда он впервые после долгой разлуки сошел на перрон новосибирского вокзала.

Поезд прибыл утром. Рогов выбежал на широченную привокзальную площадь и удивился: ого, как здесь земляки размахнулись! Колоссальное здание вокзала, насквозь пронизанное утренним солнцем, кажется, плывет в синеватом мареве.

Но Рогову уже не стоялось. Нетерпение повлекло его

в тихие боковые улицы, все еще не мошечные, с акацией, черемухой в палисадниках, со шпалерами старых комолых тополей. Посмотрел на дощечку: «Иркутская». Легкий холодок радости коснулся груди. Слева, в зелени палисадника, увидел два небольших оконца, похожих на лесные озера. Одернул гимнастерку, шагнул к калитке, но тут же заметил, что по тротуару уходят двое. Мужчина среднего роста, помахивая шляпой, ведет под руку высокую девушку.

Сердце так рванулось, а глазам стало до того жарко, что он не выдержал, шумно выдохнул, как после подъема на гору:

— Валя!

Круто обернувшись, девушка быстро шагнула навстречу Рогову и заплакала. Но и в этом плаче, и в том, как судорожно, до боли, сомкнулись ее руки на шее Рогова, было столько радости, что сразу остались позади годы тоски и ожидания.

— Ну, что ты, Валя? — Рогов то целовал ее теплое, мокрое от слез лицо, то пристально, долгие секунды смотрел в ее большие лучистые глаза.

Потом она словно очнулась, заговорила, заторопилась.

— А ты?.. Ты не плачешь от счастья?.. Ты... какой-то совсем другой. От тебя ветром, солнцем пахнет, слышишь? — И, повернувшись к забытому спутнику, сказала вполголоса: — Вы видите, профессор, какая я счастливая... Счастливая! Это же мой Рогов!

Через день они уехали в Кузбасс. Так решил Рогов. Валя пробовала отговаривать.

— Нет-нет, — сказал он с веселым упрямством. — Что нам сейчас эти комнатки! Давай походим, подышим ветром... А?

Комнатки... Валя тогда удивленно оглядела свою маленькую квартирку. Она всегда с трепетной радостью возвращалась под родной кров, и вот сейчас ее невольно покорило мимолетное пренебрежение в тоне Рогова, когда он сказал: «Что нам сейчас эти комнатки!» А ведь именно в этих комнатках Валя целых четыре года прождала Павла, в эти комнатки вместе с ним пришло счастье.

...Побывали в Старо-Кузнецке на крепости. На серую

каменную стену взобрались в полуденный солнцеворот. Внизу, между берегом Томи и горой, раскинулись тысячи небольших деревянных домиков старого города. За реку и направо убегала ровная лента шоссе и линия трамвайных столбов. В пяти километрах поднимались каменные громады Сталинска. Дымил гигантский завод. Вверх по Томи, за Старо-Кузнецком, видны еще два завода, длинные корпуса которых издалека похожи на корабли, пустившиеся в дальнее плавание. Древняя крепостная стена из серого песчаника вздымается над широчайшим простором двуречья.

В синем небе стояло весеннее солнце. Шумели травы. Тело было легким, — казалось, раскинь руки в стороны — и полетишь.

Долго стояли рядом.

Потом Рогов взобрался на окраинный выступ стены и стал там, заложив руки в карманы. Упругий ветер заносил на сторону его темные волосы, летучие тени мелькали у него перед глазами.

— Вот это да! — говорит он, расправляя плечи, словно принаравливая свою силу к зеленым горным просторам. — Вот это да!.. — повторяет он медленнее и сейчас же хмурится: — А вот что мост через Томь до сих пор не перестроили, ни к чорту не годится! И ты понимаешь, Валюша, я сегодня только узнал, что управление Кузнецким трестом все еще находится в городе, а шахты вон где, — видишь конус терриконника? Это Байдаевка, до нее девять километров, а за нею — Абашево, Зыряповка... Не понимаю, как же они руководят работами? По телефону?

Спрыгнув к Вале, он вдруг предложил:

— Знаешь что, поплывем вверх по Томи! Я сегодня же достану катер.

...Четверо суток плыли вверх по Томи. Где-то недалеко от устья Мрас-су дневали на берегу. Утром Рогов купался в ледяной весенней воде. Вымахав на середину реки, кричал оттуда по-мальчишески звонко:

— Валюша, ну чего ж ты? Плыви сюда скорее!

Она зябко поднимала плечи и, улыбаясь, смотрела, как Рогов рассекал синее серебро воды.

Днем ловили рыбу, загорали, и о чем только не разговаривали. Невыносимо фальшивя, он пел и часто просил:

— Ну помоги же мне, я все слова забыл.

Вечером сидели у костра, ели уху и хвалили, хотя Рогов пересолил варезо. Потом молчали, глядя на догорающие головешки, на золотые огоньки где-то внутри углей.

В этот час Валя впервые спросила:

— Ты разве не устал на войне? Тебе не хочется тишины и хотя бы маленького покоя?

— Устал? — удивился Рогов. — Вот этим не грешен, честное слово, не хвастаюсь!

Она незаметно отстранилась и заговорила как будто о другом:

— Павел, подумай все же об аспирантуре. Очень советую. Ведь творческая, научная работа — это такая ширь неоглядная... Подумай, Павел. А потом мы же вместе будем. Я так хочу этого... Я не могу больше... без тебя!

Теплое короткое дыхание коснулось лица Рогова, он сжал ладонями щеки девушки, заглянул, как только мог поглубже, в ее глаза, в которых теплились золотые тени от догорающего костра.

— Родненькая моя! Мы же вместе, ты и так рядом со мной. Нам еще столько жить!

Вскочив, он бросил в костер беремя сухого хвороста и, подняв лицо, долго смотрел, как искры огненным смерчем взвивались к черному небу.

— Вот подожди, Валя, — сказал он после раздумья, — мы еще будем строить шахты здесь, где ночуем сегодня. И какие шахты! Тут, поблизости, удивительный Томь-Усинский бассейн. Закрой глаза и представь себе, как все здесь будет... Тайги нет, болота осушены, море огней, шум великой работы, сады, жилища человеческие. И... по секрету тебе скажу: наши детишки будут бегать в здешние школы!

Валя опустила темные здрагивающие ресницы и задумалась. Рогов стал незнакомо упрям, упорен. Ведь не однажды за эти дни она начинала разговор об аспирантуре, о том, что это позволит им быть вместе, что жизнь устраивать рука об руку необходимо сейчас же.

В первый раз Рогов ответил:

— Устраивать жизнь — это значит воевать за нее, учиться... А комнатки, столики, диванчики и цветы на окнах в свое время придут. Он немного замешкался и тут же усмехнулся. — От этого, знаешь, человек тяжелеет раньше времени.

Во второй раз он удивился!

— Валя, но ты же не можешь думать, что жизнь и работа врозь, разумеется временно, помешает нам принадлежать друг другу? Ведь ты этого не думаешь? Тогда почему в твоих глазах такая забота?

И вот сейчас он опять сказал не то, и, может быть, поэтому Валя испытала к нему что-то похожее на досаду. А потом в памяти ее встал Скитский — такой, каким она привыкла видеть его за последний трудный год, — внимательный, чуткий, ясный...

Легли спать в маленьком шалаше из сосновых ветвей. Укутывая девушку, Рогов спросил:

— Тебе тепло? Ты не боишься?

Через несколько минут, когда он затих в своем углу, она вполголоса окликнула:

— Павлик? Ты меня любишь?

— Валя! — Рогов приподнялся. — Как я тебя люблю!

— Ну скажи еще раз об этом!..

Сквозь сосновые ветки, прямо над их головами светила синяя теплая звезда, и где-то совсем близко призывно кричала ночная птица. А ночь была темная, неслышная, земля казалась бесконечно широкой и ласковой.

...Рогову не сиделось на месте ни одного дня. Он часто повторял: «Я хочу посмотреть, как земляки развернулись, хочу поучиться жить». Или, сжимая руку Вале, перебивал себя на полуслове: «Посмотри, как земля молодеет, как застраивается! Просто руки чешутся!»

В Горной Шории, в Таштаголе, прямо со станции пошли на рудник. Валя и оглянуться не успела, как они перезнакомились с доброй дюжиной горняков. Осмотр поверхностных разработок был прерван сигналом к отпалке. Пока гремели взрывы, они сидели под дощатым навесом. Отдыхая, Валя смотрела вниз, на узкую крутую излучину Кондомы. А Рогов уже успел ввязаться в горячий спор с каким-то инженером.

— Извините, извините, вы ересь городите! — незлобиво перебивал он собеседника. — Коэффициент полезного действия врубовки на пластовых месторождениях равен... — Он быстро выхватил из кармана записную книжку, отыскал что-то и, подчеркнув, показал инженеру: — Видите?

Валя невольно рассмеялась про себя, вспомнив, что и в вагоне он так же напал на одного из спутников с вопросами, выкладками — обо всем забыл. А когда она его о чем-то спросила, оглянулся рассеянно: «Извините...» — и опять за разговор.

Все это очень привлекало в Рогове и в то же время настораживало: а хватит ли сил всю жизнь шагать с этим человеком по кручам, хватит ли сил? А вдруг нехватит?

Она знала, что сумеет сделать в жизни не меньше Павла, только вот поступь и какая-то внутренняя скорость у нее другие...

В короткие часы отдыха Рогов бывал ласково-задумчив, пристально смотрел на Валю. Она наклоняла голову и, прикрыв глаза, просила:

— Не смотри на меня так! Слышишь?

От Таштагола до приискательского поселка Спасск нужно было подниматься на перевал по петляющему шоссе. Когда долина Кондомы осталась далеко внизу, а прямо на востоке встала голубоватым конусом гора Шерегешь, Валя вдруг присела на скате придорожной канавы и, пожевав кудрявый липкий листочек малины, сказала сквозь смех:

— Честное слово, я устала, Павел. Ну что ты все время бежишь и бежишь? У меня и дыхания уже не хватает. Вот упаду где-нибудь, отвечать будешь.

— Но ты же геолог, землепроходец, — сказал Рогов и тут же добавил: — Ты очень тревожишь меня... Иногда мне кажется, что мы с тобой по-разному дышим, будто шагаем врозь... Я ошибаюсь? Тогда скажи — тебе дорого все, что волнует меня?

— Павел!.. — Валя темного подумала, потом упрямо потрянула головой. — Конечно, волнует, Павел, только я не умею лететь вперед, как ты, и мне просто нехорошо становится, когда ты забываешь обо мне даже посреди самых небольших дел.

— Небольших? — рассеянно переспросил Рогов.

Случилось так, что через неделю, уже в Сталинске, они снова говорили об этом, хотя тот и другой бессознательно откладывали разговор «на потом».

...Один из последних вечеров провели у инженера-металлурга — Ивана Сергеевича Домбицкого. Старый кузнец-строелец, страстный последователь знаменитого до-

хотел? Чтобы Валя была рядом? Да, это желание никакие силы не вытравят. Но сейчас этого нельзя сделать. А потом?

Словно угадав его думы, подошла Валя и оперлась о широкий мраморный подоконник. Как видно, ей хотелось что-то сказать, да не находилось нужного слова.

Внизу, в синих сумерках, терялась узкая перспектива улицы. Налево, по ту сторону площади, поднимался огромный семиэтажный куб жилого дома. И оттого, что в каждом его окне сиял одинаково бледный свет, дом казался созданным целиком из светящегося стекла. Валя чему-то улыбнулась и открыто глянула в лицо Рогова.

— Павлик, ты грустишь?

— Это другое, — качает он головой.

— А ты говори правду.

— Хорошо. Говорю правду. Да, мне грустно немного. После некоторых твоих слов, я просто не знаю, как будет дальше...

— Что ты имеешь в виду?

Он нетерпеливо шевельнул плечами.

— Я имею в виду нашу жизнь! Тебя постоянно мучают какие-то сомнения, так почему ты не говоришь о них прямо?

Валю как будто не удивил резкий тон Рогова, она спокойно возразила:

— Павел, разве нужны еще какие-то особые слова? Я же знаю теперь, что тебя никакие силы не оторвут от Кузбасса, от твоего дела... Я верю и в твою любовь ко мне... Насмотрелась на тебя за эти короткие недели. Только я сомневаюсь немного в своих силах... Понимаешь? Разреши мне самой во всем честно разобраться. Если я одна не сумею этого сделать... я позову тебя на помощь... — Она замолчала, оглянулась на Скитского.

На секунду Рогов добела сжал губы и наклонил голову.

— Ладно, Валюша, будем жить... Положи руку вот сюда, поближе к сердцу... Ты слышишь, как жизнь стучится?

В Новосибирск Валя уезжала утром. Перед отходом поезда они постояли с Роговым в тесном тамбуре. На прощание хотелось сказать друг другу что-нибудь значитель-

ное, чтобы запомнилось кто знает на какое время. Но слов просто не было, — не находилось нужных слов.

Поезд тронулся, колеса отстукали первый раз: «вот-так...» Валя устало опустилась на лавку. Что-то непонятное, трудное осталось на сердце после встречи с Роговым. Но чего же тогда она ждала несколько долгих лет? Покоя, безмятежной любви? Но разве такая любовь бывает?

Глазанышки, глазанышки,
синие глазанышки... —

пела когда-то мама о синих глазанышках, в которых нет ничего, кроме любви. Почему-то раньше при мысли о Рогове у нее в памяти всегда возникала милая давняя песенка о синих глазанышках. Это до последней встречи. А тут оказалось, что глаза у Рогова совсем не синими стали и не было в них никакого покоя. Да и был ли в них когда-нибудь этот покой? Не сказка ли это, сочиненная про себя в долгие вечера одиночества?

ГЛАВА VI

Разговор, очевидно, был о Рогове, потому что, когда он вошел, Дробот умолк и торопливо вытянул из папки четвертушку бумаги.

— Заявление тут на тебя, — сказал он нарочито спокойным, даже безразличным тоном и почему-то вопросительно посмотрел на Филенкова и Стародубцева. — Группа забойщиков жалуется на незаконные удержания.

— Какая группа? — Рогов устало присел на стул.

— Ты не беспокойся, — заторопился Дробот. — Я тут подумал и решил, что все можно уладить.

— Если есть заявление, — возразил Рогов, — его нужно разобрать и виноватого взгреть. Так, по-моему, делается?

Опустив глаза, Дробот иронически усмехнулся.

— С тобой говорить — терпенье нужно воловье... Неужели ты не понимаешь, что виновен ты? Люди жалуются, что районный инженер Рогов огулом, оптом бракует работу... Я же не могу оставить этого без внимания — я же начальник шахты! А ну как дойдет все это до горкома партии?

Рогов всерьез заинтересовался:

— Кто же эти жалобщики?

Дробот отмахнулся:

— Какая разница — Сидоров, Иванов или Петров, — важно, что правильно жалуются... По существу, разумеется, а не формально.

Рогов рассердился:

— Как вы можете брать под защиту бракоделов? За смену они дали тридцать процентов золы!

— Это в какой лаве?

— В двадцать восьмой.

— А почему?

— А потому, что работают спустя рукава...

— Подожди! — перебил Дробот и, встав, раздраженно потоптался, не выходя из-за стола. — Я сам скажу, почему... В двадцать восьмой, несмотря на слабую кровлю, ты все еще экспериментируешь, все еще не установил точно ни шага посадки, ни паспорта крепления.

Рогов медленно покачал головой.

— Установил, Петр Михайлович, неделю тому назад. Жду, когда подпишет главный инженер.

— Подписал! Уже! — быстро отозвался Филенков. — Передано начальнику шахты.

Дробот напряженно подвигал бровями, вспоминая что-то, потом сказал:

— Я не отнимаю у тебя права думать над работой, но еще раз повторяю, не забывай основное: сегодняшней день. А то, понимаете, творить все мастера, а за добычу я один отвечаю. Творцы!

Да, Дробот деловит, подумал Рогов, знает до тонкости производство. Но ведь и только! За его внешним оживлением, за профессиональной начальнической крикливостью Рогов совершенно отчетливо чувствовал такую невозмутимую, такую устоявшуюся заводь, что просто руки перед ней опускались. Но время идет, и нельзя же топтаться на месте. Основные-то оперативные вопросы решает Дробот? Конечно, он. Послушать только, какал у человека хватка: кричит кому-то по телефону, что он знает в новой лаве каждую стойку по имени-отчеству, что в верхней части лавы можно картошку сажать и спокойно ждать урожая — такая там кровля устойчивая.

И ведь правильно все это — знает Дробот лаву, как

свои пять пальцев, как свой письменный стол. Ну и что же?

«Как что? — Рогов даже удивился этому своему вопросу. — Очень даже просто. Именно тем начальник и держится, тем и держит шахту, хотя правильнее, пожалуй, сказать — сдерживает шахту».

Но все это пока вопросы академические, как сказал бы сам Дробот, а тут дело требует немедленного решения.

Не далее, как прошлой ночью, пользуясь данными маркшейдерского замера, он долго и придирчиво анализировал обстановку с подготовительными работами. Он попытался заглянуть на три-четыре месяца вперед, попытался узнать, в каком положении окажется шахта. Результаты просто испугали. Если фронт для выемки угля будет готовиться такими же темпами и дальше, запасов хватит самое большее на полгода. А потом?

Едва дождавшись утра, пошел в партбюро, но там сказали, что парторг в горкоме и едва ли скоро будет оформлять путевку на учебу. Ждут нового работника.

Однако нужно было немедленно что-то предпринять. Подумал, подумал и, наконец, вызвав Дубинцева, приказал подобрать две хорошие бригады для скоростной проходки штреков.

— Пробовали у нас это, — скептически заметил техник.

Рогов холодно глянул в его глаза и резко произнес:

— Я вас не пробовать заставляю, дегустатор! Задача понятна?

— Понятна! — встрепенулся Дубинцев и побежал выполнять распоряжение.

Через час списки бригад были составлены, но заместитель главного инженера Харламов отказался их утвердить.

— Вы оголяете остальные участки, дорогой Павел Гордеевич! — сказал он.

— Я ставлю основные силы на направление главного удара, — возразил Рогов.

— Батенька мой, — поморщился Харламов, — не вводите меня в заблуждение пышной терминологией, вы лучше в суть дела посмотрите. Два штрека у вас будут продвигаться на двести метров в месяц, а остальные поползут черепахой.

Но доводы Рогова в пользу скоростной проходки были так убедительны, на необходимости ее он так страстно настаивал, что Харламов, наконец, сдался.

— Согласен, согласен! — поднял он руки. — С вашим напором — города брать. Вот вам подпись! Благословляю. А теперь идите к властям предрежашим.

...Дождавшись следующей паузы в разговоре и заметив вопросительный взгляд Дробота, Рогов положил списки бригад перед ним. Дробот мельком просмотрел их и передвинул Филенкову.

— Покумекай, это по твоей части.

— Ну что ж... — Главный инженер подумал, повздыхал. — Я считаю дело это вполне своевременным, хотя... не без риска.

— Риск? — перехватил слово Дробот. — Гм... Давайте тогда так: делать будем, но огласки этому делу никакой. Если не получится, чтоб не кудахтали.

— Это неправильно! — почти выкрикнул Рогов. — Неправильно! По-моему, огласка как раз и необходима, пусть бригады скоростников почувствуют, как важен их труд. А риск... Что ж, всякое новое дело таит в себе элемент риска. Но в данном случае это почти исключено. Кстати, чтобы было поменьше риска, я прошу сразу же утвердить исполнительный график по забоям и проект приказа по транспорту.

— Опять транспорт? — Стародубцев перегнулся через стол. — Я прошу тебя, Павел: оставь, наконец, меня в покое!

Рогов нехотя усмехнулся.

— При чем здесь твой покой? Я говорю о необходимости обеспечить порожняком скоростные забой.

— Спокойно, товарищи, — остановил Дробот. — Одну бригаду и график на нее я утверждаю. Это даже хорошо, потому что вчера из комбината прислали в трест директиву об организации скоростных забоев. Директива придет на шахту, а у нас уже дело на мази. — Он с довольным видом пощелкал пальцами, но сразу же потускнел. — Только я тебя прошу, Павел Гордеевич, будь благоразумен, всего, так сказать, в меру! И насчет огласки, насчет всякой там кампании вокруг этого категорически заявляю: без шума! Тут дело как будто в зародыше, а на карту

ставится честь коллектива. Иди хоть в партбюро или еще куда, — запрещаю.

Молчавший все время Филенков подал голос:

— Оно, скажем, и лучше, как говорит Петр Михайлович... В случае успеха вдруг по всей шахте узнают, потом в тресте, в горкоме... — Филенков вздохнул и, как-то трудно подбирая слова, закончил: — Это, так сказать, большой политический эффект должно иметь... Впечатление произведет.

Семен Стародубцев сейчас же подвинулся к столу, сначала громко потянул носом, словно принюхиваясь, потом сказал с усмешкой:

— Впечатление произведет. Как же! В тресте немедленно набросят к плану несколько тысяч. Закваска, можно сказать, подходящая... Только едва ли во-время.

— Видишь? — Дробот поглядел на Рогова, точно уличил его в непростительной ошибке. — Значит, условие одно: чтобы тишь и гладь.

Рогов поднялся. Ему было тяжело и неприятно продолжать разговор, который становился похожим на торговлю. Взяв у Филенкова список бригады, он пошел к двери, но Дробот вдруг окликнул:

— Павел Гордеевич! Чуть не забыл... Вчера в тресте решили передать тебе и седьмой участок. Бери, брат, и хозяйствуй.

— Но это же северное крыло? — удивился Рогов и еле сдержал себя, чтобы наотрез не отказаться. Сегодня семнадцатое, участок самый запущенный, и район, значит, снова не выполнит месячный план. Как будто умышленно все так подстраивается, чтобы отнять у него какую бы то ни было возможность заняться осуществлением своих замыслов.

— Какая разница — северное или южное? — примирительно сказал Дробот. — Пласт-то один. И, между прочим, не забудь: завтра в шесть вечера слет стахановцев. Получаем знамя!

Разыскивая Дубинцева, Рогов прошел по многочисленным помещениям конторы, мойки. Был час дневного наряда. Из верхних окон на цементный пол раскомандировочного зала падали косые солнечные столбы. В них

К стр. 46

клубились мириады золотых пылинок. Говор многих голосов, приглушенный смех, обрывки торопливых фраз — все сливалось в сплошной гул, и сотни шахтеров, отчетливее, чем когда бы то ни было, представлялись большой работающей семьей.

Дубинцева он так и не отыскал. Хотел уже пойти на материальный склад, как вдруг его окликнули. Оглянулся и заметил, что в группе рабочих приветственно вскинул руку старый проходчик Воцин. Поздоровались.

— Я слышал про скоростной забой, — сказал Воцин. — В случае чего, обо мне не забудьте.

— Нет, на этот счет у меня память хорошая, — успокоил Рогов. — Вас в первую очередь записал. Я даже больше скажу: придется вам, Афанасий Петрович, командовать бригадой.

— Ну что ж, можно и покомандовать, раз такая нужда пришла, — согласился Воцин.

— Очень хочу, чтобы все было хорошо! — Рогов с доверчивой улыбкой пожал тяжелой, почти квадратную руку проходчика.

Тот нерешительно переступил с ноги на ногу и, упрятав глаза под жесткие соломенного цвета брови, сказал:

— Павел Гордеевич... Вы меня, конечно, извините, если что не так. У меня сын-фронтовик приезжает и дочка вернулась. Приходите как-нибудь вечером, поговорим, посмотрите на мое житье-бытье.

Рогов пообещал притти.

ГЛАВА VII

На следующий день, с утра, Рогов решил принять новый участок, чтобы уже сразу было известно, с чем и с кем придется иметь дело.

Начальником седьмого оказался вихрастый, средних лет человек, с маленьким личиком, усеянным зеленоватыми веснушками.

— Очередько, — отрекомендовался он и тут же зачастил: — Значит, так, товарищ инженер, кривая добычи на участке...

— А вы проще, — прервал его Рогов, — без кривых...

Очередько запнулся, а потом путанно стал докладывать о состоянии дел, упоминая все же о кривой, которая «имеет тенденцию» падать.

Рогову очень не понравился этот доклад, хотя он и изобиловал многочисленными подробностями. Насчет запасов угля, годного к выемке, Очередько не мог ничего сказать, зато о рабочем пополнении распространялся подробно, плаксиво передергивая губами:

— Так это же смех, а не рабочие, товарищ районный инженер. Называется трудовой резерв, ну пусть бы он и был в резерве! Зеленые же все! Уцепятся за одну стойку, ну, истинно, как муравьи, а толку чуть. Вот, скажу я вам, во время войны работалось!

Рогов проговорил сквозь зубы:

— Имейте в виду, я вам не дам спокойно жить! Не трудитесь со мной ходить, я сам осмотрю участок.

Забои на участке не понравились Рогову так же, как и доклад начальника. В нижней, параллельной просеке он застал группу забойщиков. Кто-то из них посветил ему в лицо и сказал:

— Ну, работка, сидишь и зеваешь, аж за ушами ноет, — лесу, видишь ли, нехватило.

Думая, что его не узнали, Рогов присел в сторонке. Но один из шахтеров вдруг обратился к нему:

— Может, вы нам разъясните, когда беспорядки на нашем участке кончатся? У всех работа как работа, а у нас что ни день, то событие: или без леса сидим, или без порожняка.

Выяснилось, что на участке работают две бригады, причем одна, с которой он сейчас говорил, состоит целиком из старых кадровых забойщиков, а другая — из выпускников школы ФЗО. Кадровики не зря ворчат. Им постоянно приходится подбирать «хвосты за трудовыми резервами», — как выразился Очередько.

Рогов прошел в лаву. Врубовка стояла. Машинист при тусклом свете лампочки чинил брезентовую рукавицу. Глянув мельком на инженера, он равнодушно буркнул:

— Кабель надо менять, а слесаря чорт с квасом слопал.

— А самому зазорно этим заняться?

— При чем тут зазорно? Мне же не дадут кабель на складе.

Спустившись через печь и прыгнув с расшатанной лесенки, Рогов увяз обеими ногами в грязи. Вода и грязь затопили рельсы. Штрек похож был на длинное стоячее болото. Тоненько пел вентилятор, вытягивая невидимую воздушную нить, в сторонке теплился огонек лампочки, люковой дремал, привалившись к стойке.

— А что же мне делать? — обиделся он на замечание Рогова. — Порожняк на месте, а угля в спусковой печи пока нет.

— Запомни, — тихо, но настойчиво сказал Рогов: — штрек на сто метров в ту и в другую сторону — твое хозяйство. Вернись сюда к концу смены, и если хозяйство будет попрежнему по уши в грязи, я назову тебя лодырем... При свидетелях назову! Понял?

С тяжелым чувством досады поднялся Рогов наверх. Был поздний вечер. На ступеньках железного виадукa теплились огоньки папирос.

— Ну, хватит вам про девчат! Скукота! — сказал кто-то ломким басом. — Давайте споем лучше. Люблю песни.

Поднявшись на виадук, Рогов подошел к сидевшим и спросил:

— Покурить найдется?

— Найдется, товарищ Рогов, садитесь, — предложил любитель пения.

— Откуда знаешь меня? — спросил Рогов, принимая папироску.

— Ну еще бы, — усмехнулся парень. — Вас сегодня так в газете разделали — теперь весь рудник знает.

— В газете?

— Ну, конечно. А вы что, не знаете? Так вас же там на все корки и даже стишок внизу приписали.

— Придется почитать на досуге, — присаживаясь на ступеньку, сказал Рогов.

— Да уж придется, если не читали! — несколько человек коротко рассмеялись.

Минуты две сидели в неловком молчании, потом один из парней, очевидно самый разговорчивый, нетерпеливо встал.

— Скукота! В клуб, что ли, сходить...

— Вот что... — Рогов спокойно взял его за руку и усадил рядом с собой. — Можно ведь и так жить, чтобы скукота не мучила.

— Да я к слову, — замылся парень и настороженно затаился.

— Вот и я тоже к слову. Мне кажется, вы все на седьмом участке работаете? Бригада Черепанова? А ты — Черепанов, так, что ли?

— Ну, так... — ответил кто-то с верхней ступеньки и тут же невесело вздохнул. — Начнется сейчас проработка.

— Какая проработка?

— Ну, ругань. Нас Очередько и утром и вечером ругает.

— Не нравится? — засмеялся Рогов.

— Вас же самого в газете... Разве нравится? — коротко хохотнул паренек, сидевший рядом.

Рогов вспомнил о непечатой пачке папирос, распечатал ее и угостил собеседников.

У него был план поговорить с молодыми забойщиками начистоту, спросить прямо, есть ли у них желание работать, что их вообще заставило пойти в шахту, узнать, какая им нужна помощь. Он уже мысленно прикидывал, с чего и какими словами начать... Но вдруг, по какой-то непонятной связи, ему представилось, что он сидит в кругу молодых солдат где-нибудь недалеко от переднего края. Сколько таких встреч было за годы войны, и как мало было сказано слов при этом... Да и много ли нужно было слов людям, которые пришли защищать родную землю! И все же слова большой человеческой правды иной раз сами рождались, поднимая в людях то гнев к врагам, то нежную сыновнюю любовь к отечеству. Но это было на фронте, в необычной обстановке, далеко от родимого крова, а что же такое особенное сказать этим молодым шахтерам?.. Как же им сказать, чтобы они вдруг увидели, что самой жизнью поставлены у настоящего дела? Рогов еще думал над этим, но слова уже сами рвались, просились на волю...

И вдруг неожиданно для себя он сказал задумчиво:

— Хорошую жизнь начинаете... — Потом подумал и, вдруг двинув нетерпеливо плечами, повторил громко: — Хорошую, удивительную жизнь! Слышите, шахтеры? А начинаете вы ее вразброд, неумело, потому что не знаете, сколько сил в каждом из вас... Мне почему-то очень хотелось бы видеть, как рядом с вами ходит, работает, песни поет Степан Данилов. Был у меня такой парень

в роте на Брянском фронте. В трудное время довелось ему воевать...

Говорил Рогов спокойно, временами умолкал, глубоко затягиваясь папироской, и тогда золотой огонек слабо освещал его резко очерченные губы, коротковатый нос и крутые надбровные дуги. Земля дремала вокруг, словно прислушиваясь к его неторопливому рассказу, звезды как будто спустились ниже, совсем близко шумно вздыхала шахта... А перед слушателями одна за другой возникали далекие фронтовые картины.

— ...Ненастная осень раскачивала редкий, вырубленный огнем, осинник. Оползали глиняные стенки траншей. Липкая грязь сочилась через порог блиндажа. Темно и сыро. На земляных парах сидят и лежат солдаты. Тихо в блиндаже. Но вот кто-то стучится в дверь. «Войдите», — недовольно отзывается старшина.

Дверь открылась. На пороге вытянулся совсем небольшого роста солдат и доложил: «Красноармеец Данилов. Из госпиталя. Военная специальность — разведчик и снайпер. Прибыл с маршевой ротой, прошу зачислить на все виды довольствия».

Передохнув секунду, он вдруг прыснул в кулак: «Бомбили меня сейчас».

В блиндаже расхохотались: «Наверняка сам Геринг прилетал... А мы тут гадаем: почему на участке затишье?..» — «Так ведь Гитлер все силы и стянул против этого снайпера!»

«Расскажи толком», — попросил старшина. «Так я же толком, — весело откликнулся парень. — Ехал на попутной кухне с поваром. Во-первых, тепло, во-вторых, сытно. Повар лихой, врал всю дорогу, как он при помощи черпака захватил в плен венгерского генерала. И вдруг самолеты... Этот кулинар пополз на четвереньках в кусты. Я тоже хотел прыгнуть в какую-нибудь ямку, но жалко стало кухню. Схватил вожжи и давай гонять по полю. От гоньбы этой, что ли, дрова в кухне разгорелись, дым как от парохода, в самолет пристал и пристал... Ну и взял он меня потом в работу: «Самому, говорит, старшине доложу!» — «Кто, немец, что ли?» — «Да нет, повар. Это когда немец улетел. Надо сначала, говорит, кухню завинтить герметически, а потом сражение принимать. Половину, говорит, шей расплескал, растяпа!»

«Повар у нас действительно строгий, — заметил старшина. — Но если со щами на самом деле неустойка, не миновать вам обоим по два наряда вне очереди».

В блиндаже снова расхохотались. А потом каждому вдруг захотелось иметь своим соседом маленького новичка. К нему сразу потянулись с несколькими кисетами, но старшина взял инициативу в свои руки и поместил Данилова рядом с собой.

Через полчаса снайпер завладел ротной гармошкой и пленил солдатские сердца родными мелодиями. Через месяц на его счету было уже одиннадцать фашистов, а через три месяца — семьдесят шесть и две правительственные награды. По всему фронту разнеслась слава о молодом снайпере. Его вызвал к себе генерал и вручил именное оружие. У Данилова оказались десятки последователей и учеников.

Примерно в это же время прославилась своими подвигами снайпер соседнего батальона — Тоня Липилина. Общительный и покладистый Данилов почему-то равнодушно обходил девушку. Они часто встречались, работали в соседних секторах, а душевной близости у них почему-то не возникало, хотя это было бы вполне естественно между людьми, которые обеспечивали друг другу боевые фланги.

«Девчонка, чего с нее взять», — пренебрежительно замечал Данилов, когда речь заходила о Липилиной.

Это было явно несправедливо, потому что Тоня мало в чем отставала от самого Данилова.

Уже перед весенним наступлением Данилов привел в неопишемую ярость гитлеровцев, сняв удачным выстрелом представителя их верховного командования, когда тот совершал инспекторский смотр своих передовых укреплений. Немцы забросали наши траншеи листовками, в которых категорически утверждали, что русский гротснайпер Данилофф будет уничтожен не позднее, чем через пять дней, самым что ни на есть выдающимся гротснайпером имперских вооруженных сил, майором СС, Гансом фон Ульприхт.

«Хвастаются, стервецы, — весело заметил Данилов, когда ему показали эту листовку. Но перед выходом в очередную засаду, в разговоре с командиром роты, он, словно между прочим, попросил: — Вы бы, товарищ лей-

тенант, предупредили соседних снайперов, чтобы не зевали».

Так прошло два дня. И вдруг вражеский снайпер дал знать о себе целой серией очень дерзких вылазок. Был убит веселый повар Котов, с которым когда-то Данилов прибыл на передний край, ранило старшину Неупокоева, и его заменил толстяк Чистяков. Почти в один и тот же час из соседней роты унесли в полевой госпиталь сразу трех солдат. Данилов потемнел лицом. Вечером сообщили, что немецким снайпером ранен адъютант командира полка. Гармоника в руках Данилова басовито вскрикнула. Он оставил ее и, зажав ладони между коленями, минут десять сидел потупившись.

Зная его неровный характер, товарищи помолчали, потом заговорили о посторонних вещах. Только пожилой уралец Гурьев не выдержал и ворчливо сказал: «Расшевелить врага смогли, а вот ухлопать толку нехватает».

Минут через пять Данилов ушел. Вернулся только на следующий вечер. Молчком вычистив винтовку, лег спать. В блиндаже по возможности говорили шопотом; солдаты знали, какая в обороне важная фигура снайпер. Передавали в разговорах, что Данилов за сутки убрал семерых гитлеровцев.

Ночью немцы несколько раз обстреливали ураганным минометным огнем «ничейную» полосу. Из штаба батальона было приказано иметь максимальное количество людей на переднем крае. Час от часу обстановка на участке все больше накалялась.

Утром старшина Чистяков несмело потянул Данилова за ногу и сказал: «Стенац, ты спишь? Послушай, что говорить буду...» — «Говори», — глухо отозвался снайпер. «Тоню Липялину немец стрелил... Жалко девчонку. Только что унесли в сапроту».

Шинель стремительно слетела с Данилова. Он сел, вцепившись железными пальцами в плечи старшины. Его припухшие от сна веки вздрагивали, губы приоткрылись, обнажив два ряда белых острых зубов.

«Что ты сказал? — прощентал он. — Тоню?» — «Да ты... это... — забормотал Чистяков, — говорят, что не совсем».

— «Не насовсем!..»

Данилов метнул на Чистякова гневный взгляд, но тут

же встал и, вытянувшись по форме, попросил: «Разрешите на пятнадцать минут отлучиться в санроту?»

Тоню готовили к эвакуации в тыл. Подтянутый, строгий Данилов стал у ее изголовья. Она увидела его и сквозь гримасу боли виновато улыбнулась: «Проморгала, Степа... Мне кажется, он у двух осин, что в твоём секторе...» — «Тоня... — Данилов наклонился к девушке и немело коснулся ладонью ее щеки. — Я убью его... Тоня!»

Вечером в блиндаже не слышно было гармошки. Уходили на посты солдаты. В желтом свете копилки медленно колебались тени на стенах. Данилов поздно вернулся от командира роты и сейчас же стал неторопливо и особенно обстоятельно готовиться к выходу. Проверил оптический прицел, заново осмотрел и протер патроны, переобулся, сунул за пазуху два сухаря и ушел.

Уралец Гурьев стоял у амбразуры на правом фланге ротного участка. Снайпер пробыл у него до того часа, когда на востоке забрезжил голубоватый свет. Несколько раз до этого к ним заглядывал командир роты и тихо спрашивал: «Сидишь? Ну, сиди!»

Наконец Данилов поднялся.

«Тронулся? — встревоженно спросил Гурьев. — Может, отдохнешь еще?» — «После войны. В Сочи — Мацеста», — буркнул Данилов и бесшумно скользнул через бруствер, точно растаял в струящейся полумгле.

Гурьеву показалось, что еле приметный холмик, до которого от бруствера было метров сто, расступился и поглотил маленького солдата. Но если бы уралец мог выйти вперед, он заметил бы, как между кустиками прошлогодней травы медленно и настороженно живут серые строгие глаза. Пока поднималось утро, эти глаза ощупывали каждую кочку, каждую ложбинку перед передним краем немец. Место привычное, знакомое: справа две тонкие осины, слева чистое поле, перепаханное воронками. Как будто ничего нового. Но за комлем осины видна еле приметная выпуклость каски, прикрытой маскировочной сеткой. Вот каска чуть заметно перемещается. Данилов кривит губы: дурак этот немец, если хочет поймать на такую тощую приманку!

Но где же все-таки «рыболов»? Не обращая внимания на плохо замаскированную каску, снайпер переводит взгляд чуть левее. Догадка обжигает его в ту же секунду.

Он даже прикрывает глаза от волнения, но тут же успокаивается и сжимает шейку приклада, словно уже самого немца держит за горло.

Для того чтобы средняя, самая не приметная кочка попала в перекрестье прицела, нужно было повернуться всего градусов на двадцать. Едва он повернулся, как над головой просвистела пуля. Можно было бы, конечно, еще подождать, но Данилов, чуть покривив уголки сухих, обветренных губ, нажал спуск, и кочка, словно рассеченная хлестким ударом, распалась надвое. Из-под нее судорожно вскинулась рука, рогатая немецкая каска покати-лась в сторону...

— Мы потом еще долго воевали со Степаном Даниловым, до самого Одера дошли, — говорит Рогов, раскуривая потухшую папиросу.

— А вы рассказывайте, Павел Гордеевич! — просит Черепанов. — Его, что ж, убили потом?

— Его наградили званием Героя Советского Союза, и я уверен, что он остался жив! — Рогов поднимается со ступеньки. — Такие не умирают. Если хотите, я вам еще расскажу о нем много интересного, но это как-нибудь потом, а сейчас дело у меня к вам. Слушайте-ка...

Еще не менее часа после этого со ступенек виадука слышался то ровный голос Рогова, то ломкий басок Черепанова, то вдруг разгорался общий оживленный разговор. Потом бригада забойщиков в полном составе проводила инженера до самого дома. Пожимая на прощанье руку, Черепанов сказал, кивнув в сторону почтительно молчавших товарищей:

— Павел Гордеевич, надейтесь... Не подведем.

ГЛАВА VIII

Солнце еще не показалось из-за горы, но синий свет уже поднялся во всю небесную ширь. В недосыгаемой высоте курчавилось одинокое розовое облако, возвещая всему утреннему миру, что день идет.

Когда Рогов в сопровождении Очередько пришел на материальный склад, где предполагалось произвести пробный монтаж нового скребкового транспортера, бригада Черепанова была уже на месте. Приход инженера и на-

чальника участка остался незамеченным. Забойщики внимательно слушали бригадира. Черепанов говорил что-то вполголоса, часто перебивая свою речь одним и тем же словом: «Понимаете?» Рогов только сейчас по-настоящему разглядел этого рослого парня с юношески чистым, красивым лицом и плавными, округлыми движениями.

— Я ставлю на голосование: кто за? — спросил Черепанов.

Пятеро молодых шахтеров дружно подняли руки.

— А теперь заметьте, — Черепанов медленно опустил крупные кулаки в карманы брезентовых брюк. — Теперь заметьте, — это политический поступок. Если провалимся — опозорим имя Героя, и тут нам никакие начальники не помогут.

— Вы слышите, Павел Гордеевич? — зашептал за плечом Рогова Очередыко. — Честное слово, сомневаюсь, будет ли толк из парней. Очень уж на язык бойкие, не по-шахтерски.

Не ответив, Рогов подошел к забойщикам.

— Собрание провели маленькое, — застенчившись, доложил Черепанов. — Жизненный вопрос. Но пока это секрет.

Рогов подробно рассказал Черепанову, как надо подготовиться к монтажу транспортера, и, пообещав прислать техника Дубинцева, пошел в комбинат. Сбоку поспешал Очередыко. Ободренный молчанием районного инженера, он развивал какие-то туманные планы.

— А то как же! — удивленно восклицал он, полемизируя неизвестно с кем. — Конечно, участок длительное время отставал. Но, если хотите знать, все это время накапливались силы, кое-какие порывы приходилось даже сдерживать.

— Что-о? — Рогов замедлил шаг.

— Не умышленно, конечно, — поспешно поправился Очередыко. — Не хотелось разбрасываться, мелочиться. Зато на-днях я развернусь. Честное слово! Весь рудник ахнет. Да что рудник, мероприятие всекузбасского масштаба! Рекорд организую. Есть у меня на участке один такой забойщик — ручищи, грудь, мощный человек! Уже договорились. Придется подбросить ему отрез на костюм или еще какую-нибудь малость.

— Как это подбросить?

— Обыкновенно. Пообещать премию. Будьте спокойны, все окупится. Верные три тысячи процентов.

— Кто же это такой? — заинтересовался Рогов.

— А вы что же, не знаете нашего Деренкова? — удивлялся Очередыко. — Павел Гордеевич, для пользы дела советую: изучайте людей! Я этого Деренкова вдоль и поперек знаю. Норовист мужик, в войну еще сюда прибыл. Не знаю, по какому случаю, да и знать не хочу: ведь важно, чтобы он уголь давал. А он умеет это, если, конечно, захочет или если его задобришь. У меня простой расчет: чем возиться с десятью зелеными хлопцами, вроде этих фезеешников, лучше держать под рукой такого, как мой Деренков. Я все это к тому, что прошу вашей санкции на рекорд.

— Вот что... — Рогов подумал и проговорил медленно, подчеркивая каждое слово: — Никакой санкции, никакого разрешения вы от меня не получите на эти цирковые номера. Учитесь думать над тем, что делаете. А сейчас вернитесь к бригаде Черепанова и помогите ребятам.

Очередыко беззвучно подвигал губами, торопливо поправил кепку и ушел. Рогов позвонил начальнику шахты.

— Нет, нет, — запротестовал тот, — в шахту не ходи, сегодня целая серия совещаний.

К досаде Рогова, совещаний последовала действительно целая серия. Сначала разговаривали с начальниками участков, районными инженерами, и Дробот без особой нужды раскричался по адресу «некоторых молодых руководителей», не желающих считаться с крепкими традициями шахты. При этом Рогов встретился взглядом со Стародубцевым.

«Что, попало?» — одними глазами спросил начальник транспорта. «Привыкаю», — тоже глазами отозвался Рогов. Потом совещались с горными мастерами и, наконец, утомительно долго обсуждали вопросы техники безопасности и изобретательства. Об изобретательстве очень невнятно и общо докладывал сам Дробот.

Дубинцев бросил Рогову через стол записку. «П. Г., есть новость: женюсь. А в отпуске Дробот отказал. Походатайствуйте! А еще обратите внимание на Хомякова, старик что-то мрачен».

Рогов размашисто написал на обороте: «Поздравляю! Она чудесная девушка. Походатайствую». И осторожно

глянул в тот угол кабинета, где сидел Хомяков. Старый маркшейдер, очевидно, не слушал докладчика, лицо его ничего не выражало, кроме болезненного томления. Рогов написал на газетном клочке: «Что с вами?» и, не обращая внимания на косой взгляд Дробота, бросил записку маркшейдеру. Тот прочел и, обрадовавшись вниманию, быстро закивал головой, словно говоря: «Да, да, мне очень плохо».

— Что же все-таки конкретно можно сказать о работе с изобретателями? — нетерпеливо прервал докладчика лобастый человек с карими веселыми глазами.

— Новый парторг, — одними губами ответил Дубинцев на молчаливый вопрос Рогова.

— Мало изобретают! — отчеканил Дробот.

— Действительно! — пробормотал Рогов.

До слета оставалось всего часа три, и спускаться в шахту уже не было смысла. В коридоре Рогов остановил Хомякова.

— И не говорите, — сокрушенно сказал тот, — страшнейшая неприятность на работе!

— И что же это — секрет? — осторожно спросил Рогов.

— Как сказать... Оно, может быть, и секрет... Но вам я могу довериться.

Волнуясь и потому часто сбиваясь с мысли, Хомяков вполголоса рассказал, что на-днях произвел обычный месячный замер угля в штабелях и при этом обнаружил недостачу четырнадцати тысяч тонн.

— Это меня так... так потрясло. — Хомяков поднял на Рогова маленькие, близорукие и оттого беспомощные глаза.

— Какой же здесь секрет? — насупился Рогов.

Ему неприятно было сейчас растерянное и даже испуганное лицо старого маркшейдера.

— Надо немедленно доложить обо всем Дроботу.

— В том-то и дело, голубчик, — вздохнул Герасим Петрович, — докладывал, пять раз докладывал. Написал даже рапорт, а результаты трагикомические. Сказали, что я на старости лет забыл арифметику.

— И вы что же, таблицу умножения зубрите?

— Павел Гордеевич! — Хомяков выпрямился, на щеках у него появился склеротический румянец.

Как раз в этот момент к ним приблизился новый парторг.

— Здравствуйте, товарищ Рогов, — заговорил он, пожимая инженеру руку. — Бондарчук. Парторгом к вам назначен. Хотел поговорить сегодня с вами, а тут как раз слет, перенесем этот разговор на завтра. Хорошо?

Они пошли вместе до раскомандировочного зала.

— Я, правда, себя пока что гостем чувствую, — улыбаясь, сказал Бондарчук, — но хорошо, что приходится начинать с такого приятного события, как получение знамени.

— Вам повезло, — согласился Рогов.

— Случайность? — Бондарчук мельком, но очень зорко глянул в лицо инженера.

— Нет, почему же...

— Ну, хорошо, — кивнул парторг, — значит, до завтра?

Рогов утвердительно кивнул и пристально, твердо поглядел в карие веселые глаза Бондарчука.

ГЛАВА IX

Рогову всегда казалось, что на стахановских слетах он попадал в неоглядный простор, где вот-вот должно было нагряться что-то необыкновенное, могучее. Но сегодня ощущалась еще и досадная неловкость, как будто он явился не вместе со всеми, а по специальному приглашению: людей от его района было на слете очень мало.

Сотни стахановцев заполнили просторный вестибюль клуба. Лица у всех были немного торжественные и в то же время деловитые. Собрались свои люди, не год и не два знавшие друг друга в буднях, в труде, в надеждах и победах. Слитный гул голосов, встречные улыбки, короткие приветствия и какое-то особое приподнятое настроение, как перед праздником или торжественным событием, — все это наполняло каждого несокрушимой верой в общую силу, в мощь коллектива.

Очень многих Рогов не знал вовсе, но с тем большим интересом вглядывался в них, как если бы ему обещали, что завтра они будут его лучшими друзьями.

Вот идут двое, заложив руки за спину, чуть откинув головы, оба такие плотные, что кажется — поскри-

пывает коричневый дубовый паркет под их ногами. Одному лет пятьдесят, другому — двадцать, не больше. Отец и сын? Не похоже, но это представители двух шахтерских поколений. Старший, очевидно, долбил уголек еще в Анжерских михельсоновских штольнях, а младший не больше двух лет гонит забой где-нибудь на «Капитальной». И нечего даже гадать — здорово гонит. Они останавливаются почти рядом с Роговым. Пожилой говорит:

— Шахт в Кузбассе множество... Я вот ехал с курорта и все смотрел. Много ли из вагона увидишь, и то! Какая сила поднимается — дух захватывает!

— Митрич, — пробует парень и свое слово вставить, — так я же по какому вопросу...

— Ты слушай, — Митрич слегка притоптывает носком сапога. — Ты слушай, «по вопросу»! Я тебе толкую о том, что нужно жить сила в силу со всеми. Тебя вызывают с «Физкультурника» из Анжерки, с «Бутовки» из Кемерово, с «Журинки» из Ленинска — вот ты и откликнись.

— Так ведь боязно, столько народу...

— Боязно! Ты что, чужой, что ли? С неба упал? В Кузбассе — и боязно!

...Где-то в толпе мелькнули Дубинцев и Аннушка. У них были такие счастливые лица, как будто весь слет собран специально для них, а может быть, и весь мир существует только, чтобы их радовать. Девушка помахала рукой Рогову, и он потерял их из виду. В ту же минуту кто-то потянул Рогова за рукав.

— А, Черепанов! — обрадовался он. — Ну, как успехи?

— Опять ругался Очередько... — На чистом смуглом лбу забойщика обозначились две тонкие морщинки. Он показал глазами на дверь и пожаловался: — Не пустили сегодня мою бригаду на слет, потому что не стахановцы. А ребята обиделись, прямо страшно. Я вот кое-как пробрался. Можно сказать, зайцем! А за ребят обидно.

— А что же говорят? — заинтересовался Рогов.

— Да что говорят... Добьемся, говорят, что в следующий раз со знаменами и музыкой встречать будут, весь рудник ахнет. Обиделись, прямо страшно!

От дверей к Рогову проталкивался заведующий клубом.

— Уймите, пожалуйста, свою молодежь! — кричал он инженеру, показывая рукой на дверь. — На вас ссылаются.

У входа в полном составе митинговала бригада Черепанова.

— Бюрократы! — петушился светленький крепыш, фамилию которого Рогов не упомянул. — Примите меры, Павел Гордеевич! Говорят, что мы не стахановцы, понимаете?

Митинг этот немного рассмешил Рогова, но он довольно легко уговорил молодежь вернуться в общежитие, сославшись при этом на то, что здесь Черепанов, а клуб все равно не вместит всех желающих.

— Скандалят? — с тревогой спросил Черепанов, когда они усаживались рядом в большом зале.

— Обиделись страшно! — повторил Рогов слова самого же бригадира. — И я тоже.

— И вы?

— Конечно. На вас. Вам бы можно было, знаете, какой почет заслужить? В президиум могли выбрать. А тут и на порог не пускают. Обидно! Ну да ладно, послушаем, что умные люди скажут.

Первым выступил знаменитый забойщик третьего района Хмельченко.

— Мне письмо с соседнего района прислали! — сказал он. — Забойщик Деренков прислал. Давай, говорит, товарищ Хмельченко, соревноваться. Ну что ж, думаю, давай, товарищ Деренков! А потом почитал письмо, подумал и заскучал.

— Нельзя ли яснее? — кричит кто-то из зала.

— Можно яснее, — соглашается Хмельченко. Он выходит из-за трибуны, опирается на нее и сразу становится виден притихшему собранию во всей своей сорокалетней статне.

Глядя на крутой разворот плеч, на то, как ладно несет он небольшую голову с квадратным лбом, каким умом светятся из-под темноватых бровей его глаза, можно было не сомневаться: это настоящий шахтер, и сказать он может о своем деле и ясно и твердо.

— Я скажу, — повторяет забойщик. — Для этого и встал перед вами. Во-первых, что такое есть стахановец? Стахановец — это, по-моему, тот человек, у которого

душа постоянно тревожится о своем деле, — вот что такое стахановец!

— Общие слова! — прерывает оратора Очередыко.

— Я извиняюсь! — Хмельченко выставляет перед собой ладонь, как щит. — Я извиняюсь, прошу не путать меня.

— Не мешайте ему! — раздался многоголосый крик. Бондарчук постучал карандашом по графину.

— Продолжайте, товарищ Хмельченко.

— А этой душевной тревоги в письме Деренкова нет! — медленно и тяжело, точно гвозди заколачивая, говорит Хмельченко. — Что он мне пишет: «Выполнять ежесуточно норму не меньше ста процентов и давать в месяц по три выдающихся рекорда». Как же мы с такой работой о пятилетке в четыре года говорить будем?

Рогов осторожно оглядывается, чтобы узнать, какое впечатление производит речь Хмельченко на слушателей. Совершенно неожиданно над его ухом раздается требовательный крик Черепанова:

— Прошу слова!

— Как фамилия? — спрашивает Бондарчук.

— Черепанов моя фамилия! — привстав, отвечает молодой бригадир и снова усаживается.

И Рогов слышит, как он шумно дышит.

Собрание гудит глухо, настороженно. Хмельченко на трибуне широко разводит руками:

— Не буду я, товарищи, с таким человеком соревноваться, что хотите... Вот и вся моя речь.

Пока он медленно, словно по узкой незнакомой выработке, пробирается сквозь тесноту президиума на свое место, в зале то в одном углу, то в другом вспыхивают разрозненные аплодисменты. Но вот Хмельченко сел, и собрание на какое-то мгновение будто рванулось к нему, загремело:

— Правильна-а!

Бондарчук встал, наклонив голову, выжидая, пока уляжется шум, потом позвал:

— Черепанов!

Бригадир быстро поднимается на сцену и с усилием произносит:

— Я от имени бригады... — Ему нехватает дыхания, он косо застегивает коротенький зеленый пиджачок и уже

спокойно добавляет: — Шесть человек нас... Из ФЗО недавно. На седьмом участке работаем. Мы понимаем — выполнение пятилетки в четыре, а то и в три года — это тоже фронт... А мы будем учиться... здорово учиться, безустали, — у своего командира, инженера Рогова! Бригада поручила мне вызвать на соревнование самого выдающегося мастера. Это, значит, вас, товарищ Хмельченко! — Черепанов вежливо наклоняет голову в сторону президиума, где Хмельченко усиленно растирает ладонью покрасневшее лицо. — И еще мы хотим, чтобы на следующем слете присутствовала вся наша бригада. Так мы решили.

— Ох, отчаянный! — слышится чей-то грудной женский голос.

Хмельченко ожесточенно бьет в ладоши, бурные аплодисменты прокатываются по всему залу. В это время из-за кулис выходит Дробот. Он тоже неторопливо аплодирует и наклоняется с каким-то вопросом к Филленкову. Главный инженер улыбается и кивает в сторону Черепанова. А забойщик, ободренный всеобщей поддержкой, уже заканчивает свою короткую речь:

— А еще вот что: объявляем себя комсомольской бригадой имени Героя Советского Союза Степана Данилова!

И снова загремели аплодисменты, снова теплые, ласковые улыбки засветились на лицах. В президиуме поднимается Бондарчук.

— Какие будут предложения?

— Пусть работают!

• — Поддержать хлопцев!

— Завтра зайду к тебе в лаву, — обещает Черепанову Хмельченко и тянется через стол для рукопожатия.

Вслед за Черепановым выступили еще трое, в том числе Очередько, который очень длинно и невнятно пытался что-то объяснить слету, часто заглядывая в бумажку и покашливая.

После перерыва представитель комбината вручил шахте переходящее знамя. Дробот ответил речью, в которой всего было точно в меру: и гордости за общий успех, и обещаний не успокаиваться на достигнутом, и упреков по адресу отстающих.

Рогов послал в президиум записку и следил за тем,

как она прошла по рядам и, наконец, попала к Бондарчуку; парторг прочел ее и одобрительно улыбнулся, а потом, пока инженер шагал к трибуне, внимательно следил за ним.

— Не хотелось бы мне портить праздничного настроения собравшихся, — начал Рогов.

— Так сказать, ложка дегтя в бочку меда! — настороженно покривил губы Дробот.

— Пусть будет не ложка, а целый ковш дегтя! — еле сдерживая гнев, сказал Рогов и сразу почувствовал, как на него повеяло холодком от примолкшего зала.

Развернув большой лист ватмана, он приколол его на передней стенке трибуны.

— Вот, товарищи, здесь, в этих разноцветных столбиках, я попытался отразить не только сегодняшний, но и завтрашний день нашей шахты. Если дело пойдет с подготовительными работами так же, как оно идет сегодня, то знамя у нас будет отобрано через месяц, а остатки славы мы растеряем через два-три месяца.

— Не нравится мне эта демагогия! — отчетливо произносит Дробот, демонстративно громыхнув стулом.

Зал загудел.

— Дайте человеку сказать! — резко крикнул Хмельченко.

Бондарчук спокойно переждал шум и кивнул инженеру:

— Продолжайте.

— Это, конечно, может кое-кому не понравиться, — чуть повысив голос, проговорил Рогов. — Но мне кажется, что сегодняшнее собрание, несмотря на всю его торжественность, является продолжением нашей общей работы, поэтому я имею право сказать правду, какой бы тяжелой она ни была. Вы знаете, что на шахте триста двадцать забойщиков, а нормы выполняют только двести двадцать один. Стахановскую же выработку дают всего семьдесят три человека. Но значит ли это, что такие люди, как Хмельченко, Вошин и десятки других, вырабатывая по полторы и две нормы, умножают богатства нашего государства? К сожалению, нет. Они, передовые люди, просто работают за тех, кто живет по пословице: «День проводить, пень колотить». Давайте разберемся, почему так происходит.

Теперь Рогов уже чувствует, как зал насторожился, видит, как сотни глаз спрашивают у него нетерпеливо: «Почему так происходит?»

Но тут, в самый напряженный момент, кто-то кричит из зала:

— Послушайте... инженер... это о вас на днях в газете писали?

— Да, в газете писали обо мне... — Рогов попытался отыскать взглядом спросившего. — Но разговор сейчас идет не об этой корреспонденции...

— Вы как раз такой разговор и навязали собранию! — перебил все тот же голос.

— Говорите лучше о судьбе своего отстающего района — это конкретнее! — крикнул кто-то из глубины зала.

— За шахту без вас найдутся ответчики!

Почувствовав, как снова рвется его невидимая связь с аудиторией, Рогов изо всей силы стиснул полированные края трибуны, наклонил голову, ссутулился. Стремительно бежали секунды, а он все не мог одолеть гневную спазму. Оглянулся на парторга. Тот приподнялся, сказал:

— Одну минуту, товарищ Рогов... — Потом он посмотрел в зал, отчеркнул что-то ногтем на красном бархате скатерти и без всякого нажима, но очень отчетливо сказал: — Это неправильно. Мы все здесь ответчики за шахту, так же, как за свой район, за свой участок, забой. Нельзя инженеру Рогову, так же, как любому из нас, навязывать тему для выступления. Поэтому я прошу его продолжать. Товарищ Рогов...

Эта разрядка была, как глоток свежего воздуха в душный зной. Рогов выпрямился, глаза у него посветлели, заговорил он ровно, может быть немного суше и медленнее обычного:

— О втором районе я скажу позже. А сейчас мне хочется взглянуть в завтрашний день. Давайте сделаем это вместе.

Голос Рогова дрогнул, когда он спросил негромко:

— Видите ли вы в судьбе «Капитальной» большую судьбу нашей родины? Все ли видите?..

Да, каждый из нас отвечает за свой забой, участок, за свою шахту — так же, как за всю родину! Чем же тогда мерить нашу силу, нашу волю, когда нам надо

брать приступом новые крепости знаний, когда приходится решать задачи, которые выдвигает перед нами партия, жизнь? Нет такой меры, так же, как не было ее, когда мы защищали советскую землю, когда мы заслонили собой от врага целый мир. Нет такой меры! Мы получили знамя — это хорошо, но это наш вчерашний день, а мы глядим в завтра. Если же мы с прежней сноровкой, с прежней организацией двинемся в это завтра, значит мы попробуем вычерпать море ложкой. Чем наша шахта пока держалась? Не такая уж это хитрая механика. Там, где в забое должны стоять двое, мы ставили троих...

— И даже поболее будет! — поддержал кто-то из зала.

— Но так не может продолжаться! Это неправильная, это антигосударственная дорога. К концу пятилетки шахтеры должны давать двести пятьдесят миллионов тонн, через пятнадцать, двадцать лет — полмиллиарда. Что же нам тогда делать? Сколько народу потребуется, чтобы эти цифры осилить? И вот встает вопрос: с чего нам начинать? А начнем мы с того, что в корне изменим наши взгляды на шахту. Это уже не та шахта, где все держалось на-авось: не обрушится забой, проработаю смену, обрушится — в другой перейду. Нельзя, чтобы забой командовал нашим человеком, должно быть наоборот. Шахта — это завод, очень сложный, очень гибкий, где каждый забой — отдельный цех со своими особенностями, которые ежедневно изменяются, значит наш завод требует от командиров высоких знаний, от наших рабочих большого умения. Но завод наш и каждый его цех — забой — нужно немедленно запрягать в железный план, в цикл, — без этого невозможно биться, без этого, сколько ни бейся, толку не будет.

Рогов теперь уже не торопился, он чувствовал, что каждое его слово падает на благодатную почву. Вот где-то в дальних рядах смуглеет внимательное лицо Черепанова, а вот совсем близко, полуприкрыв глаза и слегка покачивая головой, слушает Некрасов, рядом с ним Афанасий Вошин захватил колено в ладони и, склонив голову к плечу, как будто приглядывается к чему-то вдали. В завтрашний великий день смотрят люди.

Рогов говорит:

— Всю тяжесть труда мы должны переложить на машины!

И, переждав шум, повторяет:

— На машины, товарищи, иначе отстанем, запутаемся, задохнемся! Смотрите, что получается: откатка у нас механизирована почти на сто процентов, а навалка угля на конвейеры, погрузка породы на проходке — это сплошь ручной труд. От нас ждут света, тепла сотни городов, тысячи сел, разрушенных гитлеровцами... Как же упиваться нам вчерашними успехами?

Теперь в зале не было ни спокойных, ни равнодушных. Сотни человеческих сердец колотились напряженно; казалось, собрание смотрело на Рогова всего одной парой огромных требовательных глаз. Бондарчук что-то быстро писал в блокноте, Черепанов незаметно для себя и для соседей встал и подошел к эстраде. Афанасий Петрович сжимал теперь короткими железными пальцами подлокотники стула.

— Товарищи... — оглянувшись еще раз в президиум и с удивлением отметив, как необычайно, празднично светятся глаза у Филенкова, Рогов продолжает: — Товарищи, я вас не пугаю, это было бы нехорошо и бесполезно — люди вы с крепкими нервами, — я обращаюсь к вашим сердцам и спрашиваю: чего мы ждем?

Рогов еще раз обернулся к президиуму и, прямо глядя Дроботу в лицо, повысил голос:

— Не верю я в ваццу сегодняшнюю юбилейную речь, товарищ начальник шахты. Не верю! Вы или не видите, или не желаете видеть, что силы коллектива сдерживает рутина! Говорят, что на «Капитальной» больше механизмов, чем на всем остальном руднике. Правильно. Но механизмы грудями лежат на складе — это замороженная сила, это воровство! Почему только в этом месяце у нас выведено из строя девять насосов, два электровоза, шесть приводных конвейерных головок? Почему в журнале регистрации аварий об этом стыдливо умалчивается? Что это — игра в прятки с собственной совестью? Нам говорят: «Чтобы план был, уголь таскайте хоть шапками, хоть горстями». Нет, не будем так таскать! Шапочных планов наше государство не может составлять, ему не нужна дорогая и медленная шапочная продукция.

Рогов хотел продолжить, но тут словно дверь распахнули в шумный морской простор. Всклыхнулось, закричало, заговорило собрание:

— Правильно-о! Инженер... Рогов! Правильно-о!

Кто-то тянулся обеими руками к президиуму:

— Слова! Прошу, председатель, слова!

Бондарчук быстро кивнул Рогову:

— Продолжайте.

От волнения во рту пересохло, но он боялся протянуть руку к стакану, боялся оторвать взгляд от слушателей хотя бы на секунду.

— Значит, два звена должны мы вытягивать всеми силами: механизацию от забоя до бункеров и нерушимую цикличность. Нет больше на шахте места «святому авось». Человек должен знать, что он сделает и как сделает за смену. Это трудный, крутой, но самый короткий путь. На пути этом наша угольная промышленность высвободит десятки тысяч рабочих, которые будут строить дороги, города, рыть каналы в пустынях, сеять хлеб... Родине нужна каждая пара умелых рук, родине!

Рогов перевел дыхание, оглянулся на Бондарчука и снова заговорил:

— Теперь я хочу о своем втором районе. Скоростная проходка, механизация, цикличность — ко всему этому мы уже приступили. Мешкать не будем ни одного часа... Знаете Афанасия Петровича Вощина?

— Знаем! — дохнуло в ответ всем собранием.

— Коммуниста Некрасова знаете?

— Знаем!

— Они на втором районе не одиноки... Верите им?

Коротким раскатистым громом аплодисментов ответил зал. Рогов наклонил голову.

— Спасибо, товарищи. Второй район не обидит вас ни одной плохой сменой.

Как в тумане, как на чужих ногах, прошел он за кулисы и чуть не столкнулся с начальником шахты.

— Здорово! — Дробот стал вполоборота к Рогову, медленно протянул руку: — Здорово, инженер, у тебя получается... Распял ты сегодня меня, как на кресте. Век буду помнить.

Рогов не успел ответить, как подошел Бондарчук. Закуривая, приподнял спичку, осветил лицо инженера, усмехнулся, опустив взгляд на огонек папиросы.

— Считаю, Павел Гордеевич, что разговор наш с тобой... предварительный, состоялся. Рад.

ГЛАВА X

Еще на прошлой неделе, прочитав в городской газете резкую статью о себе: «Инженер экспериментирует», Рогов, правда, подосадовал, но и не подумал пойти в редакцию с протестом. А сегодня утром его остановил в раскомандировке забойщик Некрасов и, молча развернув «В бой за уголь», ткнул коротким пальцем в маленькую заметку: «На втором районе производительность снизилась».

Читая двадцатистрочную корреспонденцию, Рогов даже не пытался отвернуться, чтобы скрыть гневный румянец. Автор самым бессовестным образом исковеркал совершенно очевидные факты. Речь шла как раз о бригаде Некрасова, чьей стахановской работой теперь на районе по праву гордились.

— Хулиганство! — Рогов рывком сунул газету в руки забойщика.

А тот, не торопясь свернув козыю ножку, спокойно заметил:

— Надо бы разобраться, Павел Гордеевич. Вроде как неудобно получается.

Было очень некогда, но Рогов решил сходить в редакцию.

...Заглянул в одну комнатку, в другую — ни живой души. Где-то стучала машинка. Накопец в третьей, совсем крошечной комнатке ему повезло. Маленький белобрысый человек кричал в трубку, и тут же писал, и тут же курил, и тут же сдувал пепел со стола. Кивнув Рогову, он ухитрился подать для рукопожатия локоть и снова закричал:

— Не морочь, не морочь голову! Я знаю положение на твоей шахте. Тебе за «Капитальной» все равно не угнаться... Вот чудак, да ты делай, а мы поддержим!

Ловким движением бросив трубку на рычаг и одновременно загасив окурок, он невидяще поглядел на Рогова и начал говорить так, как будто они уже неделю как не расставались.

— Ты понимаешь, хвастается этот Ременников с десятой: «Что мне, кричит, «Капитальная», когда у меня

уже восемь скоростных забоев! Вы, кричит, конъюнктуршики, проглядели ростки нового!» Это он мне кричит, понимаешь? Это я конъюнктурщик, я проглядел ростки! А у меня сердце разрывается!

— Да... — вежливо поддержал разговор Рогов, хотя не понимал, отчего у человека сердце разрывается.

— Конечно! — заторопился тот и переворошил на столе кучу рукописей. — Всю ночь висел на телефоне. На «Черной горе» Михайлов вышел сразу в четыре забоя, на три-три-бис... постой, что же на три-три-бис? Да! Николаенко, конечно, знаешь? Так он что удумал... самонавалку на транспортер, прямо от взрыва. Это чорт знает, даже у меня руки чешутся! А потом на «Капитальной»... этот Рогов опять загадку загадал — перевел три лавы на двухцикличный график. Два цикла в сутки! Хоть убей, не могу раскусить парня — то у него удача, то целая серия срывов. Я у Дробота спрашиваю: как? А он: «Цыплят по осени считают». Извольте! А я не могу ждать до осени! Мне нужно людей немедленно поддержать.

— Так Рогова же только на-днях в газете ругнули! — прервал негромко Рогов.

— Ругнули? — изумился газетчик и тут же расхохотался. — А ты что, не знаешь, как нас за это в горкоме... — Парень зашулся. — Постой, постой... — и уже медленнее добавил: — Постойте, мне показалось ваше лицо знакомым... а теперь...

Рогов кивнул.

— Действительно, не встречались. Я Рогов.

— Рогов! — парень подскочил на стуле, пробормотал: «чорт, ошибка», обошел стол, пожал инженеру руку и, еще раз чертыхнувшись, подытожил: — На грани фантастики!

Рогов рассказал о заметке.

— Да не может быть! Подождите... Кто это делал? Вспомнил! Чернов! Вот чорт...

— Тогда, может быть, можно поговорить с этим Черновым? — спросил Рогов.

— Поговорить? А чего же, я устрою это, — с готовностью согласился парень. — Только вот что... как бы это выразиться...

— Попроще, — посоветовал Рогов.

— Вот именно... В общем, меру пресечения этому Чер-

нову вы уже сами придумайте. А если не удовлетворит, я, как заведующий отделом...

Рогов попросил не беспокоиться и вызвать Чернова.

Вскоре круглоголовый, ясноглазый юноша неловко пожал инженеру руку и отрекомендовался:

— Чернов.

— Вот что, Чернов, — заторопился заведующий отделом, — поговори с товарищем Роговым по поводу своего материала. Только начистоту!

Чернов хотел, очевидно, что-то возразить, но его патрон с расстановкой повторил:

— Поговори с товарищем инженером! Понятно?

— Сходим на шахту, надо вам самому разобраться, — предложил Рогов. И уже дорогой полюбопытствовал: — Давно в газете?

— Полтора года! — охотно сообщил Чернов и, хлопнув себя по шее, добавил: — Она у меня вот где, эта газета!

— А что?

— Так я же немного поэт, а какие же могут быть стихи, когда все силы уходят на информацию?

— Вот как! — удивился Рогов. — Значит, газета не по душе?

— Я не сказал, что не по душе...

— Следовательно, внутренний конфликт?

— Всякое бывает, — согласился молодой журналист. — Иной раз глаза не глядели бы, а все равно нет сил оторваться. Живое же дело!

— Получается у вас не плохо, — насмешливо заметил инженер. — Хлестко получается!

— Правда, а что именно?

— А вот в сегодняшнем номере о бригаде Некрасова.

— Ах, это... — Чернов разочарованно отмахнулся.

— Неудачный пример?

— Действительно. Но тут особое дело...

На шахту они пришли в час наряда. Поманив за собой журналиста, Рогов прошел прямо в комнату пятого участка.

Бригада Некрасова оказалась в сборе, не было только самого бригадира.

— А он вас, товарищ начальник, на участке ждет, —

сообщил молодой забойщик. — Там такое придумано! Сам Некрасов... Вы только посмотрите!

— Да что ты! — удивился Рогов. — Хорошо, я сейчас как раз туда наладился. А вы между тем познакомьтесь... — Он оглянулся на журналиста. — Это товарищ, который писал о вашей бригаде. Чернов. Поговорите здесь по душам.

Перемигнувшись с шахтерами, он вышел, услышав, как за спиной у него кто-то нарочито громко вздохнул, кто-то многообещающе молвил:

— Так-так...

Через полчаса Рогов уже был на участке.

— После стахановского слета он все время чувствовал какую-то внутреннюю озаренность, теплоту коллектива, словно своим выступлением он расчистил людям дорогу. «Но ведь это, мягко выражаясь, самонадеянность? — спрашивал он себя. — От хороших слов на трибуне до хорошо организованного забоя путь еще велик!»

Некрасовцы работали теперь в новой, только что нарезанной лаве — пологопадающей, сыроватой, с двумя породными прослойками. Условия были трудные, и бригадир хотя и не падал духом, но беспокоился.

В этом состоянии беспокойства он и встретил инженера.

— Хотите — казните, хотите — милуйте, — говорил он, поспешая за Роговым. — Ну, только наслушался я хороших слов на слете, вот и схватило меня за сердце, схватило — и не отпускает. Вот и попробовал я одну рационализацию провести.

— Всерьез схватило? — Слегка наклонившись, Рогов взглянул в лицо забойщику.

— Всерьез, Павел Гордеевич! — Некрасов еще более оживился: — Я вот прошлую ночь со своей старухой планы плановал. Она говорит: «И чего тебе не сидится, не лежится, чего ты, как ужаленный, привскакиваешь?» Я тогда и давай! Больше, конечно, для себя. «Вот, говорю, представь себе, мать, в Кузбассе многие тыщи забойщиков. Сейчас ночь, кто-то из них работает, кто-то отдыхает. И ведь наверняка все они думают о своем деле, мучаются, можно сказать — у одного получается, у другого кругом ничего не выходит. Вот ты и поразмысли: какая каждому из нас преобладающая ночь дана!»

Некрасов помолчал, повздыхал, потом признался, что все приготовил к испытанию, но немного робеет. Не поможет ли Павел Гордеевич? Если не получится, то хотя объяснит, почему.

— Ну рассказывайте, что такое изобрели, — сказал Рогов.

— Сейчас, Павел Гордеевич... Сейчас вы сами увидите и все поймете. Пойдемте, — волнуясь и суетясь, говорил Некрасов.

Они подошли к лаве. Некрасов крикнул в глубь забоя:

— Филя, у тебя все готово?

Метрах в десяти от них кто-то крякнул, заворочался, еще раз крякнул, и, наконец, через минуту появился сам Филя. Рогову показалось, что человек этот загромоздил собой все двухметровое пространство от стоек до стенки забоя. Но лицо у него оказалось небольшое, круглое, с веселым задорным носиком-пуговкой.

— Вот комплекция, — покачал головой Некрасов. — Новичок. Я уж и то ему говорю: «Не дай бог, Филя, заденешь меня ненароком — осиротеет старуха».

— Будет вам, дядя Гаврила! — попросил новичок. — А то я чес-слово рассержусь.

— Ничего, ничего... Ну как у тебя, порядок?

Оказалось, что скважины уже заряжены.

— Давай, давай! — торопил взрывника бригадир.

Все вышли в конвейерный штрек.

Сколько раз Рогов наблюдал запальных дел мастеров за работой. Были среди них люди своеобразной профессиональной хватки — одни отличались лихостью приемов, другие — педантичной аккуратностью, но всех делал похожими самый последний момент перед взрывом. Вот и этот, так же, как и десятки других, привычным движением надвинул шапку на брови, вставил ключ в скважину запальной машинки и, вдруг пронзительно закричав: «Береги-ись!», повернул ключ.

Грохнуло. Взрывная волна толкнула в спину, в грудь, посыпалась с кровли породная крошка.

Покашливая от сладковатого чада, Некрасов сказал:

— Уж вы сами, Павел Гордеевич, включите привод.

Рогов взялся за рукоятку пускателя и слегка повернул ее.

Сиренным нарастающим воем ответил мотор, и тотчас

под грудой отпаленного угля заскрежетало, угольный сброс зашевелился, будто кто-то могучий захотел освободиться из-под него. Медленно осыпаясь, угольная масса тронулась вдоль забоя.

Рогов сразу же оценил простое и вместе с тем мудрое использование скребкового транспортера.

Некрасов вытер вспотевший лоб.

— Вот вам, Павел Гордеевич, и вся недолга, — произнес он нарочито спокойным голосом. — Значит, цикл будет. А то без механизации в такой лаве наличными силами управиться было никак невозможно. Видите, — две прослойки, из-за них приходится уголь брать тремя пачками...

Он остановился, видно стесняясь долго задерживать инженера. Однако желание рассказать о своей удаче превозмогло, и он заторопился:

— Тут главное ведь в чем, Павел Гордеевич! Не в том, что я скребковый транспортер у себя приспособил, а в том, что скребок и весь став лежат на самой почве, никакая холера их не возьмет. Я пригоняю конвейер к самой груди забоя, я его, как пригоршню, под запальный участок подставляю, а потом палю. Уголь от взрыва сам падает на ленту. Не меньше тридцати процентов всего сброса. Ну, а все остальное вы видите сами, — и Некрасов развернул руку в сторону текущей угольной реки.

Рогов передвинул шлем от одного уха к другому. Он почувствовал, что взволнован не меньше, чем бригадир.

Техническая идея Некрасова была проста; может быть, ее применяли и на других шахтах, но то, что этот человек так решительно и так точно осуществил свою мысль, не побоялся пойти на риск, тронуло Рогова, наполнило его гордостью.

Однако, невольно попадая в тон Некрасову, он тем же нарочито спокойным голосом сказал:

— Правильно все, Гаврила Семенович, правильно! Теперь сделаем, чтобы у вашего дела было продолжение. Завтра же организую на районе собрание горных мастеров, бригадиров, а вы расскажете им про самонавалку.

— Значит, в докладчики меня метите? — спросил Некрасов, но, подумав, тут же согласился: — Давайте, коли на пользу!

ГЛАВА XI

Ни одного дня не мог обойтись Рогов без того, чтобы не зайти в забой к Вошину. Не то чтобы его беспокоили какие-нибудь неполадки у проходчика или он сомневался в его успехе, просто тянуло в этот забой, как на солнечную горку, откуда дальше и яснее видно.

До двух метров штрека в смену проходил Афанасий Петрович да к тому же обучал четырех проходчиков, чтобы потом перейти на круглосуточную скоростную работу. А чему обучал? «Не глядя на часы, уметь считать минуты», — так он формулировал свою задачу. А в остальном забой — как забой. Правда, действует механический перегружатель, разделку леса перенесли на поверхность, усилили вентиляцию, но все это можно применить в любом забое, дело — за желанием, за сноровкой. А в сноровке Афанасию Петровичу отказать нельзя, это у него получается здорово. И главное, все молча — с подручным он почти не разговаривает и лишних людей у своего дела не терпит.

А вот сегодня Рогов немного удивился, еще издали услышав в забое раскатистый смех и восклицание Филенкова:

— Ах, старик, старик! Песни про тебя петь будут.

Заметив Рогова, Филенков подтолкнул его к забою:

— Посмотрите-ка, что вытворяет Афанасий Петрович! Как это просто и чертовски умно.

Рогов догадался, почему так возбужден Филенков. Вошин еще позавчера предложил очень оригинальное крепление для стационарного колонкового сверла. Он решил крепить его не вертикально, как это обычно делалось, а горизонтально. При этом можно было бурить не одну, не две, а полный ряд скважин. Очень много времени сокращалось на этой трудоемкой операции.

— Умно, умно! — подтвердил еще раз Филенков.

Рогов не удержался, перебил:

— Федор Лукич, но ведь и сейчас кое-кто утверждает, что в породном забое нужно надеяться в первую очередь на обушок, на лопату. По-моему, и вы недалеко от этого...

— Что-о? — Филенков оглянулся и сейчас же подмигнул понимающе. — Не злитесь, Павел Гордеевич, я ведь не совсем скверный мужик.

Рогов резко заметил:

— А я пока не сказал этого. Вы совсем не скверный мужик, когда... не в кабинете у Дробота!

Последние слова прозвучали резче, чем это хотелось бы, но Рогов не пожалел об этом, заметив, как при имени Дробота Филенков сделал еле уловимое движение, как будто хотел оглянуться.

В общем, разговора с главным инженером опять не получилось. Филенков неловко потоптался, несколько раз глянул на Рогова, похлопал для чего-то ладошкой по стойке и ушел, пообещав немедленно заказать в мастерской новое крепление для сверла.

Афанасий Петрович, как будто пожалев его, кивнул вслед:

— А он ничего... тслько не всегда.

Такое, несвойственное Вошину, половинчатое определение развеселило Рогова, но слова у него снова были резкими, а голос сухим, когда он заговорил:

— Действительно, не всегда! А жить половинками нельзя, Афанасий Петрович! Нельзя. Советский человек, да еще инженер, должен знать, что он может и что он должен. Но откуда же известно, что может и чего хочет Филенков, и, если он что-нибудь решил утром, не передумает ли к вечеру: вдруг Дробот скажет свое «нет»?

Проходчик распрямился, внимательно глянул на инженера и, приподняв пальцем кончик вислых усов, покачал головой.

— Круто вы забираете, Павел Гордеевич! Если, допустим, с лесиной или с железом каким, тут действительно жми в полную силу, а в человека надо вникнуть.

— В такого, как Филенков?

— Именно. — Вошин кашлянул. — Извините, такое мое мнение. Вы говорите, что он без стержня, без своей точки? А, по-моему, точка есть, только вокруг нее Дробот таких препинаний наставил — не разберешь, что к чему. Перед тем, как вам притти, мы с Федором Лукичом разговор имели вот об этом аппарате. — Вошин показал на породопогрузочную машину. — Я ему говорю: чего лучше, если бы в каждом забое такая штука стояла, только вот надо придумать что-то на головной барабан, а то забивается мелкой породной крошкой. Говорю это я, а сам смотрю на Федора Лукича. И что вы думаете? Светится

человек, пишет в книжечку, даже ногой притопывает... Итак, я думаю, Павел Гордеевич: есть у него в груди жар-уголек, только пеплом подернулся. А если на ветерок — непременно вспыхнет!

Рогов не стал продолжать разговора, зная, что сейчас здесь каждая минута на счету.

Вощин с помощником пробивали основной штрек — длинную выработку, похожую на коридор, с плавными поворотами по простиранию угольного пласта. В забое еще сладковато пахло недавно сгоревшей взрывчаткой, но два колонковых сверла уже снова были установлены и даже половина скважин отбурена. Вообще несловоохотливый, Вощин в этот час совсем не разговаривал. Помощник его, тоже пожилой человек, нагрузив последний вагончик, откатил его до недалекой разминки.

— Где же Димка? — забеспокоился бригадир. — У тебя, Михайлович, много еще?

— С вагончик наберется, — отозвался Михайлович. — Может, пойти крикнуть этого сорванца?

— Не надо, — отмахнулся Вощин, — парень знает дело, порожняк не проворонит.

Не прошло и пяти минут, как из-за поворота выскочила юркая фигурка Димки.

— Дядя Афанасий, — сообщил он, — транспортный десятник весь порожняк перегоняет на девятый участок.

— Тьфу, язвы их! — разозлился Вощин. — И как это наш транспорт норовит все на особицу! Придется самому итти воевать.

— Не надо, — сказал Рогов. — Мне как раз по пути. Я все улажу.

Но уладить дело с порожняком оказалось не так легко.

В квершлагге оставалась небольшая партия вагончиков, которую уже прицепили к электровозу.

— Э, нет, не выйдет! — отмахнулся десятник. — Мне приказано в первую очередь обеспечить третий район.

— Но у Вощина скоростной забой! Порожняк сюда подается вне очереди! — попробовал настоять Рогов.

— Отойдите вы от греха! — повысил голос десятник. — Отойдите!

— Хорошо! — Рогов почувствовал себя словно в атаке, когда ясную мысль опережает стремительное движение. — Хорошо! — Он вдруг встал перед электровозом

и, махнув лампочкой Димке, приказал: — Отцепляй три вагончика!

Десятник метнулся было по штреку, но его сразу же настиг окрик инженера:

— Стоять на месте!

Димка расторопно отцепил вагончики и, повернув их на плите, толкнул в штрек.

Девушка-машинист, все это время восторженно смотревшая на Рогова из своей кабинки, неистово зазвонила и тронула машину в темный провал квершлага. А десятник стоял в стороне, растопырив руки и беззвучно шевеля губами.

Остывая от гнева, Рогов уже готов был подосадовать на себя, что не может удержаться от вспышки даже по таким пустякам, как нехватка трех вагончиков. Но тут же радостное чувство охватило его: лед тронулся, за трудные, новые дела на шахте взялись хорошие люди! Значит — не даром выступал на слете, не даром провел бессонные ночи над графиками цикличности, не даром буквально выдирали механизмы где только можно...

В кабинет Бондарчука Рогов вошел в самом веселом настроении.

ГЛАВА XII

Коммунистам на шахте надолго запомнилось собрание, на котором познакомились с новым парторгом и избирали его в состав бюро. Собрание это впоследствии кто-то назвал «поворотным».

После голосования выступил Дробот. Он произнес короткую и снисходительную речь, в которой по-отечески посоветовал новому парторгу думать прежде всего о выполнении плана добычи.

— О вас будут судить по тому, как идет уголь! Вы человек новый, многое может показаться вам в диковинку, — повернулся Дробот к Бондарчуку. — Прошу в любое время ко мне, чем смогу, посодействую. Важно только смелее браться за дело. Глядишь, недельки через две все образуется.

Вышел из-за стола парторг. Его уже разглядели, когда он рассказывал свою биографию. Среднего роста, по-военному подобранный, в ладно сшитом штатском костюме.

Хорошая крупная голова. Лицо почти оливковое, а глаза темные, внимательные и очень спокойные. Но когда смотришь в эти глаза, все время почему-то кажется, что парт-орг может каждую минуту задать совершенно неожиданный вопрос, на который не сумеешь ответить.

— Спасибо за прием, — сказал Бондарчук и мельком одним губами улыбнулся. — Только вы очень снисходительны, товарищи, предоставляя мне две недели для ознакомления. Я у вас уже четыре дня. — Он оглядел собрание и широко развел руками. — Вот видите, сколько нас — сто шестьдесят восемь большевиков, — это, знаете, сила. Меня смущает лишь одно обстоятельство... Ведь получается, что только половина коммунистов работает собственно в шахте, а остальные? А остальные...

— Обеспечивают добычу на поверхности, — твердо выговорил Дробот и для чего-то постучал пальцем по столу.

Но Бондарчук даже не повернулся к нему.

— А остальные обеспечивают добычу на поверхности. Но... товарищи, не лучше ли обеспечивать добычу прямо в шахте, в забое? Как думаете?

Собрание уже давно насторожилось. А сейчас кто-то выкрикнул:

— Товарищ Бондарчук, по-вашему, коммунисты сами из шахты разбежались?

Глаза у парторга мгновенно утратили свой влажный блеск, и не то чтобы он пристукнул, а просто быстро опустил костяшки пальцев на крышку трибуны. Выпрямился.

— Я не сказал и не имею права сказать это! Раз коммунисты оказались на поверхности, значит их перевели решением организации.

— Так, — наклонил голову Дробот.

— А если так, значит есть настоятельная необходимость немедленно же решить вопрос об укреплении подземных партийных групп, о возвращении коммунистов в забой. Это я и предлагаю.

От простого знакомства с новым парторгом собрание вдруг круто повернулось к делам шахты. Как ни настаивал Дробот, что решать такое важное дело сейчас преждевременно, что парторг просто не знает истинного положения, — когда все же стали голосовать, предложение

Бондарчука прошло. Сам он встретил это как должное, невозмутимо оглядел собрание и сказал:

— А теперь, товарищи, прошу звонить мне в любое время и заходить не стесняясь.

После этого Рогов почти каждый день бывал у парторга. Вот и сегодня зашел не погому, что нужно было решить какое-то неотложное дело, а просто захотелось «подышать», как он говорил про себя.

В небольшой комнатке партбюро народу оказалось много. Сдержанно гудели человеческие голоса, часто звонил телефон, и кто-то у окна настойчиво допрашивал собеседника:

— Ты мне скажи: он коммунист или нет? Я тебя спрашиваю: коммунист он или нет? Так почему же он не может организовать свою жизнь по-коммунистически? Имеем мы право у него спросить об этом? Имеем право и спросим!

Против Бондарчука сидел Дубинцев и что-то старательно записывал в блокнот, иногда останавливался и сосредоточенно смотрел в солнечное окно.

Кивнув приветливо Рогову, Бондарчук снова повернулся к технику и, по привычке отчеркивая что-то ногтем на скатерти, медленно, раздумчиво проговорил:

— Я рад, что коммунисты выбрали тебя партгруппоргом. Рад.

— А я удивился! — Николай сдвинул светлые брови. — Понимаете, Виктор Петрович, удивился!

Бондарчук раскрыл перед собой смуглые ладони и, глядя на них, усмехнулся:

— Ну что ж, это хорошее свойство: жить и удивляться, глядя на то, что сам творишь жизнь... Только ты должен запомнить, что партийный работник — это общевойсковой командир и не просто общевойсковой, а командир, который в первую очередь имеет дело с человеческими душами, воздействует на них, делает их сильнее, красивее! Видишь как.

А на первое время я тебя попрошу внимательнее приглядеться к забойщику Алексееву. Что-то не ладится работа у человека. Постарайся узнать, какая помощь ему нужна, учится ли он. Сделай это по-партийному, пристрастно.

Потом вот еще что: на вашем участке мало газет выписывают...

— Так это же простое дело. — Дубинцев пожал плечами. — Один день — и все будет в порядке...

— Ты подожди... — парторг чуть приметно поморщился. — Разговор я затеял об этом потому, что не так это просто. Надо еще, Николай Викторович, знать, что требуется человеку от газеты. Ты помнишь в лицо Наденьку Книш, мотористку из третьей смены? Так вот, она каждый день приходит сюда и разыскивает в газетах последние музыкальные новости. И припомни-ка, какой у нее голос. Это же не голос, а удивление! Подумай над этим, может посоветовать что-нибудь ей придется.

А Сергей Копылов, крепильщик, этот в особую папочку собирает и по многу раз перечитывает все международные обзоры, любит досконально разобраться в самых сложных вопросах. Так что посоветоваться с человеком о подписке на газету — это не простое, а глубоко партийное дело.

Бондарчук приподнялся и, подавая Дубинцеву руку, закончил:

— Иди, партгруппорг, тебя неотложные дела ждут. Да не забывай почаще бывать у меня.

На место Дубинцева сел пожилой грузноватый человек с широким мясистым лицом и плотно сжатыми губами. Рядом с ним остановилась девушка, высокая, круглолицая и такая курносая, с такими большими смеющимися глазами, что смотреть на нее без улыбки было почти невозможно.

— Я вас слушаю... — Бондарчук глянул на мужчину, на девушку и, чтобы не рассмеяться, быстро наклонился к столу.

— За помощью к вам, товарищ Бондарчук, — сказал мужчина и неприязненно оглянулся на девушку. — Я Зубов, а это моя племянница... Типичный дезорганизатор.

— Ох, дядя Вася!.. — Девушка запросто опустила руку на плечо своего сердитого родственника.

— Прошу помолчать, — буркнул дядя Вася и снова обратился к парторгу: — Я комендант восьмого молодежного общежития, знаете, двухэтажный дом у горы? Так вот, я же являюсь и агитатором в общежитии и по плану агитпункта делаю доклады.

— По три доклада на неделе и все в нашем общежитии, — встала девушка, с любопытством разглядывая парторга.

— Именно, по три доклада, — подтвердил Зубов. — Но вчерашний доклад о международном положении у меня сорвали. И не кто-нибудь, а родная, можно сказать, собственная племянница. Она первая заголосила...

— Первая? — переспросил Бондарчук. — Значит, кроме нее, еще кто-то принимал в этом участие?

— Конечно, принимали, — простодушно призналась девушка. — А то как же!

— В чем же этот срыв выразился, и о чем именно вы заголосили? Но прежде скажите, как вас звать?

— Меня зовут Леной... И я совсем не заголосила, а только громко сказала...

— Что же вы сказали?

— Вот-вот! — оживился Зубов. — Пусть ответит, что она в самый ответственный момент сказала!

Лена потупилась, на скуластых щеках ее проступил еле приметный румянец.

— Ну, я сказала... — Она помедлила секунду, потом решительно закончила: — Я сказала, что доклад неправильный.

— Именно, так и сказала! — почти выкрикнул дядя Вася.

Бондарчук поднял руку.

— Одну минуточку, товарищ Зубов. Скажите, Лена, почему вы решили, что доклад неправильный?

Девушка даже плечами пожала.

— Потому что скучный!

Зубов иронически усмехнулся.

— Им хочется, чтоб доклад под гармошку делали.

— И совсем неправда, — обиделась девушка. — Разве так можно? — Она повернулась к Бондарчуку. — Дядя говорил о Генеральной Ассамблее, о том, как там свирепствуют империалисты, потом, как колонизаторы мешают жить народу Вьетнама, и еще о Греции. А я спросила: есть ли комсомольцы в Вьетнаме? Дядя говорит: «Не имею под рукой соответствующих материалов». И еще Соня Рыжкова спросила: где находится Вьетнамская республика, и как там народ живет, и нельзя ли туда написать

душевное письмо, чтобы там знали, как мы за них болеем сердцем?

Тогда дядя рассердился и сказал, что он там не был, что у него своих дел по горло и что по вопросу письма нужно обращаться на почту. — Лена вздохнула. — После этого нам стало скучно, и, когда дядя читал какую-то длинную статью... мы немного поговорили. Но это было далеко, почти в самом углу...

— Все точно, — подтвердил Zubov. — Надо принять какие-то меры, товарищ парторг, а то такое отношение к докладам совершенно ненормально.

— Та-ак... — Скрывая улыбку, Бондарчук усиленно потер переносицу и все же, не выдержав, коротко засмеялся и сквозь смех выговорил: — Ну, Лена, и задали вы мне задачу... Прямо не знаю, что и сказать. Давайте как-нибудь вместе подумаем.

— Давайте, — согласилась девушка.

Бондарчук сейчас же выпрямился и, не спуская внимательных серьезных глаз с лица Лены, спросил:

— А если бы вам самой пришлось делать доклад, он не получился бы скучным?

Лена совсем не удивилась вопросу, она только немного подумала и тут же упрямо тряхнула головой.

— Нет, Виктор Петрович, скучным он не получился бы. Особенно о Греции... Когда я об этом думаю, у меня сердце кипит!

— Сердце кипит... — Бондарчук потянулся через стол и коротко пожал руку девушке. — Лена, пусть у вас кипит и не остывает сердце! А с докладом мы так договоримся... Завтра, часов в восемь вечера вы зайдете ко мне, и мы посоветуемся, о чем вы сможете рассказать товарищам в общежитии. Хорошо?

— Только... — На этот раз Лена несмело глянула в лицо парторга. — Только я ведь впервые буду делать доклад... Лучше я просто расскажу девушкам, что знаю и что чувствую.

— Вот это и будет доклад! — Бондарчук простился с Леной и Zubовым, который явно остался недоволен результатами разговора, а когда они ушли, весело, с удовольствием распрямил плечи и кивнул Рогову: — Слышал? Настоящий праздник!.. А теперь подсаживайся поближе и рассказывай, как дела? Подожди, подожди, вижу, что

хорошо, но зачем же торопиться? Ты, значит, доволен? Порадовали Некрасов и Вошин? Хорошо. Только ты не забывай, что это всего лишь первый шаг.

Бондарчук говорил весело, однако Рогов чувствовал, что это не все, что хочет сказать парторг. Он вообще чувствовал превосходство Бондарчука над собой в том, как тот умел точно и во-время подсказывать людям нужные и верные мысли. Самому Рогову темперамент иногда мешал так расчетливо вести разговор, так спокойно направлять сознание собеседника.

Рогов знал, что у Бондарчука всегда есть своя твердая точка зрения, которую он и будет отстаивать.

— А теперь расскажи о газетной истории, — сказал парторг.

— Вообще-то смешная история, — отозвался Рогов. — По-моему, автору статьи трудновато досталась беседа с некрасовцами.

— Значит, смешная история? — переспросил Бондарчук. — И кто же больше всех смеялся?

— Во всяком случае не Некрасов.

— То-то! Ну, а как насчет порожняка в забое у Вошина?

Рогов вспомнил свою атаку на вагончики и невольно расхохотался.

— Тоже смешная история? — Бондарчук улыбнулся, потом глаза его настороженно сузились, он сказал: — Хорошо, но мне не до смеха, особенно сейчас. Мне это твое веселье не нравится.

Зазвонил телефон, и парторг быстро поднялся со стула.

— Товарищ Хомяков? — спросил он в трубку. — Как дела с вашей арифметикой? По телефону неудобно? Тогда прошу ко мне, жду.

Хомяков вошел запыхавшийся.

— Вот... — он перевел дух. — Бежал, как на пожар... Новость у меня насчет арифметики... — Он усмехнулся невесело. — Комиссия приехала... из комбината. Обследовали угольные отвалы. Знаете, что сказали? «С арифметикой, говорят, у вас, товарищ маркшейдер, все в порядке. Остается выяснить, куда делся уголь из отвалов?»

Известие это, как личная обида, хлестнуло Рогова.

— Мерзавцы! — выпалил он, не зная еще, по чьему адресу. — Кого обманывают?

Бондарчук пристально посмотрел на Рогова и отчеркнул что-то ногтем на столе.

— А я думал, что ты и тут развеселишься, — сказал он значительно. — Ведь это тоже довольно смешная история: тысячи тонн угля словно испарились на солнышке, а деньги за них от государства получены, премии выданы... Видишь, как! — Он вдруг встал и, протянув инженеру руку, круто оборвал разговор: — А теперь иди, тебя как будто начальство ждет.

В приемной Дробота к Рогову подошла Аннушка. Они оба были рады встрече и стали вспоминать, как вместе побывали в кино.

— Но я случайно видел, как вы закончили этот лунный вечер... — хитро сощурился Рогов. — Не забыли? Скверик у дома, серебристый свет на тополях, а один физкультурник говорит своей девушке: «Знаешь что, Аннушка...»

— Ох, вы какой! — Лицо Аннушки вспыхивает прозрачным румянцем.

— Когда же свадьба?

— Вот я вас для этого и ждала. Приходите в следующее воскресенье к шести вечера. Сам Коленька все не осмелится пригласить вас. Он ведь робкий! — Глаза Аннушки становятся матерински ласковыми.

— Робкий? — удивился Рогов. — Вот уж этого я за ним что-то не замечал: воюет он на участке, как настоящий солдат.

— Нет, он робкий! — Аннушка строго сдвинула брови.

— Верю, верю, — поспешно согласился Рогов и сейчас же насторожился, забыв погасить на лице приветливую улыбку.

За кабинетной дверью послышался приглушенный крик Стародубцева:

— Это демагог и дезорганизатор! Надо немедленно поставить вопрос на бюро. Я добьюсь этого!

Что-то неразборчивое прогудел чей-то голос, пожалуй Филенкова.

И опять голос Стародубцева:

— Последний случай с порожняком. Это верх безобразия. И я прошу вас решить: или я, или он!

Рогов с силой распахнул дверь.

— Занят, занят! — поднял руку начальник шахты.

— Я тоже занят! Сейчас ровно три — вы мне назначили на это время.

Рогов садится и ставит перед собой коробку аккумулятора, всем своим видом как будто говоря: «Ну что ж, продолжайте!»

Проходят секунды натянутого молчания. Рогов смотрит в глаза Дробота и еле сдерживается, чтобы не крикнуть: «Трус! Что ж ты молчишь?» Дробот прячет глаза, потом говорит:

— Получены накладные на скребковые транспортеры, можно было бы приступить к установке.

— Я немедленно и приступаю! — облегченно вздыхает Рогов.

— Да, но... это, очевидно, уже придется делать другому.

— Другому? Не понимаю... — Рогов проводит пальцами по щеке. Нехорошо, что к такому разговору у него нехватило времени побриться.

Дробот пожимает плечами.

— Тут собственно и понимать нечего. Только что сообщили из треста, что инженер Рогов переводится на десятую шахту, помощником главного инженера, а на его место временно назначается опытный практик Очередыко. Так что тебе необходимо немедленно же явиться в трест. За назначением.

— Не может быть! — Рогов до боли в пальцах сжал головку аккумулятора и, глядя на то, как бледная синева разливается под ногтями, заговорил спокойнее: — То есть все может быть... И Очередыко, очевидно, станет районным инженером, если этого так желает Дробот. Хотя вместо Очередыко и с таким же успехом районным инженером можно было бы назначить какую-нибудь египетскую пирамиду... Исключается только одно: мой уход с шахты! Понимаете? Я не могу уйти именно сейчас, когда поступают транспортеры, разворачивается скоростная проходка... Вы понимаете, я не могу оторваться сейчас от начатого дела!

Бросив украдкой взгляд в его сторону, Стародубцев невольно ссутулился, — до того лицо районного инженера

побледнело. Или это только показалось, потому что уже через мгновение на скулах Рогова выступила густая краска.

— Очень сочувствую... — Приподняв одно плечо, Дробот уткнулся в бумаги. — Очень сочувствую, но все это решается в тресте.

— Подождите, — вступил в разговор Стародубцев и быстро повернулся к Рогову: — Мне кажется, Павел Гордеевич, что мы сможем понять друг друга, если будем говорить прямо.

Рогов молчал. Дробот потянулся было к телефонной трубке, но раздумал; Филенков настороженно застыл у оконной занавески. Стародубцев продолжал:

— Я как раз и хочу прямо обо всем сказать — это не лишнее, потому что тебе придется и на десятой работать с людьми, которые ничем не лучше и не хуже нас. Напрасно ты представляешь таких, как Дробот и я, консерваторами и рутинерами. Во-первых, это слишком элементарно, во-вторых...

Рогов рассмеялся.

— Это что же, продолжение стахановского слета или просто комментарии к моему выступлению там?

— Это не комментарии, но и не так это весело, — сухо оборвал Дробот.

— Чудесно! — Сжав губы, Рогов вырвал из лежавшего на столе блокнота листок и, набросав несколько слов, подал Дроботу. — Прошу предоставить мне отпуск на десять дней. На это я имею право. Район сдаю сегодня. А с шахты не уйду. Слышите? Не уйду! — Он стремительно вышел из кабинета.

Аннушка все еще сидела в приемной и встретила Рогова приветливым взмахом ресниц.

— Значит, свадьба, Аннушка? — спросил он и невольно прислушался к своему изменившемуся голосу. — Свадьба... Хорошее дело! И я у вас обязательно буду.

— Павел Гордеевич!.. — Или слышала Аннушка разговор в кабинете, или поглядела по глазам Рогова, что случилось нехорошее, но она потянулась к нему: — Павел Гордеевич, вы и потом будете к нам приходить?

А когда вечернее солнце коснулось оранжевым краем далеких фиолетовых гор и Рогов вышел из комбината, он вдруг без всяких, казалось бы, причин ощутил необычай-

ную легкость во всем теле, свежую ясность в мыслях. Давно у него не было такого чувства — с самой войны. Тогда, во время войны, это случалось с ним обычно после того, как решение об операции прекращало томительную неопределенность ожидания. Это случалось перед атакой.

На тротуаре сидело несколько незнакомых шахтеров, видно, только что поднялись на-гора. Они поглядели вслед Рогову, кто-то сказал:

— Боевой парень.

Он рассмеялся про себя: «Ну, конечно, боевой!» И тут же столкнулся лицом к лицу с Черновым.

— А-а, журналист! — обрадовался Рогов. — Ну, как разговор с бригадой?

— Павел Гордеевич... — Чернов по-мальчишески смутился. — Честное слово, спасибо! Такие люди у Некрасова!.. Я у них полсмены в забое пробыл. Очерк хочу писать.

— Вот видишь! — подхватил Рогов. — А у меня еще одна чудесная тема есть. Написать нужно о бригаде Черепанова, да так написать, чтоб дух захватывало! Только ты мне все-таки скажи, как это получилось с заметкой о некрасовцах?

— Как? Да очень просто — заведующий отделом вызвал и говорит, что звонил товарищ Дробот, сообщил факты, сказал — написать нужно. А бежать на шахту, чтобы проверить, некогда было. А потом ведь сообщил-то все же начальник?

— И ты, значит, ошельмовал людей, даже не поглядев на них?

Чернов на секунду отвернулся, потом сжал локоть Рогова.

— Не случится больше такого, Павел Гордеевич!

— Не верю! — Рогов покрутил головой. — Вот если будешь чаще бывать на районе да разговаривать с людьми, да писать о них, об их живом опыте...

— Даже стихи! — воскликнул Чернов и влюбленно оглядел инженера. — Я столько наслушался сегодня о вас, Павел Гордеевич... Некрасов меня, как щенка, тыкал носом в каждый уголок на районе и все приговаривал: «Это Рогов! В этом нас тоже поддержал Рогов».

Рогов с досадой отмахнулся.

— И опять ошибка, опять ты увлекаешься! Не во мне

дело, а в таких, как Некрасов, Воцни, Черепанов, — вот куда внимательнее смотри.

С шахты они шли через стадион, по узким извилистым аллеям. На волейбольной площадке тренировалась какая-то команда, слышались тугие удары в мяч, короткие возгласы.

Медленно смеркалось, и все постепенно приобретало легкий голубоватый оттенок.

— Ох, какие они мне слова говорили! — снова сказал Чернов и даже присвистнул.

ГЛАВА XIII

Очерк Чернова об истории рудника Рогову очень понравился. Сделал из него несколько выписок для своего доклада о пятилетке шахты. После этого просмотрел свежий номер толстого журнала, потом разложил чертеж нового угольного поля, но тут же поспешно свернул. Все-таки, как он ни хотел казаться спокойным, ему это не удавалось. Ну что как будто особенного в том, что его перебрасывают с одного места на другое? Случается ведь это с десятками инженеров, многие даже радуются перемене обстановки. И в то же время не верилось, не хотелось верить, что кому-то удастся оторвать его от только что начатых дел. Позвонил дежурному по шахте, чтобы справиться, как идет смена на участках района.

— Часовую добычу я передал районному инженеру Очерелько, — ответил дежурный.

В трубке звонко щелкнуло.

Рогов невесело усмехнулся, походил по комнате. Потом поставил на письменный стол портрет Вали, сел и долго смотрел на него, положив подбородок на ладони. Наконец сказал:

— Ладно, Валиоша, ты не думай, что я раскис. Только мне очень нехватает тебя, очень...

Зазвонил телефон. Взял трубку и услышал голос Бондарчука.

— Как самочувствие? — спрашивал парторг. — Хорошее? Не лукавишь? Ну, это самое главное. А я задержался на бюро горкома и в экстремальном решении треста узнал поздно. Все это не серьезно. А потом эта

недостача угля в штабелях. Теперь тебе ясно, что все это одно к одному? Чорт-те, как только люди докатились до этого! Горком уже принял специальное решение, а тебе надо продолжать работу. Понятно? Вот и хорошо. Да, еще вот что: сегодня ночью я выезжаю в комбинат, дня на два. И, кстати, у тебя там есть листок по учету кадров? Есть? Значит, все хорошо. Привет.

В телефоне пискнуло, и девушка со станции спросила:

— Вы закончили?

— Закончили, закончили! — Рогов вскочил, бросил трубку. «Как это хорошо, что есть на свете Бондарчук, Валя, товарищи!»

Почти смешным показалось минутное чувство одиночества. Какое тут к чорту одиночество! Вот хотя бы вчерашний вечер: к нему пришли сразу три гостя — Хмельченко, Некрасов и Вошин, сели рядом на диванчике, попросили разрешения закурить; завели беседу, и все четверо хитрили. Рогов не показал виду, как глубоко тронуло его это посещение, хотя он знал причину, вызвавшую его, а шахтеры тоже вели себя так, словно с инженером ничего не случилось.

— Мы от секретаря горкома, — сообщил Хмельченко. — Разговор был о всяких житейских делах.

— Хорошо поговорили, — подтвердил Вошин.

Рогов не стал выспрашивать, о чем они разговаривали в горкоме, и тут же попросил Некрасова, который был старшиной на курсах горных мастеров, чтобы на завтра отменили его занятия.

— Что так? — спросил Некрасов.

— Также всякие житейские дела.

Некрасов опустил взгляд на свою маленькую круглую ладонь, потом поглядел на товарищей. А когда встретился глазами с Роговым, лицо у него было не улыбочное, почти суровое.

— Зря, Павел Гордеевич, — сказал он сухо. — Отставливаться нельзя. Мы, наоборот, попросить хотели тебя еще об одном деле... Соберутся завтра все три наши бригады, а ты бы лекцию сделал или просто беседу: «Что такое работа по циклу». Надо, чтобы люди до конца дело поняли...

— И черепановцев нужно пригласить. Так мы решили, — вставил Хмельченко.

Припомнив сейчас еще раз этот разговор, Рогов нетерпеливо прошелся по комнате, словно опаздывая куда-то, потом включил электроплитку, поставил чайник, вытащил из тумбочки непечатую бутылку коньяка и налил рюмку. Валя на портрете улыбнулась явно с хитрецей, одними уголками глаз.

— А ты не суди строго, — возразил Рогов, поднимая рюмку, — это я за твоё здоровье...

Но он не успел пригубить вино. В коридоре кто-то тихо поскребся, отыскивая в темноте ручку, потом раза два тихонько стукнул. Рогов повернул ключ, открыл дверь. На площадке, почти невидимый в темноте, стоял человек в военной форме.

— Войдите! — сказал Рогов.

Человек стоял, словно боясь ступить через порог.

— Ну, входите же, что вы? — повторил Рогов.

Человек сделал шаг вперед и, остановившись у косяка, вытянул руки по швам. Еще не понимая, что это значит, еще не услышав голоса вошедшего, Рогов почувствовал, как кровь горячей волной хлынула от сердца к лицу.

— Гвардии сержант?

— Так точно, товарищ гвардии капитан! — У парня так и брызнул из глаз лучистый свет, но он еще строже вытянулся и особенно твердо отчеканил: — Разрешите доложить, товарищ гвардии капитан, до Берлина дошли! Жарко Берлину было!

Рогов порывисто шагнул вперед и раскрыл объятия.

— Солдат ты мой дорогой! Каким ветром тебя?..

— Товарищ гвардии капитан!.. Товарищ! — Не закрывая глаз, сержант плачет, даже не замечая этого.

Рогова тоже душит горячий комок в горле, но он смеется.

— Степа, оставь капитана... до следующего раза. Меня же Павлом зовут.

— Непривычно же...

Обнялись до хруста в костях, потом долго глядели друг другу в глаза и опять обнялись. Данилов доверчиво, по-братски прижался лбом к плечу Рогова и негромко признался:

— Ехал, ехал и думаю: дай загляну, какой он теперь? А ведь хороший был... грозный!

— Не забыл?

— На всю жизнь!

— А ведь я как будто знал! — Рогов подхватил Данилова за талию и подвел к столу. — Смотри, одна рюмка на взводе, а вторую мы сейчас зарядим.

— По сто наркомовских? Помните, как в Познани?

— А у Згежа?

— А помните, как старшина Чистяков на минах картошку варил?

— А этот... как его?.. Ну, который отказывался трофейные продукты есть?

— Гулевич. Убили его.

— Многие не вернулись... — Рогов задумчиво переставил портрет на столе.

— Ваша девушка? — показал глазами Данилов.

Инженер улыбнулся.

— Ну что ж, давай выпьем за встречу, за возвращение!

— За жизнь, товарищ гвардии капитан!

Просидели почти до утра, близко сдвинув стулья. И столько переговорили за эту ночь, столько вспомнили!..

— А как же вы меня тогда откопали? Я так и не знаю толком, — спохватился под утро Данилов. — Вас же на завтра самого...

— А черт его знает! Помню одно: воронка большая, я ее всю по краям перекопал и вдруг вижу твой памятный котелок боком торчит. По котелку почему-то и определил, что жив мой снайпер.

— А вот сам не поберегся... — незаметно переходит на «ты» Данилов.

— Нельзя было. До Зееловских высот оставалось километра полтора, а от этих высот до Берлина — рукой подать... А что бы ты сказал, Степа, — перебивает вдруг себя Рогов, — что бы ты сказал, если бы меня тогда, в самый горячий час, отстранили от командования?

— Значит, это был бы не ты, — не задумываясь, отвечает Данилов. — И я бы ничего не сказал или бы сказал, что правильно сделали.

Рогов смеется.

— Хитер, солдат!

Под утро от усталости и выпитого коньяка сержант заметно охмелел.

— Ну, а планы на жизнь какие? — спросил Рогов.

Данилов помедлил и отмахнулся.

— Мутно у меня с планами, товарищ гвардии капитан. Проще простого было бы снова под твою команду, но кто ж его знает, какая она из себя... шахта-то?

ГЛАВА XIV

Проснувшись утром на диване под чистой полотняной простыней и не обнаружив в комнате Рогова, Данилов долго трудился над запиской, которую, усмехаясь, так и озаглавил: «Объяснительная записка».

«Прошу извинить, если чего лишнего наговорил, — писал он нетвердым ученическим почерком. — Крутят меня сейчас всякие мысли. Война кончилась, и я, не переставая, думаю о жизни. На фронте я был снайпером и разведчиком — очень нужные специальности. Как бы мне не проворонить и в мирной жизни самое нужное. Будет время — посоветуйте, товарищ гвардии капитан».

Потом он долго и с явным предубеждением разглядывал фотографию русой большеглазой девушки и, наконец, резко повернув портрет лицом к стене, неприязненно буркнул:

— Нежная.

И уже только после всего этого обнаружил на самом видном месте, у зеркала, записку Рогова, в которой значилось: «Без приказа с занимаемых позиций не отходить. Продукты питания в тумбочке. Кровать и постельные принадлежности пришлию с шахты. Устраиваться и ждать дальнейших указаний».

Данилов впервые по-настоящему разглядел комнату. Узкая железная кровать, письменный стол, тумбочка с радиоприемником, на стене зеркало, второй стол, поменьше, в углу, с плиткой и чайником, три стула, диван, широкое окно и стеклянная дверь на балкон. По правде говоря, с таких позиций можно было бы и не отходить, но еще во сне его подмывало какое-то сладостное беспокойство: как будто кто-то звал поскорее распахнуть двери и бежать в золотой сентябрьский простор.

Он вышел на балкон. В лицо пахнуло легким утренним заморозком. Солнце вставало где-то по ту сторону дома.

На железных перильцах лежал голубоватый прозрачный иней. Совсем неподалеку, в устье глубокого лога, поднимались шахтные здания. До этого Данилов не видел шахт на таком близком расстоянии. «Вот они какие», — сказал он себе.

Из соседних дверей на балкон вышла смуглая девушка в пестром халатике, розовая после сна. Заметив Данилова, она строго сдвинула брови, словно уличила его в чем-то неблаговидном. «Чудная», — мысленно усмехнулся сержант и, галантно поклонившись, спросил как можно мягче:

— Вы, значит, соседкой мне приходитесь?

— А вот уж не знаю, — равнодушно ответила девушка, но, еще раз глянув на маленького военного с белым непокорным вихорком у виска и заметив золотую звездочку у него на груди, невольно улыбнулась простоватому любопытству на его лице.

Это была Оленька Позднякова, племянница Хомяковых.

Слово за слово завязался разговор. Данилов не удержался и рассказал о своей встрече с Роговым, о том, что на радостях они «всю ночь перевертывали мировую политику», хотя последнее, мягко выражаясь, не совсем соответствовало действительности. Наконец, с трудом скрывая волнение, он спросил, не знает ли соседка Тоню Липилину.

— Тоню Липилину? — удивилась Оленька. — Была на фронте? Ранена? Нет, лично я не знаю Тоню, но слышала о ней много, даже в газете что-то такое печатали.

Между ними стояла бочка, ящик, ведро с известкой. Данилов и не заметил, как одолел это препятствие. Девушка испуганно отступила, решив в первое мгновение, что военный, очевидно, немного не в себе, но с чисто женским тактом сделала вид, что не заметила ни стремительного прыжка сержанта, ни того, как побледнело его лицо и как вспыхнули небольшие, с медным отливом глаза, как он свистящим шопотом переспросил:

— Тоня!.. Вы знаете ее адрес?

Нет, адреса она не знает, но если товарищ будет дома, она часа через два сможет ему сообщить адрес Тони по телефону. Да, часа через два, не позднее, как только придет до редакции, где работает стенографисткой.

Осторожно тронув Данилова за рукав и пожелав ему доброго здоровья, Оленька ушла с балкона, забыв, зачем собственно она выходила, но зато втайне обрадованная, что сможет сегодня ошеломить Сашу Чернова такой сенсационной новостью, как прибытие на рудник Героя Советского Союза. Этот Чернов, в общем хороший, душевный парень, всегда опережал ее по части всесторонней осведомленности обо всех событиях на свете и на шахтах. Обыкновенно он по всякому поводу более или менее пренебрежительно восклицал:

— Ах, только-то? Так я же об этом еще вчера знал!

Неизвестно, ошеломила ли Оленька Сашу Чернова этой сенсационной новостью, но часа через два к Данилову настойчиво постучались. Открыв дверь, он впустил в комнату круглоголового рослого парня с сияющим и тоже круглым лицом и совершенно прозрачными глазами. Парень прямо от двери осведомился, не Героя ли Советского Союза он видит перед собой, а получив утвердительный, хотя и мало любезный ответ, сообщил профессиональной скороговоркой, что он — Чернов, сотрудник местной газеты, что редакция поручила ему побеседовать с товарищем Даниловым, узнать о его впечатлениях после осмотра города, а также намерен ли товарищ Данилов остаться на руднике, или у него другие планы.

— Ей-богу, я пока без всякого плана, — чистосердечно признался Данилов, на что Чернов понимающе улыбнулся.

— А скажите, товарищ Герой Советского Союза...

— Степан Георгиевич.

— Скажите, Степан Георгиевич, вам инженер Рогов ничего не сообщал о рудничных новостях, в частности о комсомольской бригаде Черепанова?

— Как же, гвардии капитан Рогов очень много рассказывал о руднике, но о бригаде Черепанова что-то не упоминал, — охотно ответил Данилов.

«Ага, не упоминал, — подумал Чернов. — Значит, не пришло еще время говорить об этом».

— Товарищ корреспондент, — прервал его размышления Данилов, — у вас в редакции работает такая чернявенькая... Оленькой звать?

— Работает. А что? — насторожился Чернов.

— Да так. Обходительная девушка. Я ведь здесь мало кого знаю. Ну, познакомились сегодня. Приятная такая.

«Ах, вот оно что! — удивился про себя Чернов. — То-то она сегодня была такая ласковая со мной. Даже Сашенькой назвала. Ох, женщины!»

Они беседовали еще не меньше часа. Данилов рассказал о своем пребывании в побежденной Германии, о том, как в июне прошлого года вскоре после победы переезжал в Тюрингию, из которой ушли американцы.

— Говорят, американцы очень вежливо обращаются с фашистами? — насмешливо заметил Чернов.

— До удивления вежливый, — иронически усмехнулся Данилов. И тут же он снова поинтересовался: — А Оленька ничего, надежная?

— То есть как?

— Ну, если что пообещает — выполнит?

Чернов не успел ответить. Зазвонил телефон.

— Да, да, я слушаю! — Данилов обеими руками ухватился за трубку. — Как, как? Повторите... Зеленый лог? Сто тридцать? Благодарю вас, благодарю!

Он повесил трубку и твердо сказал:

— Хорошая девушка Оленька, надежная. В общем, тронулись, товарищ корреспондент. Мне тут нужно в одно место сходить...

...День уже совсем разгулялся, и только на теневой стороне железных крыш видны были сизоватые пятна — следы растаявшего инея. Шахтерский город узкой полосой уходил от берегов полноводной реки на восток, к густозеленым высоким холмам.

По склонам холмов разбежались редкие березки, а над ними поднималась прозрачная синь. На главной широкой улице былолюдно. В золотистых по-осеннему сквериках резвилась звонкоголосая детвора.

Чернов показал, где находится редакция, и пригласил заходить, великодушно упомянув, что Оленька Позднякова работает с двенадцати до восьми вечера. Данилов рассеянно кивнул и зашагал дальше. Воздух был то неподвижен, то вдруг упруго толкал в лицо. Данилов убаюкивал шаг, но ему казалось, что движется он очень медленно. У железнодорожного переезда из глубокого кювета на него глянули три чумазые мальчишеские мордочки. Данилов в шутку погрозил им, услышав, как один из мальчуганов восторженно крикнул:

— Митяй! Ванятка! Герой идет, честное пионерское!

А вот и улица Зеленый лог. Только непонятно, почему лог? Улица широкая, ровная, с огородами, с палисадниками, со светлыми аккуратными домиками. Правда, начинается она в логу, но потом поднимается в гору. Легкий ветер доносит с огородов горьковатый дымок, напоминающий чем-то детство. Все примечает Данилов: и то, что с середины улицы открывается широчайший вид на рудник и что небо с горы кажется еще глубже и чище. А вот номер углового дома он почему-то боится отыскать взглядом: вдруг это сто тридцатый и кто-нибудь уже глядит из окна и ждет, не свернет ли чужой солдат к решетчатой калитке.

— Нет, это только семьдесят первый, — значит, тот дальше и по правую сторону. Квартал, еще квартал, и вот он подходит к самому обыкновенному, ничем не примечательному дому. Но сам-то он теперь точно знает, что время настало, что это тот самый дом, та самая минута, которую он так долго ждал. Поднялся по двум чисто выскобленным ступенькам и вошел в сени. Навстречу выскочило несколько голенастых цыплят. На жердочке, в полумраке, висят березовые веники, связки золотых луковиц, пучки красной, веселой рябины. Пахнет мятой. На дощатой скамеечке лежат две желто-зеленые щекастые тыквы и стоит ведро, до краев наполненное прозрачной, почти невидимой водой. Во рту Данилова как-то мгновенно пересохло, он припик к холодной кромке ведра и, дробно стучая зубами о жесть, торопливо напился.

— Молодой человек, у нас ведь и кружка есть! — слышит он за спиной грудной женский голос.

— Извините... — Данилов в замешательстве вытирает губы рукавом гимнастерки, снимает пилотку и хриловато говорит:

— Мне бы увидеть Тонию Липилину...

Женщина молчит и строго смотрит на него. Почему-то он сейчас видит только одни ее строгие, осуждающие глаза, хотя после этой минуты он и во сне смог бы нарисовать ее всю — незнакомую, но давно родную. Статная, сильная фигура, гордо посаженная голова, продолговатое моложавое лицо с сухим, плотно сжатым ртом и черные брови вразлет под низко повязанной выцветшей косынкой.

Воспитанный в детдоме и потому особенно близко принимавший к сердцу слово «мать», он сейчас вдруг как-то потянулся навстречу этой женщине, инстинктивно угадав в ее облике что-то сокровенно материнское.

— Кого вам нужно? — холодно переспрашивает женщина.

— Кто там, мама? — почти сейчас же слышится из комнаты слабый голос.

Данилов с застывшей неловкой улыбкой на лице идет мимо матери, проходит небольшую кухню, откидывает легкую занавеску на дверях комнаты и, все так же странно, непривычно улыбаясь, останавливается.

Тоня лежит под голубеньким байковым одеялом, приподняв голову с примятых подушек, и не взглядом, а как-то всем худеньким телом обращена к двери. Вот у нее чуть приметно дрогнула левая, совсем прямая бровь, но она не открывает глаз, веки у нее прозрачны до голубизны. Узкая легкая кисть руки беспокойно скользит по кромке одеяла и застывает на секунду. Неожиданно спокойным тоном она спрашивает:

— Степа, ты?

Тогда он садится на край кровати, берет ее узкие прохладные ладони и, прижав их к обветренным щекам, медленно качается из стороны в сторону. Качается и слушает голос, к которому тянулся через тысячи верст.

— А я знала, что ты придешь... — говорит Тоня. — Все думала, думала об этом... И все время видела во сне две осинки в твоем секторе и этот мертвый немецкий танк... и тебя видела. Только я больна, Степа. Совсем недавно из госпиталя, после второй операции. Плохо вижу. А мне так бы хотелось посмотреть на тебя сейчас... Такое горе! Но теперь я уверена, что все будет хорошо...

Данилов опускает ладони девушки, слушает и почти не дышит.

— А ведь ты еще ничего не сказал... — Рука Тони беспокойно пробегает по одеялу и задерживается на солнечном пятнышке, потом легко вскидывается на грудь, на лицо Данилова. — Скажи что-нибудь, Степа.

— Что ж я тебе скажу?.. — Он приникает губами к ее теплой щеке. — Что же я тебе скажу, родная моя, белая ласточка? Приехал к тебе. Рядом с тобой буду...

Когда он шел обратно, солнце уже стояло низко и, задернутое молочной дымкой, светило тускло.

В комнате он увидел вторую кровать, а на столе нашел новую записку Рогова: «Попытку ознакомиться с рудником одобряю. На ночь с шахты, пожалуй, не вернусь. Будь здоров. Твой капитан».

ГЛАВА XV

Когда-то еще в детстве между Михаилом Черепановым и Савоськой Емельяновым, совершенно незаметно для обоих, началось ожесточенное соперничество. В причинах этого они не пробовали разбираться, но при случае один кивал в сторону другого:

— А что я сделаю, раз у него характер такой?.. Ни в чем спуску не дает.

На том и стояли оба. Уже вытянулись, повзрослели, голоса у них ломались по-петушиному, а они все не позволяли один другому взять хотя бы в чем-нибудь перевес. Если отличники в учебе — то оба, если лыжники — то лучшие, если танцоры — хоть под руки выводи того и другого из круга.

Однажды, на летних каникулах, они встретились у реки и договорились лечь под воду на спор — «кто дольше». Легли. И едва лц кончилось бы благополучно это состязание, если бы какой-то пожилой мужчина, гревшийся на песочке, не выдернул их за волосы на берег.

В предпоследний учебный год они влюбились в одноклассницу Любочку. Девочка была худенькая, тихая, болезненная и больше всего в жизни боялась Черепанова с Емельяновым. У соперников же просто не было охоты ломать себе голову над такими сложностями, как отношение девочки к ним. После уроков они обыкновенно провожали Любочку, следуя за нею метрах в ста позади: Черепанов по одну сторону улицы, Емельянов — по другую.

Закончился последний учебный год. Состоялся выпускной вечер. Уже после торжественного заседания, трогательного и душевного, какие бывают, очевидно, в жизни каждого оканчивающего школу, Севастьян с Михаилом встретились в коридоре. Обоим только что были вручены похвальные грамоты и аттестаты с абсолютно

одинаковым количеством пятерок. Столкнулись в коридоре они нечаянно, не успев даже приготовить соответствующего выражения на лицах, но оглядели друг друга довольно холодно.

— Еще увидимся, — сказал Черепанов.

— Конечно, о чем разговор, — кивнул Емельянов и зачастил вниз по ступенькам, на ходу бросив: — А у меня новость. Отец сообщил, что его орденом Красной Звезды наградили.

— Видел ты, какое совпадение, — явно изумился Михаил. — Моего тоже.

Он прошел по коридору и, толкнув створчатую стеклянную дверь, ступил на балкон. Где-то позади, в классах, шумели выпускники, настраивался оркестр, чей-то очень знакомый голос зачинал песню:

Широка страна моя родная...

А внизу, в тополевом садике, и дальше, в полях за Старо-Кузнецком, была ночь. Пахло черемухой, молодыми травами, и сердце почему-то билось часто и гулко.

Школа, уроки, привычные учебники в потертых обложках — все это осталось во вчерашнем дне. А что завтра?

Недалеко от Старо-Кузнецка поднялись в последние годы еще два крупных завода — алюминиевый и ферросплавный. Можно было бы пойти на один из них — пока отец воевал, Михаил в семье оставался за старшего мужчину. Но его тянуло на уголь, может быть потому, что это было труднее и казалось ему почетнее. Мать же в разговорах с соседками объяснила это просто:

— В нем еще дяди Митрия кровь говорит. Крепок батюшка был, почитай до девяноста годков в шахту хаживал. И как сейчас помню, вернулся в остатный разок со смены, вымылся, лег под божницу, да, ни слова не говоря, и умер.

...Налегке уходил Михаил на соседний рудник — чемоданчик в одной руке, связка книг в другой.

В школе ФЗО ему предложили учиться на машиниста шахтных установок. Он отказался, попросившись на уголь.

— Конечно, правильнее будет на уголь, — согласился директор. — Парень ты сильный, а механизмы все равно изучать придется, без этого сейчас в шахте делать нечего.

Черепанов так именно и рассудил. Во-первых, силенок занимать действительно не придется, во-вторых, забойщик — все же главная фигура в шахте, в-третьих, было еще одно обстоятельство, о котором он не мог ничего сказать директору.

А заключалось это обстоятельство в том, что в первый же день по прибытии в школу ФЗО Черепанов встретился, к своему удивлению, с Севастьяном Емельяновым.

Севастьян на месяц раньше Черепанова поступил учиться в группу забойщиков. Увиделись они в тот момент, когда Емельянов, как нарочно, стоял в самой небрежной позе у доски почета, на которой красовался его собственный портрет.

Один другого опередил на месяц. Один отличник, а другой еще нет. К тому времени от мальчишеского соперничества у них ничего не осталось, на смену ему пришел молодой, порывистый задор.

— Если жить, так чтоб дух захватывало! — любил теперь повторять Емельянов.

Михаил взволновался, ему нужно было наверстывать. А тут еще отец из-под города Бреслау запрашивал: «Как дела, сынок?»

Курс обучения они закончили одновременно и тогда впервые обстоятельно побеседовали.

— На-днях разговаривал с одним инженером, — важно сказал Емельянов. — Тут знаешь, какие перспективы?

— А ты на какую шахту?

— А ты?

— На «Капитальную».

— А я пока решил на Десятой поработать.

— И правильно, — согласился Черепанов.

— А что?

— Как что? На одной-то нам, пожалуй, тесновато будет.

Молча согласившись с этим и поглаживая двумя пальцами воображаемые усы, Емельянов вскользь заметил, что подумывает жениться, не сейчас, конечно, а так через годик, полтора...

— Опасно, наобум-то... — утомился Михаил.

— А я подумаю. Мени ведь не припекает.

— Ну, если подумаешь... — Черепанов снисходительно оглядел товарища.

А через какой-нибудь год после этого разговора произошла совершенно удивительная встреча. Михаил застал Емельянова на рынке за странным занятием. Подняв над головой детскую ванночку, тот рассматривал на солнце ее днище.

Черепанов расхохотался.

— Ты куда плыть, что ли, налаживаешься в этой посудине?

Севастьян испуганно оглянулся и покраснел.

— Тут, понимаешь, какое дело... — Он стукнул твердым ногтем в дно ванночки. — Шахтоуправление построило мне индивидуальный домик...

— Что же ты в этом тереме делать будешь? — снова удивился Черепанов, с любопытством разглядывая окончательно повзрослевшего, раздавшегося в плечах земляка.

— Ну как что? — усмехнулся тот. — Жить, конечно... Жду сына, понимаешь, вот и посудина пригодится. — Повернувшись, он крикнул в рыночную толпу: — Катя!

Подошла Катя. Когда-то, одновременно с молодыми забойщиками, она училась в школе ФЗО на отделении мотористов. Черепанов отметил про себя, что ее круглое смугловатое лицо подурнело: над бровями, на верхней губе и на подбородке проступили темные пятна.

— Здравствуйте, Миша, — сказала Катя и смущенно улыбнулась.

Так по крайней мере показалось Черепанову.

Всю дорогу до общежития он презрительно хмыкал:

— Ха, ванночки покупают!

И тут же твердо решил, что Савоська мало выиграл, обогнав его в таком деле, как женитьба. Это было от Черепанова где-то еще за тридевять земель.

Но, странное дело, после этой встречи общежитие показалось Михаилу почему-то неустроенным, неудобным. Черепанов раздраженно обошел Митеньку, который, ползая на четвереньках прямо на покрашенном полу, углем вычерчивал что-то хитроумное, в то время как четверо остальных бригадников сидели вокруг на корточках и глубокомысленно кивали после каждого восклицания товарища. Речь шла, очевидно, все о той же системе разработки угля, которую Митенька изобретал вот уже второй месяц и которая, по мнению автора, должна была произвести революцию в горной технике.

— Понятно? — строго спрашивает изобретатель. — Целики эти убираем, и что получается? Отсюда даванет, отсюда тоже, а с этого конца — знай бери, знай гони порожняк!

— Да... — с сомнением говорит Юрий Саенюг, — если уж она даванет, то тут не порожняк, а гроб потребуется.

— Гроб? — Митенька с презрением глядит на критика. — Эх ты! Для кого гроб-то? Уголек ведь самосильно идет, его кровля выпирает. Соображаешь неизвестно чем.

Черепанов лег на кровать и, отвернувшись к стенке, сделал вид, что уснул. Но только закрыл глаза, как перед ним опять встал Савоська со своей ванпочкой.

Ну и пусть! Что в конце концов, — подумаешь, велико счастье! Каждому свое в жизни назначено — одному ванночки, другому, как вот Черепанову, целая бригада забойщиков.

Это еще не известно, что запел бы Савоська, доведись ему хотя бы денек побывать на месте Черепанова. Люди, правда, собрались в бригаду хорошие, но, пока привыкали друг к другу, все ершились, все против шерсти друг друга задевали, чуть что, и уже, глядишь, как петухи, в позицию становятся. Пойдешь в комсомольский комитет, а там говорят:

— Ты бригадир, нажимай на воспитательную работу!

Воспитательная работа! Санька Лукин тоже постоянно жужжит над ухом:

— Будут нас, наконец, воспитывать или нет?

— Тебя же сегодня Василий Очередыко целый час воспитывал, — отозвался как-то за бригадира Митенька.

Вот, действительно, думай здесь о воспитательной работе, когда тебя в забое, у коренного дела, и всерьез-то не принимают. С одной стороны, трудно было втягиваться, с другой, — несерьезно на тебя смотрят, сомневаются: дескать, будет ли толк? Остальные-то еще туда-сюда, а вот от начальника участка натерпелись. Забросит крепежнику на три-четыре устала, а чуть заикнешься, кричит:

— Что? Опять лес нужен? Да вы что, с ума посходили? Я серьезных людей не успеваю обеспечивать, а тут еще вы с баловством.

Вот и поговори с таким, как будто серьезные люди сами собой вырастают.

Были, конечно, некоторые эксцессы, как выражается комендант общежития, так это же не на работе. Однажды, например, Митеньку послали в магазин за продуктами для общежития, а он принес каждому по шляпе, потому что дорогой, видите ли, вспомнил, что на-днях состоится молодежный вечер, на котором бригада должна быть представлена в лучшем виде.

Насадив шляпы одну на другую, Черепанов тихо спросил:

— А эти... как их... ну, с хвостами... фраки ты не купил?

— Фраки? — Митенька смутился. — Честное слово, не видел!

Узнав потом про историю со шляпами, Очердько язвил:

— Ничего, ничего, можно сказать — в гору идете!

Гораздо лучше стало после того, как седьмой участок отошел к району Рогова. После первой же беседы Павел Гордеевич стал настойчиво, сурово, но по-настоящему заботливо подталкивать бригаду: «Смелее, смелее!»

Конечно, не обходилось и без неприятностей. Как-то получили задание работать в давно оставленной лаве. Даже мимолетний осмотр убедил Черепанова, что сменный наряд едва ли удастся выполнить. Две породные прослойки наискосок пересекали полутораметровый пласт, крепление нарушено, спусковая печь забита разным хламом. Бригада вознегодовала.

— Сообщите не медля Павлу Гордеевичу! — решительно выпалил Митенька. — Что, в самом деле! Павел Гордеевич такую ижицу пропишет за эту лаву...

На этом и порешили. К телефону командировали все того же Митеньку.

— Скверная лава? — переспросил Рогов.

— Это же безобразие, Павел Гордеевич! — заторопился Митенька. — Комсомольскую бригаду засылают в такую невозможную дыру! Прямо сплошной подрыв. Мы уже полтора часа болтаемся.

— Болтаетесь?.. — Рогов помолчал. — Ну, болтайте на здоровье. Завтра под суд отдам.

Митеньку эти слова просто по голове ударили. Он испуганно поглядел в телефонную трубку, осторожненько

повесил ее на рычаг и бесшумно выскользнул из диспетчерской. На участок бежал, запинаясь и даже всхлипывая.

— Расселись! — закричал он еще издали. — Пушкин за вас будет работать? Особого приглашения ждете? Да? Эх, вы!

Он больше ничего не мог сказать от горя и гнева, да его и расспрашивать не стали. Кинулись в лаву, побежали за лесом, за порожняком.

К концу смены заглянул Рогов. Прошел по уступам. Комсомольцы насторожились: поругает за жалобу или похвалит за смену? Потому что лава буквально преобразилась. Не поругал и не похвалил. Остановившись около Черепанова, сказал:

— Остался час. Подкрепите верхние уступы по-хозяйски, с затяжками.

Когда шли домой, Санька Лукин вдруг захохотал:

— А мы расплакались: «Пожалейте нас, товарищ Рогов!»

— Мы бедные комсомольцы! — подхватил Черепанов. — Нас чужой дядя обидел!..

Все дружно расхохотались. После таких вот случаев было не обидно, а стыдновато, но дышалось свободнее, хотелось работать особенно хорошо. Работа стала доставлять радость, а настоящая человеческая дружба согревала.

Взять того же Хмельченко. Он явился в общежитие вместе с комсоргом Аней Ермолаевой на второй же день после памятного стухановского слета. Поздоровался, постоял у порога и неожиданно спросил:

— Здесь и живете?

— Здесь и живем, — ответили ему хором.

— Здорово! — без особого энтузиазма отметил Хмельченко. — Ничего не скажешь, грязновато живете... С такой культурой наш Кузбасс далеко не ускачет.

Повернувшись к Ермолаевой, он поднял короткий толстый палец и сказал негромко, но веско:

— Тебе даны почетные обязанности от комсомола, так куда же ты смотришь? Да ну вас на самом деле! — махнул он вдруг рукой. — Не буду я сегодня разговаривать с вами, зайду завтра.

Назавтра комнату побелили, белье на постелях за-

сияло снежной чистотой, Юрий Саенко уже не валялся на кровати в брезентовых штанах...

Хмельченко пришел и улыбнулся в реденькие усы.

— Смотри-ка ты, перевоспитались! — не то похвалил, не то съязвил он.

В бригаде ожидали, что забойщик немедленно же приступит к оформлению договора на социалистическое соревнование.

— Он же такой дотошный! — уверял Санька Лукин, паренек из местных. — Он даже свою выработку записывает каждую смену.

Но Хмельченко ничего оформлять не стал, а просто побыл часа два и поговорил обо всяких разностях. Молодежь быстро освоилась с ним. Митенька с Санькой заспорили о том, кто является главной фигурой на шахте.

— Забойщик! — утверждал Митенька.

— Хватил тоже — забойщик! — презрительно сплюнул Лукин. — Инженер — самая главная фигура.

— Ну-ну, фигуры! — примирительно заметил Хмельченко. — Главный тот, кто лучше работает.

— В-вот... В-вот! — подхватил заикавшийся Юрий Саенко. — В-в-в-озьми О-очередько. Т-тоже итэ-эр, а что у него к чему — и-не разберешь.

— Пустяк-человек, — согласился Хмельченко, — пыжится, пыжится, думаешь, гору родит, а поскреби такого сверху самую малость — останется одна голая сущность.

С легкой руки Хмельченко в бригаде начальника участка так и прозвали: «голая сущность».

Как-то утром Черепанов вдруг открыл глаза и повернулся на спину. Чорт! Какая нескладница получается: Очередько, эта «голая сущность», теперь уже не начальник участка, а «исполняющий обязанности районного инженера». А Рогов, рядом с которым так хорошо работалось в последнее время, Рогов почему-то уходит на десятую. В бригаде слышали про это и долго молчали. Потом Санька Лукин начал издали, что вот у него на десятой тетка живет, она, может быть, и не тетка, а просто родственница, но очень уж хорошая женщина и давно приглашает его, Саньку, переехать к ней. Следует, пожалуй, подумать об этом всерьез.

— А она, случаем, всю бригаду не поселит к себе? — простовато спросил Митенька и тем выдал общую тайную думку: хорошо бы всем на десятую, поближе к Павлу Гордеевичу. Пришлось бригадиру самому вмешаться и сказать, чтобы бросили эти пустые разговоры: не об этом думать нужно. Думы-то эти и мешают сейчас уснуть, да и поздно, скоро на смену. Михаил прислушался к новому спору товарищей. Речь шла о вывеске — тоже изобретении Митеньки.

Вчера в городской газете был напечатан очерк Чернова об их бригаде — «Молодые силы». Душевный очерк получился, но Митенька его по-своему продолжил, написав на входных дверях в общежитии: «Здесь живут молодые силы».

Саенег сейчас решительно возражает:

— Убрать! Смех один для прохожих.

— Правильно, мы же шахтеры, — гудит Сибирцев. — Какие тут «молодые силы», мы бригада имени Героя Степана Данилова!

— Может, проголосуем? — предлагает Лукин.

Но Черепанов в это время встает, смотрит на часы, и спор моментально прекращается. Пора на смену.

Работалось в этот раз не плохо. Пришлось немного повоевать из-за порожняка, из-за леса, а вообще получилось здорово, даже в костях слегка гудело. Зачистив свой пай, Черепанов прошел по всей лаве и убедился, что все делается по-настоящему, надежно. Только почему-то Митеньки нет в верхних уступах.

— А где Голдобин? — обратился Михаил к Сибирцеву.

Георгий, не торопясь, приладил клин между стойкой и кровлей, одним ударом загнал его намертво и только тогда отозвался:

— Кто ж его знает, где он... Часа два как закончил уступы.

На вопрос Черепанова табельщица тоже ответила, что «такого не видела». Немного обеспокоенные, пришли в общежитие. А Митенька, оказывается, был дома и, уже умытый, розовый, кипятил чай.

— Ты что же это? — набросился на него Саенег и осекся, заметив сидевшего у окна Дубинцева.

— Пейте чаек, стахановцы и ударники Кузбасса, —

заюлил Митенька, перетаскивая ведерный чайник на стол, — я захватил в магазине сахарок, хлебушко...

Бригадники никак не выразили своего удовольствия по этому поводу, а Черепанов молча снял бушлат, взял чайник и вылил кипяток в умывальник.

— И чего вы в самом деле? Норму-то я выполнил, — попробовал улыбнуться Митенька, но, не отыскав на лицах товарищей и следа сочувствия, он потоптался на месте и растерянно, бочком присел на кровать.

— По какой линии будем — по административной или по комсомольской? — обратился к бригадиру Лукин, исполнявший обязанности группкомсорга.

— По всем сразу, — решил Черепанов.

— А в чем дело? — удивился Дубинцев, который зашел для того, чтобы провести по поручению парткома беседу о пятилетнем плане бригады.

— П-прогулял! Д-два часа! — разъяснил Саенюг.

Первым выступил Черепанов. Сдерживая обиду, готовую прорваться в грубом слове, он объяснил, в какое положение попала бригада в связи с прогулом Митеньки. На-днях нужно подводить итоги по соревнованию с Хмельченко. Но какие же это итоги, когда в бригаде прогул? Этого же не скроешь! Да и от кого скрывать? От государства?

К тому же вчера поступил вызов на соревнование от молодежной бригады Севастьяна Емельянова. Чтобы ответить на это, нужна тоже чистая совесть. Черепанов постучал кружкой о стол.

— Всем это понятно?

— В-выгнать! — категорическим тоном заявил Саенюг.

— И опубликовать! — поддержал Лукин.

— Присоединяюсь, — осторожно привстал Георгий Сибирцев и так же осторожно сел, потому что редкий стул выдерживал его тяжеловесную фигуру.

— Давайте все же разберемся, — предложил Дубинцев. — Мне непонятно: зачем было Дмитрию позорить бригаду?

Страсти немного улеглись. Стали разбираться по порядку. Попросили объяснений от самого Митеньки.

— Я, конечно, виноват... — сказал забойщик и беспомощно оглянулся.

— В чем же? — спросил Дубинцев.

— Ну... что ушел раньше... Думаю, вскипачу чаек, все приготовлю... придут, да еще и похвалят: удалой, скажут...

— А норму, значит, выполнил?

— Вот насчет нормы! — ожил внезапно Митенька. — Я больше не согласен на это. Нас шесть человек, а уступов в лаве двенадцать, выходит — по два на пай. Я не согласен на это... Скучно.

— Это правда, — быстро согласился Сибирцев, — получается какое-то баловство...

— Т-тесновато, к-конечно, — согласился и Саенко.

— В тесноте, да не в обиде! — попробовал выйти из положения Лукин.

— Кто не в обиде: шахта или ты? — нахмурился Черепанов и вопросительно оглянулся на Дубинцева.

Самый молчаливый в бригаде Алеша Алешков, или попросту «цыганенок», как его звали, недоуменно почесал смоляные кудри.

— Что ж теперь — разбежаться кто куда?

Над этим всерьез задумались, забыв временно о Митеньке. В самом деле, что же делать? Пока работа налаживалась, пока душой и сердцем входили в дело, учились, завоевывали право называться шахтерами, все было ладно, привыкли чувствовать рядом друг друга, так теплее жилось. Но незаметно для себя они выросли, и им действительно стало тесновато в лаве.

Дубинцев, сам вступивший только что в большую жизнь, с удовольствием смотрел сейчас на молодых забойщиков, занятых поисками ответа: как же работать дальше, как устроить, чтобы и вместе быть и не мешать друг другу? Дубинцеву пришлось признаться себе, что он проглядел, как недавние ученики выросли в настоящих шахтеров.

Вывод напрашивался простой: тесно в двух уступах, пусть берут по четыре. Но так как лава невелика, бригада должна из односменной превратиться в суточную. Дубинцев стал прикидывать вслух, где бы взять еще трех забойщиков, чтобы на каждую смену выходило по три.

— Не надо, не надо, — запротестовал Черепанов и возбужденно прошелся по комнате. — Мы будем по-двое выходить в лаву.

— По шесть уступов на пай? — удивился Дубинцев.

— Честное слово! — подхватил Сибирцев и, неосто-

рочно повернувшись, выжал из стула такой жалобный скрип, что все укоризненно оглянулись.

— Вот только Очередько... — усомнился Черепанов и подсадовал: — Эх, нет Павла Гордеевича! И зачем только его перевели на десятую шахту, ведь при деле был человек?

— Это особый разговор, — заметил начальник участка и, заразившись общим нетерпением, спросил, подзадоривая: — Значит, по два человека на смену?

— А как же со мной? — робко подал голос Митенька.

К нему повернулись шесть сразу поскучевших лиц.

— Вот загвоздка, — сказал Черепанов озадаченно, но уже без особой неприязни. — Если выгнать из бригады, душа не поворачивается.

— Ты скажи лучше, как мимо табельщицы улизнул? — поинтересовался Лукин.

— Как?.. — Митенька поморгал белыми ресницами. — В старой лаве есть лазейка... в брошенный шурф проникнуть можно, если на животе...

— И ты, значит, проник? — без видимой надобности переспросил Сибирцев.

— Честное слово! — взмолился Митенька. — Ну, куда я без вас денусь?

— Влепить выговор, — несмело предложил Саенко.

На этом и порешили. Собираясь уходить, Дубинцев заметил, как тот же Саенко, загнав Митеньку в угол, крутил у него под носом пальцами и угрожающе предупреждал:

— Это официально, понимаешь, официально! А в рабочем и-порядке... и-позднее, мы еще поговорим!

Черепанов был прав, когда высказал опасение, что Очередько заартачится. Не успел Дубинцев заикнуться о переводе молодежной бригады на суточный график, как Очередько замахал руками.

— Что ты, молодой человек, с ума сошел? Мы и так с добычей по самому краешку ходим. Затея наверняка провалится, и тогда на чью голову позор? Не желаю!

Дубинцев пожал плечами, как это делала Аннушка, и пошел в партком. После этого Бондарчук беседовал с Очередько минут пятнадцать.

Выскочив из кабинета парторга, Очередыко удивил подвернувшегося ему Черепанова тем, что вначале довольно вежливо поздоровался, а потом вдруг свирепо крикнул:

— Жаловаться?

Бригада все же была переведена на суточный график.

ГЛАВА XVI

Весь этот день Рогов провел в техническом отделе. «Смутное время», как он называл дни своего вынужденного отпуска, он решил посвятить подготовке документов по новому угольному полю.

Это была кропотливая работа, она требовала большого внимания и зачастую не отличалась разнообразием. С тем большей радостью позволял себе инженер в короткие перерывы — за папиросой или просто шагая по коридору — обращаться к мысли, которая возникла у него недавно.

И в воображении и на бумаге набрасывал он схему работы забойного щита с необычайно длинным ходом по простиранию пласта.

По замыслу Рогова щит должен был проходить не восемь — десять метров, как это принято на прокопьевских шахтах, а сто шестьдесят — сто восемьдесят, непосредственно с первого на третий горизонт, делая, таким образом, промежуточный второй горизонт ненужным. Трудно пока было представить, какую огромную экономию средств это могло принести.

Слева от Рогова, у чертежной доски, трудилась Аннушка; напротив, за широким столом, ежеминутно крутил ручку телефона начальник отдела Севастьянов.

— Честное слово, эти участки меня зарежут! — воздел он руки над головой после каждой телефонной перепалки. — Без ножа зарежут!

Слушая его, можно было и на самом деле подумать, что люди на участках только о том и думают, как бы зарезать начальника технического отдела. А вообще-то это был дельный инженер, немного замогавшийся от производственной текучки, но жадно хватающийся за все новое.

— Как ты сказал? — кричит он в трубку. — Я этого и

слышать не хочу, понимаешь? Инженер Рогов пока что жив, я вот сейчас гляжу на его шевелюру и говорю тебе: скоростную проходку притормозить не позволю! Что главный инженер? Ну попробуй, поговори с главным инженером — он тебе устроит баню... Очередько реформами занимается, — коротко сообщил он не то Рогову, не то Аннушке. — Не понимаю, о чем Дробот думал, когда выдвигал это чучело.

Севастьянов несколько раз останавливался за стулом Рогова и что-то неопределенно гмыкал, потом не выдержал и ткнул пальцем в карандашный эскиз щитового забоя:

— Что это?

Рогов нехотя и довольно общо рассказал о своем замысле, думая, что начальник отдела не примет его всерьез. Но тот вдруг загорелся, поскреб розовую лысину и навалился Рогову на плечи, разглядывая эскиз.

Они проговорили до вечера. Севастьянов совсем вошел в азарт и, наконец, отобрал у Рогова перечеркнутый, переправленный чертежик, сказав, что будет тоже думать над этим. А через минуту спросил:

— Не ревнуешь?

Они расстались друзьями, и, выходя в ночную темень, прорезанную светом из окон шахтоуправления, Рогов отметил про себя: «Нашего полку прибыло».

Домой идти не хотелось. Он чувствовал, что мысли о Вале снова охватят его, как это часто случалось в последние дни, а мыслям этим поддаваться было нельзя, особенно сейчас — тоска заест.

Только он вошел в раскомандировку, на него налетел Дубинцев:

— Павел Гордеевич, тут Очередько чорт знает что вытворяет. Приказал рассовать бригаду Черепанова по мелким парезкам.

— Что-о?.. — Рогов зло посмотрел на техника. — Значит, черепановцев расформировали? И ты согласился?

— Не думайте, что я ребенок! — Дубинцев выпрямился, встретил взгляд Рогова прямо, открыто и повторил строго: — Не думайте, что я ребенок! Я понимаю, что Очередько фактически расформировал черепановцев — это особый разговор...

— Но для чего? — перебил его Рогов.

— Неотложное дело... — Дубинцев скупно усмехнулся. — Назначил на сегодня районный инженер рекорд. В лаву ставит одного Деренкова. А я не могу разрешить этого, понимаете, Павел Гордеевич, не могу! Это же штурмовщина! Вы же сами часто говорите о рутине. Я считаю такой скоропалительный рекорд тоже рутинной! Это... хулиганство!

— Точнее!

— Что точнее? Разве вы не знаете тридцать первую лаву? Она не готова к такой работе! Я с нее уже и глаз не спускаю: ее на посадку пора. Но командует-то сегодня Очередычко!

Рогов и сам знал, что тридцать первую пора пускать «на посадку».

В зависимости от устойчивости кровли существует технологическая норма — «шаг посадки», при которой угольный пласт по всей ширине лавы вырабатывается на строго определенную длину. После этого в непосредственной близости от «груди забоя», то есть недалеко от целика, ставится «комплект» — два сплошных ряда стоек. Вся кровля, оставшаяся позади «комплекта» в выработанном пространстве, искусственно обрушивается. Таким образом давление верхних породных толщ у самого забоя сводится до минимума, а работа становится безопасной.

— Кровля в тридцать первой очень капризная. При большой осторожности можно было бы проработать еще одну-две смены, но рекорд в таких условиях... — продолжал взволнованно убеждать Дубинцев.

Рогов тревожно посмотрел на техника.

— Дроботу говорил? Что он?

— Сначала заругался: вот, говорит, остолоп, а потом усмехнулся и руками развел.

— Делай наряд по старому графику, — посоветовал Рогов. — А если Очередычко все же вмешается, позвони Дроботу и объясни, что в бригаду имени Героя Советского Союза Данилова завтра придет сам Данилов, — зачем же, мол, вы сегодня молодежь разгоняете?

— Павел Гордеевич! — У Дубинцева глаза стали совсем круглые. — Неужели сам Герой?

— Конечно, сам. И передай Черепанову, чтобы ребята подтянулись: Степан — мужик строгий!

Рогов протиснулся через толпу шахтеров, загородив-

ших вход в раскомандировочный зал. Шла обычная производственная летучка. С подмостков, на которых во время собрания обычно размещался президиум, держал речь Афанасий Петрович Воцин. Рогов заинтересовался, потому что выступал проходчик редко, да и вид у него был сейчас необычный, взволнованный.

— Пятилетка-то идет, — возбужденно и быстро говорил он. — Одну смену прохлопаешь и ее уже не вернешь. А у нас что? Удивительные дела происходят! С большим трудом, но держали первое место по тресту, даже знамя получили, а теперь вторую неделю работаем косолапо. Что такое случилось? Почему такие куцые цифры стали писать: то девяносто процентов, то восемьдесят? Не знаю, как вам, а мне стыдно!

— А ты не колдуй, все про свой стыд выкладывай! — поторопил кто-то недружелюбно.

— И выложу! — рассердился Воцин. — Выложу, будьте спокойны. Тут кое-кто так решил: война кончилась, от Гитлера одни ошметки остались, куда же теперь торопиться, можно и отдохнуть! Есть и такие, которые норовят бочком мимо работы.

— Персонально указывай.

— Вот и персонально... Правильно говорил инженер Рогов на прошлом слете: у нас на некоторых участках такие порядки — один с сошкой, а семеро с ложкой — на одного забойщика приходится по десять человек подсобников. Какая же здесь может быть выработка? Что же у нас может получиться со стоимостью угля? Технологию запустили, забойщиков, которые покрепче, по разным куткам рассовали: в ламповой — забойщик, в проходной — забойщик, коням хвосты крутят на транспорте — тоже забойщики. На-днях заглянул в квасной киоск, и даже дух сперло: мой прежний сменщик Никанор Ожгихин газовой водичкой торгует, по пятаку за литр. «Ты, — спрашиваю, — что, в уме ли?» — «А чего? — говорит. — Ничего, слава богу, — вот воду из крана добываю».

Переждав легкий смешок, проходчик вытирает потное лицо и продолжает:

— А наш уважаемый начальник шахты одно свое гнет: «У нас традиции. Мы были первыми». Были да сплыли, дорогой товарищ Дробот. Не мне бы вас учить, что на давешний капиталец долго не проживешь!

— Что же теперь, ложись да помирай? — спрашивает кто-то оратора.

— Ни в жизнь! — Афанасий Петрович задорным движением сдвигает каску на затылок, отчего лицо его сразу молодеет. — Я вот что скажу: есть у нас сталинская пятилетка, значит — есть у каждого своя доля в этой пятилетке.

Он умолкает и потом продолжает — медленно, отрубая каждое слово ударом руки:

— Попрошу, чтобы инженеры подсчитали, сколько на мою долю приходится за пять лет, и заранее обязуюсь нарубить ее за три года. А для начала иду в лаву и дам... — он не торопясь шагает к доске показателей, укрепленной у задней переборки стены, и, размахнувшись, выводит крупными кривыми цифрами: «250%», потом, немного помедлив, ставит восклицательный знак.

— Ну, что же... — язвительно тянет подошедший к подмосткам Очередыко. — Восклицание, можно сказать, приличное, только знак-то нужно бы после смены ставить.

— После смены знак-то нужно тебе на кой-какое место ставить! — обрывает районного инженера мальчишеский голос.

Раскомандировка качнулась от громового хохота.

В тот же момент на подмостки взбежал плечистый высокий парень в военном, с рыжеватыми, коротко стриженными волосами.

Рогов невольно подался вперед — до такой степени показалось ему знакомым широкое доброе лицо этого человека, лицо, на котором ясно запечатлелись и простодушная уверенность, и в то же время какая-то крестьянская осмотрительность. Всем своим видом он словно бы говорил: «А я знаю, что нам с вами нужно!» Он и речь начал обычным, не ораторским тоном, сказав буднично и просто, как будто продолжал начатый дома разговор:

— Тут меня должен кое-кто знать. Когда-то вместе начинали работать на «Капитальной».

Большинство шахтеров недоуменно переглянулись, но Рогов заметил, что некоторые ободряюще кивнули ловому оратору: знаем, мол, продолжай! Но оратор вдруг круто повернулся к доске и пониже первой цифры уверенно вывел: «400%».

— Ого! Замашисто! — громко удивились в толпе шахтеров.

Вокруг оживленно заговорили:

— Это же сынок Вощина, Гришка, с войны вернулся.

— Отца на поединок вызывает!

— Этот наступит кое-кому на пятки, только оглядывайся!

Рогов вспомнил, что давно уже хотел побывать у Вощиных, и тут же твердо решил при первой возможности заглянуть в их шахтерскую семью.

Спустившись в шахту, он прошел сразу на седьмой участок. В основном штреке вокруг Очередыко и Дубинцева стояла большая группа шахтеров. Рогов не думал ни во что вмешиваться, просто хотелось убедиться, что все идет хорошо. Может быть, он себя немного обманывал, боясь признаться, что его исподтишка точит ревнивое чувство зависти даже к люковому, который в этот момент наполнял вагончики углем. Остановился в сторонке, прислушиваясь к раздраженному голосу Вощина.

— Мы уже вторую смену болтаемся, когда же порожняк будет? — спрашивает проходчик. — Это же не Шутка — скоростной забой. А потом вы сами видели: со мной на первую смену вышел сын Григорий. Не могу же я моргать перед ним!

— Я все знаю! — отмахнулся Очередыко. — Знаю, как важен твой забой, но порожняк мне сегодня на другое нужен. У меня рекорд!

Как только проходчик отошел, шопотом поминая зловредную бабушку нового районного инженера, тот нетерпеливо повернулся к Дубинцеву:

— Ну? Как дела у Деренкова?

— Товарищ Очередыко, за лаву отвечаю я, — медленно выговорил техник. — Мы уже восемь лент взяли — риск большой!

— Риск! А ты что думаешь, в шахте можно без риска? — удивился Очередыко и, явно рассчитывая уязвить молодого начальника участка, добавил: — У тебя что, сердце слабоватое?

Дубинцев сдержался, ответил очень спокойно:

— Я не трус, но есть определенные технологические нормы.

Очередыко почему-то обрадовался.

— Нормы? Но это же не мертвое дело? Нормы людьми создаются! Ты техник и должен знать, что горное дело наполовину наука, наполовину искусство. И потом не тебе меня учить технологии. Я шестнадцать лет в шахте — состояние лавы могу определить без твоей помощи!

Дубинцев упрямо наклонил голову.

— В верхней лаве работать нельзя.

— А я приказываю!

— Все равно нельзя. Я отвечаю за участок.

— А я... я сниму тебя! — Очередько даже пригнулся, выставив подбородок. — Ты трус! Слышишь?

— А я...

Рогов положил руку на плечо Дубинцева:

— Не волнуйся.

Очередько приподнял аккумулятор.

— Кто это?

— Я считаю, что начальник участка прав, — сказал Рогов, следя за мгновенными переменами в лице Очередько.

На этом лице отразилось вначале замешательство, потом глухое раздражение и, наконец, удовлетворение, которое можно было понять так: «Эге, явился! Ну, что теперь скажешь? Районом-то командует Очередько!» Сказал же он очень спокойно, пощупав пуговицу на воротнике:

— В общем, посторонним нельзя ходить по району.

Рогова рассмешило это фанфаронство, но Очередько вдруг озлился:

— Я запрещаю вам, инженер Рогов, ходить по району и расстраивать мне... организацию. Довольно вы мне мешали. Теперь настал мой час!..

Можно было не отвечать на это. Рогов поинтересовался, где работают черепановцы. Лицо Дубинцева посветлело.

— У меня душа с этими парнями отдыхает, — признался он. — Отвоявал им сегодня старую лаву. Обещали полтора цикла дать. И дадут! Может, к ним пойдете, Павел Гордеевич?

Рогов поднялся в лаву.

Черепанов сразу пожаловался Рогову на Хмельченко, которого он вызвал на соревнование:

— Он у меня прямо инициативу из рук выхватывает —

до всего ему дело. Сегодня пришел — вижу, недоволен. Покрутил головой и целую лекцию закатил. «Косолапые, говорит, вы стригунки! Я вас как учил скважины бурить? Чтобы после отпалки уголек аккуратно ложился у забоя, а не выстреливал чорт-те куда!» А потом насчет крепления, а потом за инструмент опять ругал. Наказал всей бригаде после смены притти к нему на квартиру — сам покажет, как топоры и пилы заправлять.

Черепанов рассказал все это немного недовольным тоном, но Рогову сразу стало ясно, что парень совершенно спокоен и за бригаду и за работу. Люди нашли свое место. Черепанов же не мог остановиться и все обличал Хмельченко:

— Вчера явился к нам в общежитие. Сидел, сидел. Мы собирались в клуб сходить, а он говорит: «Ладно, успеете». Вытащил из кармана книжку про одного летчика, как он был в тылу у немцев, и подает мне. «Хотел, говорит, про шахтеров принести, да не нашел. Читай это». А ребятам наказал: «Не дышите!» Ну, я читал часа два, а хлопцы, и верно, не дышали. Потом поругались.

— С кем? — удивился Рогов.

— Да с ним же, с Хмельченко. Прочитали половину, а он встал и требует книжку обратно. Мы просим ее на ночь, а он уперся: «При мне, говорит, будете читать, так вернее».

Черепанов вдруг обернулся и крикнул по направлению к верхним ступам:

— Юрка, вы скоро там?

— Кончаем, — отозвался Юрка. — Сейчас палить будем!

Рогова порадовал порядок в лаве: ни суетни, ни криков, лес запасен, полочки из горбылей настланы, печь порожня — все подготовлено к приему угля.

Черепанов, очевидно, все время ждал, что скажет обо всем этом инженер, но Рогов смолчал и только, прощаясь, крепче обычного пожал руку бригадиру.

Около диспетчерской Рогов опять встретился с Дубинцевым.

— Все хорошо идет, Павел Гордеевич, — сообщил он торопливо. — Беспокоит меня только тридцать первая, где Деренков. Пришлось подчиниться Очередыко — может, сойдет?

Рогов не успел ответить, потому что из диспетчерской сго окликнул дежурный. Оказывается, парторг уже несколько раз звонил в шахту, разыскивая инженера.

— Ну вот, нашлась бабушкина потеря, — засмеялся в телефон Бондарчук и неожиданно сухим тоном добавил: — Явись немедленно!

Через четверть часа Рогов уже входил в кабинет парторга. Там сидели Дробот и Филенков. Бондарчук подал ладонь корытцем и насмешливо, как показалось Рогову, спросил:

— Чем занимаешься?

— На экскурсии в шахте был, — невесело отшутился Рогов и, заметив, как Дробот нахохлился, а Филенков неловко повернулся на стуле, с досадой подумал: «Нажаловались, что не подчиняюсь приказу».

— Читай! — Бондарчук пододвинул четвертушку папиросной бумаги.

Текст был бледный, а руки у Рогова дрожали. Пришлось положить листочек на стол.

«...По комбинату «Кузбассуголь»... «Об отстранении от должности начальника шахты «Капитальная» П. М. Дробота». «Впредь до расследования фактов приписки и других причин, по которым в штабелях нехватило 15 491 тонны угля, отстранить...»

А в последнем параграфе:

«Временно исполняющим обязанности начальнишка шахты назначить...»

Рогов невольно пожал плечами и бессознательно отметил множество мелких морщин на лице Дробота.

— Почему именно меня?

— Не знаю, не знаю! — нетерпеливо перебил Бондарчук. — Здесь не совещание по поводу приказа, давай принимайся за дело. Доложи тресту и комбинату, а завтра сделаешь сообщение на бюро горкома об организационно-технических мероприятиях на четвертый квартал. К зиме шахту нужно готовить. Действуй, товарищ временный начальник!

Рогов заметил веселые искорки в глазах Бондарчука и сам с трудом сдержал улыбку, которая сейчас была бы совсем некстати.

— Ну... — Парторг, очевидно, хотел пожать руку, но вместо этого на лету подхватил трубку зазвонившего

телефона. Несколько секунд он слушал, а на его скулах медленно вспухали желваки и смуглая кожа над бровями бледнела. — Кто на районе? Где Очередыко? Давно? — выпалил он и, бросив трубку, крикнул: — Дубинцева завалило в лаве... Слышите? — Глаза его остановились на Рогове. — Действуй! Я следом за тобой.

Дробот и Филенков одновременно вскочили. Рогов выбежал, крикнув им с лестницы:

— Будьте у телефонов!

Потом он никак не мог припомнить, у кого выхватил на ходу аккумулятор. Вскочил в клеть, крикнул рукоятчице:

— Аварийный!

Бьет частый сигнал, потом наступает тревожная тишина, клеть чуть вздрагивает и падает в холодную глубину ствола. В последнюю секунду Рогов заметил, что рядом с рукоятчицей стоит Аннушка с совершенно окаменевшим лицом. Руки ее торопливо рвали у горла узел косянки.

— Коля! Коля же! — вдруг закричала она страшно и запрокинула голову...

...Пока порожний электровоз с недозволенной скоростью мчался на аварийный участок, Рогов пытался восстановить в памяти схему нарушенной выработки и почему-то не мог этого сделать. Мысли прыгали от разговора с Бондарчуком к спору Дубинцева с Очередыко.

И все время перед его глазами стоял Николай, как он его запомнил во время последней встречи. Упрямо наклонив голову, сдерживая гневную дрожь бровей, он говорит: «В верхней лаве работать нельзя!» — и поднимает глаза на Очередыко.

Рогов сжал кулаки — разве не дико, что этот безграмотный, самовлюбленный болтун по прихоти Дробота был назначен районным инженером!

Он представил себе, как в эту минуту сотни горняков, разделенные мощными толщами пород и угля, продолжают работу — долбят, бурят, грузят, бегут от взрывов в укрытия, толкают вагончики, прокладывают новые откаточные пути, но во всем этом неустанном движении все они, даже в самых отдаленных и глухих выработках, думают только о том, что делается в тридцать первой лаве: как тот молодой парень, фамилию которого даже не все знают, — живой ли он?

На крутых поворотах казалось, что электровоз вот-вот ударится о стойки, стремительно летящие навстречу. Но Рогов почти не замечал этого, поминутно торопил машиниста:

— Нажимай, нажимай!

Сквозь лязганье железа взывали моторы. Еще один поворот. Налево конно-откаточный штрек седьмого участка. Рогов взмахнул лампочкой.

— Стой!

Пиликнули тормоза, на уши тяжело спустилась глухая тишина.

Сразу же наткнулись на большую группу рабочих, окруживших Деренкова.

Приподняв лампочку так, чтобы видеть лицо забойщика, спросил, как все случилось.

— А вы что тут — следствие наводите? — закричал Деренков. — Вот еще... прокурор нашелся!

— Молчать! — тихо остановил его Рогов и спросил у окружающих, где Очередько.

— Я здесь, — необычайно смиренно отозвался тот из-за чьей-то спины. — Я побегу сейчас... к начальнику шахты... лично доложу...

— Лично вы нужны здесь, — сказал Рогов и внимательно оглядел собравшихся.

Полтора десятка шахтеров настороженно молчали. Сверху, со стороны аварийной лавы, доносились частые двоянные удары.

— Кто там? — удивился Рогов.

— Воцни с сыном, — ответил Черепанов.

— А, бесполезно все это... — махнул рукой Деренков, — такая махина рухнула — в месяц не откапашь.

— Как все это случилось? — оборвал его Рогов.

— Как?.. — Забойщик замялся на секунду. — Я ему, то есть начальнику, говорю: «Не ходите!», а он мне: «Какое твое десятое дело? Кто есть ты и кто есть я?» Ну и пошел, ну и давануло, значит. Как ножом, лаву обрезало.

— А где он был в это время, в просеке или еще в лаве?

— А я откуда знаю? — снова распалился Деренков. — Она как сыпанет, я и глазом не успел моргнуть, меня оттуда одним духом вышибло!

Рогов решил, что во время обвала Деренкова не было в самой лаве. Дубинцев, может быть, успел подняться к

промежуточной просеке, — значит, нужно немедленно пробиваться к этой просеке со стороны лесоспускного ходка, что впереди лавы, и одновременно идти снизу, заново разрезая целик и разбирая завал. Но как много все это отнимет времени! Выдержит ли Дубинцев, есть ли к нему доступ воздуха, можно ли с ним установить хоть какую-нибудь связь?

«Все можно, — решительно тряхнул головой Рогов. — Все можно, если там человек!»

Приказав следовать за собой Черепанову и Очередыко, он поспешно поднялся в ходовую печь.

ГЛАВА XVII

...Бились вторые сутки. Черепанов впервые разозлился на Рогова, когда тот предложил его бригаде уступить место тем, кто не устал, кто быстрее поведет дело.

— Не тревожьте нас! — огрызнулся бригадир. — Не имеете права!

Завал разбирали от груди забоя и поднялись уже метров на десять. Работали по-двое, остальные отдыхали тут же в просеке. Четверо лесогонов непрерывно подавали крепежник — стойки приходилось ставить так часто, чтобы только можно было между ними проползти: нарушенная кровля совсем не держалась.

Лица у комсомольцев осунулись, глаза поблескивали настороженно, голоса охрипли; прямо к забою им принесли пищу, меняли аккумуляторы, инструмент. Усталость сказывалась только в том, что стали чаще меняться, беспокойнее дремали, отрывистее, лаконичнее разговаривали. Попробовал в лаву сунуться Деренков, но сидевший внизу, в просеке, Саенг решительно заявил:

— Т-тут нужны ч-чистые р-руки! П-проваливай, т-тип!

Однажды, когда Лукин и Черепанов уже собрались меняться местами, кто-то негромко охнул:

— Аннушка!

Черепанов не повернулся, только задыхал чаще. Аннушка присела в сторонке, настороженно приподняв лицо. Бригадир почувствовал, как у него моментально пересохло во рту. Девушка пришла удивительно не вовремя: только что, убрав небольшую плиту песчаника, он обнару-

жил в образовавшемся углублении полу брезентовой тужурки. Попробовал слегка потянуть — не подалась, в пальцах осталась раздавленная костяная пуговица.

В голове у Черепанова зашумело, руки ослабли. Негромко кашлянув, чтобы привлечь внимание Лукина, он показал глазами на пуговицу в ладони и на Аннушку. Санька понял.

— Ты бы шла, Аннушка, в просеку, — осторожно попросил он, — крепить придется, тесновато будет.

Она кивнула и, спустившись метра на три вниз, притаилась, не замеченная забойщиками, за группой стоек.

— Давай! — заторопился Черепанов.

Обламывая ногти, почти задыхаясь от усталости, они стали выдирать, разбрасывать куски породы, не в силах отвести глаз от клочка брезента. Очень осторожно отвалили большую синеватую глыбу, — под ней обнаружился рукав, а минут через десять вытащили всю тужурку.

— Это не его, — сказала у них за плечами Аннушка.

Черепанов с Лукиным оглянулись и вздохнули.

Брезентовая тужурка, брошенная в лаве Деренковым, словно навела на правильный след, удвоила силы.

На смену Черепанову и Лукину к завалу поднялся Сибирцев с незнакомым парнем в новой шахтерской спецовке. Бригадир нахмурился. Но новичок спокойно отрекомендовался:

— Данилов моя фамилия.

Черепанов не нашелся, что сказать, и только обменялся со Степаном крепким рукопожатием. Так незаметно на крутом повороте Степан Данилов вошел в жизнь бригады. Когда через несколько часов Бондарчук осведомился: «Как новичок?» — Митенька деловито кивнул в глубь просеки:

— Степан Георгиевич отдыхает.

— А сам ты куда наладился?

— Ни дела, ни работы! — отмахнулся забойщик. — Послал Черепанов инструмент заправлять. Можно было постороннего послать... Я же у дела, в забое, — обеспокоенно, но солидным тоном добавил Митенька и заспешил на-гора.

Утро, легкий морозец, розоватые тени на небосклоне — от всего этого даже голова закружилась. Как хорошо на земле! Так бы и постоял, подышал, но надо в кузницу.

— Подождешь часок, не велика птица! — отвернулся кузнец. — Я за смену-то намахался...

— Инструмент из тридцать первой лавы, — тихо сообщил забойщик.

— Откуда? — Кузнец шагнул к Митеньке, потом суетливо смахнул окалину с наковальни. — Из тридцать первой? Так что ж ты крадешься ко мне? Мигом давай!

Ожидая инструмент, Митенька снова вышел на улицу. Хорошо! Чистый воздух, простор, голоса... «А вот Николай Викторович... Что-то с ним? Или он уже?.. — Митя потряс головой. — Не может быть этого!»

В первый же день спасательных работ во время часового отдыха Митенька кинулся к старому шурфу, которым когда-то воспользовался, чтобы незаметно ускользнуть из лавы. Его постигло горькое разочарование. Осенние дожди сделали свое дело — шурф окончательно обвалился. Там, где был узенький лаз, нагромоздило не меньше десяти метров пустой породы, да еще сверху привалило огромным глиняным оползнем.

Сейчас Митенька снова глядит на рыжую гору, на линию старых шурфов, и новая гневная волна нетерпения захлестывает его. «Как же так, человек задыхается где-то совсем рядом — и невозможно ничего сделать?» Но ведь делают же! От переднего действующего шурфа пробивается горноспасательная команда, снизу — бригада. Старый шурф и без Митеньки несколько раз обследовали.

«А если все же еще раз посмотреть? Даже никто и знать об этом не будет!» Заглянув в кузницу и схватив одно уже заправленное кайло, Митенька опрометью кинулся на гору. Пока добежал — дух захватило. Заглянул в глубокую воронку и невольно опустил руки. Нет, тут ничего не сделаешь! Оглянулся вокруг. В нескольких десятках метров поднимался бурый холм еще более старого шурфа, который, наверное, совсем погребен осыпью. Не хотя подошел к нему, нагнулся, потом еще ниже нагнулся, наконец лег грудью на самый край. Внизу несомненно что-то чернеет. «Неужели ходок? А если даже ходок, то ведь передний шурф все равно преградил доступ в обрушенную лаву. Да едва ли и верхняя просека сохранилась — угольный целик не оставляли... — Митенька зло сплюнул: — Лежит человек и гадает: чет или нечет? А тут нужно действовать, пытаться!»

Стал поспешно спускаться почти по отвесным стенкам шурфа. В одном месте зазевался. Не успел перехватиться руками, ноги сорвались, синий квадратик неба наверху повернулся, и... хорошо, что упал на мягкое, но в голове все же загудело, сердце застучало. Отдышался, сказал с досадой:

— Чорт! Вот это грохнул!..

Из темного бокового провала несло затхлой сыростью. Митенька принохался, потом быстро стал на четвереньки и, даже не подумав о том, сможет ли выбраться обратно, нырнул в черную дыру.

ГЛАВА XVIII

Накануне Аннушка с Николаем целый день провели в хозяйственных хлопотах и даже немного поспорили.

Жить решили на квартире Дубинцева, в небольшой продолговатой комнатке, сообщавшейся темным коридорчиком с кухней, которой пользовалась также семья начальника подземного транспорта Стародубцева.

Все необходимые покупки уже произвели. Мебели было хотя и немного, но жаловаться на первое время не приходилось. Каждую вещь Аннушка собственными руками по нескольку раз передвигала по комнате, пока все не оказалось размещено самым наилучшим образом.

Аннушка забегала после работы и занималась «своим хозяйством» часа два-три, после чего уходила «до завтра». Как-то, словно нечаянно, к ним заглянула Клавдия Степановна, жена Стародубцева, женщина с большим животом и худеньким плоским личиком, на котором был очень замстен сухой длинный нос. Клавдия Степановна вприщурочку, но очень доброжелательно оглядела квартирку, потрогала пальцем новый пружинный матрац и что-то шепнула Аннушке, от чего та до слез покраснела. Потом Клавдия Степановна тяжело вздохнула и сказала:

— Боже мой, мы с Семеном Константиновичем тоже вот так начинали, ничегошеньки не было. Только нам ведь легче пришлось! Как ни говорите, а Семен Константинович все же не техник, а инженер. — Клавдия Степановна повела подмалеванной бровью в сторону Николая и, еще раз, неизвестно почему, вздохнув, вышла.

Аннушка помолчала, а потом вздернула плечиком.

— Ну и что же? Вот новость! Что же, что техник! Инженером-то всегда можно быть. Ты умница, ты самый хороший!

А поспорили накануне по двум причинам: во-первых, под новенькой белоснежной кроватью Аннушка вдруг обнаружила грязные рабочие сапоги.

— Что это такое? — спросила она страшным шопотом. — Что это такое, Николай Викторович?

Николай Викторович хотел все обратить в шутку, но, встретившись взглядом с Аннушкой, смешался, покраснел, бормотнул что-то по адресу сапог и поспешно перетащил их в коридор, потом в кухню и, наконец, преследуемый все теми же строгими глазами, бросил заскоруждые сапоги в кладовку. Вернувшись, он нахмурился и попробовал заговорить басом.

— Не понимаю тебя, — сказал он, — что ты поднимаешь панику из-за пустяков?

— Ко-оля! — Аннушка выпрямилась, надменно приподняв носик, как это она одна, по мнению Дубинцева, могла делать. — Ко-оля! — повторила она и еще больше выпрямилась, но тут же потянулась к нему, обняла, тихонько засмеялась и предложила заняться списком приглашенных на свадебный вечер.

Тут они снова чуть не поспорили. По самым скромным подсчетам гостей должно было собраться что-то около сорока человек, если не считать случайных, «набеглых», без которых тоже не обойдешься. Прикидывали и так и этак, а все выходило, что даже при мобилизации всей мебели у соседей за столом разместится не больше двадцати пяти человек.

— А остальные? — требовательно нахмурилась Аннушка.

— Подождут! — решительно объявил Дубинцев. — Что в самом деле, не ресторан же у нас.

— Нет, это не годится! Ты должен что-нибудь придумать.

— Чудная, ну что ж я могу?

— Нет, ты можешь. И я не чудная. А ты можешь, но не хочешь.

Заметив, что нижняя губа у нее стала подрагивать, Дубинцев поспешно сдался, сказав, что придумает что-

нибудь, хотя бы пришлось для этого столы ставить в два этажа.

Аннушка благодарно улыбнулась, при этом ее милое лицо с крошечной родинкой у левого виска озарилось совершенно безмятежным счастьем. Заторопившись, она ушла, но тотчас же, как школьница, постучала из коридора и, чуть приоткрыв дверь, так, что был виден только один ее лукавый глаз, шепнула:

— Ты у меня умница, гений!

В четыре часа он должен был закончить все дела на шахте, а к восьми ожидалась гости. К двум часам он почти успокоился за участь тридцать первой лавы, где работал Деренков, и даже похвастался этим перед Роговым, но тут в полевом штреке его догнал десятник и, занкаясь, сообщил, что лава «чего-то постанывает».

— А Деренков? — круто повернулся Дубинцев.

— Да он уже в штреке! — отмахнулся десятник. — «Не пойду, говорит, в эту пропасть, мне своя жизнь дороже. Забой, говорит, как живой ворочается».

— Как вам не стыдно! — возмутился Дубинцев. — Как вы могли оставить лаву в таком состоянии, вы же у меня упустите ее!..

Дубинцев совсем недавно командовал участком и, сам не замечая того, очень часто употреблял такие выражения, как «мой участок», «моя лава», «мои бригады», подчеркивая этим свою ответственность за общий успех.

Деренков действительно оказался в штреке. Он спокойно разговаривал с девушкой-откатчицей, картинно опершись локтем о борт вагончика. Дубинцев даже вспотел от мгновенного гнева при виде этой «телячьей», как он сказал забойщику, беспечности.

— А что ж, плечами я буду держать вашу лаву? — удивился Деренков. — Если уж она, матушка, тронулась, ее никакими помочами не удержишь!

— Свиństwo! — крикнул Дубинцев, проворно поднимаясь в ходовую печь. — Свиństwo, которого я не потерплю!

Но последние слова уже никто не услышал, потому что ни Деренков, ни десятник в лаву не пошли. Поэтому из них никто не видел, как развернулись дальнейшие события.

А развернулись они так.

Внимательно оглядывая выработку, Дубинцев постепенно поднялся к верхним уступам, которые, как он и предполагал, оказались некрепленными. Это еще больше распалило его. «Ах, какое же свинство! Какая преступная беспечность! Скажи на милость! — повторял про себя Дубинцев. — Ну, подождите, мы разберем вечером вашу работку! Ведь наказывал же дураку, чтобы крепь ставил сразу же после разборки угля. Нет, за рекордом погнался, за длинным рублем!»

Именно в верхних, некрепленных уступах кровля заметно оседала, несколько стоек лопнуло, расщепилось. Но общая картина как будто была не так-то уж плоха, положение, пожалуй, можно было еще исправить, если немедленно же подхватить больные места «кострами» — группами из нескольких стоек.

Дубинцев хотел крикнуть людей, но, вспомнив, что лес должен быть в верхней заброшенной лаве, полез через узкую арочку вправо. Он действительно обнаружил десятка два стоек, полузасыпанных породой и угольной крошкой. Облегченно распрямил онемевшую спину. Именно в это мгновение на него тяжело дохнуло. На какую-то секунду воздух стал непроицаемо плотным. Дубинцев не удержался на ногах и упал, ударившись подбородком о лесину, ободрав колени и ладони о колючую породную крошку. В уши, глаза и рот набилась мельчайшая угольная пыль. Шахту сотрясал страшный грохот.

— Попал! — охнул Дубинцев и стал отплевываться, моментально забыв об ушибе.

В следующую секунду он непроизвольно кинулся к входной арке, но оттуда острым пальцем предостерегающе торчала расщепленная стойка и темнобурые плиты песчаника.

— Попал! — охнул Дубинцев снова и, еще плохо соображая, на четвереньках быстро пополз в противоположный конец брошенной выработки.

Наткнувшись через три-четыре метра на завал, он сел и растерянно покривил губы: «Как слепой кутенок, тычуть...»

Где-то недалеко опять глухо и тяжело зарокотало, звук накатывался откуда-то снизу и воспринимался не слухом,

а всем телом. Решив, что это разрушается нижняя часть лавы, Дубинцев бессильно опустился на покатуую почву, почувствовав себя вконец опустошенным.

«И сам пропал, и лава пропала! Хоть головой бейся о глухую стену, хоть зубами ее грызи — ничем не поможешь! А кто виноват?» Только он, прежде всего он! Разве на его месте какой другой начальник участка уступил бы этому Очередько? Разве человек со здравым смыслом допустил бы такое хулиганское нарушение элементарных правил эксплуатации? А ведь он имел за собой поддержку со стороны Рогова, который прямо заявил, что он, Дубинцев, прав!

— Прав! — Дубинцев презрительно фыркнул. — Высказать правильную мысль, занять правильную позицию — это даже меньше, чем полдела, а основное — это отстоять правду. А вот попробуй теперь отстоять!

Николай опускает голову к самым камням и мучительно старается представить себе выход из страшного положения. Что же делать?

Идут минуты, кажется, часы. Не один и не два раза прополз он вдоль глухих стенок завала и снова возвращался на старое место. Не было выхода. Обессилел.

И вдруг в тихом, давящем сумраке перед ним встало милое лицо Аннушки, согретое неизъяснимым счастьем.

«Ты у меня умница, гений!»

— Гений! — попробовал он снова съязвить, но волна острой жалости захлестнула его сердце, жалости к себе, к Аннушке, чье счастье оборвалось на самом взлете, к товарищам, которые теперь грудью бросаются на завал, которым теперь труднее, чем ему, потому что они не знают, где он, жив ли он. Они его будут искать в самой лаве, но для этого надо перебраться тысячи тонн породы, пройти сотни метров бесполезных нарезок.

«Как-то они приняли весть об аварии, о гибели одного из членов своей большой семьи? И сколько прошло времени, как лава рухнула?»

Деренков, конечно, уже сообщил о случившемся в диспетчерскую...»

Дубинцев откидывается на спину. Он пытается представить себе Аннушку — и не может.

В причудливых сочетаниях перед ним мелькают события его жизни.

На далеком Карельском перешейке только что закончилась война с белофиннами. Вдвоем с однокашником Гошкой Дубинцев решает весной ехать на север. Это чепуха, что им только по четырнадцать: если уж начинать большую жизнь, то как можно раньше. Кто знает, какими открытиями порадуют они родину? (Как хохотала Аннушка, когда он ей рассказывал об этой своей попытке прославиться.) Из экспедиции на север ничего не получилось, потому что денег хватило только до первой узловой станции.

Зимой 1942 года он недели три ходил в военкомат, но, несмотря на многочисленные заявления и устные просьбы, на фронт его не отправили. Вместо этого он попал в Кузбасс, в школу ФЗО, а потом оказался студентом горного техникума в Прокопьевске. «Держай!» — сказал ему отец, агроном райзо.

С этого и началась сознательная жизнь: он почувствовал себя вдруг нужным человеком в шахтерском коллективе.

Вот он первый раз на шахте. Сперва дали ему обушок. Уголь долбил вручную.

— Трудно, зато полезно, уголек-то на зубок испробуешь, — сказал десятник.

Через полчаса он отмахал руки и, пристроившись спиной к шершавой стенке уступа, задремал. Проснулся от толчка в плечо. Рядом сидел пожилой шахтер. Потом Дубинцев всегда краснел, вспоминая об этой минуте.

— Ты кто? — спросил у него шахтер, а потом зло пожевал губами и стал неистово ругаться. — Ты кто, студент? Нужный в государстве человек! Какне же твои права передо мной, стариком? Я тридцать лет уголь долбаю, а ты на первой полсмене зачух. Как же ты придешь через год в лаву и будешь меня учить? А ну, будь любезен, зайди сегодня ко мне на квартиру, потолкуем.

Дубинцев две смены проработал в шахте, пока не выполнил норму, а вернувшись в общежитие, на правах старшего по комнате, стал распекать двух однокашников-практикантов, не ходивших на смену потому, что у них «чего-то животы разболелись». Потом почистился, приделся и тронулся к дяде Егору, как звали сердитого шахтера.

В низких сенях его встретила тоненькая девушка.

— Аннушка, — протянула она руку.

— Познакомились? — спросил дядя Егор, выйдя из комнаты, и насмешливо распушил усы: — Эх вы, техники!

На следующий год Николай стал учиться вместе с Аннушкой. Она была единственной девушкой в группе, к ней все относились хорошо за ее веселый, прямой характер.

Всегда подвижная, как капелька ртути, гибкая, звонкоголосая!

Когда они полюбили друг друга? Наверное, с первых же дней, как встретились. По крайней мере так было у него, Дубинцева. А когда он об этом ей сказал? Совсем недавно. Но тяжело ли было молчать? Нет, он не замечал этого, потому что был счастлив.

Дубинцев вдруг спохватился: лампа не выключена... Надо сохранить заряд в аккумуляторе как можно дольше.

Вместе с абсолютной темнотой, плотно подступившей к глазам, как будто окончательно остановилось время. На зубах все еще похрустывал угольный порошок. Мучительно хотелось пить. Он гнал от себя это желание, часто повторяя: «Блажь!» Но блажь не проходила. Несколько раз чудилось ему журчание ручья, удары капель. Будучи не в силах удержаться, он включал аккумулятор и полз на коленях по лаве, чтобы еще и еще раз убедиться в отсутствии хотя бы намека на влагу.

Почему-то казалось, что мрак с каждым часом делается непроницаемее, а тишина все сильнее давит на плечи, на сердце. Но сколько же часов, минут, суток прошло с момента аварии?

Он решил было простым счетом определять минуты: «двадцать один... двадцать два...», но сейчас же махнул рукой: для чего? Кому нужно это время? Не все ли равно: час, сутки или год сидит он в этой дыре? Хочется пить, есть, очень замерз, — так это же все пройдет.

А потом Дубинцев, наверное, уснул, потому что долго ничего не слышал, не чувствовал, не двигался. В брошенной полузавалившейся лаве попрежнему было тихо и глухо. Иногда сверху катились кусочки породы или коротко и сухо щелкала натруженная стойка.

ГЛАВА XIX

Некоторое время постояли на повороте в квершлаг. Бондарчук вздохнул, покачал лампой и, почесав переносицу, сказал:

— Ладно... Ты... иди к себе, работай, а я побуду здесь. Надо будет — позвоню.

— Хорошо, я пойду, — согласился Рогов и вдруг спросил: — Как думаешь, живой?

— Искать надо, — неопределенно отозвался Бондарчук.

Вернувшись в кабинет, Рогов постоял у стола. Он боялся, что сразу же уснет, если сядет в кресло. В голове шумело от двух бессонных ночей.

Вошла Полина Ивановна — секретарь-машинистка. Рогов почему-то безотчетно побаивался строгих, грустных глаз этой пожилой тихой женщины. Ему казалось, что за глубокой печалью в глазах Полины Ивановны таится трудный вопрос, ответить на который никто не может. Было известно, что у нее на фронте погибли муж-инженер и сын, окончивший перед войной Иркутский университет.

Полина Ивановна просто не понимала, почему у нее вызывает такое тревожное и вместе с тем теплое материнское чувство угловатый, не умеющий опускать глаза Рогов. Может быть потому, что она нечаянно подсмотрела, как он, появившись вчера в кабинете уже в качестве начальника шахты, долго стоял у окна, словно стараясь вспомнить что-то давно забытое. Она еще подумала: «Как трудно, должно быть, придется ему на первых порах. А тут еще случай с Дубинцевым... Вот и плечи у Рогова то поднимаются, то опускаются, точно давит на них непривычный груз».

— Из треста звонили? — спросил Рогов, сдерживая зевоту, отчего уголки его губ горько опустились.

— Звонили, просили в шесть часов быть на совещании, — ответила Полина Ивановна и, чуть помедлив, добавила: — Заходил Дробот, но ничего не сказал. Районные инженеры Охрименко и Нефедов просили назначить время для приема — у них какие-то неотложные дела.

Рогов составил список, распорядившись вызывать людей по очереди. А когда Полина Ивановна вышла, он сказал себе: «Наверное, я усну сейчас», но не уснул, потому

что пришел старший табельщик и доложил, что с выходами рабочих подземной группы неблагополучно. Набросали проект приказа о жетонной системе. Потом появился Локтев, начальник поверхности, и пожаловался на острую нехватку рабочих.

— Роскошно живете! — резко перебил его Рогов. — Я как раз хотел с вами поговорить об этом.

Потерев красные утомленные глаза, он отыскал в блокноте нужную запись.

— Завтра к вечеру из тысячи трехсот двадцати семи человек, имеющихся у вас, двести тридцать передадите подземным участкам, в том числе весь квалифицированный горный надзор и всех забойщиков.

Начальник поверхности, немного одутловатый, но еще молодой человек, улыбнулся.

— Павел Гордеевич, вы меня не поняли... Мне нужно не сокращать, а увеличивать штат минимум на сто пятьдесят человек!

Приподняв телефонную трубку, Рогов осторожно опустил ее обратно на рычаг.

— Я вас понял. Хочу, чтобы вы тоже меня поняли: завтра к вечеру двести тридцать человек должны быть переданы на эксплуатацию.

Лицо Локтева заметно вытянулось, он подобрал ноги под стул.

— Вынужден заявить, что снимаю с себя всякую ответственность.

— Хорошо, — согласился Рогов. — Сегодня к восьми часам доложите о сдаче дел десятнику по погрузке, Екатерине Сербиной. А теперь идите!

Локтев на носках прошел до дверей. Надел кожаную фуражку и только тогда, повернувшись, сказал примирительно:

— Человек полтораэта я завтра к вечеру подброшу участкам... Павел Гордеевич!

Коротким взмахом руки Рогов подозвал его и, когда он с растерянной улыбкой снова сел, спросил:

— Испугался?

— Даже спина похолодела! — признался Локтев.

— Вот это хорошо! — Рогов засмеялся. — А теперь давай разберемся, что к чему, и впредь, пожалуйста, без фокусов.

Через полчаса позвонил Бондарчук. Он считал необходимым поставить еще одну бригаду на разборку завала.

— Как бы это поскорее сообразить? — добавил он. — И потом вот еще что: черепановцы решительно отказались оставить забой и уступить свое место.

По мнению Бондарчука, комсомольцев не следовало обижать, пусть работают, нужно только прислать им что-нибудь из столовой.

— Сорок восемь часов, — сказал Рогов. — Медленно двигаемся. Уморим парня... — Немного помолчав, он опять, как недавно в штреке, спросил: — Ты как думаешь, живой?

Бондарчук подул в трубку.

— Вот насчет этого я тебя хочу спросить.

— Ладно, — прервал его Рогов. — Я подошлю бригаду с третьего района.

В кабинет вошел Филенков. Рогов ждал его, ждал этой минуты, чтобы заглянуть в глаза человеку, спросить у него о самом главном: «Как же дальше, Федор Лукич?» Без этого их совместная работа невысказана.

Но Филенков вошел как-то странно: долго закрывал дверь, потом носком сапога отогнул уголок ковровой дорожки, и все это очень сосредоточенно, почти насупившись и совсем не глядя на Рогова.

Зато он очень быстро подошел к столу, раскрыл папку и выложил перед начальником бумаги, потом оперся растопыренными пальцами о край стола и словно бы исчез. На лице у него было такое выражение, как будто он хотел сказать: «Меня здесь нет. Перед вами бумаги, требующие подписи».

Рогов видел, что Филенков, приучившись почти на все глядеть глазами Дробота, вдруг потерялся. И Рогов понял главного инженера. Подписывая бумаги, подумал невесело: «Ты хочешь показать, что если здесь нет Дробота, то нет и Рогова, а восседает просто некое отвлеченное единоначалие, подписывающее бумаги. И тебе оно безразлично. Ты трусоват и наивен, главный инженер!» Посадив кляксу на последней бумажке, Рогов поднял глаза на Филенкова.

— Федор Лукич, у меня к вам дело...

— Я слушаю. — Филенков убрал руки со стола.

— Здесь вот график различных совещаний — громоздкий. Не запланированы только совещания с уборщиками. Нельзя ли все это сократить минимум наполовину?

— Павел Гордеевич! — Филенков как-то весь подобрался и долго подыскивал слова, даже губами шевелил. — Павел Гордеевич, но это же утверждено горкомом и трестом.

Он проговорил «утверждено» почти шопотом. Рогов быстро спросил:

— А вы сможете собственное мнение составить по этому поводу? Только незамедлительно! Можете? Вот и отлично!

В лице главного инженера как будто что-то прояснилось, даже веселые огоньки сверкнули под седеющими бровями. Почти свободно опустившись в кресло, он сказал:

— Знаете что, Павел Гордеевич, завидую вам, ей-богу!

Рогов насутился.

— Вот это мне не нравится! Решительно...

Главный инженер замахал руками.

— Не подумайте чего-нибудь... Я ведь от чистого сердца. Мне жалко Дробота, не плохой он мужик был когда-то... Но с вами мне, честное слово, легче дышится. Вы вот вчера говорили: «В шахту никаких комиссий без моего разрешения не пускать!» — это у вас, по-моему, от Дробота, а когда вы добавили: «Трест считает состояние выработок на «Капитальной» удовлетворительным? Плюньте на это, — ничего нет хуже самообмана!» — это у вас свое, настоящее. Вот такое настоящее мне и нравится. А вообще...

Рогов перебил:

— А вообще, Федор Лукич, вам очень дорого то, что вы делаете? Работа... завтрашний день... Я имею в виду...

— Завтрашний день? Видите... Приходишь с утра, а к вечеру так закрутишься...

— Что забываешь про завтрашний день?

— Ей-богу, часто забываешь!

— Тогда, может быть, отдых устроить? Отпуск, курорт...

Филенков почти испуганно глянул на Рогова.

— Что вы, Павел Гордеевич! Только этим не обижайте. Вы увидите, что я могу работать... Увидите.

Лицо его сразу как-то осунулось, огоньки в глазах погасли, а когда уходил, руки у него тяжело повисли.

И вдруг Рогову вспомнились слова Афанасия Вощина:

«Вы что думаете, Павел Гордеевич, у него ведь есть в груди жар-уголек, только пеплом подернулся. На ветерок бы его — непременно вспыхнет».

Рогов хотел уже вернуть Филенкова, но тут в кабинет по-медвежьи ввалился Нефедов.

— Вы что, Павел Гордеевич, шутите? — закричал он еще от порога. — У меня лучшую бригаду забирают! Да я...

— Парня ведь надо выручать? — хмуро возразил Рогов.

И Нефедов сразу же успокоился.

— Это я так, для порядка... Бригада уже ушла... Но... — Нефедов снова повысил тон: — Скажите мне, Павел Гордеевич, по совести, почему отдел главного механика косо смотрит на мой район? Сегодня опять зажилили у меня сто двадцать метров транспортерной ленты, а разнарядка еще в прошлом месяце подписана.

— Я скажу, чтобы выдали, — согласился Рогов. — Но... при одном условии: механический перегружатель на втором участке завтра же будет введен в дело. Согласны?

— Завтра? — Нефедов вдруг улыбнулся, отчего лицо его приобрело то обычное, мягкое и немного простоватое выражение, которое было ему более свойственно, нежели напускная суровая непримиримость. Слегка облокотившись на стол, он с явным сочувствием спросил: — Ну как, Павел Гордеевич, трудновато на новом поприще?

— Поприще-то одно...

— Да, но обязанности...

Рогов и сам точно не знал, трудно ему или нет. Он не успел еще в этом разобраться: все силы его души поглощались сейчас заботами о Дубинцеве. При одной только мысли, что в спешке или просто по неопытности он мог упустить что-нибудь, не принять каких-то неотложных мер, не указать кратчайшего пути к спасению товарища, при одной мысли об этом он весь содрогался. Мало утешало его и то, что приезжавший на шахту управляющий

трестом одобрил все, что делалось в аварийной лаве. Он упрямо спрашивал себя, что еще можно предпринять для спасения Дубинцева, и не находил ответа. Может быть, поэтому он так обрадовался, когда услышал в телефонной трубке голос Данилова. Не дав ему и слова сказать, Рогов настойчиво потребовал, чтобы Данилов сейчас же пришел на шахту.

— А я и так собираюсь на шахту! — с обидой, глухо отозвался Степан.

С обиды он и начал, когда вошел в кабинет и плотно прикрыл за собой дверь.

— У тебя же здесь жизнь-то какая, Павел Гордеевич! — торопливо проговорил он, усаживаясь против Рогова. — Мне тут в одном месте рассказали, что ты в наступление идешь, а меня целую неделю нахлебником держишь, в обозе. Это как-то не по-гвардейски выходит. Оказывается, на шахте есть целая бригада имени... это...

— Данилова? — подсказал Рогов.

— Вот это самое... А ты мне ни полслова! Что-то нехорошо получается!

— Подожди! — остановил его Рогов. — Я тебе вот что хочу предложить: мне нужен в отдел кадров боевой парень.

— Это я, что ли? — вспыхнул Данилов. — В контору? Вот уж не ожидал, Павел Гордеевич, что ты меня в конторщики будешь прочить!

— Постой, постой!

— Нет, не постую! Где моя бригада?

Рогов помолчал, заранее согласный со всеми доводами боевого товарища.

— Бригада, Степан, на аварии. Засыпало одного молодого техника. Надо выручать парня.

— Засыпало? И бригада там бьется? — глаза Данилова повлажнели от волнения, он порывисто вскочил, чтобы бежать куда-то, но вместо этого попросил почти шепотом: — Павел Гордеевич, отдай приказ обо мне в эту бригаду... имени...

— «Имени»... Иди, иди. Начинай. Приказ будет!

Когда он ушел обмундировываться, Рогов позвонил на аварийный участок Бондарчуку.

— Помнишь, я тебе рассказывал о Данилове? Он сейчас будет в бригаде Черепанова. Работать будет.

Ловко? Это из тех, которые шли до Берлина. Помогли ему там.

Часа полтора Рогов пробыл на раскомандировке второй смены, а вернувшись, застал у себя Аннушку. Он боялся этой встречи и в то же время желал ее, чтобы утешить, ободрить девушку. Он искал ее по телефону, и ему ответили, что Аннушка в тресте, готовит документацию по проходке вспомогательного ствола.

Готовит документацию! Это даже озадачило Рогова.

«Молодчина, хорошо держится», — подумал он.

Сейчас Аннушка сидела в синеватом проеме окна, немного приподняв острые плечи. Поздоровались. Заговорили о том, что выгоднее: ждать ли, пока шахтостроители начнут проходку вспомогательного ствола, или приниматься за это хозяйственным способом самим? Но откуда для этого выкроить рабочую силу?

Аннушка замолчала. Рогов ждал тоже, не в состоянии говорить о чем-либо еще.

— Я ведь техник... — сказала, наконец, девушка, — я ведь техник, Павел Гордеевич!..

— Да? — не понял он.

— Горный техник! — настойчиво повторила Аннушка. — А работаю чертежником. Надосло мне это, Павел Гордеевич!..

— Я понимаю...

— Вы бы меня на проходку вспомогательного ствола послали... А?

— Аннушка, какую мысль вы...

Рогов поспешно вышел из-за стола, но тут же остановился: безмерное, глубокое горе глядело на него из глаз девушки. Она отвернулась, прижав трясущийся подбородок к плечу, потом встала, но, вместо того чтобы убежать из кабинета и выплакаться в одиночку, спрятала лицо на груди Рогова. Несколько минут он стоял, не смея пошевелиться, — так близко и так горько было это несчастье.

ГЛАВА XX

Заканчивались вторые сутки спасательных работ. После раскомандировки, после того как рапорт о смене был принят и передан в трест, Рогов задержался немного

в кабинете. Минут пять молча сидели с Бондарчуком друг против друга. Потом парторг порывисто встал и уже в который раз за эти двое суток склонился над планом аварийного участка. Через минуту ударил ладонью о стол. Рогов насторожился.

— Ты что?

— Неповоротливы мы с тобой, вот что! — Бондарчук сломал спичку, чиркая о коробок. — Неповоротливы. Позови-ка сюда кадровиков, тех, кто знает верхний горизонт. Только быстрее.

— Снова совет?

— Да, снова! А если нужно будет, еще двадцать раз созовем.

Рогов ничего не сказал, но кадровиков на два часа вызвал. Пришли Вошин, Хмельченко, Некрасов и еще человек шесть.

Коротко сообщив о состоянии спасательных работ, Рогов спросил, что об этом думают товарищи, какие, по их мнению, меры следовало бы принять сверх того, что уже делается.

Некоторое время в кабинете стояла тишина. Кто-то вздохнул, кто-то негромко кашлянул.

— Старый шурф прошлый раз осмотрели, — подал, наконец, голос Хмельченко. — Там так забутило, что одной вертикальной проходки хватит на неделю.

В приемной послышался шум. В дверь заглянула Полина Ивановна.

— Что у вас? — спросил Рогов.

— Забойщик просит принять... Срочное что-то.

— К дежурному по шахте. Я же говорил вам!

Но в ту же минуту из-под локтя Полины Ивановны вывернулся Митенька. Видно было, что парень спешил, но и в спешке успел где-то помыться. Помылся небрежно, ополоснув только нос, толстые губы и щеки — вся остальная часть лица была покрыта слоем угольной пыли.

От многолюдья Митенька растерялся. Шагнул было к столу, но, встретившись взглядом с Роговым, остановился, стащил с головы порыжевшую каску, пригладил светлые скатавшиеся волосы.

— У меня совещание, — сказал Рогов.

— Я, Павел Гордеевич, тоже на это... на совещание...

Митенька попятился к стулу и, чтобы не запачкать его обивку, присел на самый краешек.

В глазах Бондарчука вспыхнули задорные искорки, когда он поглядел на забойщика, потом на начальника шахты.

— Тогда рассказывай! — сказал Рогов.

— Меня инструмент послали заправлять... — Митенька встал. — Кайлушки послали заправлять...

— Дальше.

— Не тяни! — Хмельченко нетерпеливо крикнул и поглядел на присутствующих, словно сам был виноват в нескладной речи парня.

— Не тяну. — Забойщик сглотнул какое-то слово. — Заглядываю туда, а там дырочка, вот этакая! — Он развел руками, показывая, какая именно была «дырочка». — Я туда... Что такое, вчера не было, а нынче образовалась!.. Нырнул. Так и есть...

— Постой, постой! — Рогов и Бондарчук разом встали.

Кто-то из шахтеров потянул Митеньку к столу. Все вдруг заговорили в один голос. Рогов поднял руку.

— Тихе, товарищи! — И к Митеньке: — А теперь снова, по порядку.

Митенька облизнул пересохшие от волнения губы и стал снова по порядку рассказывать о своем случайном открытии.

Через полчаса Хмельченко, Вошин и Некрасов вместе с Роговым и Митенькой были у старого шурфа. Спасательные работы были немедленно же организованы на этом новом участке.

К концу вторых суток Дубищев совсем потерял счет времени и только по тому, как постепенно убывали силы, по тому, как движения делались все медленнее, понимал — прошло много времени. Жалко, что потерял в самом начале несколько часов на какой-то дурацкий сон. Да и сон ли это был? Неизвестно. Некогда в таких пустяках разбираться. Если бы у него спросили, трудно ли ему приходится, он, пожалуй, не нашел бы что ответить. Что такое трудно, когда он бьется за возможность жить,

ходить по земле, быть вместе со всеми, чувствовать, что необходим людям!

Дубинцев приучил себя работать в крошечной тьме, зажигая лампу только на короткое время, чтобы осмотреться.

Кроме решимости пробиться к свету, к жизни, у него ничего не было. Была решимость, и были руки.

Он приспособил обломок стойки, чтобы разрыхлять слежавшуюся в завале породу. Пробивался вверх, по еле приметной струе воздуха. Несколько раз сбивался с этой невидимой воздушной тропки, но снова находил ее. Очень долго бился, пока обходил сторонкой «ножку» — небольшой угольный целичок. Болели ободранные руки, ныло все тело, избитое в темноте об острые углы породных плит, но стоило ему хотя бы на пять минут остановиться, как он почти со стоном вскакивал и опять бросался на завал. Метра два от «ножки» пробивал породу почти легко — в этом месте кровля еще держалась. А потом опять стало хуже. Однажды даже забылся, уткнувшись лицом в большие руки. И сквозь забытье услышал, что совсем рядом кто-то стонет — то коротко, словно вздохнет, то длинно, тоненько. Прислушался — нет, тихо. Но как только закрыл глаза — опять стон... Оказывается, сам и стонал.

Фуфайку и брезентовую тужурку давно уже бросил. Теперь покаялся. Чем больше уставал, тем сильнее мерз — все тело сотрясал острый озноб. Решил спуститься по своему лазу обратно, разыскать одежду. Миновал уже «ножку» и метра через три уперся вдруг в завал, пощупал в темноте — нет хода, зажег лампочку — нет хода! Значит, от лавы тоже отрезало начисто. Посидел, подышал себе за расстегнутый ворот рубашки. Теперь в его распоряжении осталось всего несколько метров извилистой узкой норы и неизвестно сколько метров завала впереди. А руки болят. Голова какая-то неестественно легкая. Все вертится и плывет кругом...

Очевидно, в полубреду Дубинцев дополз в верхнюю часть норы, потому что, когда очнулся, — лежал головой в узкой щели, а в руках крепко держал обломок стойки

Головокружение прошло. Что-то в нем словно выпрямилось, окрепло, повзрослело — он теперь уже не бросался безрассудно вперед, не ударялся грудью в завал. Нет! Спокойствие охватило его. В спокойствии этом было

все, чему научил Дубинцева короткий жизненный опыт, чему научила его великая партия: бороться! Рассчитать! Знать!

Движения его стали скупыми, он словно видел в темноте руками. И когда дело снова пошло быстрее, не кинулся безрассудно вверх, а все так же неторопливо, осмотрительно продвинулся еще на несколько метров.

Впереди была мягкая сыпучая глина — она легко раздавалась. Если бы только не болели так руки... Бедные руки — они совсем отказывались двигаться! Нет, они просто не могли двигаться! Тогда Дубинцев стал разгребать глину локтями, даже подбородком и все чаще останавливался, забывался. Перед его открытыми глазами в кромешной тьме проходили видения.

— Ну, иди же! — говорила Аннушка. — Иди, уже половина восьмого!

Но она и сама идет с ним и всю дорогу держит его руку в своих маленьких горячих ладонях, а у входа в партбюро тревожно спрашивает:

— Ты спокоен? У тебя чистое сердце?

Да, у него чистое сердце, и он почти спокоен. Только что-то бьется часто и сильно у горла и теплые волны приливают к лицу.

Вот он выходит из партбюро, и опять Аннушка берет его руку.

— Ну что, что? Скорее говори!

Дубинцев смотрит на светлые окна партбюро, на звездно-синее небо, на Аннушку, вздыхает счастливо.

— Приняли! «Иди, — сказали, — трудись, учись — ты коммунист!»

...И опять, опять он лез сквозь глину, через куски породы. В одном месте непрочная кровля слегка осела, придавив ему ноги. Он усмехнулся злобно: «Врешь, ног я здесь не оставляю!»

Прошли часы, длинные и изнурительные, прежде чем он выручил онемевшие ноги. Отдохнул или показалось, что отдохнул. Всем телом подался вперед... Вдруг лицо, грудь, руки умыла свежая воздушная струя. В первое мгновение не сумел оценить случившегося, но когда глина перед ним легко подалась и с тихим шелестом осыпалась в какой-то провал, — все его тело потрясло глубокое, облегчающее рыдание.

Он еще и двух раз не вздохнул свободно, как в глаза ему ударил до боли слепящий свет, а за шею, за плечи ухватились несколько сильных рук.

— Николай Викторович! Дышишь? — Рогов приподнял ослабевшее тело Дубинцева.

Кто-то светил ему в лицо, кто-то осторожно пожимал руку. Казалось, сотни людей столпились в узкой выработке.

Николай беззвучно пошевелил губами, но, так и не сумев ничего сказать, припал головой к груди Рогова. А когда поднялись на-гора, он вдруг открыл глаза, пошатываясь встал на ноги, выпрямился, сделал один шаг, другой.

Митенька не удержался, радостно засмеялся.

— Ходит! Смотрите!

Весть о том, что Дубинцева вызволили, с невероятной быстротой облетела всю шахту. Все свободные от работы сбежались к конторе. А Дубинцев, ожидая врача, еще минут пятнадцать сидел в кабинете Рогова.

Несколько раз туда заглядывала Полина Ивановна и осторожно прикрывала дверь. Она хотела уже в третий раз позвонить в амбулаторию, как вдруг в приемную ворвалась Аннушка — молчаливая, с удивленно раскрытыми, невидящими глазами. Пальто у нее распахнуто, голова не покрыта, дыхания нехватает. Отдернула пальцы от дверной ручки, словно обожглась, и сказала вполголоса:

— Живой!

..Уже на следующий день, под вечер, Аннушка вела Дубинцева из больницы домой. Кое-где в тени лежал чистый, легкий снежок. Рука у Николая была все еще слабой, горячей. Молчали. Аннушка один только раз тихо сказала:

— Коля, ты со мной!

А на квартире быстро сняла пальто и забеспокоилась:

— У тебя жар. Я сейчас позову доктора.

— Аннушка, мне будет плохо без тебя... — несмело попросил Николай.

— А я никуда не пойду больше! — решила вдруг она. — Ты слышишь? Не пойду!

— Значит...

— Ничего не значит! — Аннушка отвернулась, спря-

тав порозовевшее лицо. — Немедленно ложись и не двигайся. И... вообще! Если ты такой...

Утонув головой в подушке, Николай закрыл глаза. Аннушка присела рядом и провела пальцами по его бровям. Он почти мгновенно заснул. Проснулся уже в сумерках. Огня не было. Аннушка попрежнему была рядом, а у стенки, на стульях, на сундучке и просто на полу сидели все черепановцы. В ответ на взгляд Николая разом кивнули и замахали руками:

— Молчи, молчи!

— Мне так жить захотелось, — сказал Николай, словно продолжая прерванный разговор. — Совсем умирать собирался, потом очнулся: темно, тихо, душно — могила заживо, а я еще ничего для людей не сделал, и ты одна осталась. Обидно. О ребятах вот стал думать... А какие ребята! Шахтеры какие! Подойди, Дмитрий, садись рядом.

Митенька подошел к кровати, сел на край ее.

— Друг ты мой... Я ведь знаю, как ты... — Дубинцев замолчал. Потом, не открывая глаз, отыскал руку Аннушки, подышал ей в ладошку, сказал медленно: — Ох, как я соскучился по тебе!

Потом он замолчал, положил голову на ладонь Аннушки и снова уснул.

ГЛАВА XXI

Приезжая на шахту, секретарь горкома Воронов обыкновенно предупреждал об этом заранее. А сегодня он нагрянул нечаянно.

Рогов с Филенковым только что принялись за просмотр новых рабочих графиков, как дежурный сообщил: секретарь горкома в шахте, был только что на семнадцатом, теперь неизвестно где.

А семнадцатый — это самое больное место на шахте: уголь — высшей марки, но боковые породы — кисель, и снизу и сверху «пучит», потом мокреть страшная... Семнадцатым приходилось заниматься почти столько же, сколько всеми остальными участками, вместе взятыми.

Сказав, чтобы Филенков один заканчивал работу, Рогов поспешно спустился на нижний горизонт.

Иван Леонидович Воронов был коренным сибиряком, окончил горный институт, несколько лет работал на Даль-

нем Востоке, руководил одним из угольных трестов, потом был переведен в Кузбасс, уже в качестве партработника.

— Иван Леонидович? — переспросил начальник семнадцатого. — Минут пять как ушел.

Рогов недовольно выговорил:

— По-моему, секретаря горкома можно бы и проводить...

— Пробовал я, — засмеялся техник. — Так ведь он здесь, как в своем кабинете, только рукой махнул.

— Он у диспетчера был, — сообщил транспортный десятник.

А диспетчер только плечами пожал.

— Иван Леонидович оставил нам сегодняшнюю газету. Посоветовал сообщить начальнику шахты, что перекрепку на третьем основном делают неправильно, и тут же вышел.

Рогов уже и надежду потерял найти секретаря. Завернул в забой к Вошину. Тут они и встретились. Афанасий Петрович что-то копался у транспортера породопогрузочной машины, рядом стоял Воронов.

Увидев Рогова, он сразу спросил:

— Ты знаешь, Павел Гордеевич, сколько экземпляров «Правды» выписывается на «Капитальной»?

— «Правды»? — Рогов немного удивился вопросу. — Это надо у Бондарчука спросить, Иван Леонидович, у него сведения...

— Ага... — Воронов обошел вокруг машины и, снова став рядом с инженером, повторил: — Ага, значит, функции у вас точно разграничены? Ну что ж... А я ведь для чего этот разговор затеял? Хожу вот и спрашиваю: «Читали письмо карагандинцев товарищу Сталину?» Одни говорят, читали, но большинство только краем уха слышали. Может, и ты не читал?

— Нет, я читал.

— Ну, и это уже не плохо, — заметил Воронов и обернулся к проходчику.

Вошин распрямился, кивнул на машину:

— Как будто добром аппарат уговорил.

— Капризничает? — осведомился Рогов.

— Есть такой грех. — Вошин вздохнул. — Хороший аппарат, но, по-моему, на заводе кое-чего не дотянули.

Прикидываю вот, что бы такое на большую передачу приспособить, а то пробуксовывает. — И тут же, зорко глянув на Воронова, спросил: — Товарищ Воронов, не пора ли нам самим написать Иосифу Виссарионовичу?

— Думаешь, есть о чем? — Воронов оглянулся на Рогова.

— Как не быть, все же в Кузбассе работаем, — сказал Вошин. — Он, конечно, доподлинно знает, как и что у нас, но ведь и простое слово ему сказать хорошо: так и так, мол, всяко в нашей Сибири бывает, а все больше вширь, в гору!..

— Хорошая мысль, — согласился секретарь. — Только крепко нужно подумать над этим и решить сообща.

Когда вышли в кверцлаг, Воронов сказал Рогову:

— Слышал? Вошин — простой шахтер, а какие думы его обуревают: он и за инженеров мучается — что-то там, видишь, не дотянули; ему и с вождем хочется мыслями, надеждами поделиться. Ты учись у таких.

— Учусь... и учу, — подтвердил Рогов.

— И это правильно, — согласился Иван Леонидович. — Но должен тебе заметить, что учиться у народа не легко, для этого нужно быть настоящим большевиком. Только большевики без ложного умиления черпают из народной мудрости самое нужное, необходимое и возвращают эту же мудрость народу, обогащенную великим революционным учением. Ты не забывай об этом.

И уже когда они пришли в шахтоуправление и Воронов посидел несколько минут в углу на диванчике, Рогов сказал:

— А я не забываю об этом, Иван Леонидович!

— Да что ты! — деланно удивился Воронов. И пошел по кабинету, беззвучно пошевеливая губами, прикасаясь мимоходом то к телефону, то к спинке стула, то к переплетам книг на этажерке, точно проверяя, прочно ли, надежно ли все это сделано. Потом остановился у окна и, взглядевшись сквозь сетку моросившего осеннего дождика в туманную панораму рудничных строений, спросил: — Что это за отвалами у тебя народ делает?

— Ограду возводим вокруг шахты, — ответил Рогов.

— Не высока ли будет?

— Почему высока? — Рогов недоуменно посмотрел на

Воронова. — Обыкновенная трехметровая ограда, надо же хозяйство шахты огородить.

— А ты не думаешь, что эта ограда заслонит от тебя Кузбасс?

— Кузбасс? — Инженер рассмеялся. — Этого не может быть, Иван Леонидович. Кузбасс я даже из-за крутых прикондомских гор вижу.

— Подожди, не горячись, — остановил Воронов и, опустившись в кресло, продолжал: — Не думай, пожалуйста, что это легкий урок географии. Я тебя спросил о Кузбассе в прямой связи с разговором об умении учиться у народа.

Рогов внимательно посмотрел на Воронова.

— Да, именно об этом речь, — подчеркнул секретарь. — Вошин у вас зачинает хорошее дело: скоростной метод проходки. Что ж вы его не выпускаете на широкий простор, что ж вы сиднем сидите на его опыте?

Рогов вскочил.

— Сиди, сиди, — снова остановил Воронов. — Ты хочешь сказать, что Афанасий Петрович и так днюет и ночует по чужим забоям? Хорошо. А об остальных шахтах рудника, о всем Кузбассе ты думал? Неужели? Странно. Слушай, чтобы тебе не грешно было, немедленно пиши статью в областную газету — это раз; во-вторых, проконсультируй своего профессора скоростной проходки — старшего Вошина, обеспечь транспортом, пусть побывает на всех трестовских шахтах да расскажет там о своем умении. Только, смотри, без проволочек.

Рогов подумал и согласился, что это, пожалуй, правильно, — так и придется сделать, — и спросил:

— Иван Леонидович, а какое у вас впечатление вообще о делах на шахте?

— А вот посмотрел сегодня, как вы тут расставили силы на направлении главного удара. Ведь ты как будто именно так формулируешь свою задачу?

— Так.

— Вот. Значит, цикличность. Но ведь цикличность — это и комплексная механизация и новая, более совершенная организация труда? Правильно. Смотрел на пятом и седьмом участках — понравилось, это по-настоящему, по-деловому. Но... Тут опять «но». Не забываешь ли ты о том, что, поднимая шахту на новую ступень, ты это делаешь

вместе с коллективом? Ведь механизировав забои, ты механизировал труд людей, и тут одним административным напором, одними знаниями инженера мало что можно сделать. А? Подумай.

В это время вошел Бондарчук, и Рогов не успел ответить.

— Садитесь-ка оба против меня, — пригласил Воронов. — Вот так. А теперь слушайте. Думаете, чего я вас сегодня от работы отрываю? Не догадываетесь?

Бондарчук с Роговым переглянулись. Воронов внимательно посмотрел на них, глаза у него стали строгими, черты лица отвердели, когда он сказал негромко:

— Мне сообщили сегодня решение всесоюзного жюри по итогам соревнования угольщиков... Знамя министерства у вас отбирают, передают в Прокопьевск ворошиловцам. Вот что.

Парторг медленным, упрямым движением поднял голову, посмотрел на секретаря, потом вдруг на Рогова. Воронов спросил в упор:

— Скажите мне, можно было удержать знамя?

— Нельзя! — отрезал Бондарчук.

Рогов возразил:

— Почему же? Если бы мы действовали по-дроботовски, знамя еще на месяц удержать можно было.

— А если яснее? — Воронов чуть приметно двинул темными прямыми бровями.

— Я буду говорить ясно. — Рогов уперся кулаками в подлокотники кресла. — «Капитальная», ее коллектив могут, должны быть образцовыми, сильными, способными уже завтра... сегодня, если хотите, решать задачи, поставленные в конце пятилетки. Но для этого нам нужно было упорядочить горные выработки, отремонтировать механизмы, развернуть учебу. Да, мы должны были бросить все силы, все средства на направление главного удара. Мы загадывали далеко вперед!

— И прогадали в настоящем! — в тон Рогову заговорил Воронов. — Вы не маленькие, уверен, что подумаете в сами во всем разберетесь. Только перед коллективом не мудрите. Расскажите шахтерам коротко, толково, почему не удержали знамя, несмотря на то, что такая пробка, как Дробот, вышиблена, несмотря на то, что люди шахты могут теперь выйти на простор.

Воронов встал и, уже прощаясь, добавил:

— Подумайте, да честно подумайте. И не ждите — за ручку для объяснений с коллективом не поведу.

Секретарь ушел. Бондарчук через минуту медленно поднял взгляд на Рогова; тот выпрямился и сказал:

— Хорошо, давай честно думать!

ГЛАВА XXII

Увидеться и поговорить Рогову с Бондарчуком удалось только на следующий день. Рогов до вечера был занят с Филенковым, уточняя графики работ; Бондарчук провел день в тресте.

Приехав оттуда, парторг сразу прошел в кабинет начальника шахты. Остановившись посреди комнаты, он кольнул Рогова сердитым взглядом и сказал:

— Знаешь, что мне сегодня трестовский начтехотдела сказал? «Иногда, говорит, лучше синица в руки, чем журавль в небе».

— А ты?

— Что я? Я сказал, что мне обе эти птицы в его должности не нравятся. Поругались.

Бондарчук потер открытый выпуклый лоб, спросил:

— Как думаешь, на что вчера Иван Леонидович намекнул, сказав: «Подумайте и не ждите — за ручку не поведу»?

Рогов пожал плечами.

— Он на многое намекал...

— Нет. Приметил, наверное; свет из окна по всей комнате, а солнечный луч падает только или на стол, или вот на твою тумбочку с книгами. Так вот и здесь — намекал секретарь на многое, но имел в виду прежде всего одно конкретное положение. Он хотел сказать, что работать с коллективом — значит, советоваться с ним, держать все козыри на виду, а мы с некоторого времени горячку порем, нам, видишь ли, все некогда. Оторвались немного. А не оторвались бы — выдюжили.

— Что правильно, то правильно, — сказал Рогов. — Но уже только потому, что мы знаем теперь об этом...

— Траурных мелодий исполнять не будем? — подхватил Бондарчук. — Конечно, не будем. И все же скребет на

сердце, словно от него живой кусок отрывается. Я вон сейчас иду мимо красного уголка, а там шахтеры толпятся. Не успел спросить, в чем дело, как один забойщик приглашает: «Проходите, говорит, товарищ парторг, вам тоже полезно запомнить этот момент».

Оказывается, люди молча наблюдают, как профорг семнадцатого участка осторожно снимает чехол с переходящего знамени. Мне больно и радостно стало.

— Радостно? — усомнился Рогов.

— Да! Именно так! Больно потому, что мы с тобой не сумели вывести коллектив из дроботовских закоулков без такого крупного срыва, как потеря знамени, и радостно, что рядом с нами работают такие люди... Такие люди!..

— Советские люди! — закончил Рогов.

— Именно! — поддержал Бондарчук. И уже спокойнее посоветовал: — Вот ты сейчас и подумай, как будешь держать ответ перед этими людьми. Только без этого... без жалоб. С первых же слов наступи на горло всем синицам и журавлям, всем «теориям» дальнего и ближнего прицела — все это макулатура. У нас есть ясные указания партии: безусловно выполнять план и этим выполнением готовить завтрашний размах строительства. Не иначе!

Рогов кивнул. Ему почему-то захотелось сейчас рассказать взволнованному Бондарчуку, сколько передумано им за последние недели, сколько бессонных ночей проведено; рассказать, что полнее, чище он себя никогда не чувствовал. Бывает трудно? Конечно, бывает!

Почти каждый раз засыпаешь с мыслью: «Не успел сегодня что-то очень важное сделать...» Ну и пусть будет трудно, пусть крутят беспокойные мысли, лишь бы знать, что ты всегда вместе с шахтерами, что сердцем, мыслями живешь в завтрашнем дне. Вчера дежурный статистик выписал на щит показателей цифры суточной добычи. Обыкновенная цифра — 102,1 процента. Но позавчера было только 102, а одной десятой не было. Ожившей предстала эта дробь в сознании Рогова, он знал, как она появилась, сколько за нею труда, горячих исканий. Комсомольцы на участке Дубинцева за сутки вырубili в три раза больше, чем полагалось, а потом Черепанов прибежал и стал жаловаться, что ему не дают развернуться. Приходил сын Вощина — Григорий и, стесняясь, попросил, чтобы для него выделили сразу пять подготови-

тельных забоев, обещал принести исполнительный график, разработанный им на основе многозабойного метода. Конечно, прав был вчера Иван Леонидович, хотя и не сказал этого ясно: Рогов и Бондарчук виноваты перед шахтерами, что не сумели организовать одновременной и решительной перестройки и перевыполнения плана. А силы для этого есть, они пробиваются на шахте всюду, как свежие родники. Надо, значит, так организовать жизнь, чтобы эти родники слились в могучий поток, которому на пути ничего не страшно. Не потому ли часто засыпаешь с мыслью, что не успел за день сделать что-то очень важное?

Но ничего этого Рогов сейчас не сказал, он внутренне подтягивался для выступления перед шахтерами. Вот и Бондарчук все ходит и ходит, то руками разведет, то за ухом с досадой почешет и все повторяет:

— Такой, значит, разговор состоялся о птичках.

— Оставь ты, пожалуйста, этих перелетных птичек, — отмахнулся, наконец, Рогов. — Дались они тебе...

— Да, но объективно одна из птичек чуть не зазимовала у нас на шахте.

— Журавль?

— Именно.

— Ну что ж... — Рогов встал, согнал под ремнем складки гимнастерки назад и уже на выходе из кабинета закончил: — Мы должны радоваться, что нет в нашей жизни места для таких «чуть». Одернули, поправили — здоровее будем.

...Через полчаса вышли в раскомандировочный зал. Рогова необычайно взволновала многолюдность собрания — в зале не только сесть, стать негде.

«Всем больно, — подумал Рогов, — но зато сила какая!»

И, глядя на десятки, на сотни родных ему по духу людей, на их суровые в этот час лица, угадывая в глазах каждого величавое достоинство и решимость, Рогов вдруг с новой ясностью почувствовал свою вину перед ними в том, что он как будто усомнился в их силах, в их готовности к трудовому подвигу и вздумал, с обидной для них осторожностью, исподволь готовить их к полной механизации. Они уже были способны и механизмы освоить и выдать на-гора столько, сколько давали всегда...

«Сила какая!» — еще раз повторил он про себя.

— Начинай, — поторопил парторг, когда они усаживались в президиуме, и тут же еще раз напомнил: — Только не плачься.

Рогов и не думал плакаться. Превозмогая какую-то непонятную тяжесть во всем теле, подошел к трибуне.

— Есть такой суровый, но справедливый закон на войне; — начал он спокойно.

— А вы не про войну, чего зубы заговаривать! — обрывает его кто-то неприязненно. — Проворонили знамя!

— Дохозяйствовали!

— Есть такой закон на войне, — немного медленнее, но так же спокойно повторил Рогов: — если войсковая часть теряет в бою свое знамя, ее расформируют. Мы тоже в битве за план потеряли знамя. Но мы не на войне. Не посчитайте, товарищи, что все это для красного словца, но я много думал, прежде чем выступить сегодня перед вами и сказать: хорошо, что есть у нас в Кузбассе шахтеры сильнее нас, — есть, значит, на кого опереться, шагая в завтрашний день, есть на кого равняться. Равняться на них должны мы все, а в первую очередь — я, все руководство шахты. Плохо, если шахтеры не уважают руководителей; еще хуже, если руководители не учатся у рабочих. Учиться у рабочих — значит, верить в силы коллектива, а силы эти — огромны.

Рогов оглядел собрание и повторил:

— Огромны!

Он услышал, как двинулся народ и затих. Это было похоже, как если бы все разом сказали тихо:

— Да!

— Сегодняшнее соревнование, — продолжал Рогов, — имеет свои особые нормы и законы. Вот послушайте, что нам пишут с шахты имени Ворошилова, которая отбоявилась у нас знамя: «Рады, что добороли такого сильного «противника», как вы, товарищи. Но мы слышали, что у вас пока плоховато с комплексной механизацией. — Это нас беспокоит. Поэтому решили мы послать к вам на неделю бригаду из инженеров и стахановцев — пусть покажут, как у нас это дело настраивается. Не обессудьте — чем богаты, тем и рады. Дружнее, товарищи, второй год пятилетки идет! Кузбасс набирает новую скорость, следите за соседями, помогайте им, иначе не одолеем задач!» Дружнее, товарищи! — Рогов внимательно оглядел при-

тихшее собрание. — Вот оно, новое, бесценное в нашей жизни! И называется это новое — коммунизм!

Совсем тихо, напряженно, торжественно стало в зале. В первом ряду, тесно прижавшись друг к другу, сидят черепановцы. Приподняв круглое румяное лицо, Митенька, не мигая, смотрит на Рогова и шевелит губами, повторяя про себя слова инженера; Сибирцев, наклонив квадратную, коротко стриженную голову, чертит что-то прутиком на цементном полу.

— Да, много нужно сделать для того, чтобы коллектив «Капитальной» мог решительно вырваться вперед. Кто этого не знает! И в то же время никогда мы не чувствовали себя так уверенно, никогда яснее не представляли себе свою связь с судьбами всего Кузбасса, всей родины, как в этот момент!

То, что Рогову хотелось сказать за полчаса перед этим только Бондарчуку, он сказал неожиданно для себя сейчас всему коллективу. Для этого нашлись и хорошие слова, припомнились, словно сами собой, необходимые факты.

— Значит, знамя будет снова на шахте! Пусть заранее извинят товарищи делегаты из Прокопьевска, пусть сегодня на шахте-победительнице не думают, что коллектив «Капитальной» опустил руки.

Саенко толкает локтем Сибирцева, тот косит выжатым карим глазом и кивает. Конечно! Если завтра с шахты уйдут десять лишних вагонов угля, к весне на полях родной Сибирцеву Кулунды заговорит еще один трактор, в землю лягут тяжелые зерна, заколосятся неоглядные нивы, побегут по ним легкими синими тенями ветры. А может быть, уголь, добытый сверх плана Сибирцевым, обернется теплом в квартире ученого, мягким светом в одной из комнат Кремля, где работает, думает о судьбах родины Сталин.

Вместе со всеми Сибирцев ожесточенно аплодирует и почти вызывающе смотрит на маленького седого старичка — делегата с шахты-победительницы.

Слегка побледневший Рогов садится рядом с Бондарчуком и, словно извиняясь, шепчет:

— Разговорился я...

Лицо у парторга ласковое, в глазах пристальное внимание.

— Есть в тебе огонек... — говорит он. — Быть тебе партработником, Павел!

Недоумевая, Рогов кивает головой.

— Я всегда чувствую себя партработником.

На сцену поднялся со знаменем старик Воцин. Колуоче оглядев собрание, он кивнул, очевидно, каким-то своим мыслям и заговорил глуховато, слегка расставив ноги и подавшись вперед.

— Я хотел речь произнести, — сказал он и вздохнул, — а теперь не буду. Меня опередил Павел Гордеевич. Только смотрите! — повысил он голос и снова сердито оглядел собрание. Потом, наклонившись, бережно поцеловал краешек бархатного знамени и рывком сунул крашеное древко в руки маленькому седому прокопчанину: — Возьми, товарищ. Уважаю работающих!

ГЛАВА XXIII

Рогов понимал, что подготовка кандидатской диссертации отнимает у Вали все время, все силы, но от этого нисколько не было легче. Иногда ему казалось, что в ее письмах невольно прорывается смутная тревога, словно она все еще решает: «Ну, хорошо, диссертация. А потом? К тебе на рудник? Что же я там буду делать, если меня неудержимо тянет в просторы Сибири, к новым открытиям? Как же быть?»

А сегодня утром он не сдержался и написал ей: «В твоём отношении ко мне больше рассуждений, чем горячего чувства. Неужели не понимаешь, как ты необходима мне?»

Написал и целый день каялся. Очень уж по-мальчишески вышло. И вообще нехорошо попусту изводить себя. Все в свое время решится. Целый день думал над этим и даже обрадовался, когда позвали на бюро горкома.

Бюро должно было начаться в шесть, но Рогов пришел значительно раньше. В маленький зеленоватый кабинет Воронова люди приносили с собой могучее дыхание рудника — спокойную народную мудрость, шахтерскую споровку, командирский опыт. Здесь решалось самое трудное, самое жгучее, что выдвигала жизнь на шахтах. Какой бы вопрос ни обсуждало бюро, — все равно, сердцем,

мыслями каждый из его участников невольно оказывался в стремительном широчайшем потоке самой неотложной работы.

Но в этот раз Рогов трудно входит в жизнь бюро. Бондарчук даже подтолкнул его локтем.

— Ты что, не слышишь? Тебя спрашивают.

Рогов оглянулся на секретаря, тот смотрел на него внимательно, выжидающе, потом повторил вопрос:

— Разговор идет о том, как лучше наладить обмен опытом среди младшего горного надзора и о соревновании по профессиям.

— О соревновании... — Рогов подумал. — Что могу сказать о соревновании?.. Передали вот знамя прокопчанам.

Ременников, начальник с десятой, рассмеялся.

— Не хвастай, Рогов, этот опыт тебе не зачтется.

Рогов возразил:

— Нет, этот опыт как раз в первую очередь зачтется. Я хочу сказать о том, что в своей работе мы сегодня будем равняться не только на ворошиловцев, победивших нас, — этот рубеж мы почти перешагнули, — в будущем году мы будем решать задачи на два года вперед. Так, по-моему? — Он повернулся к Бондарчуку. — А с горным надзором... В первом квартале решили всех горных мастеров пропустить через курсовую сеть. Нельзя больше терпеть, чтобы командир смены не имел права ответственности. Опыт с Очередько красноречивее слов. Довыдвигали человека на свою голову. А теперь судить будем. Вот отправные пункты, Иван Леонидович...

Воронов утвердительно кивнул, потом обратился к представителям четвертой шахты, а через минуту уже с пристрастием допрашивал главного инженера девятой.

Рогов невольно заслушался, залюбовался, как секретарь легко, умело находит в речах выступавших какое-нибудь одно — самое нужное, самое главное слово или одной-двумя репликами очищает стержневую мысль от словесной шелухи. Потом Воронов умолкает и сидит, чуть потупившись, глубоко вдвинув свое угловатое массивное тело в кресло, сидит, как будто бюро идет само собой, без его участия. Люди выступают, спорят, настаивают, и плывет маленький зеленоватый кабинет в ночи по точно заданному курсу. Но вот... что это? Крен? Ага, Ременников

что-то слишком уж разошелся. Чудак, ну чего горячится, сказал бы спокойно, что для выполнения квартального плана ему требуется еще сорок забойщиков, обосновал бы это цифрами, фактами.

Внезапно Рогов гасит на лице благожелательную улыбку — этот Ременников не только чудак! Ведь совсем недавно он хвастался по телефону, что у него в резерве на подсобных работах есть около двух десятков навалоотбойщиков, чего же он сейчас ерепенится?

Воронов слегка двинул широкой бровью, повел взглядом на начальника планового отдела треста.

— Ты что скажешь?

Начальник откашлялся, подумал и сказал, что из последней партии новых рабочих на десятую будет передано только двадцать человек, остальные двести распределяются примерно так же по всем шахтам, исключая «Капитальную», которая получит шестьдесят пять.

Сначала Рогов подумал, что ослышался, но инженер из треста еще раз повторил:

— На «Капитальную» пока что передаем шестьдесят пять.

Заметив резкое, нетерпеливое движение Рогова, Воронов слегка выдвинулся из кресла, кивнул:

— Говори.

Бондарчук рядом даже не шевельнулся: как сидел, сомкнув пальцы на колене, слегка наклонив к плечу голову, так и продолжал сидеть.

— Ничего не понимаю!.. — Рогов недоуменно раскрыл перед собой ладони. — Откуда и зачем такая благодать на «Капитальную»?

Начальник планового отдела тоже развел короткими ручками.

— Тогда я тоже ничего не понимаю: человек отказывается!

— Не человек, не человек! — перебил Рогов. — Не путайте, государственное предприятие — целый коллектив вам говорит: ради истинного, обойдите нас этой своей работой.

— Яснее! — потребовал Воронов.

Рогов отдельно выговорил:

— «Капитальной» не нужны сейчас рабочие.

— А завтра?

— Тем более! Лишние люди — это груз, который будет давить на производительность труда, на зарплату.

— Позволь! — Это подал голос Черкашин, главный инженер треста и он же временно исполнявший обязанности управляющего. — Позволь, Рогов, я думаю, ты не из тех, кому нравится красивый жест. Чем же вызвано это твое фанфаронство? Ты же сам полтора месяца твердишь: «Уклон, уклон! Нужно форсировать уклон!» Вот и форсируй! К тому же, к весне необходимо развернуться с жилищным строительством.

Скулы у Рогова порозовели, и, когда Черкашин закончил, шумно вздохнув, он почти выкрикнул:

— Не нужны «Капитальной» рабочие! Не возьму!

Бондарчук покачал головой: «Спокойнее!»

— Не возьму, — медленнее повторил Рогов. — В тресте не могут не знать, что мы механизировали полностью лесной склад, сократили раздутые штаты в коммунальном, в ОРСе и получили от этого около ста рабочих. Есть и еще резервы. Я уже не говорю о коренной механизации подземных работ.

— Та-ак... — Воронов очень медленно, но зорко оглядел собрание. — Та-ак...

Ременников сидел потупившись, Рогов все еще стоял. Черкашин что-то медлил, обдумывал. Потом тоном окончательного решения проговорил:

— А рабочих придется взять.

— Нет! — Рогов потряс головой.

— Возьмешь! С трестовской каланчи виднее.

— Я не знаю, что вам видится с вашей каланчи, товарищ Черкашин... — Рогов оглядел притихшее бюро. — Да и сама ваша каланча мне не нравится.

Черкашин гневно замахал руками, но Иван Леонидович негромко кашлянул и, словно не замечая разгоревшихся страстей, подытожил, постукивая карандашом о пресс-папье:

— Очень интересно... и принципиально! Прошу, товарищи, запомнить позицию Рогова. Решать пока ничего не будем, а завтра... с утра... с утра ты, Черкашин, зайдешь ко мне с планом по кадрам. Очень интересно!

Заканчивая бюро, Воронов все посматривал на Рогова, при этом лицо его трогала добрая усмешка.

И Рогов не удивился, когда через день Черкашин не без иронии сообщил ему по телефону:

— Ваше желание, товарищ начальник шахты, трест удовлетворил — рабочих вы не получите. Изворачивайтесь.

ГЛАВА XXIV

Назначение Рогова начальником шахты Семен Стародубцев принял спокойно, как событие, которое он предвидел и чуть ли не предсказал. Он как-то даже подмигнул Рогову доверительно.

— Наш курс удачливый!

Но в остальном начальник транспорта держался просто, не заискивал, в разговорах был подчеркнуто деловит, казался исполнительным. Между тем подземный транспорт попрежнему оставался самым неблагополучным участком на шахте. Рогов последние дни сам занимался всеми транспортными делами. Семен не удивился этому и, как показалось, даже обрадовался. Вместе осматривали путевое хозяйство, подвижной состав, электровозный парк, депо. Часто, предупреждая замечания Рогова, Стародубцев здесь же, на ходу, устранял трескучий разнос подчиненным, а потом пожимал узкими плечами.

— Ты же видишь, Павел, какой народ? Неучи. Долби такому хоть сутки, а он все по-своему.

«Неуч» — машинист, высокий парень, с узким лицом и насупленными бровями, слушая начальника транспорта, медленно поглаживает корпус электровоза. Электровоз по неизвестной причине остановился на перегоне.

— Ну что ты его оглаживаешь? — шагнул к нему Стародубцев. — Нашел сивку-бурку!

— Что ж мне, бить его? — возразил машинист. — Бить других полагается.

— Ты без намеков! — озлился внезапно Стародубцев. — И почему стоишь? Немедленно вызывай аварийную машину!

Парень выпрямился и, смотря почему-то на Рогова, заговорил чистым, звенящим голосом:

— Не кричите! Не виноват. Предупреждал механика. «Езжай, говорит, не разговаривай!» — Машинист коротко

передохнул и, сжав губы, ударил по корпусу машины. — Пять месяцев без ремонта ходила, загоняли. Все на живульках держалось. А мне больно. Понятно?

Рогов еще несколько раз встречался с этим машинистом, приглядывался к нему, расспрашивал, как он работает.

— Это вы про Анатолия Костылева? — отвечали транспортники. — Ну, это такой машинист — на одном свисте может поехать, были бы только колеса!

Вызванный Роговым, Костылев явился точно в назначенное время, подтянутый, выбритый, в хорошо сшитом костюме, ослепительной сорочке и аккуратно, умело завязанном галстуке. Весь он был воплощением аккуратности и порядка, даже вещи вокруг него становились, казалось, нужнее, красивее.

— Три года на машине, — коротко сообщил он. — А насчет разговора с начальником транспорта вы не сомневайтесь, Павел Гордесвич, я тогда... очень взволнованный был.

Рогов попросил его рассказать, что он думает о своем транспортном цехе, о своей работе, о людях. Рогов слушал его с удовольствием — такая ясная голова оказалась у этого парня.

Переключившись с сосредоточенным видом мерлушковую шапку с одного колена на другое, Костылев обстоятельно сообщил, откуда, по его мнению, навалились беды на транспортников:

— Во-первых, путевые бригады не укомплектованы, текущий ремонт пытаются организовать суботниками; во-вторых, вагончики давно пора заменить на большегрузные, в крайнем случае, следует нарастить борты у тех, которыми приходится пользоваться; в-третьих, — и это основное, — электровозы. Нужен срочный и капитальный ремонт. Говорят, что нет запасных машин, чтобы заменить для ремонта действующие. Ерунда. На линии их каждый день работает двенадцать, а можно обходиться восемью. Что для этого нужно? Пусть дежурные диспетчеры круче поворачиваются, пусть на участках организуют погрузку по-человечески.

— Все это очень серьезно, — сказал Рогов. — Вот и беритесь за транспорт. Завтра Стародубцев сдаст вам дела. Справитесь?

— Справлюсь, Павел Гордеевич, — ничуть не удивившись, сказал Костылев, и глаза у него были строгие и спокойные. — У нас сто двадцать комсомольцев! Показать им, что и как, организовать учебу.

— Сами-то учитесь?

Машинист даже удивился:

— Я? Обязательно, только заочно.

— Трудно вам будет... — подсадовал Рогов. — Но ничего не поделаешь, учиться ни в коем случае не бросайте, а то завтра вам нечего будет делать на шахте. Учитесь! Завтра я вас вызову. Поговорим еще.

И вот теперь настал срок поговорить со Стародубцевым. Семен вошел чрезвычайно оживленный, улыбающийся.

— Ничего не знаешь? — спросил он загадочно. — Все хозяйством занят? Подвижник ты. А у меня, Павел, радость: Клавочка третью дочь подарила.

Рогов поздравил его, стараясь скрыть невольное смущение, но Стародубцев ничего не заметил и тут же посетовал:

— Да, растет семейка, придется жать на работенку—денег потребуется мешок. Между прочим, попрошу у тебя внеочередной аванс, через недельку сварганим вечерок, на котором твое присутствие, как крестного, совершенно необходимо!

Рогов нетерпеливо встал.

— А ты не отказывайся! — потянулся через стол Семен. — Это клавочкино желание, сам понимаешь — женщина. К тому же, ты довольно популярная личность на руднике. Идут суды-пересуды, когда и на ком женишься, даже кандидатуры называются.

Рогов рассмеялся.

— Болтовня, конечно, — согласился Стародубцев. — А ты что вызывал, срочное?

— Срочное, — подтвердил Рогов. — Но я тебя скоро отпущу.

— Неполадки какие-нибудь? Я ведь с утра все с дочурками...

— Ничего особенного, ни шатко, ни валко, — успокоил Рогов. — Но я как раз хотел поговорить об этом. Приказ-то, Семен Константинович, не выполняется, ремонт так и не организован...

— Ну, знаешь... — обиделся Стародубцев. — Стояло пороть горячку. Завтра могли бы утрясти.

— Нельзя! — Рогов сжал кулаки. — Нельзя завтра, нужно сейчас! Ты пойми, вся шахта спотыкается о транспорт, мы же идём на преступление, задерживая добычу.

Болезненная гримаса исказила лицо Стародубцева, он поднял обе руки.

— Помилуй, Павел, не говори громких слов — «преступление, наказание»... Это же обыкновенная жизнь, со всеми ее взлетами и неудачами...

— На всякую жизнь я не согласен. Не всякую жизнь наши люди принимают!

— Это тебе так кажется...

Рогов остановился, удивленно заглянул в небольшие бесцветные глаза однокашника и спросил:

— Почему ты остыл? Как ты мог забыть, чему нас учили?

Стародубцев снова приподнял руку.

— Я почти наизусть помню даже лекции доцента Ваньчугова, самые неинтересные...

— Помнишь? — Рогов устало отмахнулся. — Может быть. Но я не об этом. Ты сердцем забыл, чему нас учила партия.

— Будь осторожен, Павел, не путай сюда партию.

— Хорошо, — согласился Рогов. — Я буду осторожен. Ты устал? Может быть, отдохнешь немного? Курорт устроим, а там... и о работе подумаем.

— Снимаешь? — шопотом спросил Семен и передернулся всем телом. На его остром побледневшем носу проступили мелкие капельки пота. — Меня снимаешь? Забыл, как одни штаны в институте носили, как черный хлеб пополам делили? Снимаешь, когда мне особенно, невозможно трудно?

— Снимаю, Семен! — Рогов прижал ладонью листок свежестотпечатанного приказа. — Не мешай, Семен, работать. Сдашь завтра хозяйство Костылеву.

Потом он упрямно смотрел, как Стародубцев застегивал негнушимися пальцами кожаное пальто, натягивал шапку, заправляя оттопыренные уши, как он шел по узенькой ковровой дорожке, прижав локти к бокам, как оглянулся из-за плеча, взявшись за дверную ручку.

А дома Рогова ждала совершенно необычайная новость. Не успел он раздеться, как в комнату вошел старик Вошин и, сухо поздоровавшись, спросил:

— А где будет ваш сродственник или кто он вам доводится?

— Данилов? — вначале не удивился вопросу Рогов. — Ей-богу, не знаю, Афанасий Петрович, сам вижу его раз в неделю, — такой непоседа этот родственник. Присаживайтесь, Афанасий Петрович.

Вошин наотрез отказался от предложенного ему стула, сказав, что он просит извинить за беспокойство, но пришел с жалобой на Данилова.

Совершенно сбитый с толку, Рогов обошел вокруг проходчика, а тот, глуховато покашливая, излагал жалобу.

У него есть племянница, Тоня Липилина, инвалид Отечественной войны, тяжело больна. Временами почти не видит. Этот Данилов как будто встречал ее на фронте и по молодому делу влюбился. Какой в этом грех, совсем даже наоборот, очень естественно. Вошин так и сказал, пошевелив соломенными бровями:

— Очень даже естественно. Но на фронте девушка была полным человеком, а теперь инвалид. Может быть, последние дни доживает, ей покой нужен. Данилов же ничего понимать не желает. Пробовала мать Тони сделать укорот парню, но он, как оглашенный, просто на рожон лезет!

Надо, чтобы Павел Гордеевич сам поговорил со своим сродственником или кто он ему доводится.

Оставшись один, Рогов в отчаянии ударил ладонью по лбу: «Чорт, какая слепота. И ведь рядом все это творится. Вот откуда у Степана рассеянность, усталость в глазах».

Еще вчера, когда он поздно вернулся домой, Рогов так нехорошо пошутил:

— Гуляешь? Крепок. А я думал ни рукой, ни ногой не двинешь после смены. Уж не Оленька ли Позднякова тебя тревожит?

Степан, как-то растерянно двигая губами, попробовал улыбнуться.

— Не Оленька, Павел Гордеевич. Был тут в одном месте... Хочу, Павел Гордеевич, перебраться в общежитие к черепановцам.

— Не выдумывай! — запротестовал Рогов. — У меня и так живым не пахнет. Не разрешаю, как хочешь.

— Павел Гордеевич... — Данилов показал глазами на портрет Вали, — она же придет?..

— Валя? — по лицу Рогова скользнула еле приметная тень. — Это, Степан, длинная история...

Должно быть, что-то в его голосе, в выражении глаз, в том, как он осторожно приподнял и резко поставил портрет девушки, что-то такое, чему не подберешь названия, приоткрыло для Данилова еще одну сторону в жизни товарища. Это их как-то по-новому сблизило, хотя Рогов и не понимал, почему Степан притих, а глаза у него засветились мягко, ласково.

Через минуту они заговорили о делах на шахте. И опять-таки у Рогова не было желания забыть о Вале, разговор о деле был органическим продолжением его мыслей о девушке.

Но это было свое, годами выношенное. А вот в близкое горе, в крутые горькие думы товарища он не сумел проникнуть...

Тоня Липилина? Но Рогов и Тоню помнит. Помнит сильной, здоровой, беззаветно храброй. Как же он мог просмотреть, что где-то совсем рядом угасает этот светлый человек?

Позвонил на шахту и, не переодеваясь, стал ждать машину. За окном была глубокая ночь, по черному стеклу неслышно скользили крупные хлопья снега. Несмотря на поздний час, на тяжелую усталость, Рогов решил сегодня же разыскать Тоню Липилину и, разузнав обо всем, еще раз, гораздо обстоятельнее поговорить и с Афанасием Петровичем и с Даниловым.

Тоня привстала навстречу, протянула обе руки.

— Павел Гордеевич!.. Вспомнили обо мне? Да?

Лицо ее лучилось счастьем, и вся она, худенькая, напряженная, вот-вот готова была вскочить.

Горькая спазма схватила за горло Рогова. С трудом подыскивая слова, он сказал, присаживаясь рядом:

— Я не забыл о тебе, Тоня... Я не знал, что ты здесь. Прости солдата.

— Ой, конечно, прощаю! — Она засмеялась и очень быстро успокоилась.

Рассказывая о себе, о своих надеждах, она несколько раз восклицала:

— Ох, и трудно, должно быть, Степе! Он хотя и ловкий и сильный, но непривычно же ему. Разве я не вижу?.. Вы доглядывайте за ним, Павел Гордеевич, а то у него гордое сердце, помощи он не попросит. — Потом пообещала: — Вот вырвусь с этой постылой перины — глаз с него не буду спускать.

ГЛАВА XXV

Наезжая друг на друга, быстро скатились по крутой печи в штрек и пошли на выход.

— Зайдешь сегодня в общежитие, Степан Георгиевич? — спросил Черепанов, когда они уже раздевались в мойке.

— Обязательно, — пообещал Данилов, — только схожу вот в одно место.

Митенька тайком подмигнул бригадиру: что-то частенько их новый товарищ заглядывает в это «одно место». Просто интересно.

Данилов, особенно сегодня, говорил мало — боялся чем-нибудь выдать свою крайнюю усталость. Колени дрожали, руки необычайно отяжелели, ладони распухли, а когда смыл грязь, на них проступили багровые мозоли — стыдился своих рук, старался не показывать их бригадникам. И напрасно — комсомольцы давно наперечет знали все его мозоли. Вот и сейчас, заметив, как он взял кусок мыла и сморщился, Черепанов покачал головой, Сибирцев вздохнул. Митенька тоже постарался принять в этом сильное участие, сказав невпопад:

— Обыкновенно. Непривычка.

Черепанов грозно шевельнул бровью.

Да, товарищам можно от чистого сердца позавидовать: после утомительного труда они в глазах наливаются новыми силами. Саенюг вон что-то уже насвистывает, Митенька раз мечтался о походе в кино, Сибирцев беззлобно ругает какого-то расчетчика, забывшего ему начислить «прогрессивку»; прыгая на одной ноге под душем, Санька Лукин выкрикивает:

— Ну и хвастун! Она, говорит, у меня королева-ца-

ревна! Это он про свою Оленьку, Сашка-то Чернов. Воло-сы, говорит, у нее, как воронье крыло, глаза — прожек-торы. И еще какие-то показатели называл, не помню.

Работали эту смену все вместе, так нужно было — рассекали новую лаву. Особенно трудно Данилову доста-лись последние два-три часа. Вместе с Сибирцевым он менял в нижней параллельной просеке порушенное креп-ление. Черепанов несколько раз за смену подзывал к себе Сибирцева и жарко дышал ему в лицо, выговаривая:

— Еще раз предупреждаю: не наваливай ты на Сте-пана Георгиевича, что несподручно! Имеешь какое-нибудь соображение?

Сибирцев смущенно оправдывался:

— Соображение имею, но ты ж видишь, какой он — из рук работу выхватывает, а скажешь слово, только гла-зом поведет. Какое уж тут мое руководство?

Узнай Данилов о таких разговорах, без греха бы не обошлось. Но у него просто ни времени, ни сил не было следить за чем-то, кроме своей работы. В минуты передышки, приглядываясь к ловким, легким движениям своего напарника, он с горечью думал: «Но ведь я че-тыре года окопы рыл, по шестьдесят километров ходил с полной выкладкой, а потом в бой. Почему же мне так трудно дается шахта?» Непонятно все это было и тре-вожно.

Нельзя было не заметить, как бригадники очень осто-рожно стараются помочь ему освоить шахтерское ремесло. Но если вначале это радовало, согревало, то теперь Да-нилов уже едва сдерживал раздражение. И на самом деле, чем он слабее того же Митеньки? Стоит только посмот-реть, как тот, слегка присвистнув, подхватывает лесину, меряет взглядом, потом удар, второй! И вот уже это не лесина, а стойка-свечка. Не работа — выставка. А чем он хуже?

...По пути из мойки, в коридоре, бригаду встретил Рогов. Свет из окна упал на его скуластое лицо, зажег в глазах веселые искорки. Расставив руки от стены до стены, словно хотел обнять разом всех, спросил взволно-ванно:

— Как лава, друзья? Закбичили?

— Взыграла лава! — басом доложил Лукин.

— Вот видите! Еще пятьдесят метров фронта приба-

вилось, а там, глядишь, еще сотню наберем — будет где развернуться. — Он обратился к Данилову: — Ну, а ты что же, гвардии сержант, не докладываешь?

Данилов против воли невесело улыбнулся.

— Боюсь, как бы не пришлось к обороне переходить, товарищ гвардии капитан...

— О!.. — Рогов всерьез удивился. — К обороне? Когда все летит вперед? Ну, хорошо, мы еще поговорим об этом, а сейчас марш в столовую! Питайтесь!

В столовой бригаду обслуживал весь наличный штат, включая шеф-повара, который необычайно быстро катался на своих коротких ножках и еще в самом начале пиршества смутил забойщиков, пообещав угостить каким-то «де-воляй». Парни с сомнением усмехнулись, и только Санька Лукин благосклонно разрешил:

— Валяй! Тебе виднее!

Пожилая повариха все свое внимание сосредоточила на Митеньке, самом низкорослом и самом курносом в бригаде. Подав ему кружку пахучего кофе, она остановилась рядом и подперла щеку ладонью.

— Кушай, соколик, тебе расти...

— И умнеть!.. — мимоходом заметил бригадир.

Митенька кушал, краснел, косо поглядывая на повариху, а когда она особенно шумно вздохнула, взмолился:

— И что вы, тетенька, на самом деле!..

А у Данилова ложка из рук валилась, только усилием воли заставил себя есть. Когда же пришел домой, почти не сгибаясь, упал на кровать. А потом долго не мог найти место ноющим рукам. Почти со страхом думал, что ведь и завтра и послезавтра нужно будет идти на смену, снова долбить, перекидывать уголь, заколачивать стойки, бурить. И тут впервые в душе его шевельнулось что-то похожее на зависть к настоящим шахтерам, и труд их представился сейчас сплошным подвигом. Мелькнула тревожная мысль: «Выйдет ли из меня что-нибудь» И хотя он тут же решил, что выйдет, что он во что бы то ни стало будет шахтером, успокоиться все же не мог. И сна не было. Когда в окно заглянуло медленное багровое солнце, он встал и, морщась от боли в руках, оделся.

Конечно, нужно было сразу идти к Тоне, потому что какой же отдых без этого? Острое беспокойство охватило его. Он заторопился. По улицам почти бежал. Только

ступил в знакомый узенький переулок, как из огорода окликнули:

— Молодой человек!

Это была мать Тони — Мария Тихоновна. Она подошла с явной неохотой и, положив на сухой плетень смуглые руки, тяжело оглядела Данилова. На ней была все та же старенькая косыночка, надвинутая к самым бровям.

Данилов порывисто шагнул ей навстречу.

— Мария Тихоновна! Как Тоня?.. Я ведь не мог вчера... Понимаете, такая работа...

— Не тревожьте доченьку, — глухо перебила женщина; лицо ее на секунду потеплело, но сейчас же снова стало замкнутым. Договорила она жестко, полуприкрыв глаза: — Заказана вам дорога к Тоне... — Она убрала руки с плетня, поправила косынку и устало повторила: — Заказана вам дорога к Тоне... — И пошла, сгорбившись, в дом.

Данилов проводил ее долгим, сразу затосковавшим взглядом и прислонился к плетню. Над землей тлели бесцветные сумерки, прямые дымочки поднимались над улицами. Густели сумерки, а Данилов, не отрываясь, смотрел на домик Липилиных. Давно уже за крестообразным переплетом тониных окон вспыхнул зеленоватый свет. Прикрыв на минуту глаза, припомнил обстановку в ее комнате, каждую вещичку, к которым она прикасается. Как он привык ко всему этому! Да, он приходил сюда каждый день в течение этих коротких недель. Сидел часами, пока Тоня, засыпая, не говорила:

— До свидания, Степа... Я тебя увижу во сне.

Темные крылышки ее ресниц коротко вздрагивали, как после полета, и успокоенно ложились на чистую близну щек. Иногда он сразу же уходил, но чаще оставался у постели девушки, прислушивался к ее дыханию, к осторожным шагам Марии Тихоновны за перегородкой. Временами в такие минуты он чувствовал глухую неприязнь к матери за ее постоянную к нему настороженность, за настойчивые попытки разгородить собой его и тонину жизни.

Бывали дни, когда Тоня чувствовала себя бодро, когда боль в глазах не дожимала ее. Тогда она вставала с постели и, опираясь горячей слабенькой рукой о плечо друга, выходила на улицу. Как-то ей захотелось побы-

вать на пригорке: «Поближе к солнцу»,—сказала она. Они медленно прошли по улице. Степан видел только ее сияющие глаза и какое-то притихшее лицо. У него гулко стучало сердце. Он даже не заметил, как несколько встречных шахтеров почтительно уступили им дорогу, не слышал, как один из них сказал:

— Вот счастье...

А Тоня услышала это и весь день была задумчива.

Они долго сидели на пригорке. Над их головами в хрустальной глубине плыли, нивесть куда, тысячи серебряных паутинок с белыми узелками. Внизу раскинулся городок, обласканный полуденным теплом и свежим дыханием ветра из горных долин, поднявший в густосинее небо вышки копров, конусы породных отвалов.

Данилов вслух читал городскую газету, потом рассказывал о неудачах Рогова на производстве и, наконец, спросил у Тони, хорошо ли ей. Она ответила коротко:

— Нет. Мне хочется всегда ходить рядом с тобой. — А через минуту пылливо глянула на него: — А тебе?

— Мне? — Данилов удивился. — Зачем ты спрашиваешь? Я же здоров, как... не знаю кто, и ты со мной.

— Ты счастлив?

— Тоня!..

— Ты счастлив?

Он подумал с минуту и, не опуская глаз под ее строгим требовательным взглядом, сказал:

— У меня счастье напололам... И хорошо мне, что я с тобой, и тяжело, что ты... За тебя тяжело.

Тоня покачала головой.

— Это неправда, Степа. Счастье не может греть с одной стороны.

— Тоня...

— Не может! — Голос у нее зазвенел и оборвался, она словно угасла и тут же попросила несмело: — Прости, Степа, я не буду об этом...

А через час она снова слегла в постель, снова слепящая боль отуманила ее память. Данилов сидел допоздна, а когда собрался уходить, на крыльце его остановила Мария Тихоновна и впервые наговорила столько тяжелого и неожиданного.

Она сказала, что его частые посещения вредно отражаются на слабом здоровье доченьки. Ей ведь покой пу-

жен, абсолютный покой. А он что делает? И к чему все это? Ну к чему? Чтобы окончательно обессилить человека? Но она же мать Тони, и ни перед чем не остановится, чтобы оградить свое дитя.

— Не топчитесь вы на чужом горе! — сказала Мария Тихоновна.

С минуту Данилов стоял тогда, согнувшись под тяжестью этой неожиданной беды, а когда молчание стало невыносимым, спросил внешне спокойно, только шепотом:

— А как же мне жить... без Тони?

Мария Тихоновна хотела, наверное, ответить: «Живите. Нас это не касается», но голос у нее перехватил — такая беспредельная тоска глянула на нее с лица Данилова.

Он и назавтра пришел и опять стал бывать каждый день, словно и не было у него разговора с матерью. Тоне становилось то хуже, то лучше. Навещали врачи. Их было двое — маленькая, с острым лицом Антонина Сергеевна, терапевт, и хирург Ткаченко. Данилов заметил, что руки у Антонины Сергеевны были ласковые, чуткие, что прикосновение этих крошечных, с виду некрасивых рук успокаивало девушку. Ткаченко был шумлив, дотошен и интересовался не только состоянием пациентки, но и тем, что и кто ее окружает.

Врачи недолюбливали друг друга. Это не бросалось сразу в глаза, но стоило только прислушаться к тому, что каждый из них говорил, как относились они к недугу девушки, становилось ясно, что эти два разных по характеру человека совершенно по-разному подходят к своим задачам.

Антонина Сергеевна двигалась бесшумно, словно плавала над землей. Когда являлся Данилов, она смотрела на него строгими, немигающими глазами и часто повторяла шепотом:

— Ты ише! Не топайте так сапожищами!

А Тоню упрасивала:

— Голубушка, самое главное: абсолютный покой, самое главное в вашем положении — умение выключить себя из всех забот.

Данилов проникся к Антонине Сергеевне благоговеющим уважением, в ее присутствии ходил на носках, кашлял в ладошку и даже дышал вполсилы.

Однажды он застал у постели больной Ткаченко; был он какой-то порывистый, с угловатыми движениями — этот не кашлял в ладошку, не просил тишины. Познакомившись с Даниловым, он почему-то обрадовался и тотчас устроил ему форменный допрос.

— Тоже снайпер? И какой счет, позвольте? — А услышав, что у Данилова на счету триста девять гитлеровцев, встопорчился: — И все наповал?

— Как правило, — подтвердил снайпер.

— Нет, вы знаете что-нибудь о таком правиле? — Ткаченко суматошно оглянулся на Тоню, но та лежала, полуотвернувшись к стене.

Когда шли от нее, Данилов осторожно спросил:

— Как, доктор, дела?

— А вы кто будете при ней? — неожиданно отозвался тот.

— Я?.. — Степан заглянул в его строгие в эту минуту глаза. — Я люблю ее, доктор, она мне дороже жизни!

Ткаченко неопределенно помахал перед собой рукой, потом сжал кулак и почти закричал:

— Правильно делаете! Любите ее, да не втихомолку, а чтобы все люди об этом знали! Вы же солдат, шахтер, у вас молодое, сильное сердце, ну и зовите ее в жизнь — в этом все дело. — Он помолчал и заругался: — Чорт, не прощу себе, что немного опоздал, а потом проглядел, как эта Антонина Сергеевна опутала, оплела девчонку своей тишиной, шопотом. И мамаша вот, глядя на нее, свихнулась, готова отгородить свою дочь перинами даже от солнца. Вот глупистика!

Прощаясь, он еще раз напомнил:

— Степан Данилов, вы тут сейчас можете сделать больше, чем десять профессоров. Слышите? Вы приходите к Тоне из большой жизни, от таких людей, которым весь мир завидует. Ну и тащите ее в эту жизнь, расправляйте ее силенки! Надейтесь, — в вас должен быть такой талант.

— Такого таланта у меня на батальон! — пошутил Данилов и с тех пор стал «тащить» Тоню в жизнь. В этом не было ничего нарочитого, надуманного, все шло от сердца.

А на шахте с каждым днем становилось все труднее.

Часто Данилов злился на себя: когда же придет привычка к необычному для него труду, когда же вместо

мучительного нытья в руках, в каждой косточке он будет чувствовать просто приятную усталость, удовлетворение?

Тоня иногда спрашивала:

— Ну как у тебя, Степа? Ты привыкаешь?

— Привыкаю, — торопливо соглашался он, — а то как же!

— Тебя хвалят шахтеры? А я, знаешь, во сне видела, что тебя комдив вызывал и хвалил перед строем за то, что ты хороший, знаменитый шахтер. А я думаю: «Какой же он шахтер? Он же снайпер».

— Насчет того, чтобы хвалили, слабовато... — признавался Данилов. — А мне нельзя больше так работать, понимаешь? Бригада-то моего имени! И знаешь, какие люди? Горячие, добрейшие парни. Вчера вои собрание было. Президиум избрали. Такой-то стахановец, такой-то, а потом: Герой Советского Союза Данилов. Не сказали, что стахановец, а я хочу как раз этого — уже не могу иначе! Потом сидел в президиуме и думал: вот встанет скоро Тоня, вместе будем ходить на такие собрания, — пусть слышит, как обо мне говорят.

Щеки у Тони розовели, она вздыхала и медленно говорила:

— Хорошо, Степа, с народом, тепло. Ты ведь веришь, что я буду с тобой, вместе со всеми?

Он верил в это и вот до чего дожил: «Не тревожьте доченьку... Не топчитесь на чужом горе!»

Это Степан Данилов топчется на чужом горе? «Эх, мама, мама, как только у вас язык повертывается...»

ГЛАВА XXVI

Данилов подождал с полчаса Рогова и лег спать. Но и тут постигла неудача — сна не было. Пришлось встать, уже второй раз после смены. Вскипятил чай, все приготовил к ужину, но и ужинать расхотелось. Постоял у окна, глядя сквозь заснеженное стекло. «Что-то сейчас Тоня делает? Плохо, Тоня, с твоим солдатом, ой, как плохо!»

Где-то за скользящей сеткой крупных снежинок мелькнули шахтные огни. Шахта... Данилов вдруг круто повернулся и, торопливо одевшись, выскочил на улицу.

Шахта! В первый раз за эти недели он идет к шахте за помощью, за советом. Какая-то будет она в эти минуты? Такая же суровая, требовательная, как и в часы труда?

По дороге увидел огонек в окне у секретаря. Решил зайти к Бондарчуку, поговорить с ним по душам.

Бондарчук был один. Медленно поднял крутолобую голову от книги, устало улыбнулся.

— Читаю и прислушиваюсь к тому, что в шахте делается. Садись, Степан.

Данилов разделся, сел и сказал:

— Извини, Виктор Петрович, решил зайти к тебе, что-то туманно у меня на душе. Хотел поговорить... — Помолчал и вдруг спросил: — Как думаешь, Виктор Петрович, что такое счастье?

— Счастье?.. — Бондарчук заложил книгу линейкой, закрыл, быстро перепустив страницы, потом прошелся вокруг стола, следя за своей угловатой тенью на стене. — Трудный ты мне вопрос задаешь, Степан. Может быть, подумаешь и сам ответишь?

— Я думаю, я все время думаю.

— И все ищешь, это счастье?

Степан потряхнул головой.

— Чего мне искать, я хочу понять его.

— Ну что ж... Счастье ведь всякое бывает.

— На всякое не согласен.

Глаза у Бондарчука прищурились.

— Но ведь счастье это у тебя в руках. Неужели не испытываешь?

— Испытываю. — Степан лег грудью на стол. — Трудное оно, Виктор Петрович. Иной раз даже и в лицо не узнаешь.

— Трудное... Это ты правильно сказал. Настоящее счастье — трудное счастье. Но еще труднее бывает его увидеть во весь рост. Счастье, по-моему, в единстве с народом, в борьбе за народ... И еще в том, чтобы рассмотреть сквозь будни великое завтра, чтобы носить это завтра в своем сердце, в крови. Понимаешь, Степан? Вот мы шли на запад, и почти у каждого было такое чувство: прошел километр — и позади на этом километре теперь можно и любить, и родить, и хлеб сеять — все можно. И самое главное — жить по-человечески. Вот

что! Жить! А теперь? Теперь мы и сердцем и хваткой солдаты!

Степан подхватил:

— Я солдат — это так. Но мне все кажется, что за главное-то я и не ухватился в жизни. Вот шахта... Ну, что такое я для шахты? По-моему, человек должен быть там, где нет ему в эту минуту замены. А я... смотри! — он рывком выбросил перед собой руки — на ладонях багровые пятна мозолей.

Бондарчук мягко улыбнулся.

— Значит, шахта не по душе?

— Скорее, не по рукам. Ты говоришь: «Счастье у тебя в руках», а мне приходится держаться за него зубами: такими руками сейчас ничего не удержишь!

Не спуская с парня испытующего взгляда, но тоном обыденным, безразличным Бондарчук сказал:

— Был у меня сегодня такой разговор о тебе... Вижу, что трудно. Но ты сам-то, как думаешь, есть для тебя замена у черепановцев?

— Замена?

— Да, ты же сказал: «Человек должен быть там, где его трудно заменить».

— Не-ет... — Степан быстро встал. — Об этом мне и думать заказано, если бы даже пришлось стоять насмерть... Как в бою! И сейчас я не о себе хочу сказать.

Он пересел поближе к парторгу и, очень волнуясь, рассказал о своем и тоном горе. Но хотя там и стала поперек пути мать, Тоня все равно должна слышать голос живой жизни. Только как это сделать, чтобы по-хорошему, по-человечески?

За все время, пока Степан сбивчиво рассказывал обо всем этом, Бондарчук и словом не обмолвился. Лицо его оставалось спокойным. Только в карих глазах мелькало то удивление, то горячая заинтересованность.

— Дальше. Не волнуйся.

— Чтобы по-хорошему, по-человечески! — настойчиво повторил Степан.

Бондарчук молчал с минуту, потом будто нашел нужную мысль, откинул голову и поглядел на Данилова повеселевшими глазами.

— Степан, тебе очень тяжело доставалась работа в забое?

— Очень.

— Но ты преодолеваешь?

— Преодолею уже.

— Ну, а если бы ты один под землей копался и не было бы никого кругом, ты бы стал преодолевать?

— Ради чего же? Ради мозолей, что ли?

— Вот то-то и оно! Ты был с народом, ради него ты и кровянил себе ладони. А ей одной каково преодолеть болезнь? Так что — поправка маленькая, Степан: Тоня не может только слышать голоса живой жизни, — это ей не принесет счастья, — ее нужно вырвать в нашу большую жизнь! Не ходи, Степан, вокруг да около — женись на Тоне!

— Жениться?

Степан удивленно глянул на парторга, задышал часто и, тут же поспешно собравшись, вышел. А минут через двадцать, как-то незаметно для себя, оказался у домика Тони. Постоял немного, потом оглянулся, словно заново услышал слова Бондарчука:

— Женись на Тоне!

Ночь, снег падает крупными хлопьями. Зеленовато светятся окна в знакомом домике. И вдруг из бесшумного снегопада вынырнул Григорий Вошин. Степан съежился, стараясь остаться незамеченным, но Вошин остановился и, подавая в темноте папиросы, спросил буднично:

— Вечеруешь? Закуривай, Степа.

Данилов торопливо затянулся и, чтобы поддержать разговор, сказал что-то такое о погоде.

— Сегодня тетка Мария опять жаловалась моему отцу, — перебил его Григорий, — а тот рассердился и побежал к Рогову, говорит: людям насмешка.

— Насмешка? — не то съязвил, не то переспросил Данилов. Резко выпрямившись, он почувствовал себя по-прежнему сильным, самостоятельным человеком. Оглянувшись на окна Липилиных, он скороговоркой, приглушенно сказал: — Мне отсюда до Тони рукой подать... В случае чего...

Григорий постоял молча, потом как-то коротко передохнул, сильно стиснул руку Степану и признался:

— Я ведь все понимаю... Помнишь, тогда еще в поезде — боялся я тебе эту правду сказать. А теперь что ж, болит за вас сердце. Но вы же оба сильные люди — выберетесь. А если нужна будет помощь — зови меня.

Шел десятый час вечера, а собрания все конца не было видно. Двенадцать ораторов выступило, точнее — двенадцать выступлений было выслушано, при шести присутствующих, в том числе один раз говорил Рогов и три раза Митенька, на правах председателя. Председатель измотался, вид у него был ошеломленный. Регламент давно расхватали, все надбавки тоже — осталось только поглядывать на часы.

С первым пунктом повестки разобрались быстро, тут двух мнений не было — бригада должна быть записана в письмо Иосифу Виссарионовичу, на подписи имеют права все — в этом никто не может сомневаться. Черепанов перелистал блокнот и, называя фамилии, перечислил, сколько каждый из них сделал за последние три месяца: Сибирцев, Лукин, Алешков — двести десять процентов, Черепанов — двести восемьдесят, у Голдобина немного слабее, всего сто семьдесят, так ведь такой характер у человека — это нужно принять во внимание. И дальше...

А дальше бригадир сделал паузу, и как-то сразу все догадались — почему.

— Ну, что ж ты? — поторопил Рогов. — Продолжай! Дальше у тебя Степан Данилов.

— Дальше Степан Георгиевич... — Черепанов запустил ладони в темную шевелюру.

— Ну, и сколько же у него? — спросил снова Рогов, хотя наперечет знал почти все смены Данилова.

— У него уже к ста двадцати подходит.

— Только-то! — начальник шахты неприметно улыбнулся. — И почему «уже», если это самая малая выработка в бригаде?

— Вишь чего! — негодуяще выкрикнул Митенька. — Самая малая!

И все разом заговорили, замахали руками. Как это Павел Гордеевич не поймет, что Данилов всего второй месяц в шахте, как же он может равняться с тем же Черепановым, который целый год самостоятельно ходит в забой? Потом, кто же не видит, как Степан Георгиевич тянется изо всех сил, не дает себе ослабнуть ни на один день и от этого ему еще труднее?

Черепанов рассказал про один случай в конторе:

— Расчетчик посмотрел на замеры, потом на Степана Георгиевича и спрашивает: «Какой вам смысл, товарищ

Герой, в забое мотаться, у вас же определенные заслуги перед родиной?» Степан Георгиевич посмотрел на него, как на пустое место, отвернулся и пошел. Конечно, не будь я в шахтерском звании, вытащил бы это чучело из окошечка и написал бы на его шкуре, сколько он стоит.

Сибирцев трубно откашлялся, что у него означало высшую степень взволнованности, и сказал:

— Не дам в обиду. Сам учу, все вижу. Не дам!

Трудное дело взвалил на свои плечи Сибирцев, вызвавшись обучить такого новичка, как Степан Данилов. На шахте они были очень заметной парой. Рядом с гибким, по-солдатски подтянутым Даниловым, непокорный белый вихор которого часто теперь был вымазан углем, Сибирцев выглядел особенно тяжеловесным, угловатым и непомерно рослым. Однако, несмотря на это, он с первых же дней побаивался солдата и, вместо того чтобы распорядиться по праву старшего в забое или коротко разъяснить что-нибудь, нерешительно мялся:

— Степан Георгиевич... как бы это повернуть?..

Данилов вначале не догадывался, в чем дело, а поняв — рассердился и выговорил забойщику напрямик, чтобы он не мудрил, не сватался.

— Ты эти штучки брось, — сказал он, — я ведь не девица, чтобы вокруг меня увиваться! Понятно?

Сибирцев мало-помалу освоился, заговорил в полный голос. Правда, его еще и сейчас охватывала некоторая оторопь, если Данилов вдруг прикрикивал:

— Слушай-ка, начальство, что ж ты от меня всю работу загораживаешь?

Но на остальных членов бригады Сибирцев поглядывал свысока: как-никак, а единственный на весь рудник Герой ходит у него в помощниках. Наконец он до того окреп в самомнении, что однажды наотрез отказался присутствовать на комсомольском собрании бригады, сославшись на то, что он со Степаном Георгиевичем условился обсудить какие-то неотложные вопросы.

— Ладно... — зловеще согласился Черепанов. — Мы еще просветим ваши вопросы!

Отозвав назавтра Данилова в сторону, он коротко изложил существо дела.

— Вопросы? — удивился Степан и, вспомнив, что вчера, как обычно, пробыл целый вечер у Тони, сказал: — Ничего, кое-какие вопросы мы с ним все же обсудим!

В забое же спросил у напарника:

— Как у тебя... с враньем?

— С каким враньем? — удивился Сибирцев.

Но тут же, угадав по тону помощника, что разговор на такую скользкую тему ничего доброго не предвещает, выкрикнул:

— Я же велел крепь ставить в нижнем уступе, а вы!..

Данилов смолчал и в течение всей смены прилежно обрубал и заколачивал стойки, даже тихонько насвистывал, с удовольствием отмечая про себя, что у него не так-то уж плохо получается. Но зато в мойке, с глазу на глаз с Сибирцевым, он отвел душу, начав напрямик:

— Так вот, насчет вранья!..

Он долго говорил, развивая вопрос о вранье в различных, довольно неожиданных положениях, говорил до тех пор, пока Сибирцев не завопил, вспугнув старушку уборщицу, мирно дремавшую на табуретке:

— Невозможно это, Степан Георгиевич!

— Что невозможно?

— Чтобы вы ушли от меня! Опозорили чтобы!

Данилов холодно оглядел напарника.

— Я еще подумаю...

После этого случая в бригаде тихонько подсмеивались над Сибирцевым:

— Ну, как, Гоша, обсудили некоторые вопросы?

Забойщик виновато улыбался, но к Данилову проникся еще большим уважением и если сейчас говорил: «Не дам в обиду!» — говорил искренне...

— Значит, будем просить шахтеров, чтобы нам разрешили всей бригадой подписать письмо? — спросил Черепанов и покосился на Митеньку.

Тот спохватился, постучал большим плотничьим карандашом по графину.

— Кто «за»?

«За» были все.

— Не курить! — прикрикнул Митенька на Саньку Лукина, заметив, что тот дымит в кулак, и тут же огорченно

посетовал: — Придется, товарищи, закрыть собрание, докладчик по второму вопросу не явился.

Речь шла о Хмельченко, которого внезапно вызвали в горком и, очевидно, задержали. Собрание действительно можно было закрывать, но тут снова подал голос бригадир. Председателю пришлось только руками развести — как ни крути, а заговорило начальство.

Черепанов начал с того, что разобрал последнюю смену, когда работали сообща. Ему не понравилась смена, по крайней мере некоторые существенные детали. На деталях бригадир сделал ударение и, заметив, как Алешков суетливо отвернулся, потребовал:

— Ты не вилай, смотри мне прямо в глаза, как подobaет комсомольцу! Смотри в глаза и отвечай: кто это тебя учил так безобразно крепь ставить? Молчишь? Тогда я отвечу: лень-матушка. И я не понимаю... — Черепанов повернулся к Рогову, — не понимаю, Павел Гордеевич, как это мы позволяем себе такие упущения? Говорим каждый день, пишем в газетах: «Стахановский опыт», «Нужно наладить обмен стахановским опытом», но это же вообще, а стахановский опыт — целая куча таких мелочей, которые сразу и не заметишь. По-моему, и у нас в бригаде кое-кто заноситься стал: как же, мы, мол, стахановцы, нам все нипочем! Враки все это. Смотрю сегодня, как Саенко пластается в просеке, — и смех и грех! Нет, чтобы уголь постепенно перепускать, он нарубил его столько, что целая гора позади образовалась, сам еле выбрался из забоя и кряхтел целый час. Нет соображения, нет этой... плановости, о которой прошлый раз говорил Павел Гордеевич. Если бы Саенко чаще перепускал уголь, он бы не только очищал рабочее место, но и менял бы положение своего тела в забое, тело бы отдыхало, силы сохранялись...

Или из верхней просеки лесогоны кричат: «Принесли крепежник!» — а уважаемый Митенька отвечает: «Оставьте там, понадобится — возьмем». Это где же там, я спрашиваю? Там — это нигде. Митенька в добрые вошел к лесогонам: «Хорошие, скажут, эти комсомольцы, покладистые!» Только такая доброта боком для работы вышла. Я заметил, что мы на перепуск крепежника затратили не меньше часа. Нерентабельно!..

Черепанов сказал это непривычное для себя слово и вопросительно глянул на Рогова: «Может, не то слово?»

Рогов торопливо закурил. Взволновал его весь этот вечер у комсомольцев и особенно последнее выступление бригадира. Праздничный вечер! С высоты такого вечера проглядывались удивительные дали, о которых месяцев шесть тому назад даже и не мечталось. Что-то нужно было сказать молодым шахтерам, чтобы согреть их прямые, светлые души... Но в этот момент вошел Данилов, стряхнул у порога снег с шапки, разделся.

— Садись, Степан Георгиевич, — пригласил Черепанов и строго добавил: — Подзапоздал малость, заканчиваем.

Степан присел рядом с Роговым, поглядел на него, на забойщиков, и теплые токи тронулись в его сердце. По взглядам Рогова, Черепанова, по глухому покашливанию Сибирцева, по умным веселым искоркам в глазах Митеньки он понял, что вся его простая, не легкая жизнь как на ладони перед товарищами. Рогов положил крупную горячую руку ему на колено, сказал вполголоса:

— Надо поговорить, Степа. Вечерком потолкуем.

Рогов ушел — его ждали дела в шахте. Митенька быстро приготовил ужин, что, по его мнению, тоже входило в обязанности председателя, потом принялись за чаепитие. Степан немного пришел в себя после встречи с Григорием.

Глядя на лица товарищей, которые стали ему так же близки, как когда-то друзья на войне, Степан видел, что все сочувствуют его беде, только не знают, как помочь. Они даже ждут от него слова о том, что делать, готовы поддержать, ободрить...

И неожиданно для себя, оставив стакан с чаем, Данилов сказал:

— Товарищи, хочу рассказать вам про один случай... Тут кое в чем разобраться вместе требуется... Началось это на фронте. Я тогда еще не снайпером, а разведчиком был...

Вдвинулись мы тогда в левый берег речушки и ни шагу назад. До боев были на этой земле сады, деревни с белыми избами, а потом ничего не стало. Фашистский огонь все пожег и повыврубил. Но наши люди так крепко встали — ничем не отдерешь... Трудно было...

Степан пригладил волосы, рассеянно оглядел комсомольцев и на секунду плотно сжал губы.

— Наш полк стоял на длинном крутом увале — вокруг ни дерева, ни кустика. Перед нами болото, за ним

снова рыжий увал и поперек его, устьем к нам, узкий овраг. Бывало, накопятся немецкие танки или самоходки где-то в излучине оврага, а потом выскочат в устье, развернутся веером... Житья никакого не было. Мы же на виду, а бьют они прямой наводкой. Десяток НП сменили, но от огня не ушли.

Как-то утром, после беспокойной ночи, вызывает меня комбат, Павел Гордеевич. Глянул я на него и прямо ахнул: вот уж кого действительно измотал этот плацдарм. Вы же знаете, что Павел Гордеевич — человек крепкий, а тогда, за эти три недели, лицо у него ссохлось, задубело, глаза щурит, как будто глядит против солнца. А так спокоен, голосом ровный. Когда шли по ходу сообщения, он сорвал на бровке желтый цвет люпина, помял в пальцах, понюхал и вроде как усмехнулся. Я еще подумал: «Не иначе письмо получил». Получал он эти письма чуть не каждую неделю, а от кого, только теперь я узнал.

Степан вздохнул мечтательно.

— Эх, ребятки, знали бы вы, как хорошо письмо на войне получить. Мне вот никто не писал. Но один раз старшина дает ирисет — подарок от земляков. А в кисете записка: «Дорогой товарищ, мы помним о тебе. Желаем здоровья и скорой победы. Оля и Вера». Я ту записку вместе с комсомольским билетом носил.

Во-от... Вышли в тот раз до боевого охранения. Попыхал комбат самокруткой, пощурился на немецкую горку, а потом показывает на устье оврага: «Знаешь эту щель?» — «Знаю, говорю, как же... На свету оттуда вернулся».

Павел Гордеевич кивает: «Хорошо. Приказал хозяин запечатать эту дыру. Поведешь сегодня туда минеров. Только чтобы наверняка, наглухо».

Часа четыре пролежал я у амбразуры — заново подступы к оврагу изучал. Насчет работы на войне у меня всегда нюх был верный, — так вот и в тот день, вижу, попытеть придется. Принесли ужин. Выпил я свои сорок шесть граммов спирта. Выпил, закусил и лег спать тут же, под низким накатом из жердочек. Уснул, и словно бы через минуту будят меня, но это только показалось, что через минуту, а на самом деле была уже ночь. И такая теплая, в звездах и без стрельбы. Ветерком умыло меня, и от потайного костра нанесло горький березовый

дым. Моих саперов я нашел в развилке траншей. Сидят у стеночки, в рукава курят.

Спрашиваю: «Дышите?» — «Дышим». — «Ну, дышите, говорю, потом некогда будет. Да показывайтесь, сколько вас, какие вы?» — «Дюжина», — отвечает кто-то тоненько, а второй возражает: «А товарища сапшеструктора забыл?» — «И то правда. Тринадцать, выходит».

Командовал саперами старшина. Наскоро познакомились. Как следует, конечно, не видать, но когда всмотрелся, вижу — народ крепкий, с такими воевать веселей. Рассказал про путь-дорогу. Старшина поторопил: «Все ясно, сержант. Давай трогаться».

На ничейную землю выползли в боевом охранении. Обошли свое минное поле и потом в низину. Двигались не очень скоро — каждый сапер тащил по шесть противотанковых мин. Да я и не торопил — ночи в августе длинные. Осталось уже совсем недалеко от устья оврага, когда над нами щелкнуло и повис первый фонарь. До смерти не любил эти фонари — свет от них как будто на плечи давит, к земле прижимает. Большая тренировка нужна, чтобы при таком свете двигаться. Правда, мы со старшиной пользу от этого получили — определились точнее, прикинули, как ловчее пробраться к нужному месту. А немцы словно почуяли нас — пулеметами донимать стали. Шальные очереди так и буравят, землю вокруг нас щупают. Старшина всего один раз пожаловался, когда его забрызгало болотной грязью: «Чорт их возьми... У них нервы, а я вот ползай арап-арапом».

С самого начала я нацелился к трем подбитым немецким «тиграм» — это их здесь наши пушкарки настигли. За их броней нам была обеспечена некоторая свобода маневра. Саперы отдохнули, но немного. Я успел только сползть к оврагу, а они уже за «посев» принялись. Работали тихо, без стука, без звяка, но очень быстро. Наконец старшина говорит: «Разведчик, играй отбой. Сейчас вот Антон Федорович Помилуйко вернется, и тронемся. Он в самом овраге нескольких «попрыгунчиков» поставил — сами же немцы их делали, вот и пусть шухают, чем это пахнет».

Прошло несколько минут, и, наконец, недалеко показался солдат. «Антон Федорович, — шопотом позвал старшина, — поторапливайся!»

И только он успел позвать, как черт дернул какого-то нервного немца пустить ракету над самыми мертвыми танками — я различил даже купол небольшого парашюта, на котором она повисла. Не знаю, увидели немцы Помилуйко или нет, только цветная пулеметная очередь ударила как раз по нему. Солдат охнул, потом еще раз и тут же протяжно закричал. Каждый, кто воевал, знает, что так кричать может только тот, кого смерть настигла.

«Антон Федорович!..» — старшина рванулся вперед, но я прижал его к земле.

Он мне шепчет: «Что ты? Человек смерть принимает...»

Разве я хуже старшины это знал? Но толку-то что, если и второго на том же кругу ударит? А немцы всполошились по-настоящему. Услышали, видно, голос солдата. Поднялось сразу до десятка ракет, мины взвыли. Наши услышали эту музыку и тоже — такого огонька дали! Уму непостижимо, сколько полетело железа над нашими головами. Но товарищ умирал совсем рядом, и мы не могли помочь ему в эту минуту. А надо было помочь, и не было у меня никаких сроков, чтобы подумать.

Старшина не вытерпел, спрашивает: «Что ж ты?»

Я только рукой махнул. Толчком выскочил из-за танка и в один вздох проскочил сорок метров до раненого. Упал рядом. Очень плохо у мужика: запрокинул он голову между кочками и почти не стонет. Поправил его, он вскрикнул. Рука у меня липкой стала. Такая обида сдавила меня, дышать нечем. Человек свет белый видел, за жизнь дрался и вот упал среди поля. И гордость во мне поднялась, что я рядом с ним, что никуда не уйду. Такое решение принял. Позвал его: «Антон Федорович...»

А он шепчет: «Пи-ить...»

Я его попросил потерпеть, а сам тороплю себя. Ну, как тут быть? Тронуть солдата нельзя — закричит в беспмятстве. А на мне двенадцать человек. Но и оставить его тоже нельзя, об этом даже и думать не думалось...

Потом у меня мысль мелькнула. Горькая мысль, но тут уж приходилось изворачиваться. Рванулся снова к саперам. Дохнул поглубже и говорю старшине: «Плохо, друг. Тело не вынесешь. Видел, как я сигал? Не дают, гады, шевельнуться. А ждать невозможно. По-моему, нас обходят. Веди взвод обратно. Да торопись».

Но сапер только головой замотал. Тогда я официально

нажал на него: «У меня, говорю, другая статья. У меня с вами только полдела, я дальше пойду. А ты теперь знаешь дорогу. Торопись!»

Старшина решился, за руку тронул: «Счастливо тебе. А за телом Антона Федоровича мы придем! Ох, пусть поберегутся, сволочи!»

Я выждал, пока саперы скрылись в кочкарнике, и только тогда вздохнул свободнее. Сбросил всю лишнюю амуницию под танки, осторожно добрался к раненому. Он уже, наверно, всю кровь потерял, но услышал, что кто-то живой рядом, забеспокоился, зашептал: «Умру... по-пить...»

Сколько трудов принял, чтобы положить его на себя и особо не потревожить, и все же потревожил. Он охнул и весь ослаб. Минут десять полз я с ним к танкам. Вымок весь. Устроил его под машину. Тянусь за гусеницу к вещмешку, и... что такое? Попадает мне под руку чья-то нога в сапоге. Живая нога. Сперва просто удивился, но тут же догадка полоснула: немец! Перекаत्याваюсь в сторону, держа автомат и кричу тихо: «Хальт! Нишкни, стервец!» — «Да это я, Тоня Липилина...» — отвечает мне женский голос.

Я оторопел: «Что-о? — говорю. — Тоня? Какая еще к чертям Тоня? Что за штучки? Не шевелись!» — «Да я не шевелюсь... — говорит эта новоявленная Тоня. — Я же санинструктор, вместе с саперами была, вы меня не заметили...» — «Ах, была! — Мне казалось, что я готов разорвать этого санинструктора. — Но почему приказ нарушила? Почему опять здесь? А если там кого поранят?»

Она отвечает резонно: «Там, может, и не поранят, а здесь вот случилось... Разрешите, я осмотрю его?»

Я только рукой махнул. Нехорошо получилось, нескладно. Но я не успел раскинуть мыслями, как Тоня опять зовет: — «Товарищ сержант... Вы слышите?» — и всхлипывает.

Кольнуло сердце: Антон Федорович! Припал ухом к его груди. Слышу, что бьется солдатское сердце, слабо, но бьется. Значит, спасать надо. А санинструктор шопотом вскрикивает: «Ой, немец!»

Оглядываюсь. На самом деле: живой немец, и совсем близко. Выполз из-за кусточка и вытягивает по-гусиному шею, высматривает, а самое главное, появился он с на-

шей стороны — значит, путь отрезан. Мой одиночный автоматный выстрел почти и не слышен в общем гуле. Гитлеровец сунулся в кочку, а девушка шепчет: «Ужас, что делается».

Я хотел ответить, что это еще не ужас, но тут Антон Федорович вдруг вскинулся, застонал тоненько, землю стал шупать вокруг.

«Что ты? — спрашиваю. — Успокойся, ложись...» И он как будто услышал. Лег, бросил руки вдоль тела и больше не шелохнулся. Не стало на земле еще одного нашего человека.

«Опять! — подала голос Тоня. — Сержант, опять идут!..»

Но я уже и сам видел, что опять идут. Не идут, конечно, а ползут, и много. Теперь приходилось круто поворачиваться. Танк, под который нас случай забросил, стоял передом на запад, а враг надвигался с юго-востока. Наскоро осмотрел машину. Передний люк открыт. Я щучкой нырнул в него. Шупаю. Рычаги, сидения, еще что-то такое, но помещение — лучше не надо. Да и выбирать-то не из чего. Зову девушку. «Устраивайся, шепчу, да ни-ни, и духу чтоб не слышно».

Прикрыл люк, заложился. Осторожно, в тьме крошечной переполз в боевое отделение танка. Там и расстояние-то метр какой, а сколько понакручено, того и гляди, шею свернешь. Умогнулся к орудиному казеннику. Нащупал задвижки верхнего люка и тоже завернул. Потом курить захотелось, но об этом приходилось только мечтать, — какой уж тут перекур, когда все так обернулось! Слушаю. Где-то вдалеке ударила пушка, застонал и охнул снаряд. Это наши тяжелые бьют... Стреляйте, думаю, только в своих не жахните. А вот немцы снова ракету бросили — в смотровой щелке свет закачался. Слушаю. Ага, шорох где-то за железной стенкой. И сейчас же говор послышался. Значит, немцы осмотрелись и теперь совещаются. Через минуту покарабкалась какая-то язва на броню. На сердце у меня теснота, но я пробую для собственного успокоения так с собой рассуждать: что ж вы, думаю, будете делать — постучитесь ко мне вежливо или косяки постараетесь вышибить? Или, может, подумаете, что этот дом совсем пустой? Однако все пока обошлось благополучно. Пошебаршил немец еще немного и скатился

с брони. Тихо стало у танка. Сижу. Руки раскинул и как-то ослаб весь. Сижу и слушаю частый стук в груди. Мысли какие-то хозяйственные. Вспомнилась землянка, где отдыхал, плащ-накидка на входной щелке, узенькая полочка под самым накатом и на ней котелок. А котелок прогорел, прохудился, заменить же как-то руки не доходят. Обязательно надо заменить...

И вдруг я спохватился: делать же что-то нужно, не погибать же? Ведь кругом немцы, если не сейчас, то утром обязательно стукнут. Прикидываю: а может быть, есть еще выход? Постепенно злость во мне поднимается, а уже через какую-нибудь минуту чуть не кричу: да ну ее к чорту — смерть-то! Не буду я умирать и девчонке этого не позволю. Пока гитлеровцы соображают против меня какой-нибудь блицкриг, время идет, и не может быть, чтобы я не извернулся. На том и решил. Припал к смотровой щелке. Но сколько ни смотрел, ничего разобрать не мог — темень и мелькание какое-то. Чувствую, грогают меня за ногу. Шепчу строго: «Что случилось?» — «Я думала, вам нехорошо, — отвечает девушка. — Может, вас зашибло?» — «Спасибо, говорю, мне очень хорошо».

Замолчали. И уже, наверное, на самом свету скрутила меня дремота. Я себя и так и этак уговаривал, даже пугал всякими разностями — нет, крутит, ломает сон да и только, и уломал. Вздрогнул, как от толчка, и вижу: свет пробился в щелки да ясный-ясный. Пора, думаю, что-то делать. Спускаюсь я в отделение механика, вижу: сидит моя незнакомая Тоня справа, в уголочке, и не шелохнется. Спрашиваю: «Как чувствуете себя?» — «Ничего... — она пересела удобнее. — Пить очень хочется...»

Тут я нехорошо пошутил, чего никогда себе не прошу: «Придется, говорю, потерпеть, не имеется в помещении водопровода». — «Да нет, — отвечает, — это я так... Я потерплю».

Отодвигаю стальной щиток с триплекса. Он только наполовину отошел и дальше ни в какую. «Если можете, помогите мне», — попросил я.

Она выдвинулась из своего уголочка, толкнула одной рукой рычаг, но толку чуть.

«А вы и второй ручкой», — «Не могу, — говорит, — я однорукая...» — «Однорукая?» — у меня даже сердце похолодело. — «То есть не однорукая... левую чем-то за-

шибло». — «Чем зашибло?» Она вздохнула: «Пулей, наверное... я не видела».

От этой неожиданности, что ли, силы у меня вдруг окрепли, и щиток отошел. Яркий свет брызнул в нашу железную клетку. Глянул я впервые на девушку и даже зажмурился. Лицо у нее, как из камня из белого выточено, и на нем большущие темные глаза. Пододвинулся к ней, тронул забинтованную руку. Тоня сморщилась и шепчет: «Ужас как больно. И... пить хочется».

«Пить! — я схватился за свою фляжку, в которой приберег для нее же немного воды на обратный путь. — Пейте, говорю, все, нужно будет, еще достану».

Напилась она, передает мне посуду и головой качает: «Так вкусно, что и не придумаешь».

Посмотрел я на нее еще раз, и меня вдруг догадка осенила: «Постойте-ка, говорю, так вы остались после того, как вас пуля ударила?» — «После...» — Она попыталась улыбнуться. «Так что же вы молчали?» — «Я боялась помешать... вам». — «Ох, говорю, как у нас вежливо все получается! Ну, ничего, потерпи, девушка, может, недолго».

Уже несколько дней назад наши подтянули на плацдарм артиллерию разных калибров. С утра начиналась методическая гвоздежка по глубине противника, а часов так в десять пушкари наваливались таким огнем на вражеский передний край — все прахом летело. Что, если воспользоваться этой передрягой? Сквозь триплекс видно всякую мелочь. И так мне все запоминается, словно впервые смотрю на военную землю. Серой щербатой глыбой поднимается немецкий увал, и по нему пятнами разбрызганы копанины и черепахи спины блиндажей. До сада меня разбирает: впереди всякие пейзажи наблюдаю, а то, что делается рядом, даже за танком — не вижу. А ведь для нас сейчас в этом была вся суть. Я же понимал: немцы не могли уйти, они ждут, на всякий случай. Я тоже ждал. И вот пошел первый снаряд, за ним второй взял высокую ноту...

Глянул на девушку, а она все по моему лицу угадала, вытягивает из кобуры маленький пистолет. Смешно с таким оружием воевать. «Подожди, товарищ, тут, я сигнал дам, тогда вылезешь». Падаю из люка и сразу же рядом: тюк, тюк! И снова: тюк, тюк! А еще одна — вжик! —

шимелем ушла в сторону. Значит, правильно я думал, что караулят. Но сколько же их? Успею ли увидеть, прежде чем зашибут? Ощупываю взглядом каждую былинку, каждую кочку вокруг. Ага, один есть! Не иначе какой-нибудь лавочник. Голову спрятал за кустик, а зад, как на ладони, — я его и задел по этому заду. Ох, как он взвился да заорал, и тогда я его совсем успокоил. Но сейчас же около меня еще два раза тюкнуло, а от третьей я головой мотнул — висок обожгло.

Меняю позицию, но разглядеть ничего не могу. Второй, видать, хитрее попался. Но я уже вошел в азарт: все вижу, все слышу, о многом догадываюсь. Нельзя было медлить, потому что бог советской войны завопил в это время таким голосом — земля вздыбилась, и самая была бы пора уходить. Решил просто прорваться, но только приподнялся на локте, слышу — шуршат снаряды и прямо ко мне. Ошиблись ли наши пушкари, или еще что, но два стальных чувала ахнули метрах в пятидесяти. Скребинули осколки по танку, в голове у меня завихрение и колокольный звон. Еле очухался. Дал девушке сигнал. Стукнул в днище машины. Тоня в момент рядом со мной очутилась. Поползли мимо двух свежих воронок, и когда я увидел торчащие из черной земли ноги в коротких брезентовых гетрах, понял, что путь на самом деле свободен. Нужно было спешить, но я не торопил девушку. Ей было очень неловко с одной рукой. Она все медленнее и труднее ползла. В сырой ложбинке отдыхать стали. Тоня легла на правый бок и, покусывая былинку, как-то нехорошо смотрела перед собой. Я набрал между кочками коричневой водицы во фляжку, дал ей напиться, она глотнула разочек и головой покачала: «Не хочу».

Я считал, что мы уже дома, так как были почти у самого минного поля. Стали выползать в побитый кустарник. И тут Тоня прижалась щекой к жесткой травке и спикла. Я ее и спрашивать ни о чем не стал. Легкую, слабую, вынес на позицию третьей роты. Тут ребята наши почти поссорились: каждый тянулся со своей фляжкой, со своей плащ-накидкой. Советов надавали целую кучу...

Вот и все... — Степан сжал в ладонях остывший стакан. — А потом мы еще несколько раз встречались... когда я снайпером был... Теперь Тоня на руднике. Плохо с ней...

Он оглядел комсомольцев, выпил залпом холодный чай и вдруг поведал о последних встречах с девушкой. Едва сказал, что Бондарчук советовал вырвать Тонию в большую жизнь, как Лукин перебил:

— Знаю! Разрешите... — он отмахнулся от Митеньки, который предостерегающе поднял свой председательский карандаш. — Не мешай! Давайте напишем Тоне, как мы живем. Можно через газету, а может, кто-нибудь из нас передаст, вроде как делегация...

Митенька даже подскочил.

— Я, конечно, могу сходить, что тут особенного... массовая работа.

Черепанов рассердился.

— Сиди! Массовая работа!.. — повернулся к Степану: — Лукин правильно говорит. Так и сделаем. А ты что думаешь?

— Я? — Степан глубоко передохнул и сказал просто, как о давно решенном: — Я женюсь на ней. Лечить буду.

ГЛАВА XXVII

Вошницы ждали гостей. Екатерина Тихоновна захотела отпраздновать возвращение детей. Она хлопотала с Галей в столовой, откуда поминутно слышалось позванивание посуды и тихий говор. Девятилетнему Павлушке, уличенному в похищении некоторой части лакомств, категорически запретили являться к столу. Подогнув ноги калачиком и надувая пузырем щеки, он сидел на сундучке между шкафом и печкой, изредка восклицая:

— Вот это мысль!

Афанасий Петрович, украдкой поглядывая на сына, усмехался. Сам он и сегодня не нарушил давно установившегося порядка, который неукоснительно соблюдал, если вечерами удавалось быть дома. обстоятельно поужинав, около часа читал газету от передовицы до объявлений, и в это время шуметь в квартире не полагалось. Отложив газету, раскрыл свою долголетнюю памятную книжку и что-то медленно, с нажимом записал.

Григория все не было. Павлушка опять воскликнул:

— Вот это мысль!

— Иди-ка включи аппарат, мыслитель... — предложил

Афанасий Петрович, из глубокого почтения к технике вообще называвший аппаратом все — от паровоза до электрического утюга.

Павлушка просиял, быстро перебежал кухню, бесшумно приоткрыл дверь в столовую и, хотя мать и сестра даже не заметили его, сказал обиженно:

— Я же только приемник включу!

Послышались электрические хрипы, коротко свистнуло, и Гремни запел: «И жизнь, и молодость, да молодость, и сча-а-а-астье!»

— И сча-а-астье! — протянул «басом» Павлушка, выходя снова в кухню с чернильницей и школьным дневником. Для него наступил час «отпущения дневных грехов».

— Ну, садись, — пригласил отец, упираясь широкой грудью в стол.

— Я уже сажусь, папа.

— Что же это у тебя за мысль?

— А, ерунда, — отмахнулся Павлушка. — У меня теперь уже другая.

— Это интересно! — Афанасий Петрович приподнял кончики усов согнутым указательным пальцем. — В один вечер столько мыслей.

— А что?

— Неплохо. Расскажи толком.

— На заслуженного артиста решил выучиться!

— На кого? — удивился отец.

— На артиста, на заслуженного, чтобы петь по радио, — повторил мальчуган и, подумав, задорно шмыгнул носом. — Наверняка выучусь.

— Смотри-ка... придется подумать, — согласился Афанасий Петрович и, не сдержав озорного блеска в глазах, крикнул в столовую: — Катерина, ты слышишь, что товарищ Вошин надумал?

Не будь Павлушки, в 1941 году Екатерина Тихоновна и Афанасий Петрович остались бы совсем одни. Еще осенью, накануне войны, в институт уехала Галя. В июне ушел на фронт Григорий — надежда и гордость отца. Тихо стало в просторном домике Вошинных, тревожно. Вести с фронта «царапали сердце», как говорил Афанасий Петрович; он по две-три смены не уходил из шахты. В ту грозную пору и прогремела по всему Кузбассу слава о проходчике Вошине. В газетах, в приветственных теле-

граммах его называли «гвардейцем тыла». Афанасий Петрович тогда уже тридцатый год работал в шахте, начав этот трудный путь еще на штольнях-закопушках Михельсона. Когда доводилось быть дома, брал на руки трехлетнего Павлушку и подолгу ходил с ним у оградки, не чувствуя тяжести ребячьего тела. Особенно глухо было ночами. Баюкая сына, Екатерина Тихоновна ложилась обыкновенно рано, Афанасий Петрович, захватив голову большими жесткими ладонями, часами просиживал у репродуктора и, казалось, дремал, но сразу же распрямлялся, как только слышал позывные Москвы. А потом на носках шел к кровати и, осторожно трогая жену за руку, шептал:

— Слышь, Катерина? Опять обломали фашиста.

Когда-то, еще в молодости, он любил говаривать:

— У человека должна быть на сердце радость. Без этого человек темнее ночи.

В первый год войны Афанасий Петрович сам был темнее ночи, собственное его сердце ожесточилось от ненависти к фашистским убийцам. Посадив себе на колени Павлушку, он часто рассказывал ему мрачную сказку-быль про душную, тесную шахту-нору, в каких ему довелось работать в давние-давние годы.

— Господи, и чего ты пугаешь мальчонку? — протестовала не раз Екатерина Тихоновна. — Сказал бы ласковое, приветное слово.

— Откуда же я возьму это слово? — хмурился Афанасий Петрович.

Немецко-фашистские войска рвались к Сталинграду. От Григория вестей не было. Галя писала редко.

Собираясь однажды на смену, Афанасий Петрович сказал решительно:

— Ну, мать, настало и твое время. Пошли в шахту!

С тех пор они почти три года ходили в один забой.

Ни разу Екатерина Тихоновна не жаловалась мужу на тяжкую боль в руках, как будто всю жизнь ходила в шахту, грузила уголь, толкала вагончики. И только уже после того, как от Григория пришло письмо из Берлина и было прочитано даже всеми соседями, Афанасий Петрович однажды одернул рубаху под узким вязанным пояском и сказал жене:

— Спасибо, мать, за все... Теперь я один справлюсь.

Екатерина Тихоновна промолчала, прикрыв кончиком платка дрогнувшие обветренные губы.

Привычная, размеренная жизнь вошла в просторный шахтерский дом Воциных. Разве что с Павлушкой пришлось повоевать на первых порах. Мальчонка как-то неожиданно вырос, вытянулся и, может быть, потому, что часто до этого оставался один, вел себя теперь очень независимо, озорно, чувствуя свою незаменимость в сердцах родителей. Он ходил в школу и каждый день делал какое-нибудь новое необычайное открытие; Екатерине Тихоновне очень трудно было с ним разговаривать. Всю жизнь она была заботливой, надежной подругой мужа-шахтера и всю жизнь, как помнит себя рядом с Афанасием Петровичем, неутомимо воевала с углем, выметая его из комнат, вытряхивая из карманов. Всю жизнь она ругала этот уголь, но стоило мужу прихворнуть, как сразу же бежала на шахту и возвращалась с самыми верными, самыми нужными новостями. Не замечала Екатерина Тихоновна, что для нее жизнь без шахты была бы пустой и скучной.

После войны больше года ждали детей домой. Григорий должен был демобилизоваться, а Галя заканчивала институт в Свердловске.

Покупая что-нибудь, Екатерина Тихоновна говорила: — Оставим Галочке, она любит это.

Или, прибирая днем в сундуках, сообщала мужу:

— Переглядила нынче сорочки Гришеньке...

Афанасий Петрович отмалчивался, но за последнее время как-то распрямился, голову понес выше, часто шутил с Павлушкой, неустанно возился по хозяйству, отремонтировал дом, подиравил крыльцо, покрасил кровать дочери и, любуясь делом рук своих, говорил вертевшемуся рядом сынишке:

— Смотри-ка ты, уже инженер!

Первой приехала Галя, а через два дня, в воскресенье — Григорий.

Когда встречали их, стояли рядышком, праздничные, со строгими, просветленными лицами.

Дети!

С Галиной было немного труднее, чем с сыном. Афанасий Петрович спросил ее в первый же день:

— Ну как, дочка, с жизнью будем?

На это она коротко объявила, что имеет направление в трест, но едва ли останется в самом управлении, вероятнее всего пойдет на шахту, поближе к делу. А вообще же будет работать и продолжать учиться.

Афанасий Петрович удивленно приподнял брови, но ничего не сказал. Глядя на эту красивую, немного бледную девушку, слушая ее спокойный, глубокий голос, он чувствовал, как теплеет у него на сердце, забывал о своей трудной молодости, ясно видел, что не плохую жизнь прожил, вырастив такую дочь. Хотелось прикоснуться ладонью к ее светлым пушистым волосам, заглянуть поближе в ее зеленоватые большие глаза и спросить: «О чем ты думаешь, доченька?..» Но Галя в это время сидела у окна, слегка наклонив голову, губы ее трогала легкая улыбка. Афанасий Петрович погасил в себе порывистую ласку, подумав с досадой: «Стареешь, шахтер».

С Григорием же вышло вначале по-другому и легче.

Характером, привычкой крепко стоять на обеих ногах сын был ярким повторением отца. Так же круто обрывал речь, такие же у него были густые, соломенного цвета брови, и если что-нибудь было ему не по душе, глаза у него так же, как у Афанасия Петровича, моментально темнели.

Но дышалось рядом с ним свободно. Он сноровисто брался за любое дело, несмотря на крупную ширококостную фигуру, был подвижен, до слез смешил Павлушку какими-то бесхитростными шутками, с отцом и матерью обходился подчеркнуто мягко, осторожно и в то же время, казалось, готов был заслонить их от любой невзгоды.

— Отдохнул бы месяц-два, — добродушно предложил Афанасий Петрович. — Чего торопиться?

Екатерина Тихоновна поминутно подходила к сыну, гладила его плечо, заглядывала в глаза, брала за руки, с боязливой жалостью прикасалась к свежему шраму на подбородке. Она тоже посоветовала:

— Отдохни, Гришенька, пусть отойдет сердце.

Григорий покачал головой.

— Сердце у меня не отойдет.

И хотя об отдыхе он ничего не сказал, отец с матерью поняли: отдыхать сын не будет.

По отношению к сестре Григорий был предупредителен, разглядывал ее как будто со стороны. Зашел к ней

в маленькую угловую комнатку, на расспросы о войне ответил коротко:

— Что ж, воевали... — и попросил что-нибудь почитать.

Галя предложила «Войну и мир». Он вопросительно поглядел на сестру, но книгу взял и, вернув через неделю, сказал неопределенно:

— Какая, оказывается, тогда война была... И люди тоже. — Тут же заинтересовался: — Ты не знаешь, почему этого Наполеона не повесили?

Галя стала объяснять, что победой после освободительной войны 1812 года, в тех исторических условиях, воспользовались только правящие классы, что русский император Александр не уничтожил бывшего императора Наполеона, так как опасался подать этим плохой пример для своего народа. Но все равно после разгрома в России Наполеон не мог больше подняться.

Григорий усмехнулся.

— Походы на нашу землю всегда заканчивались крахом для иноземцев.

Снимая цветной фартучек, из столовой выглянула Галя и укоризненно покачала головой.

— Папка, хватит тебе допрашивать Павла. Уже восемь, а ты еще не переоделся.

Нужно было, конечно, торопиться, а то неровен час нагрянет какой-нибудь из особо аккуратных гостей. Но только успели пошутить, как в сенях скрикнули половицы и Хмельченко закричал из-за дверей:

— Я не опоздал? Самое главное, чтобы водку не выпили да хозяйку первому облобызать!

— Милости просим, проходи! — пригласил хозяин. — А очередь я тебе все равно не уступлю.

Оттирая озябшее ухо, Хмельченко грузно прошел по кухне и кивнул Павлушке.

— Здорово, Воцин! Скоро, что ли, на шахту к нам? Жаждались!

— Была нужда! — ответил младший Воцин, пренебрежительно выпятив нижнюю губу.

— Ты что ж, сразу в министры? — изумился шахтер. Афанасий Петрович засмеялся.

— Хватай выше!

— Да выше-то, по-моему, и некуда?

— В артисты он наладился у меня...

— А, ерунда! — прервал Павлушка отца. — У меня уже другая мысль. Я лучше летчиком...

Вощин с Хмельченко переглянулись и громко захохотали. Потом гость спохватился:

— Да, хотел вам рассказать: видел сегодня Хомякова, только что приехал из санатория. Бежит навстречу, а глаза малохольные, в руках какое-то сооружение, бежит и, не здороваясь со мной, кричит: «Революция, товарищ Хмельченко!» Что бы такое со стариком?

Вощин подумал.

— Ушибла его эта недостача в штабелях. Я тоже замечал, — не в себе он.

Прошмыгнув незаметно в столовую, Павлушка включил приемник на полную мощность, и сейчас же, словно возвещая начало праздника, комнаты потряс мощный бас Шаляпина: «Эй, у-ухнем!»

Хмельченко взялся за голову, подмигнул Афанасию Петровичу и пошел здороваться с хозяйкой.

Вскоре явились муж и жена Мухомы — люди молодые, скромные, принесли какой-то подарок, завернутый в газету, и, стесняясь, сунули его за кадку с фикусом. Наконец Григорий почти за руки привел Николая с Аннушкой.

Дубинцевы долго прихорашивались у небольшого настенного зеркала. Аннушка поправляла мужу галстук, приказала причесаться, но тут же взялась за это сама, вздохнув с деланной скорбью.

— Вечно за тобой смотреть нужно, как за маленьким.

Николай молчал, умоляюще гримасничал, потел от смущения, показывая глазами на Павлушку, который определенно осуждающе смотрел на них из-за кухонного стола.

— Скоро вы? — полюбопытствовал Григорий.

Счастливо улынувшись, Дубинцев пожаловался:

— Выручай, милый, замучила!

Аннушка легко впорхнула в столовую на своих высоких каблучках, но, увидев впервые Галю, почему-то построжела и чинно поздоровалась со всеми за руку: Впрочем, это не помешало ей через пять минут рассказывать доверительно, с многочисленными подробностями той же

Гале, как она сегодня измоталась, устанавливая в двух забоях спаренные колонковые сверла, а потом собирая на вечер мужа: такой он у нее невозможный и...

— Очень хороший! — неожиданно закончила Аннушка.

Пришел баянист, приглашенный самой Екатериной Тихоновной, которая сказала: «Какой же это праздник, если без гармошки?» Очень причесанный и очень выглаженный, словно только что с парикмахерской витрины, этот парень по-хозяйски расположился в переднем углу, критически оглядел закуски на столе, бутылки на подоконнике, пренебрежительно кивнул на радиоприемник: «Прекратите чепуху» — и развернул засиявший перламутром инструмент.

Гости зашевелились, заговорили бойчее. Афанасий Петрович обеспокоенно поглядел на часы и, перехватив вопросительный взгляд Григория, неприметно двинул плечом: «Не понимаю, где они?»

На вечер ждали Рогова и Бондарчука.

Сыграв «В лесу прифронтовом», баянист еще раз глянул на подоконник и мечтательно облизнулся. В это время из спальни вышла смущенно улыбающаяся Екатерина Тихоновна. Ее встретили приветственными возгласами и по дирижерскому мановению хозяина двинулись к столу.

ГЛАВА XXVIII

— Ночью на шахте достаточно и одного старшего командира, — наказывал постоянно Рогов своим помощникам. — Зачем всем сразу изматывать силы в неурочное время, если завтра эти силы можно израсходовать с большей пользой?

А сегодня он сам задержался. Проект, с которым Хомяков свалился к нему на голову, представился настолько ошеломляюще простым, настолько принципиально новым в горной технике, что хотелось немедленно же отодвинуть все дела и сесть за чертежи, выкладки, расчеты основных узлов механизма.

Уже и Хомяков давно ушел, сам словно пьяный, с побелевшими от счастья, по-детски растерянными глазами, давно тишина воцарилась за стенами кабинета и зимняя

декабрьская ночь прильнула к окнам, а Рогов все еще то сидел, то ходил, расталкивая плечами сизые космы табачного дыма. «Ах, старик, старик! Умница старик!»

Рогов садится, разглядывает чертежи и вдруг ясно представляет себе первую лаву, оснащенную новым комбайном. Во всю пятидесятиметровую длину забоя тянется приземистая станина с узкой транспортерной лентой. Челнок — полутораметровый бар необычайной конструкции, похожий на вертикально поставленную пилу, — плотно прижат пневматиками к груди забоя, пирамидальные зубья из победита вонзились в пласт. Возле комбайна всего три-четыре человека — забойщики и они же механики. Кто-то из них поворачивает рукоятку пускателя. Басисто охают и сейчас же переходят на тонкий свист моторы, раздается скрежет, огромная зубастая челюсть бара ползет вдоль лавы, распиливая, сокрушая пласт на всю длину. Уголь падает на транспортерную ленту и нескончаемым черным ручьем течет в штрек, к вагончикам. А челнок ползет уже обратно, не убыстряя и не замедляя своего сокрушительного движения.

В сутки с шахты уходит не четыре, а семь, восемь вагонов угля! А сколько со всех шахт, со всего Кузбасса! Через два-три года сама земля родины потемнеет, люди станут красивее, добрее, неизмеримо сильнее!

Рогов нетерпеливо хватается телефонную трубку, но девушка на коммутаторе отвечает, что Бондарчука в кабинете нет.

— Филенкова!

Филенкова тоже нет. «Вот бы кого расшевелить на этом деле! Бывает теперь минутами, когда прорывается в нем что-то живое, глаза загораются, когда он начинает бегать, тормошить людей. Надо обязательно поговорить с ним о новой машине. Но где же он?»

Позвонил дежурному по шахте Севастьянову.

— А, Павел Гордеевич! — обрадовался тот. — Только что обзвонил участки. Смена на полном ходу — душа радуется. Если так дело пойдет — с планом выскочим дней на пять раньше. — Он спохватился: — Да, а вы что ж не пошли к Вошину? Я уже думал...

«Вошин! — Рогов бросил трубку не дослушав. — Вот досада какая! Неудобно. И как я забыл? Обидится ста-

рик — раза три заходил, звал. Сколько сейчас? Десять. На два часа опоздал».

Уже у самого дома Воиных он внезапно замедлил шаг. «Почему собственно такая спешка? — Потом усмехнулся: — Ладно. Просто передохнуть нужно. И... люди хорошие. Понятно?»

Его заметили, когда он уже разделся в кухне. Кто-то выглянул из столовой, раздалось удивленное восклицание, потом голоса и баян смолкли, стулья задвигались. Навстречу вышел сам Афанасий Петрович.

— Ну, спасибо, сынок, думал, забудешь, — растроганно пожимая руку, радостно приветствовал хозяин.

Выскочил Хмельченко.

— А, начальник! К массам поближе!

Григорий поздоровался сдержанно, негромко сообщив, что Виктор Петрович уже здесь.

Рогов и сам заметил, что на диванчике, в тени от фикуса, сидит Бондарчук и что-то возбужденно рассказывает девушке со светлой пепельной прической. Девушка тихо смеется, кивает Рогову и, подавая ему руку, говорит:

— Садитесь, Павел Гордеевич. Дайте возможность рассмотреть вас как следует.

— Это неинтересно, — ответил Рогов. — Человек я немного черствый.

Бондарчук засмеялся.

— Не верьте, Галя, заводится инженер. У него нежное сердце. Садись, Павел Гордеевич.

Всего на мгновение Рогов встретился взглядом с девушкой и удивился про себя — так хорошо было смотреть на ее лицо.

Парторг деловито осведомился:

— С шахты? Ну, что там?

Рогов вспомнил Хомякова и, не замечая, как притихшая компания за столом слушает его, как баянист, выпятив нижнюю губу, нетерпеливо пощелкивает клавишами, стал отрывисто рассказывать об изобретении маркшейдера.

— Да что ты говоришь? — Щеки у Бондарчука зарозовели. — Но это же и есть недостающее звено для механизированного цикла!

Начальник шахты разгорячился.

— Оказывается, старик уже год работает над этим. —

Выхватив блокнот, он стал что-то вычерчивать. — Слушай, единственный недостаток в его блестящем проекте — это крепление. Я сегодня уж не говорил Герасиму Петровичу, — сразу-то неудобно. Но если ко всему еще передвижное крепление, знаешь, какой комплекс получится? И ведь это уже не фантазия, даже не мечта, а инженерное, практическое дело.

— Да, да! — Бондарчук быстро поднялся, хотел еще что-то сказать.

Но в этот момент Григорий мигнул отцу, и тот немедленно же разлучил собеседников, встав между ними.

— Хватит, хватит! — поднял он руки. — Столько новостей, что можно подумать — вы целый месяц не виделись. Давайте, товарищи с «Капитальной», начнем капитально. Праздник так праздник! Просим!

Шумно усаживались под замысловатые переборы баяниста. Галя против Рогова, смотрит то на него, то на Бондарчука, лицо ее светится ласково. И Аннушка, прижавшись плечом к Николаю, смотрит на Рогова. Заметив, что ее губы смешливо подрагивают, он погрозил пальцем.

— Аня, не смотрите так, ухаживать буду.

Николай сейчас же выпятил грудь и воинственно покрутил воображаемый ус. Все засмеялись и подняли рюмки. Хмельченко встал и, оглядевшись, провозгласил:

— За мать, вырастившую таких хороших коммунистов! Жить тебе, Екатерина Тихоновна, счастливо и долго! Жить тебе, дорогой ты наш человек, да еще внучат и правнуков нянчить.

— Ну, уж и правнуков! — Екатерина Тихоновна прикрыла концом платка счастливую улыбку.

— Минуточку! — поднялся Григорий. — Одну минуточку.

— Гриша! — Афанасий Петрович постучал вилкой о край тарелки.

— Нет, нет! — Григорий упрямо наклонил голову. — Мы с Галинкой не согласны на такой секрет. Товарищи... — Он оглядел гостей. — Товарищи, сегодня еще одна хорошая дата. Исполнилось двадцать пять лет, как мама и отец поженились. Я горд... — Григорий запнулся, потом закончил под аплодисменты: — Я горд, что довожусь им сыном!

Сидят в красном углу Афанасий Петрович и Екатерина Тихоновна, потупились; видно, вспоминают жизнь свою. Счастливы ли прожили, трудно ли было?.. Детей подняли на ноги и всякое видели.

Рассказал бы сейчас Афанасий Петрович этим сердечным людям про жизнь свою, и дети вот что бы послушали... Нет, не про всю жизнь рассказать хочется, а вот про то, что сейчас вспомнилось, только про одну смену.

...Лес тогда задержали где-то, а забой крепить нужно, и срочно. Подосадовал, покряхтел и, наказав жене посматривать, не уходить никуда, тронулся сам разыскивать лесогонов. Возвращаясь через полчаса, издалека услышал, что в забое неладно. Ноги подсеклись, ударило нехорошее в голову. Закричал:

— Катерина! Катерина!

А в ответ только шум.

Подбежал и видит: кровля тронулась, пудовые камни падают, а жена в самом забое, трехметровую стойку пытается упереть в «огниво». Еле выдернул ее за руку и вгорячах заругался:

— Что ж ты думаешь, бедовая?

— Бог с тобой, — вздохнула жена, — сам же наказывал не уходить. Хотела остановить беду, да стара, моченьки нет... — Екатерина Тихоновна утерла потное испуганное лицо и вдруг всхлинула.

Ничего этого не рассказал сейчас Афанасий Петрович. Прикоснулся к натруженной руке жены и пошутил:

— Одна она у меня в семье беспартийная... Давайте за блок коммунистов и беспартийных!

— И за пионеров! — крикнул из кухни Павлушка.

Предложение это встретили хохотом. Рогов чокнулся с Галей.

— За пионеров!

Очень хорошо чувствовал себя в этот вечер Павел Гордеевич. Дышалось легко. Часто поглядывая на Бондарчука, с удовольствием видел и у того в глазах влажный праздничный блеск. Предложил тост за шахтеров, которые в этот час штурмуют забой, и, одновременно заметив, как парторг кивнул в ответ на молчаливый вопрос Гали, мельком подумал: «Может, они давно знают друг друга?»

Дубинцев заговорил что-то о Филенкове. Григорий отмахнулся.

— Он добрый, но сыроватый какой-то!

— Не сплетничать о начальстве! — шутливо прикрикнула Галя и, немного прикрыв глаза, тихо запела.

Все притихли. Пела Галина знакомую всем песню, а за песней вставали суровые скалы, шумела тайга, раскрывал свои просторы древний Байкал, и в синеватой тени утеса торопливо скользила утлая рыбацья лодчонка.

Бондарчук толкнул Рогова локтем.

— Как поет! Поможем?

Пропели много песен, а все не уставалось. Потом Афанасий Петрович «произносил речь» — немного нескладную, немного пьяную, смысл которой заключался в том, что хорошо жить на родной земле, если дело твое согревает людей, если вместе с тобой идут взрослые дети.

— Если вместе! — подчеркнул Афанасий Петрович, строго посмотрев на Григория.

Но тот сделал вид, что это его не касается.

Екатерина Тихоновна счастливо вздыхала и даже несколько раз тайком прослезилась.

Хорошо жить, если недаром живешь!

Благодарили хозяев поздно. Рогов сошел с крыльца на белую тротинку и, ожидая Бондарчука, подставил разгоряченное лицо медленным снежным хлопьям. Постоял и почему-то решил немедленно послать телеграмму Вале. Терпение у нее удивительное — молчит и молчит.

Вместе с Бондарчуком вышел Григорий. Пожимая Рогову руку, спросил:

— Значит, будем начинать?

— Да, непременно! — подтвердил инженер. — С отцом говорил?

— Говорил... — Григорий смущенно кашлянул. — Он же, знаете, какой... Но, я думаю, все утрясется.

Когда шли по улице и совсем недалеко засияли огни «Капитальной», Рогов развел руками.

— Что же делать?.. Может, на шахту зайдём? Модельку, чертежи хомяковские помотришь?

— Это ты оставь! — засмеялся Бондарчук. — Начальник шахты, знаешь, как не любит ночных сидений... Давай, брат, с утра.

Начальник шахты вздохнул.

— Ну что ж сделаешь... придется с утра.

ГЛАВА XXIX

Начав работать после своего приезда с отцом, Григорий первые смены держался в забое неуверенно и, словно новичок, даже голову пригибал там, где можно ходить в полный рост. Стараясь, очевидно, скрыть собственную неловкость, все порывался вперед. Замечая это, Афанасий Петрович только покашливал.

Но о людях шахты Григорий сразу же высказывался по-хозяйски, метко сортируя их. Как-то выслушав на собрании Очередыко, он пренебрежительно заметил:

— Обозник.

После речи Рогова отец показал на инженера:

— А этот?

— Заходил я к нему с одним разговором... — подумав, ответил Григорий. — С Роговым, наверное, воевалось надежно.

— Что за разговор? — удивился отец.

Но тут как раз собрание закончилось. Уже на пути домой Григорий сообщил:

— Попросился я у него на участок капитальных работ.

— Это зачем?

— Мысль у меня... Хочу попытать проходку сразу в нескольких забоях. Понимаешь — многозабойный метод. Ты же сам часто жалуешься на задержки из-за проветривания, переброски вагончиков, леса. Нужно же как-то использовать это пустое время.

— Значит, так себе, за здорово живешь, встал и пошел, даже со мной не посоветовался?

— Чему же ты меня учил несколько лет? — удивился сын.

Но Афанасий Петрович и на этот раз не сдался, съязвил:

— Тебе, конечно, виднее, в европах побывал.

Глаза у Григория мгновенно потемнели, и от этого он еще больше стал похож на отца.

— Зря говоришь... — выдавил он сквозь зубы. — Ни к чему. Из Европы грязь приходилось вышибать. Сама Европа теперь к нам идет учиться.

Но Афанасий Петрович не дослушал, обошел сына и, не оглядываясь, быстро зашагал вперед, в горку, по-стариковски ступая на пятки.

Несколько дней Григорий не упоминал о своем плане, но отец чувствовал, что он упорно вынашивает проект и выжидает, пока все само собой утрясется. Здравый смысл сразу же подсказал Афанасию Петровичу, что сын прав, что он сам на его месте поступил бы так же, но сердцем он никак не мог принять его самостоятельности. Очень уж долго он ждал Григория и лелеял мечту, как они еще много лет поработают в одном забое, так что и заметно даже не будет, что силы Афанасия Вощина убывают, словно переливаясь в крепнущую статью и сноровку Григория. А вот жизнь повернула иначе. И нельзя препятствовать. Знает об этом Афанасий Петрович и все же ворчит, может быть от глухого беспокойства за успех дела, и часто повторяет про себя: «Ну, ворчи, ворчи, такое твое стариковское дело...»

Полдень. Снежный розоватый свет рвется в двойные рамы. На стуле пестрый котенок пригрелся, умывается. Павлушка сидит на полу в солнечном квадрате, раскладывает в двух пеналах всякие школьные принадлежности — перья, карандаши, циркуль, всего набралось столько, что впору еще два пенала заводить. Пожал плечами и высыпал все снова в сумку.

— Чего ты там шебаршишь? — строго спрашивает Афанасий Петрович.

— Шебаршишь... — Павлушка иронически усмехается. — Слово выдумали! Неизвестно, по-каковски.

Афанасий Петрович почесал мизинцем рыжеватый выцветший ус, ничего не сказал, только мельком поглядел на Григория.

Скоро на смену, а пока вот каждый занят своим делом. Григорий чертит что-то в ученическом альбоме для рисования. Пальцы плохо слушаются. Он кусает кончик карандаша и плотно сжимает губы. Через минуту говорит:

— Соврал этот инженер из треста. Как я буду такие расчеты показывать Павлу Гордеевичу? Скажет: «А куда ты целых сорок минут дел в третьем забое?»

Афанасий Петрович откладывает газету и, сбоку рассматривая сына, спрашивает:

— Ты твердо решил с этим... многозабойным?

Григорий ответил вопросом:

— А ты меня учил как решать? Не твердо?

Афанасий Петрович мнет пальцами подбородок, сутулится.

— Значит, я снова один? — что-то стариковское, усталое мелькает в его глазах.

Сын тянется к нему через стол.

— Слушай меня, отец! Я знаю, что ты сам не простишь мне, если я не испробую на деле своей мысли. И как это ты говоришь, что один? А ты где? Без твоего скоростного графика у меня ничего не получится. Вот письмо пишем... А что, если еще и об этом придется рассказать?

— В письмо с этим рано соваться! — Афанасий Петрович крупно шагает по комнате. — Видишь, что выдумал... Я, например, вписываю свою строчку, так я же ее сколько месяцев перед этим обтачивал! Думаешь, как Иосиф Виссарионович сделает? Он прочтет письмо, потом вызовет инженеров и скажет: «Давайте подумаем, что такое мне из Кузбасса пишут, и особо с «Капитальной». О проходке. Не перехватили, случаем: триста метров в месяц?» Он, конечно, спросит, а сам-то уже давно прикинул, где и что в планах изменить, на кого нажать, потому что верное это дело! — Афанасий Петрович вытянул перед собой руки. — Вот этими испробовано! А у тебя что, одни проекты!

Григорий насупился.

— Вот я и не хочу, чтобы одни проекты. Сегодня... иду.

— Сегодня? В эту смену? — Афанасий Петрович тряхнул кудлатой головой и, наступив на павлушкин карандаш, вышел из горницы.

Через час сели обедать. Галя запаздывала. Екатерина Тихоновна с беспокойством поглядывала в окно. Наклонив голову к самой тарелке, Павлушка тихонько смеялся: котенок под столом терся о его босые ступни. Пододвинув пирог Григорию, Афанасий Петрович спросил:

— Ты все приготовил? Или думаешь: трах-бах — и проценты сами посыплются?

— Трах-бах... — Григорий обиженно покривился. — Ты же сам не веришь в то, что говоришь. Или не видел, сколько я мотался по забоям с Павлом Гордеевичем, сколько пересчитали, перекроили? Да я, может, и отрекся

бы, так ведь Рогов-то, знаешь, какой? Ухватился за это зубами.

Теперь обиделся отец.

— Как это отрезка бы? Ты что?.. — Он торопливо вытер усы и, поманив за собой Григория, вышел в кухню. Вытащил из кармана пальто небольшой сверток и долго, с загадочным лицом, раскручивал его, откладывая в стопону обрывки газет.

И вот у него на ладони оказалось что-то похожее на полураскрывшуюся коробочку водяной лилии, со спокойным синеватым закалом.

— Коронка? — удивился Григорий. — Покажи-ка!

Да, это была буровая коронка с победитовым наваром, но совершенно необычайной, овальной формы. Таких Григорий еще не видел. Те, которыми он привык пользоваться, были с ровным круглым срезом, а эта действительно напоминала раскрывающийся цветок. Но дело не в красоте, а в обтекаемости — это прежде всего Григорий понял. Зажав коронку в кулак, он поднял благодарный взгляд на отца.

— Ты придумал?

Афанасий Петрович покрутил головой.

— Стар я на такое... Мишуха Черепанов придумал, его должны благодарить шахтеры. А ты испробуй, раз в руки дается.

Григорий подумал, подумал и с явным сожалением разжал кулак.

— Сомневаешься? — изумился старый проходчик.

— Нет, не сомневаюсь. — Григорий, не торопясь, закурил и, щурясь сквозь дымок, твердо закончил: — В такой штуке нельзя сомневаться. Но испытывать будешь ты, — тебе доверил парень, у тебя сноровки больше. А я еще... запороть могу.

— Я тебе запорю! — закричал вдруг Афанасий Петрович. — Я тебе запорю! Видишь ты, нашел отговорку. Бери, тебе говорят, и делай, а то скажу Рогову про эти... деликатности.

Екатерина Тихоновна слышала, как, спускаясь с крыльца, он все еще сердито выкрикивал:

— Деликатности! Видишь ты!

— Расходился старик, — заметил Павлушка и тотчас получил за это строгий выговор от матери.

С удивлением, даже тревогой Григорий услышал от Полины Ивановны, что Рогов с утра где-то в рабочих общежитиях. Ушел вместе с Бондарчуком.

Значит, нет Рогова. Но чего собственно хочет Григорий? Чтобы начальник взял и повел его за ручку к забоям? Нет, этого он не хочет. И все же как-то страшновато, что вдруг остался без такого советника. Еще вчера, после смены, они с Роговым добрых три часа ходили по забоям. Ходил-то, положим, сам Григорий, а Рогов только следовал по пятам и хотя ничего не записывал, но видно было, что фотографирует в памяти каждый расчет проходчика. Всего один раз заглянул через плечо Григория в исполнительный график и заметил:

— Почему это во втором забое ты куда-то дел тридцать минут? — А потом сказал: — Соображай сам, не маленький.

Как же это забыл инженер, что сегодня у Григория первое настоящее испытание сил? Так или иначе, а неприятный час пережил молодой проходчик до тех пор, пока его не опануло в забое ветерком из вентилятора. На минуту даже показалось, что он перепутал весь план, весь порядок, что все это только на бумаге гладко получалось; а теперь пойдешь реши-ка это на деле...

Но такое состояние продолжалось только до четырех часов. Не успела стрелка коснуться заветной черты, как Григорий Вошни насадил черепановскую коронку на штангу и включил мотор колонкового сверла. И, может быть, потому, что не все получалось гладко, по крайней мере немного не по графику, он собрал, скрутил всю свою волю в узел и пошел напролом.

Работал поочередно в двух основных штреках и в одном сбоечном. Основные пробивались наполовину через породу, сбоечный — по углу. В первых двух действовали механические перегружатели. Здесь силы и внимание были сосредоточены на правильной закладке скважин, на зачистке забоя и креплении, в третьем же приходилось и уголь грузить вручную.

В пятом, основном, где начал смену, все обошлось благополучно, но в соседнем, восьмом, горный мастер предупредил, что на дополнительный вытяжной вентилятор надежды мало, барахлит что-то. На это Григорий заметил мимоходом:

— Не вентилятор, а ты, дорогой товарищ, барахлишь. Заложив скважины в восьмом, а потом и в сбоечном, он вернулся через час снова в пятый. Запальщика уже не было. Но по всему видно, поработал он здесь удачно — лобовой крепежный круг даже не потревожен, зато гора взорванной породы легла точно в захваты механического перегружателя. Не видно только, как подорвана сама почва, особенно у бортов.

Григорий пустил машину. В это время прибежал районный инженер Нефедов. Посветил в лицо проходчику, ободряюще улыбнулся и, пересиливая шум, закричал:

— Тронулся? Молодец! Нажимай! Я тебе двух подсобных рабочих пришлю на всякий случай! Мало будет, скажешь.

Проходчик с досадой притормозил машину и повернулся к инженеру.

— Я не мешаю, давай-давай! — поторопил тот.

Григорий поморщился, отмахнулся.

— Нет, ты мне мешаешь! Какие еще рабочие? Я, может, сегодня на всю жизнь к этой работе принаравливаюсь, зачем же мне подпорки? Как хочешь, но здесь чтобы и духу лишнего не было.

Нефедов громко захохотал и, убегая, крикнул:

— Орел, орел!

— Орел... — вздохнул Григорий. По его мнению, орел этот совсем неважно управляется с машиной. Неизвестно почему, головной валик конвейера то и дело забивается породной крошкой. «Отец тоже на это жалуется. Надо будет как-нибудь выбрать время да заглянуть в самую душу машины».

Руки немного дрожали — не от усталости, от волнения, оттого, что дело идет, как было загадано, как рассчитано. Приступая ко второму циклу, Григорий вдруг позвал к себе горного мастера и, затаив в глазах летучий огонек, попросил вполголоса:

— Достань мне трехметровую штангу... Только быстро!

Мастер покачал головой с сомнением.

— Смотри, Григорий Афанасьевич, как бы греха не было. Кровля в таком забое не любит подвисать сверх положенного срока. Неровен час — накрыть может.

— Пусть попробует! — Григорий отмахнулся. —

Я считаю, я и пересчитывать буду. Раз пошел, значит, пошел напролом. Давай штангу!

Григорий не мог не понимать, что вся шахта интересуется сменой, пробой его метода, но он и не предполагал, до какой степени к вечеру возросло всеобщее нетерпение. В восемь часов, разговаривая по телефону с Емельяновым, Михаил Черепанов хвастался:

— У нас сегодня многозабойный... Вошни вышел! Да нет, не Афанасий Петрович, а Григорий. Что? Не получится? Вот чудной, как же не получится, если на «Капитальной»!

Звонили непрерывно телефоны у дежурного по шахте, у диспетчера, из треста спрашивали, как идет дело, из горкома партии; даже руководитель клубной художественной самодеятельности несколько раз дотошно выпытывал, нельзя ли сведения о работе Вошина включить в сегодняшнюю программу.

Начальник следил за работой издали, но внимательно. В три часа он справился у дежурного:

— Все готово? — А ровно в четыре: — Приступили? — Еще через час, у Нефедова: — Как идет у Григория?

Услышав, что Нефедов предложил проходчику двух подсобных рабочих, а тот отказался, не засмеялся, как ожидал районный инженер, а резко выговорил:

— Вот что я скажу: нянька из тебя все равно не получится, а в данном случае это еще и вредно. Ты думаешь, я случайно отсутствовал? Ну, вот. А тебе советую, не выключаясь, держаться точно в пределах необходимого. Особенно сегодня Григорий должен чувствовать себя полным хозяином. В этом настоящая цена опыта. Следи за графиком на порожняк, на лес, чтобы забой не подвигали ни одной лишней минуты.

К девяти часам стало известно, что проходчик дал уже две нормы в каждом штреке, то есть шесть полных производственных циклов. Распространению этих известий способствовал член партийного бюро Некрасов, дежуривший в шахте по поручению Бондарчука. Григория он ни о чем не расспрашивал. Стоит минут десять где-нибудь поблизости и, ни к чему не прикасаясь, ни слова не говоря, тронется прочь. Зайдет по пути к комсомольцам, где как раз работали Митенька с Лукиным, скажет, между прочим, что многозабойный, по его мнению, в гору пошел,

потом заглянет к Афанасию Петровичу. Старый проходчик уже два раза спрашивал:

— Что тебе не спится? С утра же на смену.

Некрасов присядет на запасный рельс, разведет руками.

— Ясно — на смену... Только какой же сон в наши с тобой годы? Хожу вот, смотрю, сердце тешу... Был сейчас у твоего Григория...

Афанасий Петрович с минуту сосредоточенно заколачивает стойку, но лицо у него напряженное, слушающее.

Видит все это Некрасов, усмехается про себя и заканчивает:

— Второй цикл распочал Григорий... Ничего, планово у него получается.

Афанасий Петрович крикает, прилаживая конец «огнива» в замок стойки. Бежать бы ему сейчас, старику, в забой к сыну, тронуть бы того за потное плечо, самому все прикинуть и посоветовать. Но нельзя этого сделать, у самого смена в разгаре, да и Григорий обидится, скажет: «Чего ты мне заглядываешь под руку?» Афанасий Петрович говорит:

— Он у меня сызмальства такой вдумчивый...

В десять или в половине одиннадцатого Некрасов снова заглянул и сказал, как в первый раз:

— Ничего, ничего...

Но старый проходчик насторожился: что за тон, как будто его успокаивают? Нельзя ли как-нибудь яснее?

Некрасов подумал, потом изложил свои соображения. Оказывается, на третьем кругу породные забои что-то закапризничали, кровля «бунит», пустотой отдает...

Больше Некрасов не заходил. Афанасий Петрович особенно аккуратно подчистил забой, нарастил одно рельсовое звено узкоколейки и уже у главного подъема, встретив горного мастера с участка Григория, спросил словно между прочим:

— Как работнули?

Горный мастер махнул рукой.

— А, грех один... Против естества поперли.

Зашел в раскомандировочный зал. У стены стояли четверо черепановцев, причем Митенька возмущенно размахивал руками, наблюдая, как дежурный табельщик

снимает большой транспарант: «Шахтерский привет Григорию Вошину — знатиному...»

Глаза у Афанасия Петровича потемнели, он круто повернулся, но опять сдержал себя. Тщательно вымылся в душевой, потом в конторе участка просмотрел сменный рапорт и, так как все было сделано, тронулся домой, хотя мыслями, сердцем давно там был.

На стук в сени вышла Екатерина Тихоновна, открыла и так же бесшумно, почти на носках, вернулась в кухню. Спросил у нее одним взглядом:

— Ну, что?

Она кивнула в сторону комнаты Григория.

— Спит?

— Какое там спит... за голову держится.

Афанасий Петрович сердито громыхнул, сбрасывая резиновые сапоги.

— За голову держится!.. За нее нечего держаться, головой думать надо!

ГЛАВА XXX

С утра они ходили по рабочим общежитиям, при этом Рогов час от часу мрачнел, а Бондарчук все беспокойнее покашливал, передвигая шапку с одного уха на другое. В общежитиях порядка не было. Особенно неважно жилось вновь прибывшим. По свидетельству председателя шахтного комитета, в жилищном отделе окопались любители тихой жизни и просто бездельники.

К одному из общежитий двое суток не подвозили угля, в комнатах было холодно. Десятник жилкомхоза пролетел что-то по поводу перерасходованных лимитов на топливо, но, встретившись с побелевшими от злости глазами Рогова, почти закричал:

— Затоплю, затоплю, товарищ начальник! Разве же я не понимаю!

— Затопите и шагайте в отдел кадров, — распорядился Рогов. — Под суд!

Уже на крыльце, по выходе из общежития, Бондарчук крикнул в великой досаде.

— Ну и житье!

— Шею намылить за такое житье! — отозвался Рогов.

— Это кому же?

— Я о себе говорю, но, очевидно, и тебя это касается...

— Забавно! — Парторг почесал широкую переносицу. — Унтер-офицерская вдова когда-то сама себя...

— Знаешь, что! — Рогов замедлил шаг. — Я попрошу тебя без исторических справок.

— Да, но в том, что угля в шахтерском общежитии нет, виноват в первую очередь ты! Лошадей-то на вывозку леса кто отобрал в коммунальном отделе?

У подъезда каменного двухэтажного здания их встретил комендант — бравый парень в полувоенной форме. Кончики его черных закрученных усов задорно топорщились по сторонам грушевидного носа, придавая глуповатому лицу выражение бесшабашной лихости. Не ожидая вопросов, комендант попробовал закатить витиеватый рапорт.

— Есть, конечно, некоторые паразиты! — сказал он и угрожающе поиграл глазами. — Но откуда, допустим, выползает таракан или тот же клоп?

— Откуда же? — заинтересовался Бондарчук.

— Товарищу коменданту самому неизвестно! — подхватил чей-то озорной голос из сеней. — Откуда ползет, зачем ползет и на чью голову — это же научная теория, а товарищ комендант человек темный по причине пьяной жизни.

Из сеней показалось веселое сухонькое личико пожилого забойщика Мишихина. Этого человека любили на шахте за легкое словцо, за умение говорить с подковырочкой, за улыбчивый, неунывающий характер. Поздоровавшись с начальством, он показал забинтованную ногу.

— Лягнула меня невзначай техника безопасности!

Рогов знал об этой истории и сейчас осведомился, долго ли продлится лечение.

Забойщик пожал узенькими покатыми плечами.

— Кто ж его знает... Срок от кости зависит...

— Вот его и назначу комендантом, а того, с усиками, — на уголь, — решил Рогов и тут же обратился к начальнику ОРСа: — Веди теперь ты в свои оранжереи, хвастайся.

Рогова и Бондарчука искренне порадовал этот кусочек знойного лета, приютившийся в небольшом снежном

распадке. Работницы собирали в круглые корзиночки зеленые огурцы, на стеллажах зрели золотистые помидоры, к электрическим солнцам тянулись узкие прозрачные перышки лука, — ко всему этому боязно было даже прикасаться, не верилось в эту декабрьскую плодоносную благодать. Аппетитно хрупя огурец, начальник ОРСа рассказывал, как он первым на руднике добился всего этого. А то ли еще будет! Сейчас вот плоховато со стеклом, но месяца через два-три все утрясется: Иван Павлович из Прокопьевска обещает десяток ящиков подбросить да в Кузедеевском сельпо можно кое-что получить.

В это время к ним подошла молоденькая круглолицая работница в полотняном фартучке. Рогов заметил, что глаза у нее заплаканы, пухлые губы обиженно вздрагивают.

— Опять? — повернулся к ней начальник ОРСа. — Я же сказал: выговор тебе обеспечен. Решений не меняю.

— Товарищ начальник... — тихо говорит работница, а сама почему-то смотрит то на Рогова, то на Бондарчука. — Товарищ начальник, я же какую мысль имела...

— Меня мысли твои не интересуют, — перебивает начальник ОРСа и обращается к Рогову: — Понимаете, Павел Гордеевич, имеем в теплице каких-то сто двадцать квадратных метров, тут нужно каждый сантиметр использовать по-стахановски, чтобы за зиму снять два урожая, не меньше. А эта фантазерка, несмотря на категорическое запрещение, засеяла чуть не пять метров цветами. Цветы, видите ли, понравилась. Тут нужно бороться за то, чтобы в борщ шахтеру почаще закладывали зеленый лук, а она ему поднесет всякие георгины и эти... «колокольчики мои, цветики степные!» Попадет человеку блажь в голову...

Рогов ничего не сказал, только метнул украдкой взгляд на Бондарчука, но когда вышли из теплицы, неожиданно для директора распорядился:

— Вот что, я не знаю, как ты будешь с выговором этой девушке, хотя она обретенного заслуживает, но чтоб через месяц «колокольчики мои, цветики степные» были. Это не исключает лук, помидоры и огурцы. Мы вот с тобой же додумались, а работница, очевидно, знает, что такое букетик живых цветов для забойщика после настоя-

щей смены. Побольше цветов — они понадобятся на «Капитальной»!

Простившись с обескураженным начальником ОРСа, Рогов пригласил парторга к себе домой, сказав, что уже сутки там не был.

— Оно и видно... — Бондарчук с неудовольствием оглядел большую неуютную комнату. Пока хозяин готовил чай, он прошелся из угла в угол, покрутил носом и невзначай заметил:

— Женился бы ты, что ли...

— Что-о? — удивился Рогов.

— Жениться тебе нужно! — раздраженно повторил парторг.

Рогов нахохлился.

— Вот уж действительно... пальцем в небо!

— Не подберешь по сердцу?

— Это просто не подлежит твоей юрисдикции.

Бондарчук остановился на полшаге.

— Ишь ты, прыткий! — но лицо его сейчас же пообдело, усмехнулся он по-своему, медленно опустив взгляд и несколько раз двинув широкой бровью. — Я ведь между прочим о женитьбе, а основное-то все-таки в том, что жить кое-кто из нас не умеет.

— Это обо мне?

— Отчасти и о себе...

— Пей-ка лучше чай, наставник! — сердито сказал Рогов. — Тебя не переслушаешь.

Бондарчук обжег губы об алюминиевую кружку, громко разгрыз кусочек сахара и улыбнулся.

— Что ты ухмыляешься? — рассердился Рогов. — Смешно с цветами получилось? Считаешь, что можно до лета погодить?

Бондарчук развел руками.

— Не понимаю, почему тебя раздражает моя улыбка? Вот вспомнил один случай и улыбаюсь...

— Нет, ты это все про цветы! — не унимался Рогов. — Да, я считаю: пора нам под рукой иметь цветы. Покажи мне сейчас участок, который бы хоть немного не перевыполнил план? Это одним словом называется: тронулось! Смотри... — Он быстро развернул статистическую таблицу. — Смотри, Виктор, на эксплуатации девяносто восемь процентов рабочих выполняют нормы, шестьдесят

три процента стахановцы! А? Как это называется? Знаешь?

Бондарчук рассмеялся.

— Знаю, знаю! Что ты расходишься? Я же не с неба упал... — С удовольствием оглядев ладную фигуру Рогова, он сдержал улыбку и осторожно спросил: — Ты не думаешь, что нам скоро придется делать еще один крутой поворот?

— Поворот? — Рогов подумал. — Поворотов у нас впереди сколько угодно. Но что ты имеешь в виду?

Сев напротив и медленно разглаживая сухими пальцами бархат скатерти, парторг высказал свою мысль.

«Капитальная» дает всего пятьдесят три процента коксующегося угля марки «ПЖ», остальной — энергетический. Районы и участки шахты норовят дать побольше энергетического и поменьше коксующегося. Это почти никого не удивляет: марка «ПЖ» идет в основном с нижнего, более трудного горизонта, вот и решают: «Если с ней к концу месяца немного не дотянуть, зато нажать на энергетический, который ближе, сподручнее, — план оканчивается в порядке...»

Рогов нетерпеливо двинул стулом.

— Зачем ты мне говоришь это? Я же на прошлой неделе приказ подписал — прежде всего кокс! По коксу будем расценивать работу.

— Правильно. — Бондарчук чуть прикрыл глаза, точно вспоминая что-то. — Правильно, Павел. Но давай рассуждать логично. Для нас борьба за «ПЖ» — это борьба за самое важное в общегосударственном плане. Не пора ли нам так повернуть дело, чтобы «ПЖ» поднималось на-гора не пятьдесят три процента, а семьдесят, девяносто? Не пора ли?

Рогов пожал плечами.

— Так скоропалительно этого не решишь!

Считая, что вопрос исчерпан, он взялся было за телефон, но Бондарчук твердо придержал его руку.

— А ты подумай.

Рогов отодвинул аппарат, встал, прошелся по комнате и сказал:

— Ведь это же не простая передвижка внутри плана, — сказал он. — Чтобы перенести центр тяжести всех эксплуатационных работ на нижний горизонт, нужно

всесторонне подготовиться, нужно пересмотреть технологию; ты же знаешь, что нижняя Полкаштинская свита пластов — полого падающая, более мощная; нужно решительно перестроить всю транспортировку: если с верхнего горизонта уголь качают еще и двумя уклонами, то для нижнего — это не выход из положения, тут нужен еще один ствол. А потом все это предусмотрено планом развертывания горных работ. Процесс естественный и потому неизбежный.

Бондарчук кивнул, но, как видно, остался при своем мнении.

В дверь постучали, и вошел Данилов.

— Не помешаю? — сказал он.

Торопливо раздевшись, он налил себе кружку чаю и выпил его залпом, мелкими, быстрыми глотками. Глаза у парня поблескивали весело и чуть-чуть настороженно.

— Угощайся еще, — предложил Рогов, — погрей душеньку, повеселись.

— А сами-то что ж не веселые?

— Государственный разговор...

Бондарчук постучал в дно порожней кружки.

— И не меньше! Без шуток.

— Знаю! — Рогов насупился. — Все знаю. Но для того, чтобы шагать дальше, нужно учитывать конкретные производственные условия...

— А по-моему, конкретные производственные задачи! — с нажимом выговорил парторг. — И, разумеется, условия обстановки. Но обстановка-то и толкает на это. Смотри, в Сталинске поднимают шестую коксовую, в Кемерове старые печи заменяют более мощными — и это только в Кузбассе! А с кого же в первую очередь спросят коксующийся уголь?

Рогов вдруг вскочил и, пошевеливая руками в карманах, выпалил:

— Пусть у себя это в первую очередь спросят!

— Это почему? — парторг высоко вздернул брови. — Уголь-то мы даем?

— Даем! — ответил Рогов. — Но мы даем коксовикам бесценное золото, а они тут занимают очень странную позицию. Ты подумай, что делается во всех звеньях нашего народного хозяйства: куда ни повернись, всюду идет в жизнь новое, более совершенное, а коксовики, при под-

держке металлургов, в святая святых своей деятельности вдруг заупрямились!

Как всегда в минуты большого напряжения, лицо Рогова чуть побледнело, осунулось, говорил он почти без жестов, бессознательно действуя на слушателей своеобразными интонациями, при которых слова приобретали совершенно неожиданную окраску. Так говорить может только человек, глубоко убежденный в своей правоте.

— Необходимо, — продолжал он, — немедленно ломать устаревший взгляд на вещи, будто добротный металлургический кокс получается, если только в шихте на восемьдесят пять — девяносто процентов содержатся такие дефицитные марки углей, как «ПЖ», «К» и «КО». Но это же технический абсурд, это значит, что процесс коксования по существу не управляем, словно его создали не люди, а ее величество природа. Нужно воздействовать на внутренние свойства углей, нужно громить, перекраивать их, а не заглядывать им в личико: «Ах, вам это не по нутру?» Это не смешно. Гамму коксующихся углей необходимо расширять — это наш кровный долг перед судьбами родной промышленности. И кто хотя бы раз открыто, честно сказал, что это невозможно? Ведь сама жизнь опрокидывает такие «установки». За последние десять лет в коксовую шихту брали все больше газовых углей, а ведь кокс-то не ухудшался. Еще до войны в Магнитогорске академик Павлов доказал возможность привлекать для коксования до сорока процентов газовых углей. Вот как обстоят дела!

Бондарчук опустил взгляд на раскрытые ладони, потом крепко зажмурился, так, что короткие густые ресницы вдавились в тонкую кожу. А когда посмотрел на Рогова, глаза его смеялись и голос чуть вздрагивал.

— Знаешь что, Павел Гордеевич, — он подмигнул Степану, — поедem на областную партийно-техническую конференцию — вот тебе тема для выступления.

— Видишь! — оживился Рогов. — Ты сам понимаешь...

— Что это только один путь! — перебил Бондарчук. — Он не исключает, а только подтверждает необходимость увеличить добычу нашей дефицитной марки. Ты-то понимаешь это?

Рогов устало вздохнул.

— Конечно, понимаю. Но в наших условиях... мало надежды на успех.

— Ты же сам говоришь, что шахта тронулась в гору, что сейчас в дело впряжены все силы? — снова начал Бондарчук.

...Уже бледные зимние сумерки подбирались к широким окнам, Степан в третий раз кипятил чайник, а парторг с начальником шахты все еще то сидели друг против друга, почти соприкасаясь взъерошенными шевелюрами, наклоняясь к листку с вычислениями, то одновременно ходили по комнате, встречались нечаянно где-нибудь в углу или на середине, и говорили, говорили.

Несколько раз то Рогов, то Бондарчук нетерпеливо обращались к Степану:

— Что ты молчишь? Ты-то как думаешь?

— Как я думаю? — Степан разводил руками. — Я о многом думаю, но пока помолчу. Рассуждайте.

Степан отходил то к плитке — доливать чайник, то к приемнику — подкрутить регулятор, но делал он все это невнимательно, вполглаза. За весь вечер он не пропустил ни одного слова, сказанного Бондарчуком и Роговым.

Рогов говорил:

— Да, для перехода на нижний горизонт недостаточно одного желания, одной необходимости. Под все это надо подвести прочный технический расчет. А все расчеты нужно делать, исходя из конкретных государственных планов, которыми мы связаны со всем Кузбассом, со всем народным хозяйством...

— План, как вериги? — насмешливо перебил парторг.

— Не чуди! Это основа хозяйственной дисциплины. Повторяю, не в этом еще загвоздка. Можно перенести весь фронт подготовительных работ на нижний горизонт, можно нарезать лавы — с этим мы обойдемся. Но ведь сразу же потребуются еще два внутришахтных уклона. Два! Где для этого взять людей? Где? Ты же понимаешь, если я прошлый раз на бюро горкома отказался принять шестьдесят человек, я же действовал из прямого хозяйственного расчета.

Бондарчук крутит пуговицу на гимнастерке Рогова.

— Правильно. Трудно. Но категорически необходимо. Немедленно ставь в известность трест, комбинат, министерство, кого угодно...

— Немедленно едва ли удастся это сделать.

Бондарчук кривит губы.

— Почему?

Рогов круто поворачивается, берет Степана за плечи и, поставив его перед собой, спрашивает Бондарчука:

— Ты видишь его? Это наш рабочий, их на «Капитальной» почти три тысячи. Должны мы посоветоваться с ними? Должен сам коллектив взвесить собственные силы? Это же твоя мысль — помнишь, когда знамя отдавали?

— Хорошо. — Лицо у Бондарчука посветлело. — Хорошо. Будем советоваться. И ты, Степан, тоже это запомни.

Он берет трубку и, вызвав партбюро, спокойно говорит:

— Вера? Обзвони быстренько членов бюро, пусть явятся к восьми. На повестке: квартальный план.

Уже собравшись уходить с Бондарчуком, Рогов вдруг снова заговорил:

— Вы понимаете? Я начал чувствовать шахту, как завод с единой поточной линией, как хорошо налаженный механизм. Чорт! Не работы боюсь — давай работу. Но не во мне дело. Люди попадают в другие условия. Возьмите Черепановцев — приноровились на круто падающих, а как развернутся на пологих пластах, на горизонтальных?

Данилов слышал, как, захлопнув дверь и спускаясь по лестнице, он еще несколько раз воскликнул:

— Круто поворачиваем! Круто!

ГЛАВА XXXI

Оставшись один, Данилов некоторое время занимался обычными вечерними делами. Прибрал в комнате — не нравилось, как это делала уборщица, почитал газеты, покрутил регулятор приемника, но продолжал делать это невнимательно, скорее для порядка, так же, как во время спора Бондарчука с Роговым.

«Та-ак... Значит, товарищ начальник шахты сомневается! Хорошо! Очень хорошо...»

Данилов передернул плечами и решительно шагнул к телефону.

— Срочное дело? — переспросил Черепанов на другом

конце провода. — Ну что ж, приходи... Мы, правда, на концерт собрались, но если срочное... Приходи.

В общежитии были Черепанов, Сибирцев, Аннушка, Санька Лукин. Аннушка ходила по комнате, заложив покрасневшие на морозе руки в крохотные карманы жакетки. В углу сидел Саша Чернов, вычерчивая что-то в блокноте.

Лицо у Черепанова утомленное — несколько последних суток, кроме своей смены, он ходил на два-три часа в две другие. Это были беспокойные смены не только для него, но и для всех членов бригады. Друг у друга учились, проверяли приемы, готовились к решительному шагу вперед.

Не успел Степан перемолвиться и одним словом с товарищами, как у крыльца кто-то закричал зычным голосом:

— Тпру-у! Приехали. Выгружайся, товарищ музыкант!

Все бросились к окнам и невольно ахнули, Черепанов, так тот даже за голову взялся.

— Мамочки, такого еще не было...

У подъезда стояли огромные комхозовские розвальни, груженные разлапистым фикусом, кое-как завернутым в рогожу, и блестящим, лакированным пианино. Из-за лошади вывернулся сияющий, возбужденный Митенька. Новенький полушубок на нем распахнут, шапка чудом держится на затылке, взбитый чуб заиндевел. Улыбчиво оглядев поклажу на санях, он хлопнул себя по бокам рукавицами и, одним махом одолев пять ступенек, крикнул в двери:

— Живые? Помогите. Срочно. Это ж музыка!

И во все время, пока товарищи молча заносили в комнату разлапистый фикус, а потом громоздкое пианино, он прыгал вокруг и, словно не замечая натянутого молчания, все покрикивал:

— Да не так, не так, левее надо! Вот чудной, зачем ты за эту лапку цапаешь? Сломаешь!.. Не соображаешь!..

Выгрузили. Посидели вокруг покупок, отдышались. Потом Лукин щелкнул пальцем по запотевшему листку фикуса и молвил:

— Росла, между прочим, греха не знала...

— А атмосфера была вредная, — начал Митенька.

— Это почему?

— По хозяйке сужу, у которой покупал. Такая сквадыга, за музыку все норовила содрать с меня лишнюю сотню.

— А сколько содрала?

Митенька потрянул головой.

— Так я же увертливый; три тысячи дал, и ни в какую. Сибирцев кашлянул в ладошку.

— Значит, плакала твоя сберкнижка?

Товарищи только вздохнули. Но Санька тут же снова спросил:

— Что же мы теперь, танцевать будем? Тра-ля-ля?

— Как это тра-ля-ля? — обиделся Митенька. — Выдумал! Это для Тони Липилиной!

— Да, да, это для Тони! — подхватил Черепанов. — Мы же советовались, что бы такое ей купить. Завтра и тронемся. Пианино Митенька в кармашек сунет, фикус этот в платочек завяжем, Санька вон по пути прихватит маневровый паровоз. Вполне торжественно получится. — Он с сожалением посмотрел на покупателя и сразу переменял тон: — Эх ты! Человек же больной. Слышал, что Степан Георгиевич рассказывал? А ты с целым оркестром, да еще этакий телеграфный столб!

Взмахнув косами, Аннушка круто остановилась и недоуменно развела руками.

— Вообще, Митенька, характер у тебя безобразный, все с какими-то заскоками. Что нам делать с твоим характером — ума не приложу. Тебя доброта распирает, у тебя хорошее сердце, — так ты иди вперед, показывай пример остальным, не допускай, чтобы тебя постоянно в сторону заносило. Ну хоть бы посоветовался!

— Главное, не по-человечески получается! — воскликнул Лукин. — Это же не подарок, а как бы сказать?.. Оборудование!

Митенька сидел все время упершись грудью в стол, но вдруг выпрямился, убрал маленькие вздрагивающие руки с клавиш, почти испуганно оглядел товарищей и спросил:

— Чего вы со мной делаете? — Потом заговорил бесвязно, глотая звуки: — Я это Тоне... Она воевала. Я учился. Матка у меня, сестренки... Здоровые все. Может, потому, что Тоня была там... Я бы кровь ей отдал, а вы!..

Стало очень тихо. Было слышно, как стучают часы на стене.

Щеки у Аннушки зарозовели, она растерянно оглянулась на бригадира, на Чернова, точно спрашивая: «Что ж

вы молчите?» Но в это время к Митеньке подошел Данилов, взял за плечи, заглянул в лицо и крепко прижался губами к его щеке.

Решили, что пианино и фикус пока постоят в общежитии, а там можно с самой Тоней посоветоваться, как быть. А потом, в течение всей остальной беседы, Митенька как-то невольно оказывался в центре внимания товарищей — то Степан вне очереди подливал ему горячего чая, то Сибирцев тянулся с только что распечатанной пачкой папирос. Митеньку сегодня словно заново увидели.

Прежде чем Данилов сообщил о причине нечаянного собрания, Черепанов сказал, что завтра, пожалуй, можно начать основной жим по всем трем сменам. Только дружно и не задыхаться — расчет не на один день. А то на шахте будет кое-кто сомневаться, скажут, что рвут ребятки...

— Уже сомневаются! — перебил Степан.

На него недоверчиво посмотрели, но он повторил:

— Честно говорю, сомневаются. За этим и пришел.

Это был хороший, памятный вечер для комсомольцев.

Передал Степан по-своему, как ему на сердце легло, весь разговор Бондарчука с Роговым. О коксе рассказал, о нижнем горизонте... О крутом повороте, перед которым встала сейчас шахта. Что же, правильный это поворот. Рогов ведь тоже знает это и, по правде сказать, не в силах людей сомневается, а боится он, что очень уж трудно придется первое время таким, как вот они.

— Непременно трудно, — подтвердил Черепанов.

— Ну и что же? — удивился Сибирцев.

Аннушка пытливо всматривалась в задумчивые лица товарищей. Чернов что-то быстро писал в блокноте. За окном, в далеких ночных сумерках, хлопотливо покрикивал маневровый паровичок.

Изменялся какой-то отрезок на их пути — так это все почувствовали и приняли. Но самое главное — они и по новой дороге идут гнуть все вместе.

— Как же решаем? — спросил Черепанов.

Данилов, а за ним Лукин даже плечами пожали.

— Какой может быть разговор...

— Степан Георгиевич... — Бригадир невольно опустил взгляд, но через секунду уже прямо посмотрел в глаза Данилову. — Степан Георгиевич, на нижнем горизонте лавы полагие — мы будем уже не забойщиками, а навалоло-

отбойщиками. Там весь уголек на ленту лопатой приходится...

— Ну?

— Трудновато это, Степан Георгиевич...

Данилов понял, глаза его с медным отливом метнули искорки.

— Что ж ты мне предлагаешь? В парикмахерскую?

Черепанов покраснел, но глаз опять не опустил.

— Нет, я не об этом. Чтоб ты надеялся на бригаду.

Данилов задумчиво покачал головой, улыбнулся.

— А я надеюсь, Миша. И на себя тоже. — Он обратился к Дубинцевой: — Слушай, Аннушка, сегодня мне записали сто шестьдесят пять процентов, но я обрадовался не этим процентам, а тому, что они мне легче дались, чем первые сто. Не знаю, как у меня будет на нижнем горизонте, плохо, наверно, но я выберусь! Вчера Тоня мне прямо сказала... — Степан осекся, быстро оглядел товарищей и спросил упавшим голосом: — А вы что, сомневаетесь?

Сибирцев трубно откашлялся; потом в разговор вступила Аннушка.

— По-моему, мы не тем занимаемся, — сказала она, — обхаживаем друг друга, будто впервые встретились. Давайте решать: переходим на нижний горизонт?

Сибирцев предложил:

— Немедленно заявить об этом Павлу Гордеевичу и Виктору Петровичу!

Аннушка запротестовала:

— Нет, это не годится, мы не имеем права заскакивать вперед, пока поворот на шахте не начался. Когда управление и партбюро обратятся к коллективу за советом, мы будем готовы. Правильно? А сейчас...

— Начинать, к чему готовились! — подытожил Черепанов.

И всем сразу стало как-то легче.

Заговорили о вещах, как будто не имеющих прямого отношения к работе. Санька Лукин, как обычно, стал жаловаться на плохую воспитательную работу.

— Что такое?.. — Он широко разводил руками. — Куда ни посмотришь, — никакой воспитательной работы.

Но к жалобам Лукина о воспитании давно привыкли и прощали ему эту маленькую слабость. Любил Санька, чтобы с ним не просто говорили, а чтобы его именно вос-

питывали. В этом, по его мнению, было что-то чистое, человеческое. Ему казалось, что люди-воспитатели приподымают его над землей, согревают своим дыханием, открывают в его собственном сердце такие родники силы, о которых он и не подозревал. В представлении Саньки люди вообще делились на две категории: на тех, кто учит, и тех, кто учится. Но и к учителям жизни, к воспитателям молодой шахтер предъявлял очень высокие требования. Об одном он говорил:

— Да-а... этот воспитывать может.

О другом, наоборот:

— Так себе... Все понятно, но он больше на вчерашнюю газету нажимает.

Сегодня Лукин почему-то вспомнил о докладе, который слышал еще на прошлой неделе. Во-первых, докладчик был неправильный. Зачем таких присылает горком комсомола? Говорил он о любви, о дружбе, а сам, наверно, никогда не дружил и не любил — говорит, а сам в ладошку зевает.

Аннушка кивнула. Она уже скандалила в горкоме по поводу этого доклада. Вот позавидовать можно Саньке Чернову — как действуют на людей его простенькие корреспонденции. Это, конечно, потому, что слова у него доходчивые, от сердца. Как-то еще по случаю первой победы черепановцев он написал даже поэму «Молодой Кузбасс». А так как редактор отказался печатать этот литературный труд, сославшись на то, что у него газета, а не художественный альманах, то автор просто переписал поэму и повесил над кровью Черепанова, чем бригада очень гордилась, выучив наизусть бесхитростные стихи.

Сибирцеву с Даниловым нужно было с утра на смену, они отошли в сторонку посоветоваться.

— Может, завтра испытаем первый разок? — спросил Степан.

Сибирцев подумал.

— Кто его знает, как с лесом...

— Предупредим Дубницева, это же горячий парень.

— Всю лаву, пожалуй, многонько... — Густые брови Георгия расползлись в усмешке. — Как бы жила не лопнула...

— Не всю! — Степан выпрямился и даже выше ростом стал.

Они встретились взглядами, но ничего не успели сказать друг другу: перебил телефонный звонок.

Однако прежде чем кто-нибудь взял телефонную трубку, в коридоре загремело, и в комнату ошалело ворвался Алешков.

— Провалился, — сказал он и глотнул воздух, потом еще раз глотнул и добавил: — Григорий Вошин! Два забоя закумполоило.

Снова зазвонил телефон. Степан машинально потянулся к телефонной трубке, послушал и вдруг уронил в тишину:

— Товарищи... с Тоней плохо!

А через несколько секунд все они почти молча бросились к выходу, загрохотали по лестнице. Взвизгнув блоками, с треском захлопнулась дверь в подъезде.

ГЛАВА XXXII

Из-за горы Елбань поднимался день-бокореи; шахтерский город поклонился ему сотнями розоватых дымочков.

На широкое каменное крыльцо из больницы вышли Аннушка, Чернов, за ними Черепанов, Сибирцев и последним Данилов. Стукнула дверь, и сейчас же гулкое эхо прокатилось в крутых логах, по синим нагорным снегам, под которыми никогда не умолкают светлые родники.

Всего минутой раньше спустившись из верхних палат, доктор Ткаченко оглядел утомленные лица комсомольцев, торопливо протер очки и негромко молвил:

— Уснула. Слышите? Говорю, уснула! И хватит вам...

Сибирцев не дал ему досказать, обхватил неожиданно своими могучими ручищами, прижался небритой щекой к его лысине.

Ткаченко сердито отшатнулся, потом коротко хмыкнул и, наконец, бочком отошел к расветному окну, махнув комсомольцам:

— Уходите! Надоели.

Постояли на припорошенных снегом ступенях, взглядели пристально в город, в прозрачный горный простор вокруг, потом Черепанов сказал задумчиво:

— Хороший день будет.

Где-то за горой протяжно и чисто запел гудок «Капитальной», скликая первую смену. Сибирцев оглянулся на Степана, а тот на Аннушку. Она сейчас же кивнула:

— Иди, Степан, я обо всем узнаю и, как только проснется, сообщу.

Черепанов тоже простился. На крыльце долго еще стояли Чернов с Аннушкой.

Повзрослели они за эту длинную тревожную ночь. Все было передумано и как будто обо всем переговорено в те часы и минуты, пока ждали вестей от Ткаченко. А он скуп был на вести. Глянет через перила лестницы вниз и спросит коротко:

— Сидите?

Да больше, пожалуй, ничего и не нужно было — одним своим видом, голосом доктор успокаивал. Значит, все идет так, как должно. Один только раз позвали Степана в палату, и не Ткаченко, а мать Тони, Мария Тихоновна. Как-то удивительно отчужденная, в белом больничном халате, она медленно сошла вниз по лестнице, постояла посреди вестибюля, словно забыв, зачем оставила дочь, потом подошла близко к Степану, и голос ее дрогнул, когда она сказала:

— Иди, Степан, тебя кличет.

Степан вернулся минут через десять и сел рядом с Аннушкой. Его ни о чем не спросили, хотя глаза у каждого кричали: «Не молчи! Что с Тоней?» И он заговорил, приподняв руки и сжав их в кулаки:

— Она говорит, что свет перед глазами... Как будто молнии. Больно. А доктор одно свое: у нее затяжной кризис, сейчас все решается... Решается! — повторил Степан и строго заглянул в лицо Дубинцевой. — Вот, Аннушка, что я думаю: мне довелось разными способами убивать врагов — из винтовки, даже из пушки палил... Но если еще кто-нибудь к нам придет, я потребую такое оружие, чтобы, как молотом, тысячами разило... Будь они прокляты, кто живую кровь пьет!..

Степан крепко зажал глаза кулаками.

...И вот поднимается утро.

Проводив взглядом Степана, Сибирцева, Черепанова, потом поглядев на трепетный малиновый занавес над восточной горной грядой, Чернов стесненно вздохнул:

— Песню написать хочется!

— Песню? — Аннушка оглянулась на журналиста. — А ты попробуй.

— Нельзя пробовать, — писать нужно! Рвется это из меня, сладу нет! Написать нужно так, как вижу все...

— Что же ты видишь?

— А вот Тоню в палате, наш город, как ты всю ночь в углу проплакала, а Степаи с Георгием ушли на смену только что... Какими словами написать об этом?

— Пиши, Саша! — задумчиво отозвалась Аннушка и медленно сошла по ступенькам.

Постояла еще немного и вдруг заторопилась: необходимо сейчас же встретиться с Бондарчуком и Роговым. Что там случилось в забоях у Вощина — с этим так и не успели ночью разобраться.

Главный инженер треста Черкашин встретил Рогова новостью:

— Можешь радоваться, Павел Гордеевич: план комбинатом на новый месяц тебе утвержден прежний, если не считать увеличения на два-три процента за счет энергетических углей.

— Утвержден, — не сдержал Рогов досады. — Очень что-то прытко на этот раз, обычно контрольные цифры приходят на шахту в первых числах месяца.

Черкашин улыбнулся.

— Обычно на аккуратность не принято жаловаться.

— Я о другом, — возразил Рогов. — Меня удивляет некоторая близорукость в местном планировании. Скажите, почему это, имея в хозяйственном активе такую единицу, как наша шахта, в планах все время нажимают на окисленный, энергетический уголь? Но ведь «Капитальная» заложена и действует как коксовая, — в этом она должна играть первую скрипку.

Черкашин опять улыбнулся, разгладил пальцами складки на щеках.

— Не порите горячку, Павел Гордеевич, все очень закономерно. Марка «ПЖ» необходима народному хозяйству, значит, в свое время она займет подобающее место в добыче «Капитальной».

— Нет! — Рогов быстро выпрямился. — Я не верю в эту закономерность. Извините. Все кругом так стреми-

тельно набирает скорость, а тут этакие «эволюционные» теории.

Он заговорил опять без жестов, глядя прямо в лицо собеседника:

— Не дальше, как через полгода и трест и комбинат спохватятся, и начнется нездоровая гонка. Почему? Очень просто. Нижний горизонт не развивается, даже проходка главнейших выработок — этого станового хребта для очистного фронта — занимает в планах капитальных работ очень незначительное место. Поэтому вчера мы на партбюро приняли специальное решение. Будем просить горком и трест, чтобы они ходатайствовали о пересмотре производственных планов «Капитальной». А пока суд да дело, начнем понемногу стягивать силы на нижний горизонт.

— Значит, не сомневаетесь в пересмотре планов?

— В этом не сомневаемся.

Рогов собрался уходить, и Черкашин уже в последнюю минуту сообщил:

— Направил сегодня в ваше распоряжение инженера Галину Вошину. Здесь ее хвалят. Подумайте, куда определить.

Это известие почему-то испортило настроение Рогову. После вечера у Вошиных он встретился с Галей всего один раз на квартире Тони Липилиной. Поговорили, как давние знакомые. Но ему опять безотчетно хорошо было от близости девушки, оттого, что так мягко, немного насмешливо лучились ее глаза. Когда шли от Тони, он постарался даже стряхнуть это очарование, заговорил о шахте, о людях, о новой работе, в которую они с Бондарчуком впрягают сейчас всех средних и младших командиров.

— Вы как будто давно нашего парторга знаете? — перебил себя Рогов.

— Да, Виктора Петровича я знаю, — не сразу отозвалась Галя. — А что?

— Я вам завидую и жалею, что сам недавно знаю его. За короткое время он стал на шахте как-то незаметно незаменимым. Понимаете? Он не бегает, не кричит, не требует, даже как будто не тормозит людей, но куда бы вы ни заглянули, к чему бы ни присмотрелись, без труда угадаете: здесь был, над этим думал парторг. Богатый человек!

Галя задумчиво сказала:

— Красивая, сильная душа у Виктора Петровича.

Это был обыкновенный разговор, но Рогов почему-то часто вспоминал о нем. Вспоминал чуть насмешливый взгляд девушки, ее хорошую, открытую улыбку, когда она смотрит на собеседника и словно бы говорит: «Как хорошо жить!»

«Ну и что же? — спрашивал себя Рогов. — Какое мне собственно дело до всего этого?»

Давно уже сжился он с образом Вали, выносил его в своем сердце, не разлучался с ним ни в горе, ни в радости. Когда еще на фронте наизусть читал солдатам «Жди меня», — это он Вале читал, думал о далекой Сибири, думал о ней.

А теперь вот все чаще круто обрывал фразы в своих письмах к ней, все чаще спрашивал: «Скоро ли?»

«Я все понимаю, — отвечала она недавно, — и я тоже немного устала от всего этого. Но, мне кажется, мы ни в чем не виноваты друг перед другом. Сознаюсь, Рогова я немного ревную, нет, не к шахте, а к тем людям, которых он видит каждый день, которые любят его. А Рогова ведь нельзя не любить!»

И вдруг эти нечаянные встречи с Галей. Он чувствовал, что в чем-то уже виноват перед Валей.

Вернувшись на шахту, Рогов около часа просматривал штатные списки, стараясь выкроить что-нибудь на проходку уклена. Потом пришел Григорий Вошин. Веки у него припухли от бессонницы, но глаза темноватые, взгляд нацеленный, словно проходчик держит что-то особо важное в памяти и боится упустить это из виду.

После того как вчера вечером сообщили о неудаче Григория, о том, что он ушел со смены, даже не помывшись, Рогов сразу же поехал на дом к Вошиным. Открыла Екатерина Тихоновна и, увидев инженера, словно бы испугалась. Он шопотом осведомился, дома ли мужчины. Екатерина Тихоновна молча показала на двери горницы и снова посмотрела так, что он без труда понял: боится она за сына.

Раздеваясь, услышал за стенкой раскатистый бас старого проходчика:

— Это называется шахтерская наука. Другой раз не подкумполит. И нечего тут кисели разводить, садись-ка за стол, да посчитаем оба-два, что к чему.

Перешагнув порог горницы, Рогов с облегчением подумал: «А ведь обошлись бы и без меня!»

Пробыл он у Воиновых недолго, ограничился только коротким расспросом о том, что же произошло на смене, как это получилось, что Григорий упустил кровлю сразу в двух забоях?

Григорий ответил коротко, что не удержался и, когда смена пошла полным ходом, рванул, решив на деле исправить собственные расчеты.

— Значит, рванул? — переспросил сейчас снова Рогов.

В ответ Григорий на минуту плотно сжал губы, глянул на инженера открыто и заговорил глуховато, как будто впервые за день:

— Я все думаю, Павел Гордеевич: чего же мне нехватило? Ведь считали мы правильно, изъяна в графике нет, забой обыкновенные — все честь-честью. Как же так получилось, что я рванул? Ведь я у отца не один год учился. Чего же мне нехватило?

— Мудрости нам нехватило! — Рогов медленно вышел из-за стола и, остановившись против проходчика, повторил: — Мудрости Афанасия Петровича! Мы с тобой в эту неизведанную дорогу запаслись инженерными расчетами, неплохой споровкой, великим желанием добиться цели, а вот мудрой трезвости у нас нехватило. Виноват тут, конечно, и я, но в первую очередь виноват ты. Я понимаю, что у тебя была, может быть неясная, но была мысль доказать отцу, что он не зря учил своего сына. Поэтому ты и не подпустил его даже близко к своему многозабойному методу. Это, Гриша, и не сыновний поступок, и не партийный! Вот что.

— Я ему так и сказал сегодня, — ответил Григорий после раздумья и опять открыто, с облегчением глянул в глаза Рогова.

— Что же дальше?

— Дальше? — Григорий развернул тетрадь. — Вот новый график, Павел Гордеевич, хотя и старый был не плохой. Но тут немного другой принцип... Отец помог.

Слушая проходчика, Рогов удовлетворенно кивал. Да, добавить к новому графику что-нибудь трудно, все выгля-

дит и стройнее и проще. Многозабойный метод осуществляют не проходчик с помощником и несколькими подсобными рабочими, конкретно ни за что не отвечающими, а комплексная бригада проходчиков, в которой каждый знает свое место, свое дело и время для него. Осуществляется поточная линия, своеобразный конвейер с целым рядом последовательных операций. Рогов не согласился с Григорием только в одном пункте. В обрезном штреке попрежнему много времени отнимала ручная перекидка угля — это притормаживало всю систему.

— Вычеркни! — распорядился Рогов. — Я передумал. Подтянем сюда ленточный транспортер. На машину, Гриша, и... к чорту этот потогонный участок.

— Ну, Павел Гордеевич, — Григорий откинулся на спинку кресла, — втянули вы меня по уши в это дело!

Рогов рассмеялся.

— Сам втянулся, и нечего здесь хвастать. Отправляйся и разговаривай со своей комплексной бригадой. Только предупреждаю! — Он хитро, как-то мужиковато прищурился. — Предупреждаю, Гриша: домой из шахты неумытым не ходить.

Прощаясь, Григорий признался:

— Нескладно вчера у меня получилось, мать прямо захворала.

ГЛАВА XXXIII

«Крутым шестидесятиградусным взмахом широкая подземная выработка — лава — на пятьдесят метров уходит вверх. Кровлю поддерживают толстые стойки. Грудь забоя — угольный целик представляет симметричную зигзагообразную линию «уступов», похожую на перевернутую гигантскую лестницу с трехметровыми ступенями. Лава — передний край трудного шахтерского наступления, в лаве рождается угольный поток и течет, течет отсюда по шахтным дорогам — штрекам и квершлагам, выносятся главным подъемом на-гора, подхватывается транспортерными лентами, падает в бездонные бункера, наполняет вагоны и мчится дни и ночи за тысячи километров и где-то на заводах, электростанциях превращается в пар, свет, тепло. Тепло и свет трудами забойщика-светоносца рождаются в лаве!»

— Ты слышишь, светоносец, как тебя Сашка расписал? — с усмешкой спрашивает Сибирцева Данилов, свертывая листок городской газеты.

...Это началось утром, после напряженной ночи в больнице. Наряд раздавал не помощник, как они опасались, а сам Дубинцев. Поговорили с ним недолго и даже не поговорили, а только коротко предложили выдать из длинной лавы эшелон угля за смену. Николай стремительно выпрямился и тут же заговорщически оглянулся.

— Тсс! Не звоните...

Оказывается, он давно уже носит с этой мыслью, расписал график, подготовил инструмент, разговаривал с новым начальником транспорта — тот обнадежил. И лава — как раз после посадки. Все готово и ждет только счастливого случая.

— Это не случай, — обиделся Данилов. — Не думай, что у нас тяп-ляп, встали утром, и взбрело в голову.

— Терпения нет, — добавил Сибирцев и поглядел на Степана.

И снова встали перед их глазами, снова ожили в сердцах короткое совещание вечером, длинная ночь в больнице у Тони, и снова великое нетерпение охватило их обоих. Перебивая друг друга, рассказали об этом Дубинцеву.

Николай крепко встряхнул Сибирцева за плечи, не сказал, а выдохнул:

— Давайте!

И прав он потом был, когда кричал по телефону Рогову, что в лаве у него светопреставление. Да, в лаве все восемь часов стоял непрерывный грохот, уголь лавиной катился вниз, к спусковым печам. А тут еще, как на грех, из-за аварии в энергосистеме выключили ток. Когда электровазы застыли на перегонах, в подсобных бригадах словно искра проскочила: люди бросились к соседним участкам, хватали порошняк где только можно и вручную гнали его к длинной лаве.

Первые два часа дались Данилову не легко, но потом он вдруг сразу окреп, вошел в темп. С Сибирцевым они почти не разговаривали, работа захватила, как песня, и чудилось, что слушают ее сотни шахтеров.

Часов около двенадцати в лаве случилась беда. Только что отпалили восемь средних уступов. Подтянув силовые

кабели, забойщики бросались вверх, и вдруг Сибирцев осел.

— Ну, что ты? — подсадовал Степан. — Скорее!

Но тот молча крутнул головой и, подавшись в сторону от забоя, приглушенно крикнул:

— Уходи! Булка!

Степан тоже невольно отпрянул. Кто ожидал такой напасти, пласт до сих пор был чист, как стеклышко!

«Булки», включенные в угольный пласт, — это круглые булыжники весом иногда до нескольких центнеров. Встречались они редко, и тем не менее шахтеры их не любили. Грохнет такая махина вниз по лаве — с треском летят перебитые стойки, закупоривается спусковая печь, — возни на целую смену, а угля нет.

— Ну? — Степан нетерпеливо повернулся к товарищу. — Что ж теперь, молиться на нее?

Заметив, что Сибирцев все еще нерешительно мнетя, он первым приблизился к опасному месту, осветил и снова против воли подался на шаг в глубь забоя.

— Ого, какая чертовщина! Даже во сне такое трудно увидеть.

Оголенный силой взрыва валун, или, как его еще называют, «колчедан», держался за пласт, примерно, одной третью своего круглого яйцеобразного тела. Степан еще подумал, что этот «колчедан» похож издали на мутносерый выпуклый глаз, тупо, бессмысленно глядящий из черного угольного массива.

Подошел Сибирцев.

— Фокус? — спросил Степан.

— Фокус-мокус. — Георгий сплюнул. — Знаешь, каких шишек может наставить?

— Шишкам замер потом сделаем. Ты думай, как вышибить это бельмо.

— Как? Взрывать надо. Пропала смена!

— Не ерунди! Как это пропала?

— А так, пока скважины пробьешь, время-то убежит.

— Убежит! — Степан торопливо сбросил брезентовую куртку. — А ну, давай!

Всю смену они, по выражению Дубинцева, работали, как сто чертей, а для следующих двадцати минут и слова нельзя было подобрать. Ниже большого уступа настлали полки из горбылей, укосиной в глубь породного завала,

чтобы куски булыжника при взрыве отнесло в сторону. Забурлили всего одну неглубокую скважину. Взрывник, ходивший вокруг на цыпочках, с сомнением крикнул.

— Ничего, дядя, — успокаивал Степан, — по закону, газы во все стороны свищут.

— То-то и беда, что во все стороны, — погоревал дядя, — а мне нужно, чтобы они по камню ударили.

Втайне Данилов и сам опасался, что толку от взрыва не получится, но что ж было делать, не сидеть же сложа руки, к тому же снизу подсобники кричали:

— Эй, рекордисты, запарились? Давай уголь!

Хорошо, если булыжник держится в угольном массиве достаточно прочно, тогда взрывом его действительно разнесет на куски, а если нет, если этот треклятый «колчедан» ждет только малейшего толчка? Тогда...

Степан даже зажмурился. Тогда камень с удесятеленной силой, как пушечное ядро, прочешет лаву до самого низа.

Вышли в нижнюю просеку и невольно прислушались к тишине.

— Так как прикажете? — Взрывник перешитительно вставил ключ в замок запальной машинки. — Я, конечно, могу крутнуть.

Сибирцев вопросительно посмотрел на Данилова, тоже что-то хотел сказать, но Степан только плотнее прижался спиной к стойке, зажал лампу между коленями и круто оборвал разговор:

— Крути, товарищ, а то я и сам могу!

Угловато двинув плечом, товарищ крутнул.

Сквозь взрыв прислушались, затаив дыхание: не загрохочет ли сверху каменная громада?.. Нет, снова тихо. Значит...

— Порядок, — подытожил запальщик.

И снова пошло, загрохотало. Данилов на лету подхватывал очередную стойку, а через минуту она уже упиралась обоими концами в древние породные толщи — тронь такую обухом топора, зазвенит басовитой струной. Молоток Сибирцева изнывал в бешеной скороговорке, как автомат в руках опытного солдата.

В лаву все время заглядывал Дубинцев, он уже еле на ногах держался: не столько темп забойщиков, сколько перебои на транспорте вымотали его. Наконец пришлось

все-таки рассекретиться. Он соединился по селектору с начальником шахты.

Не успел Рогов проводить Вошина, как в селекторном репродукторе кашлянуло, и Дубинцев шопотом сказал:

— Павел Гордеевич, меня режут!.. — потом сквозь короткий рыдающий смех добавил: — Сибирцев с Даниловым режут!

— Что-о? — в шутку удивился Рогов. — Лучшего начальника на участке! Немедленно звоню в милицию...

— Нет! — перебил Дубинцев и тут же почти закричал: — Нет, Павел Гордеевич! Гоните транспорт! Гоните во всю мочь. Вы видите, я на коленях стою. Тут у меня светопреставление! В длинной лаве сплошной гром и молнии, все печи забиты углем, на погрузке десять человек, крепежник таскают две бригады... До смены еще три часа, — понимаете, три часа! — а они уже наскребли четыреста восемьдесят тонн! Это же не люди, а комбайны!

Рогов вскочил, отбросив кресло.

— Что за сказки? Какие комбайны? Кто?

— Данилов с Сибирцевым! Неужели не понимаете?

— Данилов с Сибирцевым? — Рогов еле перевел дух, для чего-то быстро перебрал бумаги на столе, потом счастливо расхохотался. — В шахту! Немедленно! Родные мои богатыри!.. — Я в шахту! — крикнул он Полине Ивановне, пробегая через приемную.

Но легкий взглас заставил его оглянуться: Галя! И будто ждал ее, будто к ней навстречу бежал. Крепко стиснул ей руку, проводил в кабинет.

Галя села лицом к солнечному свету, быстро глянула в смеющееся открытое лицо Рогова и почему-то впервые за все их встречи смутилась. С запиской произнесла:

— Я к вам... Павел Гордеевич. Направление из треста... — и спросила одним взглядом: «Может, не вовремя?»

Чуть подумав, он слегка наклонился к ней, тронул за руку.

— Ждал, Галина Афанасьевна. Очень. Пойдете на уклон, я так думаю.

Галя волновалась; это было заметно по быстрому взлету ее ресниц, по тому, как она то защищала ладонью глаза от солнца, то забывала об этом.

Он отошел и задернул шторку.

— Значит, на уклон, Галина Афанасьевна.

— Павел Гордеевич, а это очень важно: уклон?

— Важно? — Рогов вышел на середину кабинета. — Уклоном мы раскупорим тридцать процентов производственной мощи шахты, но, кроме этого, раскупориваем коксовые угли! Понимаете? Это наш завтрашний день, вот что это такое!

— А вы уверены, что я справлюсь? — Галя поглядела на него уже спокойнее, и опять ее глаза лучились ласково, с чуть приметной смешинкой. — Вы уверены?

Рогов отвернулся, словно для того чтобы подумать, а на самом деле ему просто немного не по себе было от этих зеленоватых глаз, которые все время о чем-то спрашивали. Как-то невольно ответил почти официальным тоном:

— Это я хочу слышать от вас... Четыреста тысяч — стоимость всех работ, в нашем же распоряжении полтора раба. Рабочих нет, будем выкраивать, где только можно. Вся техническая сторона дела у главного инженера. Вот все, Галина Афанасьевна.

Она слегка погладила край полированной столешницы, потом приподняла ладонь и опустила.

— Хорошо, я согласна. Приступаю. Только предупреждаю: я беспокойная.

— Ого! — Рогов сразу повеселел. — Ищу беспокойных. А теперь оглядитесь, познакомьтесь с людьми... У меня душа горит... В шахту нужно!

Через двадцать минут он уже был на участке Дубинцева. Присел поодаль от забойщиков. Степан не выдержал, похвастался:

— Узнаешь гвардию, капитан?

— Радуюсь, гвардии сержант! Горжусь! Звонил сейчас только в больницу...

В это время молоток в руках Сибирцева дал такую длинную очередь, что Степан услышал только конец фразы:

— «...Привезите или приведите, говорит, его: Все глазыньки проглядела...»

Степан даже зажмурился и в каком-то несказанном порыве всем телом двинул головку молотка.

А в следующую короткую паузу Рогов опять выкрикнул:

— Собрание после смены. Письмо Сталину подписываем!

Он побыл еще немного, осмотрел крепь и, спускаясь в штрек, встретил Дубинцева. Тот осветил в лицо начальнику и даже отступил удивленно.

— Что такое, Павел Гордеевич, вы недовольны работой? Уже за шестьсот перевалило!

— В лаве все хорошо, — отозвался Рогов. — А вот как у тебя?

— У меня? В нитку вытянулся, всем обеспечил: и лес, и порожняк, и две смены взрывников. Замотался...

— Замотался!.. — Рогов неприязненно хмыкнул. — Не велико достоинство командира, если он умеет только мотаться. У тебя необыкновенная смена. Надо научить сотни других людей так же организовывать свой труд. Но, чтобы научить, нужно иметь точную, осмысленную фотографию всего, что здесь делается. Я завтра же заставлю тебя выступить с докладом перед шахтерами. О чем будешь рассказывать, о том, как измотался за смену? А я заставлю, имей в виду!

— Ах, вот что! — Дубинцев успокоился и помахал перед собой записной книжкой. — Все здесь — до единой операции, до единой минуты! Заставляйте!

— Значит, с самого начала понял задачу?

— С самого начала.

А в верхних уступах в эту минуту Данилов отключил молоток от шланга и оглянулся на поджидавшего рядом Сибирцева. Встретились взглядами, прислушались к внезапной тишине в лаве, улыбнулись друг другу так, как будто, только что взобравшись на крутую гору, увидели за ее снежным хребтом великий зеленый простор, ослепленный жарким солнцем.

— Ну вот! — Степан поглядел на свои руки, вздохнул облегченно. — А теперь мы с тобой имеем право и письмо подписывать Иосифу Виссарионовичу.

ГЛАВА XXXIV

Первое апреля. По календарю весна, но тепло стоит где-то еще за снежным хребтом Алатау, а в крутых распадах Кондомского водораздела утрами повисает мороз-

ная дымка, багровое солнце поднимается в алмазной короне — говорят, не миновать буранов. И все равно — весна неслышно раскидывает свои синие крылья над землей кузнецкой, весна стучится, наконец, и в самую сибирскую Сибирь.

Даже в шахте, если выйти на свежую воздушную струю, словно чуются запахи подтаявшего в полдень снега; пригретой солнышком моховой кочки. Весна!

— А то как же, конечно, весна! — Рогов распахнул обе форточки в широком окне, подышал рванувшимся в кабинет холодным воздухом, а когда оглянулся на Хомякова, в темносерых глазах его светилось озорное веселье.

— Что вы сказали, Павел Гордеевич? — Маркшейдер оторвал на минуту взгляд от бумаг.

— Я говорю: весна! — повторил Рогов. — Весна, Герасим Петрович, стучится к нам в шахту... В сердце!

— В сердце? — Хомяков близоруко всмотрелся в лицо начальника шахты. — В сердце, Павел Гордеевич, впускайте весну без опаски, а насчет шахты советовал бы подумать.

— Да, да! — Рогов встряхнулся и прошел на место. — Думаю, думаю! Из головы не идет эта весна в шахте... Нет, лучше сказать: над шахтой. Собственно в шахте все готово: водостоки, дренаж, помойницы, водоотлив, специальное наблюдение на угрожаемых направлениях, и все же немного тревожно.

Сегодня засиделись дольше обычного, скоро дневной наряд, а они все не могут прервать беседы. Встречи эти вошли уже в привычку, и трудно сказать, кто из них с большим нетерпением ожидал разговора с глазу на глаз, когда сидели вот так, друг против друга, когда трезвые расчеты маркшейдера перемежались яркими вспышками роговской мысли, когда они то спорили о какой-нибудь одной детали хомяковского комбайна, то откладывали чертежи и мечтали об удивительных, но совершенно реальных вещах. Обоим зримо представлялся завтрашний день, когда, вооруженные новой чудесной машиной, шахтеры пойдут в еще невиданную атаку на угольную целину.

Если не считать бара — основной режущей части комбайна, которая изготовлялась на Киселевском машиностроительном заводе, то все уже было готово для первых опытов в настоящих производственных условиях. Даже

подготовили специальный фронт — тридцатиметровый угольный целик на одном из действующих участков. Основная станина с транспортером и пневматической системой давно смонтирована в мастерских и привлекает целые толпы любопытных.

— Все готово, Павел Гордеевич. — Хомяков старательно завязывает тесемки на папке с чертежами и почему-то вздыхает. — Сердце только не готово, сжимается, как перед прыжком!

Рогов нетерпеливо ударяет ладонью о стол.

— Чорт возьми! Ну, чего они там возятся на Киселевском? Вот что, Герасим Петрович, поезжайте туда еще разок, садитесь на директора и не слезайте, пока бар не отгрузят. Передайте ему при случае, что мне, как инженеру, стыдно за него. Разве так можно работать? Скажите ему, что нельзя так работать!

Хомяков улыбнулся.

— Значит, мне сегодня опять за свой комбайновый чсмоданчик?

— За какой комбайновый?

— Да с которым я вот уже три месяца в разъездах и в расходах. Мария Дмитриевна так окрестила мой баул. «Скорей бы, говорит, ты заканчивал свою машину, а то опасаясь, день ото дня все молодеешь, искры из тебя так и скачут — далеко ли до греха...»

— Искры! — Рогов прошелся по кабинету, пошевеливая плечами, словно китель стал тесноват. — Искры! — повторил он. — Хорошо Мария Дмитриевна сказала. Не стареющая наша молодость! Не устающая! Только топиться нужно...

Хомяков непонимающе посмотрел на Рогова и тут же встал.

— Я пойду, Павел Гордеевич. На четыре часа договорились встретиться с главным инженером.

— Ну, как он? — живо откликнулся Рогов. — Как дышит около этого дела?

— Вы знаете... — Скулы у маркшейдера порозовели от удовольствия. — Мне кажется, что у него уже и дыхания нехватает. Сегодня в три часа ночи... — Хомяков понизил голос до шопота, словно боясь, что его услышат посторонние. — Понимаете, в три часа является ко мне на квартиру. «Вы, говорит, спите? Ну, это пустяк». —

«Какой же это пустяк? — заворчала Мария Дмитриевна. — Добрые люди давно почивать изволят». А Федор Лукич даже глазом не моргнул, и глаза-то у него какие-то хмельные. «Нет, говорит, это действительно пустяк по сравнению с тем, что мне пришло в голову, пока я заново просматривал пневматическую систему Герасима Петровича. Удивительная идея!» Вот он мне и предложил автомат — регулятор скорости, в зависимости от глубины вруба.

Оставшись один, Рогов сидел несколько минут не шевелясь, чувствуя, как апрельское солнышко пригревает затылок. «Да, все хорошо, почти все хорошо! До нижнего горизонта коллектив добирается. Только вот с главным подъемом трудновато, даже очень трудно, но это дело пока потерпит. Надо будет сегодня обязательно заглянуть: что там делает Галя?»

Рогов недовольно поморщился: опять! Сколько раз он себе запрещал называть так девушку, — что за глупая фамильярность? Мысленно махнул рукой: «Ну, хорошо, допустим, не Галя, а Галина Афанасьевна. Но посмотреть тем не менее нужно, как там люди развертываются. Сроки, сроки!»

И самое главное: уже действуют три поточные механизированные линии — гордость шахты. Три участка механизированы полностью, от забоя до бункеров. В двух длинных лавах действуют комбайны Абакумова, третью Некрасов ведет методом самонавалки. «А теперь бы хомяковскую машину побыстрее закончить и — в лаву, не в одну, а во все, где только возможно!»

Рогов даже оглянулся, показалось, что он сказал эти слова вслух.

В ту же минуту заглянул в кабинет Севастьянов и сообщил:

— Народ готов, Павел Гордеевич, можно начинать.

Рогов выждал, пока шум в зале уляжется, потом подошел к задней стенке эстрады и медленно раздвинул голубоватый занавес.

— Вот она! — сказал кто-то из шахтеров. — Красавица наша...

Сотни пытливых взглядов остановились на схематическом чертеже подземных горизонтов «Капитальной». За-

К сmp. 240

поминались три зигзагообразные красные линии, пересекающие рабочие поля и сходящиеся в одной точке у главного подъема. И еще до десятка синих линий извивались по штрекам и квершлагам на пути к рудничному двору.

Рогов вышел на край эстрады и коротким взмахом показал на план.

— Красные линии, товарищи...

— Машинная добыча! — подхватил кто-то.

— Да, это линии машинной добычи и транспортировки. У нас с вами хватило сноровки и настойчивости сделать этот первый шаг. А синие — это те участки, где мы должны впрягать в работу конвейер машин завтра, послезавтра, через месяц, не останавливаясь, не поступаясь ни одной возможностью.

Значит, сегодня у нас безотказно действуют три поточные линии. Они механизированы полностью — от забоя до бункеров. Мы могли бы пустить сейчас еще не меньше десятка, но, сами знаете, дело в забоях за навалкой, дело за комбайнами. Могу сообщить, что в наш адрес отгружен один комбайн Макарова, значит, буквально с завтрашнего дня можно приступить к организации еще одного механического потока. Только где в первую очередь...

Шахтеры в зале невольно подались к трибуне.

— Я уже советовался с товарищами... — продолжает Рогов.

Но его сейчас же перебивает стоголосый крик:

— К нам!

— У нас!

— Павел Гордеевич, на двадцатый!

— На двенадцатый! — почти пропело несколько голосов.

Рогов услышал их в общем хоре, повернулся к ним.

— На двенадцатый?

— Да, да! — дружно закивали черепановцы.

— Надо подумать...

Рогов невольно улыбнулся, услышав, как совсем близко кто-то вздохнул:

— Везет комсомолу!

Митенька сейчас же бойко отпарировал:

— Везет, если сам везешь!

Рогов поднял руку.

— Я думаю, что участок Дубинцева, его коллектив

достоин такого внимания. Посмотрите: четыре знамени держат в своих руках, ни одного шахтера, не выполняющего нормы, и должен с удовольствием отметить: у Дубинцева добывается самый дешевый на шахте уголь!

— Что там говорить, работают любо-дорого! — решительно объявил Афанасий Петрович. — Им и карты в руки...

Выходя из зала после собрания, Аннушка слегка приподнялась на носках, пытаясь увидеть старого проходчика.

— Здравствуйте, Анна Максимовна! — сказали у нее за спиной.

Она оглянулась и вскрикнула: •

— Коля! — и тут же невольно покраснела: не узнала голоса мужа и еще от радости, что, наконец, видит его после долгих восьми часов. Поджав смешливо дрогнувшие губы, сказала церемонно: — Здравствуйте, Николай Викторович! — Хотела руку подать, но больше не могла сдерживаться, притянула его к себе и зашептала: — Грязный ты, грязный мой, хороший мой! Одни глаза и светятся. Есть хочешь? Пойдем, я тебя накормлю... Только в столовой! Ты не обижаешься на жену?

Николай потрянул головой.

— Жена, я счастливый, как черт!

Он повторял до самой столовой: «Счастливый, как черт!» — пока Аннушка не попросила:

— Ну перестань, я и в счастливых чертей не верю!

За столиком сидели рядом. Пока Николай ел, Аннушка заботливо пододвигала ему то хлеб, то тарелку с чем-либо и все спрашивала:

— Вкусно?

Николай усмеялся:

— А ты не знаешь, какие бывают щи после шахты? И если бы после всего, что я здесь съел, где-нибудь пообедать...

ГЛАВА XXXV

В общем, после того как вечером Стародубцевы повторили приглашение, пойти к ним пришлось. Клавдия Степановна, жена Стародубцева, к тому же несколько раз повторяла:

— Как можно, вы же совсем не бываете в людях.

Может быть, не сознавая этого ясно, Аинушка шла даже с удовольствием — интересно все-таки: как это выглядит, когда «бывают в людях». А потом приятно иногда слышать, если Николай при посторонних называет ее женой. «Мещанство? Ну что ж тут поделаешь — приятно, да и только».

Пришлось на всякий случай тщательно проинструктировать Николая: во-первых, пусть не выкидывает на стол свои узловатые ручки, во-вторых, нельзя закидывать нога на ногу так, что носок ботинка небрежно раскачивается где-то у подбородка собеседника; и пусть хотя бы на один вечер оставит свою привычку зевать до слез, когда ему становится скучно. Мало ли что, скука скукой, а уважение к хозяевам своим чередом.

Неизвестно, какую пользу извлек из всего этого Николай, но перспективы предстали перед ним настолько неутешительными, что он начал украдкой зевать еще дома. Заметив это, Аинушка только вздохнула.

Стародубцевы приняли гостей хорошо, по-соседски. Семен Константинович даже засуетился, усаживая их в столовой.

— Давно бы так, — заметил он, опускаясь на диван рядом с Николаем, — а то, понимаете, живем через коридор, а контакта совершенно никакого.

— Что правда, то правда, — согласился Николай. — Живем — как будто китайской стеной разгорожены. Хотя, с одной стороны, это и понятно: массу времени отнимает работа. Сами знаете, «Капитальная» не любит, когда ей уделяют только половину внимания.

— «Капитальная»? — Стародубцев понимающе улыбнулся. — Говорите уж, соседусько, прямо: не «Капитальная», а Павел Рогов. Вот действительно на кого уему нет. Ему бы городской милицией командовать...

Дубинцев покачал головой, глаза у него стали ласковыми.

— Командовать он умсет и крутоват частенько бывает, но ведь зато с ним рядом сильнее себя чувствуешь. И посмотрите, как шахта вышагивает! На пленуме обкома, в резолюции, так и записано: передовая шахта!

— Так это же очень просто! — Семен Константинович пожал плечами и выпятил нижнюю губу. — Как же

может быть иначе? У «Капитальной» колоссальные запасы производственных мощностей...

Щеки у Дубинцева порозовели, он хотел что-то возразить, но тут решительно запротестовала Клавдия Степановна.

— Хватит, Семен, — сказала она. — Я же тебя предупреждала, чтобы ты не устраивал на квартире производственных совещаний. — Она повернулась к Аннушке: — Действительно, можно подумать, что весь мир, вся земля — это одна огромная шахта. Скучища невозможная.

Перед ужином немного выпили. Потом Стародубцев рассказал о своей работе, о последней поездке в Новосибирск.

Не поладив с Роговым, он, по его мнению, очень удачно устроился в тресте помощником главного инженера по капитальному строительству.

— Оно хотя и ненадежно, зато спокойно, не мотаешься день и ночь по шахте; вес в делах солидный, а ответственности... — Семен Константинович даже рукой махнул, — ответственности почти никакой. И потом сама обстановка облагораживает.

Клавдия Степановна несколько раз вынуждена была признать, что он теперь выглядит значительно интеллигентнее. А всему причиной среда.

— Взять последнюю поездку в Новосибирск. Пришлось встречаться с умнейшими людьми. В Гипроугле консультировался по вопросам нового шахтного строительства у профессора Скитского. Вот голова, вот умище! И помощница у него подстать своему патрону: умна, молода и красива — совершенно исключительное сочетание.

Заметив осуждающий взгляд жены, Стародубцев снисходительно улыбнулся, прикрыл глаза и нараспев повторил:

— Ах, и красавица, чорт возьми! Просто вся изнутри светится. Постойте, как бишь ее зовут?.. Да! Валентина Сергеевна Евтюхова.

— Валя Евтюхова? — радостно подхватила Аннушка. — Так ведь это невеста Павла Гордеевича! Неужели не знаете?

— Что-о? — Стародубцев даже поперхнулся. — Валентина Сергеевна — невеста Рогова? Вам не помстилось?

— Да нет же, нет! — Аннушка даже потянула Николая за рукав. — Это же давно известно на шахте, и я рада от вас слышать, что она такая... достойная Павла Гордевича.

— Достойная?.. — Глядя на жену, Семен что-то соображал секунду, потом в глазах его метнулись веселые искорки, и он оглушительно рассмеялся. — Невеста!.. Вот это, я вам скажу, сюрприз... для Пашеньки! Ой, не могу, честное слово... Прямо умора!

Николай строго посмотрел на Аннушку, Стародубцева, на Клавдию Семеновну, которая, почуяв, очевидно, пикантную новость, надменно приподняла брови и даже попробовала лениво урезонить мужа, сказав:

— Семен, ты вечно выдумывашь...

— Выдумываю? — Семена одолел новый приступ смеха. — Вот уж на этот раз не выдумываю, не грешен! — Он почти торжественно оглядел присутствующих и медленно отчеканил: — Было бы вам известно, что эта умная, красивая Валя, эта бывшая невеста Павла Рогова выходит замуж за профессора Скитского!

— Ой!.. — Невольный стон вырвался у Аннушки. Захватив щеки мгновенно похолодевшими пальцами, она испуганно глянула на Николая.

А тот сидел насупившись, не в силах поднять глаз на хозяев.

Стародубцев же словно ничего не заметил, откинулся на спинку стула, покрутил перед собой вилкой и значительным тоном повторил:

— Да-с, уважаемые, замуж за профессора Скитского. И должен вам сказать, натянув нос Рогову, Валентина Сергеевна ничего не прогадала: пара у них с профессором будет во всех отношениях удивительная. Да-с!..

Как это случилось, что он узнал о предстоящей свадьбе? Одну минутку, сейчас припомнит.

Да, он был у профессора. Беседовали по поводу эксплуатационных полей второй «Капитальной». Профессор слушал очень внимательно, сделал несколько замечок в блокноте, и тем не менее он несколько раз прерывал беседу и, вызывая секретаря, спрашивал:

— Валентина Сергеевна не вернулась? Вы узнавали, как ее здоровье?

А один раз, извинившись перед Семеном Константиновичем, он позвонил какому-то Вакшину и строго наказал ни в коем случае не передавать корректуру книги Валентине Сергеевне — это сделает сам Скитский. И вообще, не пора ли разгрузить аспиранта Евтюхову от второстепенной работы? Неужели в Геологоуправлении не известно, что Валентина Сергеевна вот уже второй месяц недомогает?

Потом профессор на несколько минут вышел, и Семен в полуоткрытую дверь слышал чей-то разговор в приемной.

— С тех пор как Валентина Сергеевна прихварывает, профессор места себе не находит, — посетовала секретарша.

— Ты думаешь, у них что-нибудь серьезное? — спросил второй голос.

— Серьезное? — удивилась секретарша. — Ты, Ирина, просто наивная. Неужели ты думаешь, что такой солидный человек, как Василий Пантелеевич, может расточать ухаживания направо и налево? Или ты думаешь, их предстоящая совместная поездка в Москву преследует только одни служебные цели? Нет, все это так же очевидно, как то, что профессор получил новую квартиру на Серебряниковской и вот уже второй месяц занят ее благоустройством. Дело это решенное, можешь поверить мне на слово, я достаточно наблюдательный человек.

А назавтра Стародубцев имел честь не только встретиться, но и познакомиться с самой Валентиной Сергеевной. И теперь-то ему понятны некоторые оттенки из разговора, которым он тогда не придавал значения.

— Вы с Березовского? — переспросила Валентина Сергеевна и тут же заметила, что у нее некоторое удивление вызывает неповоротливость командиров их рудника, а заодно и управления комбинатом «Кузбассуголь», до сих пор не обративших серьезного внимания на промышленное развитие закондомского шушталепского месторождения. Ведь это же свита из двадцати четырех пластов, это же преимущественно дешевые штольневые разработки! — Не может быть, чтобы у вас не было горячих думающих голов, на вашем Березовском руднике. На Березовском... — повторила машинально Валентина Сергеевна и тут же как-то странно, очень взволнованно посмотрела на

Стародубцева. — Послушайте, так вы на том самом Березовском... — она быстро отошла к окну.

— Что вы хотите сказать? — не понял Стародубцев.

— Нет, нет, это я так... — Валентина Сергеевна вернулась к столу, но, прежде чем сесть, несколько раз повторила: — Боже мой, какая я глупая, какая глупая, даже и не подумала сразу...

— А теперь-то я понимаю, в чем дело! — Семен Константинович засунул руки в карманы и вытянул под столом ноги. — Теперь я понимаю, девушку немного совесть мучает. Ну, это, знаете, пройдет!

Во все время этого ненужного, самодовольного рассказа Дубинцевы сидели, как в воду опущенные. И если у Николая хватило выдержки сохранить хотя бы относительное спокойствие, то Аннушка просто задыхалась от горя, от омерзения и все повторяла про себя: «Бедный Павел Гордеевич. Бедный Павел Гордеевич».

Словно не замечая ничего, Клавдия Степановна стала жаловаться на скуку, на трудности со снабжением.

Стародубцев философски отмахнулся:

— Скучновато у нас на руднике!

«Это он о нашей жизни! — похолодела Аннушка. — Фу, мерзость какая!» Она вскочила и, не слушая, что там говорит на прощание Николай, почти выбежала из квартиры Стародубцевых. Щеки пылали, как от пощечин, и не было на памяти такого гневного, тяжелого слова, которым бы можно было зачеркнуть, выбросить из сердца только что пережитое оскорбление.

Когда вошел Николай, она сидела на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Он тронул ее за плечо.

— Ну что ты, Аннушка?

Аннушка резко выпрямилась, на глазах у нее были слезы.

— А ты? — спросила она. — Ты спокоен? А если бы при Рогове говорили такие гадости о тебе, о нашей жизни? Я только сегодня поняла, что это грязные сплетники, ползучие обыватели! И... и меня тошнит, я ненавижу себя, что не нашла мужества сказать им это в лицо. А Рогов сказал бы!

— Успокойся, прошу тебя. — Николай присел рядом. — Я знаю, что Рогов, не заметив, перешагнул бы через все это хозяйство — так себе: кучка дряни. А в от-

ношении Валентины Сергеевны... ну что ж, поживем — увидим; в конце концов это их дело.

Глаза у Аннушки зло блеснули, и вся она на минуту стала чужой и колючей, когда сказала вполголоса:

— Не смей так говорить! Слышишь? Это наши люди! Их горе, их ошибки — это наше горе... — Потом она, как всегда жалобно, попросила: — Коля, я тебя умоляю, не будь таким, не смей так думать... Только представь себе, что перенесет Павел Гордеевич, если это несчастье случится...

— Вот что, — Николай твердо, по-мужски взял руку жены. — Слушай меня: здесь есть два «или». Или эта девушка не такая хорошая, как думает Павел Гордеевич, или Стародубцев врет! Третьего «или» не может быть.

Лицо Аннушки посветлело, и вся она ожила, ухватившись за эту спасительную мысль. Именно третьего «или» не может быть!

Договорились держать себя с Роговым так, словно ничего не знают, ничего не случилось.

Но назавтра, беседуя с Роговым, Дубинцев, против своей воли, до того пристально смотрел на него, что инженер даже спросил удивленно:

— Ты что уставился? Первый раз видишь?

Пришлось сказать, что Павел Гордеевич за последнее время заметно похудел, глаза у него даже какими-то зеленоватыми стали.

— Оставь ты, пожалуйста! — отмахнулся Рогов. — Весна на дворе — соловьи в сердце, вот и худею, вот тебе и зелень в глазах. Не отвлекайся, что еще у тебя?

— Вот и все, пожалуй. Если за пятидневку заменим крепь в седьмом сбоечном и пустим по нему аккумуляторный электровоз, то макарровский комбайн выгоднее ставить в двадцать седьмую лаву.

— Значит, двенадцатую, черепановскую, не сможем подключить к этому механизированному потоку?

— Подключить можно, только она же...

— С ручной навалкой? — нетерпеливо спросил Рогов. — Хорошо, сделаем, как говоришь, а комсомольцы подождут хомяковскую машину.

— Конечно, подождут, — подтвердил Дубинцев. — И даже не заметят со своим новым графиком. Я уже докладывал вам...

— Да, да, я разбирался. — Рогов на минуту задумался. — С этим графиком много пока нерешенного, но много также удивительно дельных мыслей. Ты пока не пробовал Черепанова отговаривать?

— Пробовал, сказал, что подумать как следует надо... — Николай смущенно потупился.

— Ну?

— Как ерш, с хвоста до головы оцетинился, пообещал даже вместе с Даниловым пойти к Бондарчуку.

— И уже были, были! — весело подтвердил Рогов. — Нажаловались! Ах, хорошо, чорт возьми!

Лицо у Николая вытянулось.

— Что ж тут хорошего? — недовольно заметил он. — Не миновать мне трепки от Виктора Петровича.

— Трепки!.. — Рогов рассмеялся. — Ты слушай, какую мысль подает парторг: Черепанов составил свой односменный рабочий график для стосорокаметровой лавы; ему советуют еще раз все пересмотреть, пересчитать, чтобы не было ни одного белого пятна, а он настаивает на немедленной реализации своего плана, говорит, что уже советовался-пересовetовался и со своим опытом и со своим сердцем. Что ж можно возразить против таких советчиков? Сделаем тогда так: через недельку соберем всех командиров шахты, и пусть бригадир выступит перед ними не как-нибудь, а с лекцией о своем графике, пусть трезво и с жаром докажет его преимущество. А? — Открытое скуластое лицо Рогова стало юношески простоватым, ласковым, когда он вполголоса переспросил: — Понимаешь, Коля, что это значит: забойщик делает доклад инженерам?..

ГЛАВА XXXVI

Аннушка только что прибрала в комнате и, приподняв занавеску, засмотрелась на улицу с ее звонкой апрельской капелью. На звук приоткрываемой двери обернулась.

У порога стояла высокая, дородная женщина с чемоданчиком, стояла и тихо, загадочно улыбалась. Аннушка растерялась от неожиданности. Хотела спросить: «Вы ко мне?» Но доброе полное лицо женщины показалось таким знакомым и даже родным. Хотела сказать: «Здравствуй-

те», — но и этого не сказала. Выручила сама незнакомая гостья.

Кивнув слегка головой, она молча разделась, повесила пальто, откинула на плечи пуховую шаль и, присев на низенький сундучок у стенки, попросила:

— Кажись-ка мне, доченька!

Аннушка немного замешкалась, может быть оттого, что, сразу угадав в гостье свекровь, не придумала еще, как и для чего нужно показываться. Но свекровь не стала ждать, а запросто, бесцеремонно притянула ее к себе за руки, заглянула в глаза, искренне удивилась:

— Чего ж ты такая крохотная, шахтерова жена? — И, наконец, с удовольствием чмокнув невестку в обе щеки и в губы, спросила: — Колька не обижает?

Через полчаса они были уже дружны. Зинаида Ивановна распаковала гостинцы, пересмотрела небольшую библиотечку в угловом шкафу и осталась недовольна — книг мало, подобраны случайно, что же читают эти два ребенка и читают ли вообще? В этом придется как следует разобраться. Зато незамысловатая электрокухня была найдена почти в полном порядке. В общем, с первой же минуты знакомства со свекровью Аннушка попала под ее высокое руководство.

Вернувшись домой после разговора с Роговым, Николай еще в коридоре услышал смех и звонкое восклицание жены:

— Мама! Это же не понравится Коленке!

В комнате выглядело все особенно домовито, на плитке что-то шипело и побулькивало и пахло очень вкусно. В белом фартучке, розовая, возбужденная Аннушка приколачивала новый настенный коврик у кровати, Зинаида Ивановна только что передвинула поближе к окну письменный стол. И мать и жену заслонял от Николая золотистый столб солнечного света.

Оглянувшись на сына, Зинаида Ивановна всплеснула руками.

— Батюшки, вот шахтерище вымахал!

А уже за обедом мать с пристрастием допрашивала:

— Скажи-ка, дружок, почему по восемнадцать часов крутишься на шахте? Что это за отсебятиня?

— Какая отсебятиня?.. — Николай заметно смутился. — Есть же государственный план...

— Который нужно выполнять? Ну и выполняй, как положено коммунисту, а ты словно торгаш в собственной лавочке: каждую копейку сам поровишь сунуть в кассу. Но ведь есть же у тебя на участке люди заботливые, советские, — тоже болеют за дело, думают о нем, зачем же им заглядывать под руку? Так ведь нет, такие начальники, как ты — из молодых да ранние, — мельтешат перед глазами, суются в каждую мелочь: «Ах, как бы чего не вышло!»

— За себя я восемь часов на шахте, — возразил сын, — могу и меньше. Но нужно же что-то делать и за тех, кто не успевает, — я не виноват, что не все одинаково трудятся...

— Золотой ты мой! — Полное лицо Зинаиды Ивановны затряслось от сдержанного смеха. — Что это за теория: «за себя да еще за других»? Кто тебя этому учит, кто тобой командует? Рогов?

Она долго и придирчиво выпрашивала: кто такой Рогов?

— Я рядом с ним научился мечтать! — выпалил неожиданно Николай.

— А он рядом с тобой чему научился? — строго спросила Зинаида Ивановна. — Скажу по-свойски: это меня тоже интересует. Не знаешь? Ну, тогда вот что: позви-ка его на чашку чаю, скажи, что я хочу ему в глаза заглянуть.

— Занят он... — замялся Николай. — Таковую махину на плечах держит.

— Не говори глупостей! — прикрикнула Зинаида Ивановна. — Вот еще богатыри подобрались — один чуть не за десятерых работает, другой целую шахту на плечах держит. Занят! А ты попробуй.

Николай назавтра же попробовал, пригласил.

— Часов в восемь вечера, говоришь? — только и переспросил Рогов, потом подумал, посмотрел в свой дневной план, вычеркнул что-то и ровно в восемь вечера пришел. И не один, а со Степаном Даниловым.

Степан же притащил свой фронтальной аккордеон, и получилось совсем хорошо.

Аннушка, наверное, никогда не забудет этот удивительный вечер. Легкий ночной морозец разрисовал серебряными перьями лунные квадраты оконных стекол;

зеленовато светилась затемненная абажуром настольная лампа, в дальних углах затаились легкие тени. От лунной ночи за окном, от тишины, изредка нарушаемой голосами собеседников, почему-то казалось, что плывет маленькая комнатка в далекое далеко.

Аннушка думала, что мать будет выпрашивать Рогова, кто он да что он, а тот взъерошится — и найдет коса на камень. Но Зинаида Ивановна только глянула на его сильную подобранную фигуру, на открытое, немного утомленное лицо и, встав навстречу, сказала просто:

— Вот вы какой...

Степан Данилов только что вернулся из поездки в Сталинск, где долечивалась Тоня Липилина, и был весь какой-то летящий, песенный, говорил с хрипотцой, но когда запел под аккордеон, какой проникновенной силы, какой покоряющей теплоты оказался у него голос!

Случилось это просто, как будто песня только и ждала этого вечера, этого часа. Вначале выпили по стакану чаю, потом поговорили о чем-то незначительном, и вдруг Рогов попросил:

— Спой, Степа!

И Данилов запел, приподняв лицо, легко прикасаясь пальцами к прохладным перламутровым клавишам инструмента:

Снега, как перья лебедей,
Покрили все вокруг...
Но сразу на душе теплей,
Когда приходит друг.
Добро не в том,
Кто за столом
Дружить поклялся вдруг,
А друг в труде,
А друг в беде —
Мой настоящий друг.
Он улыбнется, и светлей
Мне станет среди вьюг:
Верней не знаю я людей,
Чем он, мой верный друг.
Не тот мне мил,
Кто с нами пил,
Назвался другом вдруг,
А друг в труде,
А друг в беде —
Мой настоящий друг.
Мы с ним за партой за одной
Сидели десять лет.

К стр. 260

И нашей дружбы фронтовой
На свете крепче нет.
    Не тот хорош,
    Кто словно грош
    Вкатился в братский круг,
    А друг в труде,
    А друг в беде —
    Мой настоящий друг.
Теперь на новые дела
Нас дружба подняла,
Мы с другом — будто два крыла
Летящего орла...

Степан умолк, чуть наклонив голову к плечу, словно прислушиваясь к улетающим звукам.

Рогов повторил вполголоса, нараспев:

— «Мы с другом — будто два крыла летящего орла...»
Хорошо, когда песня от сердца!

— Как живешь, так и поешь, — заметила Зинаида Ивановна, потом оглядела всех по очереди, обняла за плечи Аннушку и кивнула инженеру: — Рассказывайте, Павел Гордесвич, как живете, как суетитесь?

Рогов пожал плечами и, понимающе глянув на смутившегося Николая, улыбнулся.

— Живем так, Зинаида Ивановна, что и суетиться некогда.

— Как в сказке?

— Нет! — Рогов глянул открыто, в глазах у него мелькнула строгая тень. — Нет, Зинаида Ивановна, в сказке скучно: там человек становится счастлив по щучьему велению, а мы счастье своими руками трогаем.

— Хвастаетесь! — добродушно подзадоривала Зинаида Ивановна.

— Нет, честное слово! — Рогов вскочил. — Посмотрите на нас, на сына, на дочь, послушайте, как у Степана сердце бьется! И все потому, что никогда люди не чувствовали себя нужнее, необходимее в жизни, чем наши люди — советские!

— Все без исключения?

— Да исключений так мало, что о них даже не думается.

Зинаида Ивановна с сомнением пожала плечами.

— Это шапкозакидательство. Почему вы исключаете основное в нашей жизни — борьбу за лучшее, борьбу с косностью, рутинной?..

— Не исключая! — перебил Рогов. — Борьба эта для нас так же необходима и незаметна, как собственное дыхание. Я не делаю из этого сердцещипательных трагедий, борьба эта наших людей не раздваивает. Да, я знаю, вижу, что есть у нас и такие, которые... как бы вам сказать... у которых весь мир умещается в четырех стенах квартиры.

Зинаида Ивановна рассмеялась и тут же погрозила Николаю с Аннушкой:

— Вы у меня смотрите!

— Ну, нет!.. — Николай обиженно нахмурился.

— Вот видите? — подмигнул в его сторону Рогов. — В этом наше счастье! Посмотрите вокруг, как буйно поднимаются к жизни ростки нового, невиданного. Счастье наше в том, что, например, через несколько дней на «Капитальной» выступит с докладом перед инженерами молодой забойщик, я не говорю: простой забойщик, потому что он не простой, а советский! Родные мои! — Рогов остановился, раскрыв перед собой ладони. — Но ведь это же наша большущая жизнь!

— Жизнь... — Мать задумчиво прошлась по комнате, потом остановилась перед Аннушкой, закрутила ей косы на шее золотым обручем. — Ты смотри, доченька, думай над этим: тебе детей воспитывать в новую, хорошую пору!

— Ну, а вы... — Рогов мягко одними глазами улыбнулся. — Кто вы? Николай говорит: депутат!

— Кто я? — Зинаида Ивановна улыбнулась. — Я, наверное, одна из тех, кому шахтеры дают свет и тепло, и прямо скажу: жаловаться не имею права... По крайней мере сегодня.

— Не жалуетесь? — быстро переспросил Рогов и почти торжественно оглядел присутствующих.

— Нет, не жалуюсь! — Зинаида Ивановна медленно прошлась по комнате, потом остановилась около сына и, положив ему руку на плечо, сказала вполголоса: — Я, Павел Гордеевич, мать! Мать таких вот, как Коля, Степан, вы... Я хочу видеть вас умными, работающими и счастливыми. Живыми. Все матери на земле хотят этого.

Зинаида Ивановна села рядом с Аннушкой, и та сейчас же доверчиво, по-дочернему, взяла ее за руки. Зеленоватый свет настольной лампы освещал ласковое лицо Аннушки, полураскрытые губы; Рогов стоял у окна, за-

думчиво перебирая пальцами бахрому занавески; Николай со Степаном сидели плечом к плечу, навалившись грудью на стол, и все они сейчас очень напоминали большую дружную семью, которая слушает рассказ своей матери, боясь пропустить даже слово.

— Учить бы мне сейчас ребятишек в школе, — с легкой грустью говорит Зинаида Ивановна, — ходить бы мне, депутату, по кулундинским колхозам, радоваться удачам, журить неповоротливых... Ведь весна на дворе! Эх, дети, какие неоглядные весны в Кулундинских степях, какие там хлеба поднимаются!

Черты лица Зинаиды Ивановны твердеют, взгляд делается строгим, когда она через минуту продолжает:

— А вместо того зовут меня из Москвы, из Антифашистского комитета: «Поезжайте, говорят, с делегацией в Англию, поговорите с простыми английскими женщинами, что пора защищать мир!»

Рогов у окна выпрямился, Степан с Николаем убрали руки со стола, Аниушка медленно опустила голову. Зинаида Ивановна заговорила громче, и была в ее голосе гневная скорбь:

— Два года еще не минуло, как война кончилась, еще работают госпитали по долечиванию инвалидов, еще ноют сердца от недавних потерь, а нам снова нужно изо всех сил защищать мир!

Рогов подышал на голубоватое перышко на стекле и, подождав, пока оно, поголубев, растаяло, спросил взволнованно:

— Значит, в Англию?

— Да... и надолго. — Зинаида Ивановна вздохнула. — Робею не перед границей — перед тоской по родине, впервые ведь отрываюсь...

— Передайте английским матерям, мама... — начал Николай и вопросительно посмотрел на инженера.

— Да, да! — подхватил Рогов. — Передайте им, между прочим, что есть на великих сибирских просторах земля кузнецкая, в просторечье — Кузбасс; что живут на земле кузнецкой шахтеры и металлурги, что нет для них большего счастья, завиднее доли, чем их трудовая советская доля! И передайте еще им, что нет такой силы в мире, которая бы смогла отнять у них то, что они по праву называют своим!

Степан, повернувшись вдруг к Дубинцевой, наказал:
— А хозяевам нынешней Англии скажите: если потребуется, мы не разучились воевать! Только еще страшнее будем!

Помолчали. За окном, как будто в бесконечной дали, прокричал паровоз — пять раз и потом еще два. Деловито стучали ходики на стене.

— Ну, а ты что молчишь, Аннушка? — спрашивает Зинаида Ивановна.

— Я? — Аннушка подняла голову. — Я думаю, мама... Как это правильно было сделано: фашистской Германии уже два года нет, а вот антифашистские комитеты все еще действуют. Значит, знала партия, что они будут нужны!

Рогов, а за ним и все остальные проследили за взглядом Аннушки. С большого настенного портрета, слегка затененный зеленоватым абажуром, в комнатку, в мир спокойно и мудро смотрел Сталин.

ГЛАВА XXXVII

Черепанов открыл глаза и сразу зажмурился. Прямо в окно из синего бездонного океана плыло громадное белое облако. Вот это весна! Хоть так верти, хоть эдак — все равно весна. И где еще такую весну сыщешь, кроме Сибири, — она наступает вдруг. словно солнце вспомнит однажды утром: «Стой, есть ведь еще у меня работающая Сибирь! Что же это она до сих пор укутана в снега? Не хорошо... А ну-ка!»

И пошло! Загремят ручьи, осядут, подернутся звонкой глянцовитой коркой снежные сугробы, зачернеют проталины на лесных полянах, и, глядь, не успела просохнуть первая немудрящая кочка, а на ней уже две медуницы синееко оглядывают окрестные дали. Здесь же, рядышком, раскрывает белые прозрачные лепестки подснежник, а в логах и распадках гремят новорожденные речки.

Послушайте в час голубой зари, когда бархатные тени лежат под нижними ветками пихтача, и — слышите? — издали несетя глухое бормотание тетеревов, а поближе будто серебряный рог запел — идет лось по тайной тропе; над болотными мочажинами завели хоровод сороки-

хлопотуньи, частую дробь выбивает дятел, и где-то стороной просвистели в быстром лёте две пары уток.

А день поднимается, вширь раздается, и кажется, не будет ему предела, и воздух, как молодое вино — глотнешь разок, — сердцу жарко.

Почувствовав, как приятно заныло в суставах, Черепанов потянулся к часам на тумбочке. Ровно два. «Ого, так и царство небесное продряхнешь!»

Повернулся на спину, солнце ударило прямо в нос. Чихнул. Еще раз! Рассмеялся. Тело легкое, мысли свежие, светлые... «Стой, стой, что-то такое нужно вспомнить?»

Да, неужели Алешков все еще не вернулся с десятой шахты? Ну и делегат!»

Алешкова направили в бригаду Емельянова с наказом проверить, почему это в последние две-три недели «противник» как будто присмирел? А ведь было время, месяца два назад, Савоська шумел даже через газету, что у него в бригаде такие дела имеются прозапас — мир ахнет.

Черепанов язвительно кривит губы: ахнуть, конечно, не долго. Втайне Михаил надеется, что Алешков принесет известие о значительном отставании емельяновцев. А хотя бы и нет, пусть попробуют угонятся, после того как здесь уже все готово для перехода на новый график. По крайней мере до первого мая можно не оборачиваться: на пятки не наступят.

Черепанов немного успокаивается и с удовольствием оглядывает просторную высокую комнату. У стен — две никелированные кровати, при них маленькие столики, в углу зеркало, гардероб со всякими блестящими нащлепочками и точеными шпешечками, окно от потолка до самого пола — того и гляди, выпадешь.

Переехали сюда только на прошлой неделе, а уже привыкли, словно всю жизнь здесь прожили. Это все Павел Гордеевич устроил для бригады. Новое, гостиничного типа, общежитие только отделали, и начальник шахты вспомнил в первую очередь о комсомольцах. Вызвал в кабинет, прочитал приказ о переселении, потом построил в шутку по ранжиру и скомандовал:

— Смирно! По порядку номеров...

— Первый! — выскочил Митенька с левого фланга:

Конфуз, конечно. Да и откуда было им почерпнуть военной науки? В Великую Отечественную они годами не

вышли. Это вот сам Рогов — другое дело: глянешь на три ряда орденских ленточек у него на груди — сердце щемит. Или Данилов — Герой!

Вспомнив Данилова, бригадир быстро оперся на локоть. Мысли стали как будто резвее. Степан Георгиевич и Сибирцев на смене. «Как-то они сегодня? Позвонить разве?»

Но Черепанову сейчас трудно поднять отдохнувшее тело с чистой теплой постели. «Успею», — думает он и, вытянувшись, с наслаждением закрывает глаза.

Дверь в соседнюю комнату прикрыта не плотно, слышны голоса, кто-то смеется. Митенька, конечно, колесничает. Вот на кого нет угомону. «О чем это они?»

— Ну что ты врешь? — кричит Санька Лукин. — Мыслимое ли дело застеклить сверху всю шахту!

— А что, ничего хитрого, — сквозь смех настаивает Митенька. — Доживем до этого времени. «Хватит, — скажут шахтеры, — помотались в крошечной тьме! Электричества тоже не желаем, давай в шахту солнышко!» — «Ах, солнышко? С удовольствием, сделайте, пожалуйста, одолжение, получайте солнышко!»

И вот снимаются сверху дикие породы, до самого угольного горизонта, на борты кладут стропила, на них застекленные рамы и, пожалуйста, гуляй, шахтер...

— Руки в брюки! — язвит Лукин. — Голоза у тебя, Дмитрий, прямо министерская. Шахту ты застеклил, шахтеры твои через левое плечо поплевают, а уголек, выходит, самосильно бежит на-гора?

— Чего самосильно? — теперь уже горячится Митенька. — Про стекло это я так, для фантазии... А машины зачем? За ними только доглядывай, они тебе и нарубят и нагрузят, да еще и выберут, где получше... Не забывай про машины! На «Капитальной»-то у нас вот что делается — не только забойщики, а все люковые учатся. Думаешь, зря?

Черепанов с досадой крикает: «Если бы у Митеньки все так же гладко получалось на деле, как в речах, — был бы золотой человек. А то только вчера отхватил «тройку» на курсах горных комбайнеров, а речи, видишь, какие произносит... Украсил учебный аттестат бригады тройкой и в ус не дует! Надо будет поговорить с этим студентом по душам...»

Черепанов хотел уже вставать, но тут явился, наконец, долгожданный делегат.

Разговаривать с этим Алешей Алешковым тоже греха не оберешься. Вот и сейчас на требование бригадира немедленно же выкладывать новости он и ухом не повел. Не торопясь разделся, причесал перед зеркалом смоляные кудри, пристально рассмотрел прыщик на щеке и, наконец, нехотя сообщил, что совершенно случайно побывал на новоселье у одного забойщика.

— Ну, конечно! — Михаил саркастически усмехнулся. — Ты же у нас специалист по новосельям.

— Нет, серьезно! — оживился Алешков. — Помнишь, на слете все выкрикивал: «А ну, кто со мной на соревнование? А ну!» Рябой такой, один глаз туда, другой сюда. Ох, веселый мужчина! Хвастался, хвастался новым домом, показал чуть не каждый гвоздь, вколоченный собственноручно.

Черепанов только вздохнул.

— И, между прочим, этот новосел все отговаривал меня: «Не суйся ты к этим емельяновцам, какой прок? Работают — просто сердцу надрыв смотреть». Я уже и сам не хотел идти... — Алешков подумал, потом скучным, официальным тоном протянул: — Но раз вы меня облекли...

— В последний раз! — поспешил успокоить Черепанов.

— Раз вы меня облекли, — и ухом не повел делегат, — я пошел.

Побывал он, оказывается, в первую очередь на дому у Севастьяна, где помог распилить чурочку на дрова, за что был потчеван кружкой холодного молока, а молоко это не то, что в столовой.

— Ну, ну... — невольно поморщился Черепанов. — У них же, наверняка, телок есть, что ж ты про него ни словечка? У телка, что ж, звездочка на лбу, хвостик с кисточкой? Может, он это... человеческим голосом говорит?

Алешков явно обиделся, но выдержал характер и дальше продолжал столь же спокойно.

Был он и в бригаде и в комитете комсомола. В комитете — новый паренек и уже за голову держится: начальник шахты вчера пообещал расформировать молодежную бригаду, сказав, что толку в ней не видит, выработка день ото дня падает: зазнались, дескать, парни.

— А они не зазнались... — Алешков придвинулся к бригадиру. — Они мучаются.

— Мучаются?.. — Черепанов помолчал с минуту. Целую бурю противоречивых чувств вызвало в нем это сообщение. Да, он очень хотел настоящей, большой победы для своей бригады. Все, что он делал сейчас, над чем думал, — все было освещено ожиданием этой победы. И вот победа как будто пришла. Но странно, почему же нет в сердце радости?

Емельяновцы мучаются...

Черепанов решительно сбросил с себя одеяло, но, прежде чем встать, спросил:

— А Савоська, что ж, тоже за голову держится?

— Савоська? — удивился Алешков. — Так он же болен.

Черепанов сел в постели.

— Что у него?

— Аппендицит! — Алешков простодушно улыбнулся.

— Ка-акой аппендицит?

— Какой?.. Я почему знаю? Обыкновенный, наверное.

Это равнодушие к судьбе товарища бригадиру показалось настолько возмутительным, что он даже прикрикнул:

— Путаешь ты все... милое создание!

Теперь Алешков всерьез обиделся:

— Ничего не путаю, мне его молодуха сказывала: «У Севастьяна срочная болезнь — аппендицит».

Жизнь, правда, у него ничего, полная чаша, а работа — это ж мука! Лава новая, полмесяца как нарезали, пласт три метра, на каком они еще не работали, скважины закладывают вразброс, — получается сплошная стрельба, а угля... жалко смотреть.

— Ты, значит, им ни полслова о нашем опыте?

Алешков усмехнулся.

— Для какой же надобности? Чтоб они нас в два счета обставили? По-моему, на это у меня хватит соображения.

— Соображение у тебя государственное, — скупометил бригадир и, натянув, наконец, сапог, выпрямился.

Оказывается, пока он обувался, в комнату неслышно вошли Санька с Митенькой. Сидят рядком на стульях и выжидающе поводят глазами с делегата на бригадира и обратно.

«Что же делать?» Черепанов посмотрел в окно — из-за горы все еще наплывало огромное белое облако.

— Что же делать? — повернулся он к товарищам. — Выходит, победы добились? Можно крикнуть по телефону Чернову, чтоб пропечатал в газете два слова: черепановцы победили!

Митенька скучно улыбнулся.

— Конечно. И про аппендицит чтоб ввернул.

— Тоша победа, — промолвил Лукин.

— Именно! — подтвердил Черепанов и, вздохнув, быстро стащил с ног новые хромовые сапоги. А когда он надел свои рабочие резиновые «бахилы», бригадники переглянулись.

Митенька раскрыл было рот для какого-то замечания, но бригадир распорядился:

— Дмитрий, подай из тумбочки две буровые коронки. Быстро!

Когда Михаил ушел, в комнате некоторое время молчали, потом Лукин сказал многозначительно:

— М-да...

— М-да! — подхватил Митенька. — Одним словом, тронулся бригадир разоблачать наш опыт!

— А как же иначе? — быстро спросил Санька. — Как?

— Иначе никак, — согласился Голдобин. — Только это же самодержавие!

— Что такое? — изумился Лукин.

— Самодержавие, вот что! Опыт-то общий, соревнуемся-то мы все с емельяновцами, Михаил должен посоветоваться в таком деле с бригадой, как и что. Может, и я бы что-нибудь дельное присоветовал!

Санька медленно критически оглядел товарища и на этот раз с сомнением протянул:

— М-м-да!..

ГЛАВА XXXVIII

Еще вечером, поручив все дела по управлению Филенкову, Рогов с утра решил пойти на несколько часов в шахту, на поток к Дубинцеву, но только переоделся, позвонила Галя и немного запальчиво сообщила, что «в тресте с ума сошли», прекратили финансирование работ на уклоне, даже в выдаче насосов и транспортерной ленты

отказали. Может быть, Павел Гордеевич возьмется за это сам?

— Павел Гордеевич, может быть, возьмется! Но Павел Гордеевич немного удивляется, куда до сих пор смотрела Галина Афанасьевна, — не удержался от выговора Рогов. — Неужели Галина Афанасьевна — инженер, командир целого производственного участка — не понимает, как ей не пристала роль купеческого приказчика, который только и знал, что делал «от сих и до сих»?!

Пришлось все же поехать в трест. Управляющего на месте не оказалось, неприятный разговор состоялся с главным инженером.

— Нечего особенно горячиться, — пожал плечами Черкашин и пустился в длинный рассказ о сверхлимитных и нижелимитных ассигнованиях. — Неужели такие прописные истины не известны начальнику шахты? Все идет своим чередом. Дополнительная смета комбинатом утверждена и направлена в министерство. На-днях нужно ждать санкции. А вообще, кто же не понимает, как важен уклон для «Капитальной»?

— Вы в первую очередь не понимаете! — перебил резко Рогов. — Вы! Мне необходимо сто метров ленты и два насоса — забой захлебывается от воды! Прошу немедленно подписать этот грошовый наряд.

— Не могу. Каждый килограмм оборудования распределен по шахтам. — Черкашин выпрямился в кресле, сделал официальное лицо. — А насчет того, кто понимает и не понимает, товарищ Рогов...

Рогов встал и, не простившись, вышел. Вернувшись к себе, часа два выявлял с главным механиком внутренние резервы, но резервы не выявлялись, потому что их просто не было. А тут еще дежурный по шахте сообщил, что за прошлые сутки на уклоне всего прошли полтора метра: вода задавила, и с транспортировкой неважно, разрыв в пятьдесят метров.

Рогов спросил, где Воцина.

— Она третью смену в забое, — ответил дежурный и вздохнул, — злая, даже разговаривать с ней страшно-вато.

— Злая... — Рогов опустил трубку на рычаг. — Было бы смешно, если бы она была добрая.

Глянув на механика, распорядился:

— Возьмите на складе сто пятьдесят метров ленты и перебросьте на уклон.

— Эту ленту? — удивился механик. — Но она же идет на хомяковский комбайн! Не сегодня завтра приступаем к монтажу.

— Перебросьте ленту на уклон! — повторил Рогов. — И не старайтесь меня разжалобить.

Позвонил Дубинцеву.

— Все готово! — торопливо доложил техник. — Жду вас, Павел Гордеевич. Комбайн и транспортеры опробованы, в третью смену поток пускаем. Немного давит водичка, но насосы справляются...

— Вот что... — Рогов невольно замаялся, но тут же, нетерпеливо двинув плечом, закончил: — Торжество, Николай Викторович, отменяется. С потоком придется подождать полторы-две недели, а сейчас необходимо немедленно же передать два насоса на уклон.

— Что-о?.. — У Дубинцева даже голос перехватило. — Я не понял, Павел Гордеевич, повторите!

Отнимая трубку от уха, Рогов слышал, как техник все еще испуганно кричал:

— Вы же под самый корень! Павел Гордеевич!..

«Ничего, корни у нас глубокие, — невольно подумал Рогов. — Не такой ветерок выдержат».

Хотел немедленно же отправиться на уклон и даже с удовольствием представил себе встречу с Галей, со злой Галей, но, пока перечитывал последние трестовские приказы, нагрянул Филенков. Именно нагрянул, чего за ним до сих пор не водилось. Невольно припомнилось на минуту, как он входил в кабинет первое время после назначения Рогова — бочком, с отсутствующим видом. А сейчас...

Филенков вбежал стремительно и, вприщурочку зло глянув на Рогова, плюхнулся в кресло. Однако тотчас же вскочил и, торопливо обыскав нагрудные карманы кителя, выбросил на стол красный тисненый квадратик удостоверения.

Внимательно посмотрев на него, Рогов сделал непонимающее лицо.

— Что это такое, Федор Лукич?

— Это? — Филенков поднял руку над головой и вполголоса отчеканил: — Это удостоверение главного инженера шахты «Капитальная». К чертовой матери!

— Кого? — изумился Рогов. — Шахту или главного инженера?

— Да, главного инженера, если с ним не желают считаться.

— Хорошо. — Рогов спокойно выдвинул ящик стола и нарочито осторожно, двумя пальцами опустил туда удостоверение. — Еще что?

— Еще?.. — Филенков даже зажмурился от возмущения, но тут же постарался взять себя в руки. — И вы спрашиваете, что еще, после того как натворили за один час столько безобразий? Извольте немедленно отменить свое приказание о транспортной ленте и насосах! Я категорически настаиваю, требую!

— А уклон? Пускать под воду?

Рогов был спокоен, и это несколько обескураживало главного инженера; он попробовал еще раз повысить тон:

— Скажите на милость: с самого начала этой своей партизанской деятельности вы понимали, что выкраиваете тришкин кафтан? Надеюсь, такие простые вещи вы не разучились понимать?

— Не разучился, слава богу, — подтвердил Рогов.

— Так как же у вас рука поднялась на такую операцию?

— Очень просто. Положение безвыходное. Я взял часть живой ткани и пересадила на участок, где начинается загнивание.

Филенков даже всплеснул руками, но сейчас же успокоился, заговорил медленнее:

— Павел Гордеевич, слушайте... Только с тех пор как мы стали по-настоящему впрягать в работу машины, я почувствовал себя инженером. Понимаете, инженером, у которого есть свое кровное дело! К каждому мотору, к каждому приводу словно протянулась от сердца живая нить, каждым винтиком на шахте я переболел, как корью. Неужели вы думаете, что мне трудно было бы найти то, что вы сегодня с такой болью выломали из дела?

Рогов уже не думал о том, прав он или нет, скорее всего — не прав, в эту минуту он во все глаза, любовно, почти восторженно смотрел на главного инженера: «Вспыхнул жар-уголек, вспыхнул!»

— Павел Гордеевич! — Филенков нетерпеливо встал. — Я жду вашего слова, я... верю в вас!

Договорились о том, что транспортерная лента идет на уклон из хомяковских запасов, потом можно будет как-нибудь обернуться, а насосы снимаются с двух дренажных канав, так как работают почти вхолостую.

— И мне легче, — запросто признался Рогов. — А то вспомню, какие должны быть глаза у Дубинцева, — мороз по коже!

Собравшись уходить, Филенков нерешительно попросил:

— Верните-ка мне, Павел Гордеевич...

— Что?

— Удостоверение.

— Главного инженера шахты «Капитальная»? Пожалуйста! — деланно обрадовался Рогов и, затаив улыбку, с минуту наблюдал, как Филенков, твердо ступая, шагал к двери, как он вдруг обернулся, погрозил пальцем и, уже переступив порог, громко расхохотался.

Уже на выходе из комбината настиг Бондарчук. Прошли немного рядом по солнечным лужицам подтаявшего снега.

— Может, пройдешь со мной на уклон? — спросил Рогов.

Парторг покачал головой.

— Не могу. А хотелось бы. Через полчаса собираются группарторги. Ты мне скажи: доклад приготовил?

— Зачем же спрашиваешь? — удивился Рогов. — Как договорились, так и будет. Доклад готов, и завтра я его сделаю.

— Не сделаешь, вот в чем вопрос, как говорит Иван Леонидович.

— То есть как не сделаю?

— Очень просто, некогда будет. Придется тебе сегодня ночью в обком, Павел Гордеевич.

— Да что ты? — почти крикнул Рогов и в одну секунду преобразился: словно выше стал, в плечах раздался. — Значит, поставили на бюро нашу механизацию? А что я тебе говорил?

— А что ты мне говорил? — засмеялся парторг.

— Ну как же... Помнишь, когда подписывали последние сведения о производительности труда, я сказал, что

это самый живой, самый беспокойный раздел нашей шахтной статистики. А разве не правда? — Рогов подмигнул и стал взбираться на гору.

— А ты почему не через шахту? — крикнул вслед Бондарчук. — Это же ближе вдвое.

— А я через горку. — Рогов широко развел руками.

ГЛАВА XXXIX

Восемь километров до десятой Черепанов не шел, а бежал. Жесткие полы куртки крыльями хлопали по бокам. Пот слепил глаза. Встречные — кто сочувственно, кто насмешливо — оглядывались вслед.

Шахту он знал. Еще из школы ФЗО ходил сюда на производственную практику. Но когда клеть, мягко вспружинив, остановилась, все ему с непривычки показалось не так и не хорошо. В свете нескольких «пятисоток» янтарно поблескивали две огромные лужи. У бетонной арки квершлага черными тушами пристыли два порожних овальных вагона. Сквозь частую дождевую капель из глубины горизонта слышались вздохи компрессора, словно кто-то рубил по мягкому; в изогнутой металлической магистрали тонко попискивал сжатый воздух.

Хотел сразу же тронуться на участок, мысленно прикидывая дорогу, но тут же в сторонке заметил на перевернутом коробе вагончика черненького парнишку, коротенького, непомерно толстого, в больших сапогах, в ватных штанах и фуфайке. Из-под шапки вызывающе поблескивали большущие глаза, синие, удивительные на темном узком личике. Паренек что-то старательно пережевывал, покачивая головой, и ударял пяткой в борт вагончика.

«Смена только началась, а он уже жует!» — раздраженно подумал Черепанов и тут же спросил:

— Голодуешь?

— Приходится. А что? — Голос у этого паренька тоже удивительный: звенит, как струнка.

— Нет, ничего... — почему-то смутился бригадир. — На здоровье... — Потоптался нерешительно и, вспомнив о срочности своего дела, осведомился, как бы поскорее попасть на третий участок.

Паренек захохотал, закашлялся и махнул рукой:

— А как прицелишься, так и попадешь! — А через секунду, пристально глянув на незнакомого шахтера, полюбопытствовал: — Тебе к кому же на третьем участке?

Услышав, что товарищу нужно в молодежную бригаду, он быстро сглотнул непрожеванный кусочек и уже всерьез насторожился:

— Да ты не из комиссии ли?

— Я? — Черепанов как-то не подготовился к такому вопросу и соврал: — Я из комиссии...

В ту же секунду паренька словно ветром сдунуло с вагончика; обежав вокруг него и нагнувшись, он затормозил кого-то:

— Гриш! Генька! Вставайте! Слышите? Комиссия!

Когда из-за вагончика поднялись два крупных парня, с помятыми, растерянными лицами, Черепанов сначала удивился, но самозванные обязанности члена комиссии пробудили его к действиям, он съязвил:

— Это что, односменный дом отдыха?

Тот, что был покрупнее и лицом посмышленее, для чего-то растопырил коротенькие пальцы на обеих руках и, не зная, что с ними делать, сунул в карманы брюк. Оказывается, бригадир у них болен, а его заместитель, товарищ Андрей Гуца, взял сегодня лаву на рекорд.

— Так... так... — зловеще подытожил «член комиссии». — А вы что ж, приставлены аплодисментами ублажать рекордиста?

Нет, почему? Им просто не достало соответствующего фронта для работы. Парень опять стремительно посмотрел на свои растопыренные пальцы.

— А вы кто такие будете по фамилии? — спросил черненький паренек.

— Цыты! — повернулся к нему Черепанов и, чтобы не раскричаться от горького гнева, стал говорить медленно, с расстановкой: — Я Черепанов. Стыдно соревноваться с вами. Ведите меня! — и пошел под бетонные своды квершлага.

Парни переглянулись, черненький мальчишка присвистнул, а тот, что беседовал с Черепановым, унял его вполголоса:

— Не блажи, Сашка...

Черепанов думал, что товарищ Андрей Гуща встретит его если не в штаны, то во всяком случае очень нелюбезно, и даже приготовил целую речь со ссылками на личный опыт и на авторитет своей бригады. Ошибся и даже не пожалел, что всю дорогу на участок торопился и взбадривался. Отложив бурильный молоток и устало улыбнувшись, Гуща крепко стиснул руку гостю:

— Извини, друг, неважно живем...

Рассказ его был длинным и потому немного напоминал жалобу, а жалоб бригадир терпеть не мог — в этом было что-то унижительное, оскорбляющее человеческое достоинство. «Раскисли», — думал он и морщился, крутился на месте, но слушал внимательно.

Емельяновцы и сами думали: как это получилось, что они порастеряли авторитет? Дело, конечно, не в желании работать — этого хоть отбавляй. И не в том дело, что бригадир прихворнул. В основном, подействовала резкая перемена в обстановке. Все время работали в лаве с малой мощностью пласта, а тут вдруг — перебрасывают сюда. Сначала обрадовались: пластинце три метра с лишним, уголь сам поползет, а на поверку вышла осечка — и нормы перестали наскребать. И так кумекали и так — ничего не выходит, хоть зубами грызи. Вчера Емельянов вызвал своего заместителя прямо в больницу, вытащил из-под подушки городскую газету, ткнул пальцем в красивый заголовок «Слава», сказал, что это о бригаде Мишки Черепанова, и вдруг круто потребовал:

— А ну, глянь на меня!

Вспомнив сейчас этот неприятный момент, Гуща смущенно почесал в затылке.

— Чудак, что, мне трудно глянуть на него? Не велика картина.

Договорились же они с Севастьяном твердо о том, что бригаду нужно взбодрить. Гуща должен был или умереть, или показать пример, причем не позднее чем сегодня.

— И как?

— Слабовато... — признался Гуща. — Вот прострелил уступ в трех местах, а уголек стоит стена стеной...

— И стоять будет! — проворчал Черепанов. — У вас как запальщик — дельный?

— Запальщик-то дельный... во-он, видишь, фигурка? — Гуща кивнул вниз лавы.

Разглядев в сумраке настороженно приподнятое личико злоязыкого мальчугана, Черепанов, однако, ничего не сказал. Вытащив из кармана две буровые коронки своей конструкции, он сунул одну в руки удивленному Гуще, другую посадил на штангу свободного перфоратора и тут же подозвал наблюдавших со стороны за его действиями Генку с Григорием.

— Вот что, — сказал он тоном окончательного решения: — Я здесь за Емельянова. Я — бригадир. Никаких рекордов делать не будем, — будем давать уголь. Планово. Вы крепите, — Михаил кивнул двум забойщикам, — мы с Андреем в забое. Лаву берем всю на прогон. Палить будем снизу по три уступа, после отпалки вдвоем разбираем уголь, потом на зачистке остается один, а второй — это я, — снова бурит скважины. Только так... — Черепанов помолчал немного. — Только так: действовать без толкотни, быстро — это самое важное. Как только забой зачищен, в нем немедленно должна встать крепь. Немедленно. Сами знаете, кровля не любит висеть вхолостую — устает, особенно в таком сарае, как ваш... Ну... — он осветил на стенку забоя, на лица товарищей, — тронулись!

...Когда в лаве в первый раз грохнуло, проходивший по штреку горный мастер равнодушно проворчал:

— Наконец-то распочали рекорд...

Но вслед за этим раздалось еще несколько взрывов, потом еще. Мастер забеспокоился: «Что они, черти, с ума сошли, взрывчатку жгут!» Однако ему не удалось побывать в лаве: встретил Генка и запальчиво потребовал лес.

— Немедленно! — выкрикнул он. — Или... — но, не досказав, что последует за этим «или», повернулся и убежал.

Может быть, эта стремительность и подействовала на командира смены — лес он немедленно же доставил. Тут же потребовался порожняк, пришлось добавить одного люкового, потом еще лесу, еще порожняку — замотался мужик и повеселел. В конце смены крикнул в ходовую печь:

— Эй вы, удивительные! Скоро выдохнетесь?

Но в ответ хотя бы кашлянул кто, попрежнему впереводку трещали молотки, звенел топор и шумела угольная лавина, низвергавшаяся откуда-то с верхних уступов.

...Черепанов отключил молоток и прислушался. Внизу в порожний люк глухо стукнули последние куски угля.

Присев рядом, Гуща отер потный лоб и, глянув из-под руки на Михаила, засветился улыбкой.

— Тяжеленько! А ведь прямо как праздник, честное слово! Севастьян обрадуется!

Бригадир спохватился:

— Слушай, а куда делась эта черненькая фигурка? Вот работает: загляденье! А посмотреть на него со стороны — и не подумаешь...

— Я же тебе говорил! — подхватил польщенный Гуща. — Народ у нас боевой на работу.

После горячего душа они присели покурить в коридорчике мойки. Черепанову нужно было итти — дорога не ближняя, но на сердце у него легко, поговорить хочется. Он наказывает:

— Во-первых, закладывайте скважины по-человечески — «елочкой». Но и с «елочкой» тоже надо уметь обращаться. Крайние заряжайте на полную мощность, а две средних слегка, чтобы только потревожило уголек. Ты передай это запальщику...

— Да вст она сама! — перебивает Гуща.

— Сама? — Черепанов оглядывается. — Как... сама?

К ним подходит девушка. По двум смешным косичкам, по тоненькой фигуре, по задорно поднятой голове — самая настоящая девушка, а глаза — синие фонарики — чумазого парнишки-запальщика, которого бригадир даже обозвал в лаве «косопальным стригунком».

Чувствуя, что медленно, но жарко краснеет, Черепанов беспокойно передвинулся на лавке и прикрыл ладошкой порванные на коленке штаны. Он так и не сказал больше ничего в тот раз и про «елочку» не упомянул. В ответ на предложение Гущи забегать почаще в бригаду беспричинно раскашлялся и промычал что-то неразборчивое.

Собственно и через полчаса, когда они шли вдвоем с Шурой, укрытые черной и теплой апрельской ночью, он тоже не отличался особой говорливостью, все больше слушал, стараясь не ступать по звонкому льду. И, наконец, оставшись один, он постоял, подумал, еще раз оглянулся на маленький домик, в котором скрылась девушка, посмотрел на ладонь, которой она коснулась теплыми шершавыми пальцами, и чуть слышно засмеялся.

ГЛАВА X'

По давней ли привычке ласково, с жарким любопытством разглядывать людей-товарищей, потому ли, что так ладно и чисто работалось в эту смену, по Митеньку вдруг схватило страстное желание сделать что-то доброе, что-то такое теплое и свежее, как весна.

Вышел с Лукиным из шахты, подивовался щедрому солнышку над горой Елбанию; у крыльца подставил лицо нескольким крупным каплям с крыши, одну даже на язык поймал; потом остановился и стал смотреть, как встречает Степана Данилова мать Тони Липилиной, Мария Тихоновна.

— Степа, ты устал, наверное, — сказала Мария Тихоновна. — Письмо от доченьки. Пойдем скорее!

— Мама!.. Да я как на крыльях! — Степан взял женщину под руку. — Пойдемте, мама.

Плохо, что они мало поговорили, и Митеньке не удалось вставить в их беседу ни одного своего слова. А слово так и теснилось в сердце, так и рвалось, его просто необходимо было сказать. Но не итти же для этого в общежитие, где Черепанов не преминет напомнить чуть ли не о прошлогодней зачетной «удочке» на курсах механизаторов. Нет, в общежитие Митенька сейчас не пойдет.

С часок ходил по конторе, поздоровался чуть не с сотней знакомых и после каждого рукопожатия чувствовал себя просто счастливее. Потом внимательно пересмотрел все щиты показателей и решил про себя, что положение на шахте совершенно никакого беспокойства не внушает и самое главное — близкий Первомай чувствуется. Однако плохо, что двум таким бригадам, как черепановская и некрасовская, до сих пор не выписали щиты-показатели за вчерашние сутки. Надо как-то подтянуть статистику. Митенька так долго и внимательно смотрел в полукруглое окошечко на старшего статистика, что тот, наконец, сдернул очки с переносицы и взмолился:

— Дмитрий, не мути душу, выкладывай сразу, чем недоволен!..

— Чем я недоволен, Филипп Филиппыч? — Митенька задумчиво почесал конопатый нос. — У меня, Филипп Филиппыч, образование, конечно, ниже среднего, не дотянул по молодости... но в математику вникаю. Вот я сейчас и

думаю: сколько времени требуется, чтобы шахтерская смена превратилась в математику, и сколько еще нужно, чтобы эта математика заговорила со всем народом? Теоретический вопрос, Филипп Филиппыч...

Статистик хлопнул себя ладошками по бокам и крикнул в глубь комнаты:

— Настенька, вы все бригадные показатели вынесли на щиты? Нет? Тогда имейте в виду, в следующий раз я к вам направлю Дмитрия Голдобина. Для теоретического разговора.

Через полчаса Митенька обедал, а пообедав, попросил книгу «Жалоб и предложений», в которой записал, что, по его мнению, нужно поощрять такую отличную поварскую смену, как сегодняшняя, и что официантка ему, Дмитрию Голдобину, тоже понравилась — очень вежливая, и на каждом столике цветы. Дух от цветов радует человека.

Зашел в сберкассу, но она оказалась закрытой — это уже явный беспорядок. Кто его знает, может быть, не одному Голдобину понадобилось сейчас оформить свое дело, а тут, извольте, по неизвестной причине замок висит. Беспорядок. Пришлось зайти в амбулаторию. Не то, чтобы Митеньку дожимал какой-нибудь недуг, а просто любопытно, чем люди занимаются.

Сначала прошел по коридорам молча, потом не выдержал, заговорил с одним, с другим, словно с родней. У старушки спросил заботливо:

— Мамаша, что ж вы не входите к доктору? Дайте-ка я за вас постучу.

Девушке с завязанной щекой посоветовал:

— Сестренка, вам же трудно стоять. Садитесь вот здесь, товарищи подвинутся.

Товарищи действительно подвинулись, и место освободилось.

В конце коридора заплакал ребенок. Митенька сейчас же двинулся на этот залиvistый крик. И, наверное, такие уж у него ласковые выпуклые в крапинку глаза, такое широкое ушастое лицо с рыжеватым пушком на губе, что годовалый карапуз вдруг замолчал, пустил слюну и как-то интересно взмахнул ручонками.

Наступил вечер. Можно было бы трогаться в общежитие. Но тут Митенька вдруг решил, что зайдет прежде к Данилову, возьмет у него аккордеон, а при случае и

самого прихватит — надо же какое-то удовольствие доставить товарищам.

И только поднявшись на второй этаж, вспомнил: Данилов же ушел после смены к Марии Тихоновне, и они наверняка до утра проговорят о Тоне. Рогова тоже нет — вчера он уехал в Кемерово. С досадой махнул рукой: не вышло с аккордеоном, придется крутить радио, ничего не поделаешь.

Вернулся и прямо в дверях встретил девушку в темной шляпке, с чемоданчиком. С любопытством оглядел ее, — все же явно новый человек на руднике. Хотел обойти стороной, но девушка вдруг спросила:

— Простите, товарищ, вы в этом подъезде живете?

Нет, он не живет в этом подъезде, но если требуется справка какая-нибудь, — с удовольствием.

— Да, именно справка. Я ищу квартиру Рогова.

— Рогова? — Митенька даже подскочил от удовольствия. — Так он же здесь живет, честное слово! На втором этаже направо. Только вам придется зайти в другое время — нет Павла Гордеевича, в обком вызвали.

Девушка невесело рассмеялась.

— Я не могу в другое время... Я только что с поезда, из Новосибирска, и завтра чуть свет уезжаю.

Митенька пристально всмотрелся в лицо собеседницы, слегка затененное полями шляпки, и вдруг спросил:

— Вы... Валя Евтюхова?

— А вы меня откуда знаете? — удивилась она.

— Стороной... — Митенька смутился, но тут же искренне погоревал: — Скажи на милость, как у вас неорганизовано все получается! Прямо глядеть обидно!

— Что, что? Неорганизовано? — рассмеялась Валя. — Вас как зовут? Дмитрий? Значит, Митя. Вот что, Митя, помогите мне попасть в квартиру к Павлу Гордеевичу. Во что бы то ни стало!

...В общежитие Митенька возвращался совершенно счастливым. Доброе дело, которого он искал полдня, неожиданно само на него свалилось.

Валя не успела раздеться, как в квартиру вошла маленькая старушка, — та, что передала по просьбе Митеньки ключи от квартиры. Хомякова — ее фамилия, Мария Дмитриевна Хомякова.

Спрятав сейчас маленькие сухие ручки под фартук, Мария Дмитриевна сказала материнским ворчливым тоном:

— Ну, вот, давно бы так...

Валя смутилась и сейчас же подосадовала, что держит себя, как школьница, которую застали на свиданье.

— Слава богу, говорю, что приехали, — повторила Мария Дмитриевна. — А то ведь извести можно даже такого, как Павел Гордеевич.

— Вы думаете, он извелся? — Валя рассмеялась и сразу почувствовала, что смех у нее нехороший, искусственный.

— А кто ж его знает, — заметила старушка, — мужика не вдруг разгадаешь. Только Павел Гордеевич все у меня на глазах, пригляделась. И радостно с ним, и горько иной раз глядеть. Любит людей он, а над ним самим некому подышать... Ну, я не буду досаждать вам, — спохватилась Мария Дмитриевна. — Располагайтесь. А если нужно, заходите ко мне. Все равно соседями будем теперь. А то ведь я тоже одна, по вине Павла Гордеевича, — угнал моего старика на другой край Кузбасса.

«Соседями будем!» — Валя сжала холодные щеки ладонями.

Потом включила свет и увидела просторную комнату, две кровати. «Почему две? Ах, да, Павел же писал, что с ним живет боевой товарищ. А где же этот товарищ? — Валя сейчас испытывала почти мучительную потребность слышать что-нибудь о Рогове. — Как он живет? В письмах его — только шахта, изредка новая книга, еще реже фильм. А в остальном шахта, шахта... И о стольких людях рассказывает».

На широком столе между пачкой газет и стопкой толстых журналов узнала свой портрет — увеличенная фотография еще институтских времен. Поверх журналов записка: «Павел Гордеевич, завтра я снова еду в Сталинск. Будь здоров. Ст. Дан.». Она припомнила по письмам Рогова: Степан Данилов.

На кровати развернутая книга: Юлиус Фучик «Слово перед казнью». Прочитала подчеркнутые красным карандашом заключительные строки: «Люди, я любил вас. Будьте бдительны!»

«Ну вот, только прикоснись к вещам, взгляни в книги Павла, и уже слышишь, как бьется его сердце, как глубоко и сильно он дышит. «Люди, я люблю вас!»

Неожиданно за спиной у нее сказали:

— Здравствуйте... Извините, я увидела свет и подумала, что Павел Гордеевич дома...

Она не тотчас обернулась, а успела еще подумать, что такой голос может принадлежать только очень красивой женщине, очень красивой и молодой. А в следующую секунду ей стало и смешно и немного досадно, что она так правильно угадала.

Глаза вошедшей мгновенно перебежали с лица Вали на ее портрет и тут же спрятались в густых ресницах.

— Да, Павла... Гордеевича нет дома и Данилова тоже.

Валя усмехнулась про себя и, уже смелее разглядывая девушку, чистосердечно призналась:

— Понимаете, я тоже просто обескуражена, что хозяев нет. Вы не поможете мне скоротать часок? Познакомимся?

Познакомились, мельком взглянули в глаза друг другу. Валя повторила про себя: «Галина Вощина» и тут же подумала, что Павел об этой девушке почему-то ничего не писал.

Все еще чувствуя себя немного стесненной, Валя с превеликой хлопотливостью заглянула в шкаф, в тумбочку, отыскивала чай, сахар, банку консервов. Налила воды в круглый чайничек, но плитка почему-то не действовала, пришлось просить помощи у новой знакомой. Невольно залюбовалась на то, с какой ловкостью девушка управлялась с контактами, как быстро она развинтила и вновь собрала штепсельную вилку. Глядя на ее пепельные волосы, на еле приметный золотистый пушок на щеках, вспомнила шутливые слова еще из осеннего письма Павла: «Имей в виду: ты со своей диссертацией проворонишь Рогова».

Валя невольно подумала, что в чем-то они очень похожи одна на другую, но в чем — было трудно объяснить. Скорее всего сходство ограничивалось только некоторыми чертами во внешнем облике.

Ростом они одинаковы, может быть Валя немного выше. У Вощиной было тоже открытое, чистое лицо с мягкими линиями рта, светлые пепельные волосы ее закру-

чены в тугой узел на затылке (Валя почему-то невольно перебросила свои косы за плечи). А вот в больших, немного удивленных глазах Галины часто вспыхивают веселые насмешливые искорки.

Валю же Рогов когда-то часто упрекал за удивительную, по его мнению, уравновешенность.

— Ты словно айсберг, — говорил он, — как ледяная гора в море, которая на девять десятых скрыта под водой, — все у тебя где-то внутри. Когда я рядом с тобой, мне хочется сесть, опустив взгляд долу, и получить пятерку за поведение.

Вспоминая это, Валя усмехается про себя: «Павлу так никогда и не удавалось получить этой пятерки!»

Через двадцать минут они пили чай. Валя рассказывала о комплексной экспедиции профессора Скитского, с которой она направляется теперь в верховья Томи.

— Вы думаете, мы так уж много знаем о земле кузнецкой? — спрашивает Валя.

Галя кивает.

— Думаю, что много, но далеко не все... Думаю, что времена, о которых мечтали люди земли кузнецкой, наступили. Помните, как еще в тысяча восемьсот сорок первом году участник одной из первых геологических экспедиций в Кузбассе писал: «Какая умная, вольготная жизнь раскинется в этих ныне глухих местах!»

— Вольготная жизнь!.. Далеко уходили русские землепроходцы в поисках этой жизни. Землепроходцы!.. — Валя запнулась на мгновение. — Простите, что я декламирую, тема эта... моя всегдашняя слабость... — И, уже хитренько скосив глаза на Гаю, попытала: — Такие, как Павел, вам не напоминают первых сибирских землепроходцев?

Галя не ответила. Только слегка наклонила голову. А через минуту они снова увлеклись разговором о масштабах геологоразведочных работ на лето. Уголь, бокситы, железная руда, марганец, золото... Горные кручи и долины с неоглядным луговым разливом, леса, стремительная голубая энергия рек.

— Масштабы... — Галя вдруг строго сдвинула брови. — Ничего нельзя возразить против наших масштабов. Но геологи пока что только вперед идут, столбят богатейшие залежи... А давно пора забираться вглубь! —

Поглядела на Валю, подумала. — Я не знаю вашей геологической специальности, Валентина Сергеевна, но знаю, что геологическая служба у нас в тресте, то есть оперативная и необходимая для горняков, как воздух, поставлена из рук вон плохо. Это же Кузбасс, это же уникальные месторождения углей! Пласты то падают под прямым углом, то крутым веером разворачиваются почти на выходе к дневной поверхности. Чтобы вынимать пласт, нужно знать от начала до конца все особенности эксплуатационного поля, все его «пережимы», «сбросы», «породные включения». В прямой зависимости от этого находятся наши технические прогнозы, наша производственная экономика.

Неважно мы иногда составляем эти прогнозы... — Галя виновато улыбнулась, — даже на «Капитальной». Переходим сейчас на нижние горизонты, а пластов, вот так чтобы, как на ладони, не видим.

— Правильно, я уже думала об этом, — согласилась Валя. — По материалам Геологического управления я знакомилась с вашим месторождением. Вызывает удивление, например, робость в отношении шушталепской свиты пластов... Но я не знаю, смогу ли помочь чем-нибудь.

— А вы переходите к нам! — Галя смело заглянула в лицо собеседницы. — Если это... совпадает с вашими жизненными планами...

— Если я выхожу замуж за Павла? — просто спросила Валя и тут же сухо оборвала себя: — Этого я не знаю.

Глаза у Гали стали очень серьезными, почти настороженными, но она промолчала.

Через минуту Валя спросила, часто ли бывает Павел на людях, разумеется в нерабочее время.

Галя подумала, улыбнулась.

— Что-то не замечала у него такого времени. Но один раз он был у нас в гостях, и я даже пела ему... Это... моя слабость.

— Павел ведь тоже поет, — заметила Валя, — только при этом, как говорят сибиряки, ревет.

Засмеялись обе. Пробило полночь. Окна вздрогнули под напором ураганного ветра. Галя стала прощаться, сказав, что ей на работу к шести часам. Валя посетовала:

— И мне в раннюю путь-дорогу.

— Разве вы... не дождетесь?

— На этот раз нет. — Валя быстро встала и, не сумев сдержать резких, нетерпеливых ноток в голосе, добавила: — А мне нужно его видеть всего на минуту... Он должен... понять меня!

Галя как-то по-новому прислушалась к голосу собеседницы, пристально заглянула в ее глаза и незаметно для себя неприязненно сжала губы. Простились коротко, словно и не разговаривали перед этим дружески.

...Прежде чем уснуть под солдатским одеялом Рогова, Валя еще раз перечитала подчеркнутые красным карандашом слова Юлиуса Фучика: «Люди, я любил вас!»

Засыпала и слышала словно бы далекий голос Павла:
— Люди, я люблю вас!

Еще не открыв глаза, Валя удивленно подумала: как же так, за всю ночь ни одного раза не проснулась? Разве это правдоподобно? Ехала сюда и невыносимо мучилась, представляя себе в мельчайших подробностях свою встречу с Павлом, как он рванется к ней, как скажет какое-нибудь неуклюжее душевное слово, от которого будет, как всегда, тесно сердцу. Неуютно становилось всякий раз, когда пробовала разобраться в том, что собственно она должна сказать Рогову, для чего едет к нему.

И почему такой неурядице нужно было случиться?..

Чуть приподняла веки, так чтобы в глаза только свет проникал. И сразу в ресницах вспыхнула весенняя радуга. Значит, на дворе солнечно, небо высокое, и, может быть, от этого на сердце немного легче станет.

Но вот свет как будто немного померк. Шире приоткрыла глаза и мгновенно напряглась. У письменного стола кто-то стоял. Ни лица этого человека, ни того, что он делает, разглядеть не успела, просто всю ее на минуту сковал безотчетный страх. Кто же как не Рогов мог войти в комнату и терпеливо ждать, пока она проснется. Рогов!..

Валя попыталась вскочить, но только шевельнула рукой, хотела сказать: «Доброе утро, Павел!» — но язык словно окаменел.

Прошла минута, а может быть, больше. Валя чего-то ждала, не смея шире открыть глаза. И Рогов стоял не шевелясь. Наконец напряжение стало совершенно невозможным. Вале показалось, что она застонет от стыда за

свою беспомощность, но она не застонала, а только внимательнее присмотрелась. Присмотрелась и, когда поняла, что у стола не Павел, невольно с облегчением вздохнула.

Но тогда кто же это?

Слегка шевельнулась, потянув одеяло к подбородку, хотела привстать, но в ту же секунду зазвонил телефон, да так громко, так настойчиво, даже человек у стола вздрогнул и, замахав руками, шопотом выкрикнул:

— Тише!.. Тише, вы!..

Потом он на носках перебежал комнату и, зажав обеими руками трубку, зашипел в нее:

— Тсс... Тсс... Я говорю, тише! Нет его. Я говорю, нет его. Не приехал. Все, все. Бывай. — А повесив трубку, добавил негромко: — Холера тебе в бок!

Валя вслух рассмеялась. Незнакомец сразу же повернулся к ней и, растерянно поклонившись, сказал:

— Здравствуйте...

Теперь Валя как следует рассмотрела его. Это был подтянутый среднего роста парень, с небольшим продолговатым лицом, на котором совершенно явственно проступали веснушки. Но не все лицо, а в первую очередь глаза парня, синеватые, с медной искоркой, глядящие внимательно, прямо, несколько испытующе, именно эти глаза привлекали внимание и заставляли невольно собираться внутренне. Хотя и мельком, но Валя все же подумала о том, как Рогов точно, всего в нескольких словах умеет нарисовать человека. Ведь совсем недавно он так и писал о Данилове: «Подтянут, среднего роста, лицо обыкновенное, с веснушками, зато глаза!.. Глаза у него синие, строгатые и с огоньком. Люблю его за эти чистые синие глаза, в которых он как на ладони».

— Здравствуйте, Степан Данилов! — ответила Валя и, выпростав руку из-под одеяла, протянула Степану, но, заметив, что он все еще не пришел в себя после ее пробуждения, кивнула: — Хорошо, Степан... Георгиевич, вы пока займитесь чем-нибудь, а я тем временем встану.

А когда Данилов вышел за ширмочку, спросила:

— Вы не обижаетесь за мое вторжение под вашу холостяцкую крышу?

Степан усмехнулся негромко.

— Под нашей крышей еще и радоваться умеют... Такой здесь народ живет.

— Хороший народ... — Валя вздохнула.

— Еще бы! — вырвалось у Данилова. Он громыхнул чайником и повторил с задором: — Еще бы!

— Да вы хвастун! — в шутку удивилась Валя. — Тогда я пересмотрю свои симпатии. Срочно.

— Пересматривайте, дело хозяйское, — добродушно заворчал Степан. — Пересматривайте, обстановка от этого не изменится. Сейчас вот напою вас чаем да сбегаю в одно место по делам, а вы пока одна похозяйничайте.

— Господи, каким доверием вы меня облачаете. — Валя отодвинула ширмочку и еще раз протянула Степану руку. — С добрым утром, Степан Георгиевич...

Степан крепко тряхнул руку Вали и, глядя прямо и немного удивленно в ее глаза, сказал с запинкой:

— Вот какая вы оказались... А я судил по фотографии и... всякие грешные мысли приходили.

— Грешные?

— Да. Думал, что вы нежная... Что вас любой ветерок согнуть может.

— А какая же я оказалась на ваш взгляд? — не без лукавинки спросила Валя.

— Такой, как Павел Гордеевич говорил, настоящей!

— О-о, спасибо, Степан Георгиевич! — рассмеялась счастливо Валя. — Я себя сейчас чувствую почему-то действительно настоящей, хотя точно не знаю, что это значит...

Умывшись и помогая Степану приготовить нехитрый завтрак, Валя рассказывала, как ехала от Новосибирска, какая горячая пора настает для геологов и как это хорошо, что снова весна и нехватает времени, чтобы все переделать за день.

Рассказывая обо всем, что приходило на память, Валя бессознательно оттягивала ту минуту, когда нужно будет заговорить о Рогове, когда уже нельзя будет молчать об этом. И Степан как будто понял, почувствовал это, и хотя слушал внимательно, но глаза у него становились все строже, пронизательнее. Несколько раз он отвечал по телефону, причем тон у него был спокойный, уверенный, тон человека, знающего свое дело досконально. Один раз Валя даже спросила, в качестве кого он работает на шахте. Степан не удивился вопросу и ответил, что работает забойщиком в одной очень хорошей бригаде, но при этом в тоне его послышался такой задор, а голову он вскинул

так высоко, что Валя не удержалась от мимолетной улыбки.

— Чего вы? — Степан слегка нахмурился.

— Извините, Степан Георгиевич... — Валя почувствовала себя неловко. — Вы сейчас отвечали по телефону кому-то из командиров шахты, а тои у вас был...

— Тоже командирский? — перехватил Степан мысль и тут же пожал плечами. — Что ж тут особенного... У каждого из нас своя работа, а должности в жизни одинаковые: быть человеком, хозяином.

— Это ваши слова?

— Конечно, мои. Правда, я их слышал как-то от нашего парторга Виктора Петровича, но это теперь мои слова!

Степан помолчал, а потом в упор спросил:

— Валентина Сергеевна... вы насовсем?

Она могла бы еще на секунду подождать с ответом, сделав вид, что не поняла вопроса, но у нее просто духу нехватило. Встала, быстро прошла по комнате, вернулась к столу и, посмотрев в настороженные глаза Данилова, тихо сказала:

— Нет, не насовсем.

— Трудно... — Степан опустил плечи, подумал и медленно повторил: — Трудно все у вас получается. А Павел Гордеевич так ждал вашего приезда... Так верил, что это скоро случится...

— Он был просто уверен в этом? — резко переспросила Валя. — Он был уверен, что я все равно никуда не денусь, и больше ничего знать не хотел!.. Впрочем, зачем сейчас говорить обо всем этом. — Отвернувшись к окну, она заслонила от Степана глаза ладонью.

Но и молчать она не могла. Слишком долго накапливались досада, недоумение, желание выговориться, разобраться хотя бы немного во всем, что приглушило ее чувство к Рогову, слишком долго она сдерживала себя, и вот сейчас она стала говорить, говорить, словно перед ней сидел не Степан, а сам Рогов.

Что же случилось, если об их отношениях в последнее время приходится говорить невнятно, подыскивая какие-то забытые слова, округлые, обтекаемые выражения. Что такое случилось?

— Я понимаю одно... — Валя теперь не прятала глаз, щеки ее покрылись неровным румянцем. Она повторила с силой: — Я понимаю одно! Мы сделали непростительную ошибку сразу, как он вернулся из госпиталя. Павлу нельзя было меня отпускать...

— А вам его можно было оставлять? — нетерпеливо перебил Данилов и быстро выкинул на стол свои крепкие маленькие кулаки. — Вам это можно было?

— Не знаю... — глухо ответила Валя и тут же снова заторопилась, заговорила громче: — Вы меня не так поняли, Степан, не так... Я не то хотела сказать. И я верю Павлу, и он мне верит по праву. Я говорю — жизнь так устроилась... Его не оторвешь от Кузбасса, а я же геолог, понимаете, геолог! Для меня жить, значит быть геологом, ходить по земле, радовать людей все новыми богатствами. Я не усидела бы на месте ни одной весны, ни одного летнего дня без этого!

— Что-то неправильно вы объясняете, Валентина Сергеевна. — Степан вздохнул и, встав из-за стола, медленными шагами пошел из угла в угол, чуть ссутулившись, наклонив голову. — Неправильно вы объясняете, Валентина Сергеевна. Выходит, вас разлучило любимое дело? Видите, как не по-человечески получается... Ну, добро бы один из вас в результате этой геологии оказался на луне, а то ведь живете-то оба на одной земле! В общем, мне кажется, зря вы все сваливаете на геологию... — Он остановился против девушки, ласково заглянул ей в лицо и сказал примирительно: — Вы простите меня; может, я зря вас учу, вы же взрослая, инженер.

Валя стиснула руки и невесело усмехнулась.

— Зачем вы про инженера, Степан Георгиевич? При чем здесь мое инженерство, если я не могу разобраться в себе?

Они еще немного поговорили о чем-то незначительном, но уже прежней искренности, простоты в словах не чувствовалось. Степан незаметно для себя замкнулся, Валя тоже думала о чем-то далеком, что никакого отношения к разговору не имело. Степан попытался рассказать что-то о шахте, о бригаде Черепанова, но получилось у него очень нескладно, сухо, и он, наконец, махнул рукой и, глянув на часы, сообщил, что с вечерним поездом из Кемерово должен вернуться Павел Гордеевич.

— Нет, нет! — Валя почти вскочила и, не зная, что делать, без всякой нужды пагнулась к своему саквоюжу. — Я, Степан Георгиевич, ждать не могу. Мне с обедненным поездом нужно в Таштагол, я еще утром хотела уехать... А Павлу я напишу сейчас же, потому что пора...

И пока она писала, низко наклонив голову, Данилов попрежнему тяжело вышагивал по комнате, словно нес на плечах непривычный груз. Иногда он хмуρο поглядывал на девушку, и тогда складочка на его переносице становилась еще глубже.

И всего один еще раз в голосе Вали прозвучали живые горестные нотки, когда она уже при прощании попросила Степана:

— Передайте, Степан Георгиевич, это письмо в первую же минуту, как он приедет... И скажите, что мне очень... нехорошо.

Перед окнами вагона все медленнее плыли привокзальные постройки, где-то совсем рядом пронзительно закуковал маневровый паровоз, и поезд, наконец, остановился.

Некоторое время Валя сидела неподвижно, со стесненным сердцем глядела в окно и почти ничего не видела. Сидела до тех пор, пока не почувствовала, что кто-то трогает ее за руку, и тут же услышала встревоженный голос Скитского.

— Валя... Валентина Сергеевна, вы нездоровы?.. Здравствуйте!

Она подняла на профессора взгляд и невольно загнала дыхание, — не потому, что увидела, как всегда, на лице этого человека выражение тихой, немного тревожной, но никогда не угасающей радости при встречах с ней, а просто потому, что в себе самой не нашла даже и намека на такую радость.

Поднялась, крепко пожала руку Скитскому и потом, пока он хлопотливо усаживал ее в машину и обеспокоенно расспрашивал о поездке, о здоровье, она, отвечая невпопад, все думала, думала и никак не могла понять, почему так беспомощно чувство ее привязанности к Скитскому, если одна только поездка в Кузбасс разметала его почти без остатка. Но ведь нельзя же так жить!

Услышав как будто сквозь сон голос профессора, Валя быстро повернулась к нему и попросила:

— Василий Пантелеевич, не спрашивайте сейчас меня о поездке...

Скитский молча наклонил голову и после короткой паузы предложил:

— Может быть, вы мне предоставите возможность похвастаться новой квартирой? Я за это время кое-что для библиотеки приобрел...

— На квартиру?.. — вначале не поняла Валя, а потом спохватилась: — Нет, сегодня я не могу, Василий Пантелеевич... Лучше завтра. Я скажу вам потом...

Скитский сделал невольное порывистое движение к ней, но, заметив, как испуганно дрогнули ее руки, сдержал себя и уже через минуту заговорил об их совместной поездке в Москву, о том, как уточняются планы на лето, о приезде группы молодых специалистов, о том, что в Геологоуправлении окончательно решено оставить Валию в экспедиции профессора.

— Я так этому рад, Валентина Сергеевна... — закончил Скитский. — Все получается, как этого вы хотели.

— Я этого хотела... — не то переспросила, не то задумчиво повторила Валя и медленно с нажимом опустила стекло кабины. И сразу же в косую створку ворвался сильный упругий ветер, сорвал с головы Вали легкую газовую косынку, разметал пряди русых волос...

Машина вышла на светлый Красный проспект и ринулась навстречу синей небесной шире, прямо к Оби.

Вечером, когда Валя, прикорнув на диванчике, просматривала свежие журналы, к ней неожиданно вошла Ниночка Сорокина, та самая Ниночка, с которой совсем в недавние годы было столько переговорено, передумано вместе, столько мечталось...

Ниночка вошла, как всегда быстро, порывисто обняла Валию и одним духом выговорила:

— Ой, Валиушенька, как это хорошо, что ты дома, потому что я не одна... Я сейчас покажу его тебе!

Она тут же выбежала и через минуту привела из сеней здорового краснощекого парня с большим смеющимся, немного смущенным лицом и с тяжелыми узловатыми руками, которые он не знал куда девать.

— Вот он какой у меня, Семен! — сказала Нина и, слегка приподнявшись на носках, положила руку на плечо своего Семена. А тот произвольным движением накло-

нил голову, прижался на секунду щекой к пальцам Нины и сказал с ласковой укоризной:

— Ну, не надо, Нина, хвастать, зачем это ты...

— А почему бы мне не похвастать? — искренне удивилась Нина. — Почему бы мне не похвастать, если я такая счастливая, если у меня такой муж? И знаешь, Валя, какая теперь у меня фамилия? Бельская! Ты подумай, я как будто нарочно родилась для такой фамилии!

И правда, Нина за последний год очень похорошела, налилась чистой доброй силой, которая приходит к женщине в двадцать лет. Пышные каштановые волосы причудливо обрамляли круглое белое личико Нины, и только характер у нее как будто не изменился. Она попрежнему бывала то по-мальчишески весела, то вдруг непонятно о чем грустила, и все это в ней совершалось без всяких переходов, внезапно. И потом она сейчас, очевидно, немного позировала перед молодым мужем, который с нее глаз не спускал.

Они сели рядком против Вали, и, пока пили чай, Семен довольно обстоятельно развивал планы на жизнь.

Во-первых, в Новосибирске он решил не оставаться...

— Вместе, вместе решали! — встала Нина.

Семен наклонил голову и тут же подтвердил, что действительно решали они этот важный вопрос вместе. Значит, дело за тем, куда ехать и что делать. Но и это решилось само собой, то есть это только так кажется, что решилось само собой. А решилось так: Семен — опытный механик-машиностроитель. И вот совсем недавно довелось ему встретиться с одним изобретателем из Кузбасса. Изобретатель этот, по фамилии Хомяков, строит сейчас удивительную шахтерскую машину, комбайн, и нуждается в помощи таких вот, как Семен. Познакомившись с изобретателем и с его машиной, Семен сам всерьез заболел этим делом, почти на всю жизнь заболел.

— Ой, Валя! — перебила мужа Нина и сделала испуганное лицо. — Ты понимаешь, он у меня стал похож совсем на твоего Рогова, как ты о нем рассказывала. У меня, знаешь, такое чувство, как будто меня подхватили и понесли, понесли... И я рада, что все так случилось!

— Да, кстати о Рогове! — оживился Семен. — Такая счастливая случайность. Ехать нам придется на тот рудник, где работает ваш Павел Гордеевич, потому что изо-

бретатель именно оттуда. Понимаете, как это хорошо для меня и для Ниночки? На первых порах она себя совсем отлично будет чувствовать в незнакомой обстановке, если окажется рядом с вами.

Через полчаса Семен засобирался домой, но Нина только кивнула ему и, взяв Валию за руку, увела на кухню. Прикрыв дверь за собой, она хотела о чем-то спросить, но, оглядевшись внимательно, сказала со вздохом:

— Как же я раньше не замечала, что у тебя здесь так низко и... глуховато...

Валя сухо ответила:

— Не знаю, почему тебе так кажется... Рогов вон тоже говорил: «Низко, глухо...» А Василий Пантелеевич совсем по-другому об этом судит, он говорит: «Хорошо вернуться в такой маленький дом после дальней и трудной дороги».

— Ой, Валя, что ты говоришь!.. — Нина почти вплотную приблизила встревоженные глаза к лицу подруги. — Что ты говоришь? Разве у тебя могло это случиться? Ты в этот раз ездила к Рогову...

— Чтобы сказать ему правду... — внешне спокойно огозвалась Валя. — И не сказала, потому что нехватило смелости подождать его несколько часов. Мне противно даже думать о себе... Нельзя же кривить душой перед Павлом, ни одной минуты нельзя!

— Но ты же любишь его!

— Люблю... — Валя подумала, прикрыла на мгновение глаза и с запинкой закончила: — Но... в последнее время... мне все чаще было очень хорошо, когда я работала рядом с Василием Пантелеевичем... По-человечески хорошо. Что я могла поделать? Я не могу молчать об этом ни перед Скитским, ни перед Роговым. Так я и написала Павлу...

— Ты сказала об этом Рогову?! — Нина почти в ужасе отступила. — Как ты могла ему об этом сказать? Это же неправда, Валя!

— Это правда... — Валя присела на шаткий стул и спрятала лицо в ладони. — Нина, это правда, то, что я тебе говорю... У меня такое горе...

Нина выпрямилась, подумала, потом опустилась рядом с Валей.

Семен перечитал последние номера «Правды», перелистал два толстых журнала, не меньше часа ходил по

маленькой гостиной и, наконец, обеспокоенный, постучал в кухню. Створчатая дверь немедленно же приоткрылась, и в узенькую щелочку выглянуло расстроенное лицо Нины. Она строго погрозила пальцем, сказала невнятно: — Тсс... — и снова прихлопнула дверь.

...После того как гости ушли, Валя долго ходила по своим маленьким комнаткам, останавливалась у темных окон, сидела, затаившись, в самом углу дивана и снова ходила, ходила...

Вспомнился почему-то смешной маленький шахтер, с такой радостью встретивший ее у подъезда роговского дома, потом разговор с Даниловым, как он при прощании коротко стиснул ее руку и даже ни одного раза не посмотрел в глаза. Вспомнилась в мельчайших деталях вся ее никчемная поездка на рудник и еще последние слова Нины, когда она, вспыхнув гневным румянцем, сказала:

— Валя, это не похоже на тебя. Так нельзя жить.

Она и сама знала, что так нельзя жить.

ГЛАВА ХЛ

Вернувшись из Кемерова, Рогов прямо со станции решил проехать на шахту.

— Может, на квартиру завернуть, Павел Гордеевич? — спросил шофер.

Рогов отмахнулся.

— Правь, куда совесть велит.

— Совесть велит на шахту, — усмехнулся шофер. — Вот она! Получайте!

— А мы ждем! — в один голос сказали парторг с главным инженером, когда Рогов вошел к себе в кабинет.

Он зорко взгляделся в их лица и, решив, что на шахте все хорошо, облегченно вздохнул.

— Ну? — поторопил Бондарчук. — Выкладывай все начистоту. Через полчаса на участок. Ждет Хомяков.

— Нет, все сразу не могу. — Рогов обнял парторга за плечи. — Не могу потому, что соскучился по вас, и потому, что жду известий об уклоне. Как?

Филенков сейчас же развернул на столе новую схему выработки.

— Вот! Извольте! Водичку взнуздали и оседлали, пошла ровненьким шагом и точно, куда нам нужно.

— Ага, пошла! — Рогов, не торопясь, разделся, сел на свое место и, упершись ладонями в колени, сказал: — Ну что ж вам рассказать? Был в обкоме, посмотрел отсюда на Кузбасс, на родину...

— Далеко видно? — Почти с завистью спросил Бондарчук.

— Далеко, даже дух захватывает.

— Хорошо! — решил вдруг парторг. — Завидую, но больше не слушаю. Завтра ты обо всем расскажешь на слете. Идет?

Уже совсем приготовились к выходу, как вдруг из коммутатора сообщили, что начальника шахты вызывают к телефону. Рогов торопливо подошел к аппарату.

Голос министра доносился издали, заглушался электрическим треском, иногда слабел, словно относимый крепким весенним ветром.

— Да, да, слет назначен на завтра, — спокойно отвечает Рогов. — Коллектив благодарит за высокую честь, товарищ министр. Можете надеяться: знамя теперь в крепких руках... Да, товарищ министр, трезво оцениваю положение. Я только по достоинству оцениваю шахтеров, работающих рядом со мной. Спасибо, товарищ министр. Приезжайте, будем рады... До свиданья!

Рогов положил трубку и вдруг круто повернулся к Бондарчуку с Филенковым, взъерошил волосы обеими руками и крикнул:

— Слышали? Министр приедет!

А через десять минут, когда они уже выходили из рудничного двора в квершлаг, Рогов вдруг спросил у спутников:

— Знаете, какую табличку в обкоме показывали? Знамя, которым нас наградили, оспаривали шестнадцать шахт! Шестнадцать! А через месяц их будет двадцать пять, тридцать! Вот как нужно работать, чтобы не сдать позиций.

На участке, где сегодня испытывался комбайн Хомякова, поджидали уже Севастьянов и трое забойщиков. Вслед за начальником шахты и парторгом прибежал за-

пыхавшийся, сверх меры суетливый маркшейдер. Увидев начальство, всплеснул руками. У него отказала пневматика, бегал на склад, чтобы заменить золотниковый коллектор, кладовщика не застал.

— Как же теперь? Столько месяцев, столько трудов!

Герасим Петрович сдернул очки с носа.

Филенков прогудел:

— Станнину можно пока подвигать вручную, важно решить все в принципе. Хронометраж проведем позднее.

Пока по тридцатиметровой станине челнок заводили в дальний конец лавы, пока пилы прижимали клиньями к груди забоя, Рогов с Бондарчуком прилегли на кучу угля, прислушались.

В лаве кто-то кричал:

— Заводи, заводи дальше! Равняйся на машину!

Вот дело, ради которого хотелось бы жить сорок восемь часов в сутки. Мысленно каждый из них окидывает взглядом целые поколения шахтеров, изо дня в день сгибавшихся в мучительных усилиях у груди забоя. Из истории шахт известно, что почти половину рабочего времени шахтер проводил лежа на боку, сидя или на коленях. И вот теперь сотни совершенных машин пришли на помощь горняку. Пласт подрубается врубовкой, дробится силою взрыва, электрическими и пневматическими молотками, уголь уносится из забоя транспортерами, конвейерами различных систем. Но есть еще одно место, где остался разрыв в стройной системе подземных машин: грузится уголь на транспортеры руками шахтера, обыкновенной лопатой. Пришло время связать, скрепить механический поток в этом разрыве. Инженерная мысль уже работает над тем, чтобы решить и эту задачу, создать простую в управлении, верткую, по-шахтерски выносливую машину.

Наметанным глазом еще при монтаже хомяковского комбайна Рогов видел слабые узлы его. Но основная мысль, воплощенная в оригинальных конструкциях, была захватывающе интересной. Ради того, чтобы эта мысль окончательно определилась, стоило не спать ночей, как маркшейдер, неустово работать.

Они теперь стояли в конвейерном штреке, у приводного мотора. Слесарь что-то подкручивал, позванивая инструментом.

— Павел Гордеевич! Начали! — кричит Хомяков.

Вот он и сам, выпачканный, помятый, несчастный и счастливый, живущий каждым ударом сердца, — маленький старичок с молодой мыслью.

Не говоря ни слова, Рогов медленным движением заправил маркшейдеру галстук-«селечодочку», выбившийся из-под синего комбинезона. Герасим Петрович на секунду прижался лбом к плечу инженера и что-то сказал неразборчивое — «боюсь» как будто.

Еще раз все осмотрели. Рогов распорядился, чтобы все, включая забойщиков, вышли в конвейерный штрек. В лаве они остались вдвоем с Хомяковым. У пускателя дежурил Филенков.

— Пожалуйста, осторожно! — простонал ему Герасим Петрович и виновато глянул на Рогова.

Тот поднял лампочку: сигнал «приготовиться!»

— Тронулись!

Поворот рукоятки... В конвейерном коротко охнул и слабо запел мотор. Рогов затаил дыхание. Еще мгновение, и узкая транспортерная лента бесшумно тронулась вдоль забоя. Еще поворот рукоятки... Запел второй, более мощный мотор. И тогда черную тишину лавы взорвал сухой скрежет. Челнок работал! Металлические пилы, вонзаясь конусными зубьями в пласт, крошили его, подсекали. Вот на транспортерной ленте появился тонкий слой мелкого угольного крошева... Слой увеличивается. Он вспухает, как весенний поток.

Спотыкаясь, из штрека бегут люди, кто-то ненестово машет лампочкой, кто-то кричит упоенно:

— Поше-ол!

А в лаве скрежещет бар и по-комариному поют моторы.

Оглянувшись на мгновение, Рогов видит, что маркшейдер с оставившимися глазами сидит спиной к стойке, за стариковское сердце держится. Хотел вернуться к нему, но в этот момент на челноке что-то стеклянно хрустнуло, моторы взвыли на холостом ходу и замолкли.

Вместе с Филенковым и Бондарчуком Рогов тщательно осмотрел место аварии. Оказалось, не выдержали динамического напряжения две металлические петли, к которым крепится режущая часть. И не расчет подвел, нет, просто на заводе небрежно подобрали материал.

Рогов вдруг сел прямо на транспортер, осветил на Филенкова и глуховато, взволнованно сказал:

— Федор Лукич... садитесь... Зовите сюда Бондарчука, Хомякова... Быстрее!

А когда подошли остальные, он, категорическим жестом подтверждая слова, сказал:

— Машина, товарищи, родилась!

— Ах, Павел Гордеевич! — Хомяков почти всхлипнул. — Роды не состоялись...

— Не говорите чепуху! — остановил Рогов маркшейдера. — Не вам жаловаться, не нам слушать. Машина есть, но толку мало. И не в аварии дело. Смотрите! — Он быстро встал и пощупал лучом лампочки стенку забоя. — Смотрите: всего три захода сделал челнок, еще три, и... мы должны были бы остановить комбайн. Уже пришлось бы крепить кровлю. В таком случае коэффициент полезного действия комбайна будет равен всего десяти — пятнадцати процентам. Понимаете, крепь будет держать машину, как тяжелые кандалы. К чорту крепь, к чорту эти кандалы! Вы же знаете, что управлением кровлей в угольной промышленности заняты тысячи людей. А эти тысячи шахтеров буквально завтра могут освоить, поднять к жизни целый угольный район. Значит, к чорту крепь!

— А дальше? — Филенков часто дышал в лицо начальнику шахты. — Дальше?

— Дальше? — Лицо Рогова в сумерках забоя стало вдруг добрым, мечтательным. — А дальше — пусть комбайн Герасима Петровича шагает на собственном передвижном секционном креплении! Принцип гидравлики! Слышите?

— Правильно! — подхватил Бондарчук, взяв под руку Хомякова. — Правильно! Герасим Петрович, на завтрашнем нашем празднике вы будете самым дорогим гостем. Земным поклоном отблагодарят вас шахтеры!

— Тогда так! — Филенков необычайно легко вскочил и нетерпеливо потянул за собой Хомякова. — Герасим Петрович, Павел Гордеевич, пошли в контору! Сейчас же сделаем предварительные расчеты. Скорее!

Рогов остался не надолго в лаве. Нужно было распорядиться демонтажем комбайна. Здесь его и нашел Данилов.

— Что ж это такое, я прямо не знаю, — заворчал Степан. — Который час, а его все нет. Звоню на шахту, говорят, приехал, но куда делся, неизвестно. А она утром наказала, под мою личную ответственность: «Как, говорит, вернется, в первую же минуту вручи ему, Степан, это письмо».

— Кто? Кто? — перебил испуганно Рогов.

— Как кто? — удивился Степан. — Валя, конечно. Это она, когда в Таштагол поехала, наказала мне: «В первую же, говорит, минуту вручи!» А тут не только минута, часы прошли. — Степан вздохнул. — Вообще, неорганизованность у вас с ней сплошная. Я уж и то просил ее, чтобы она прибрала тебя, Павел Гордеевич, к рукам.

А Рогов смеялся, сначала тихо, потом громче и, наконец, не выдержал, прижал Данилова к себе так, что у того кости заныли, дыхание остановилось.

— Степа! — Торопливо разрывая конверт, Рогов присел на обрубок стойки. — Степа, ты даже и подумать не можешь, какая она у меня! Слышишь?

С минуту он читал письмо, потом резко убрал его из-под луча лампочки, поглядел на Данилова и снова с первой строки стал читать. Прошло еще две-три минуты. Степан не вытерпел, осветил в лицо инженеру и тут же отдернул лампочку в сторону: глаза у Рогова были плотно закрыты.

Степан хотел присесть рядом, хотел спросить осторожно: «Павел Гордеевич, родной, что случилось?» — но вместо этого тронул товарища за плечи и позвал:

— Пойдем, Павел Гордеевич, отдохнешь.

Голос у Рогова оказался твердым, когда он откликнулся:

— Нет, Степа, ты иди один, а я загляну на уклон. Потом через горку тронусь... С весной побеседую. Иди, Степа.

ГЛАВА XIII

Аннушка круто отвернулась, задев косами Николая. Он боязливо заглянул ей через плечо, увидел быстрый взмах ресниц, дрогнувшую пухлую губу и на минуту отошел к окну. Постоял, пошевелил плечами и вдруг сделал

К стр. 306

вольт на одной ноге: «Тра-та-там!» Подбежал к жене, крутнул ее вокруг себя и упал на колени.

— Аня!

Она клонила, клонила голову к нему и, когда коснулась губами его теплого уха, шепнула:

— Страшно... Я хочу, чтобы он был такой же, как ты!

Ребенок! Вот что приходит в их жизнь! Кто это будет? Сын? А то как же! И все узнают, все будут знать, что у них сын! Сынище!

— Аннушка, в день его рождения...

Она зажала ему рот ладонью.

— Смешной, еще до рождения, знаешь, сколько?

— А когда же, когда?

Он пристал и пристал: и когда, и что, и как...

На шахту шли, взявшись за руки, чуть не на каждом шагу нечаянно встречались взглядами.

— Ты что?

— А ты?

— Ветер такой, хоть лети!

Она погрозила:

— Лети, только домой возвращайся пораньше.

Расстались уже у железного виадука. Аннушка стала подниматься по извилистой тропке в гору, к уклону, где на высоком пирамидальном копре полоскалось красное полотнище флага. Оглянувшись на шахту — и там флаги, транспаранты; свежий ветер донес мелодию из репродуктора. «Капитальная» готовилась к своему большому празднику.

На самой горе, не доходя до уклона, остановилась. Горы и горы, желтоватые, в зеленых пятнах, без конца и края горы, накрытые синим небом. У самого горизонта клубятся бело-розовые громады облаков, неподвижные, величественные. Земля кузнецкая, какие ласковые ветры летят над тобой в весеннюю пору, каким обилием перво-зданных красок цветут твои просторы!

Опустив руки ладонями вниз, словно опираясь ими на всю землю, Аннушка закрыла глаза. И вот уже несет ее ветер, несет, качает... Хорошо жить! Хорошо! Пусть скорее приходит в этот мир ее большой, умный сын!

— Или больна, Анна Максимовна?..

От неожиданности вздрогнула и тут же рассмеялась. Это старший Вощин. Подошел неслышно и смотрит ласково из-под широченных ржаных бровей.

— А почему вы подумали, Афанасий Петрович?

— Гляжу — стоит девка одна и зажмурилась. Чего же хорошего?

— Нет, Афанасий Петрович, это я так... Пе-еть хочется!

— Петь? — старик не удивился. — Какие вы нынче все песенные. Куда путь держишь?

Аннушка показала на далекую седловину.

— На уклон, Афанасий Петрович.

— Гм... — Вошин усмехнулся. — Я бы тебе посоветовал оставить уклон. С часу на час должны прокопчане приехать. Хорошо бы организовать встречу, не митинг, конечно, — это завтра, а просто чтоб народу побольше было: пусть полюбуются, как знамя на шахту возвращается. А?

— Знамя? — Аннушка даже руки к груди прижала. — Как же мне Бондарчук не сказал? Афанасий Петрович... Я бегу!

Обязанности связанных исправно выполняли Санька Лукин и Митенька. Черепанов призвал их к этой беспокойной должности, как только доктор Ткаченко, осмотрев его, отрицательно покачал головой.

— Нет, нет, пока никаких прогулок. Лежи, батенька, лежи и дыши. Грипп — коварная штука.

Неприятно и самое главное — обидно: такие дни шумят за стенами общежития, столько событий. Вообще-то Санька с Митенькой достаточно точно освещали шахтную и даже рудничную жизнь. Но это была не сама жизнь, в которой чувствуешь себя так просторно, а потом поди угадай по рассказам товарищей, что главное, что второстепенное.

Вчера вечером пришел Санька и прямо ошеломил:

— Комбайн хомяковский будут испытывать!

«Комбайн? Ох и досада же! Ну, что тут одними распросами узнаешь?» — Черепанов так и рванулся с кровати. Но Лукин только присвистнул и, проворно выскочив из комнаты, повернул ключ в замке.

«Разве это жизнь? Лежишь, солнышко по тебе ползает, в открытые окна весна рвется, на волю зовет: выйди, погляди, подыши, возьми что-нибудь в руки, поработай!»

Стукают секунды в больших настенных часах, поблескивает перламутром аккордеон на тумбочке — Данилов оставил. Черепанов вспоминает ночь на десятой шахте, Андрея Гушу, Шуру и невольно смотрит на свою ладонь — к ней прикоснулась сильная теплая рука девушки.

Придвинув стул с радиоприемником, он долго и старательно крутит регулятор. Из репродуктора рвутся обрывки музыки, треск, дробный стук. А вот Москва. Что говорит Москва? Последние известия. Короткие рассказы о празднике буден, и о шахтерах есть, о Кузбассе: досрочно выполнен план пяти месяцев. Черепанов тоже приложил к этому руки, и Данилов, и Митенька...

Митенька легок на помине. Принес обед и захлопотал. А уж там, где он захлопотал, все вверх дном. Борщ разлил, попытался отдернуть занавеску и оборвал шнур, полез привязать шнур, наступил на блюдо и раздавил. Устав от всего этого, вспомнил:

— Иду, понимаешь, мимо пятого корпуса, смотрю: Галина Афанасьевна голову вот так наклонила, а лицо белое-белое. Я говорю: «Здравствуйте, Галина Афанасьевна», а она поглядела на меня вот так, насквозь поглядела и спрашивает: «Как твоя фамилия, мальчик?» Это я — мальчик! — Митенька слегка выпятил грудь и, чтобы скрыть обиду, захохотал: — Понимаешь, я — мальчик!

Потом ему, очевидно, и вправду стало смешно, он захохотал громче и, наконец, упал на кровать, приговаривая:

— Понимаешь, мальчик?

— Ничего смешного, — остановил Черепанов. — Ты подумал о Галине Афанасьевне? Почему это она белая?

— Ну, белая-белая.

— Вот видишь, как дите, заладил одно. А причина какая? Может, случилось что на уклоне? Узнай непременно.

Не успели переговорить, как в дверь стукнули, и вошла Аннушка. Не вошла, а вбежала. Митенька, так тот даже на всякий случай к окну понытился.

— Дома? — коротко выдохнула Аннушка. — Лежите! А на шахту... знамя везут!

И всё. Сказала и сразу исчезла, как будто ее и не бывало.

Митенька посмотрел на бригадира. А когда тот стремительно вскочил на ноги, равнодушно спросил, больше для порядка:

— А режим?

— Что?

— Ну, этот... грипп?

— Помоги одеться! — почти выкрикнул Черепанов. — Грипп... придумали издевательство над шахтером!

Официально не было объявлено, что ровно в четыре на шахту приезжает делегация прокопчан, но весть об этом еще с утра распространилась по всем участкам, цехам и общежитиям. К трем у шахтоуправления стал собираться народ. Пожилые рассаживались на скамьях, на бетонных закраинах фонтана, молодежь группами толпилась на дорожках небольшого сквера. Отец и сын Воишины медленно прохаживались вокруг фонтана. Афанасий Петрович сосредоточенно слушал, как Григорий что-то, не торопясь, рассказывал. В толпе молодых шахтеров ораторствовал Митенька, — вид у него такой, словно он всю жизнь только тем и занимался, что произносил речи.

Подожел Данилов, озабоченно огляделся.

Аннушка тронула его за рукав:

— Что-нибудь случилось, Степан Георгиевич?

— Случилось... — Степан сердито отвернулся. — Ты не видела Рогова?

— Нет... — Аннушка насторожилась. — А что?

— Я в двенадцать отыскал его на участке, письмо передал... Потом он исчез. Горе у него...

— Горе... — Глаза у Аннушки стали матерински глубокими, грустными. Она проговорила негромко: — Значит, он узнал обо всем.

— Узнал... — отозвался Степан. — Сама она ему написала... Так я теперь думаю. И думаю, что хорошо сделала. Только трудно ему переболеть этим, ох трудно! Я же знаю, Павел Гордеевич ни в чем половинок не терпит — ни в работе, ни... в этой... в любви, ни в горе. Помочь бы ему как-нибудь...

Степан, а за ним Аннушка оглянулись на толпы шахтеров, на белые здания «Капитальной».

Слышится несмолкаемый говор людей, часто и тяжело дышит компрессорная, гулко ударяют сигналы на главном

подъеме: «На-гора». А над всем этим, над праздничным возбужденным говором, над рабочим дыханием шахты на ажурном копре плещется алое длинное полотнище флага.

Степан сказал:

— Тяжело Павлу Гордеевичу, но он непременно пере-силит это. Не первый год знаю его.

В это время поблизости старший Вошин окликнул:

— Герасим Петрович, куда же вы? Присоединяйтесь!

На голос проходчика шахтеры оглянулись и увидели у конторских дверей Хомякова. Маркшейдер близоруко присмотрелся к собравшимся, приветственно поднял руку и мелкими шажками приблизился к Вошину.

— Значит, пойдет наш кузбассовский шахтерский комбайн? — Афанасий Петрович внимательно, ободряюще заглянул в лицо Хомякова. — Ну, спасибо вам, инженер.

Хомяков смущенно переступил с ноги на ногу и развел руками.

— Дотягивать, товарищи, многое нужно, вот в чем дело.

— Было бы что дотягивать, — откликнулся Некрасов. — Только вы не падайте духом: раз машина сделана, работать ее заставим.

В разговор вступили еще несколько человек. Вспомнили дореволюционную шахтерскую старину, когда не только о комбайне, — о простом решетчатом конвейере не мечтали.

— Что «вольная» шахтерская жизнь, что казенная каторга — разницы-то никакой не было, — хмуро заметил Вошин.

Солнце все ниже клонилось к западу, свет его словно бы притухал, а делегации из Прокопьевска все не было. Часть людей ушла на вторую смену, кое-кто тронулся по домам, торжественной встречи как будто не получилось.

В это время из-за угла конторы на-рысях вывернулся Митенька и, взмахнув обеими руками, оповестил:

— Едут!

Толпа ожидавших на секунду притихла, потом дрогнула и, разрастаясь на ходу, тронулась навстречу гостям.

Первым из машины бойко выскочил старик Ходыкин, — тот, что увозил осенью знамя с «Капитальной», — а за ним вышли еще два делегата. Ходыкин торопливо поклонился и тут же, усмехнувшись, развел руками.

— Видите, хозяева, в какую должность определили к старости: увозил знамя, теперь привез, потом опять придется...

— Ишь ты! — перебил кто-то задорно. — Прыткий какой! С нынешнего дня должность твоя отменяется!

Поздоровались, разглядели друг друга, похвалили погоду. Ходыкин стал было рассказывать что-то о Прокопьевске, но Афанасий Петрович нетерпеливо кивнул:

— Давай-ка, товарищ, покороче. Где оно у вас?

Ходыкин понимающе присмотрелся к победителям, сгрудившимся вокруг машины, и сказал с завистью:

— Это можно, раз так получилось...

Он подошел к машине и осторожно вытянул из кузова красное древко со знаменем в белом полотняном чехле, слегка приподнял его, так, чтобы все видели.

— Вот оно. Куда прикажете?

— Подожди-ка, товарищ Ходыкин, — остановил Вошин. — Ты прямо скажи: ваши ворошиловцы не опустили рук? Настроение не кислое?

Делегат вздернул седенький клинышек бороды.

— Это почему? Что знамя отдали?

— Об этом речь...

— Так ведь у нас народ скроен из того же материала, что и на «Капитальной»!

— Ладно, — согласился Афанасий Петрович, — только все равно, столько сил, как у нас, едва ли где сыщешь. А награду давай сюда, мы ей сами место найдем.

Оглянувшись, он жестом позвал Данилова и негромко, посреди общего почтительного молчания, сказал:

— Бери, Степан Георгиевич, ты из самых молодых и верных. Неси!

В глазах Степана метнулись жаркие искорки благодарности. Не торопясь сняв чехол, он распахнул над головой красное шелковое полотнище и, взглядом позвав за собой шахтеров, пошел в клуб.

ГЛАВА XLIII

Оставив Степана в штреке, Рогов вышел на-гора через запасный ходок. Приблизившись к устью уклона, совершенно неожиданно застал там Семена Стародубцева.

Насилу сообразил, что Семен ведь является в некотором роде одним из трестовских руководителей по капитальному строительству, значит — забрел в такую даль не случайно. Галя что-то горячо доказывала ему. Рогов услышал, как она несколько раз настойчиво повторила:

— Это возмутительно, товарищ Стародубцев! Возмутительно!

— А, сам начальник шахты пожаловал! — повернулся Семен к Рогову. — Здравствуй, Павел. Извини, не было времени предупредить о своем появлении. Услышал, что на уклоне было туговато, вот и решил заглянуть.

— Ты лучше делаешься, — заметил Рогов.

— Почему?

— Да вот услышал — на уклоне неблагополучно, и летишь сломя голову. Раньше этого за тобой не водилось.

Семен примирительно улыбнулся и обратился к Гале:

— А он все такой же колючий. Знаю его вот уж десять лет таким.

— Не изменяюсь, грешен, — сознался Рогов.

— Кто из нас без греха, — согласился Стародубцев. — В грехах иной раз, как в репейниках...

Рогов выслушал Галю о положении в забое, о том, что дело теперь только за мелкими доделками.

— Ну, спасибо! — Он еще раз оглядел верхнюю плиту и улыбнулся, заметив, как покраснело лицо девушки. — Спасибо, Галина Афанасьевна, от всей шахты. У меня гора с плеч... Теперь двинем уголек...

— Вот я и безработная, Павел Гордеевич, — сказала Галя. — Что ж мне теперь прикажете — брать направление в отдел кадров?

— Как это в отдел кадров? — удивился Рогов. — А два внутренних уклона кто будет пробивать? А новый скиповый ствол? Вы что, Галина Афанасьевна! — Он приблизил свое лицо к ней и, не обращая внимания на Стародубцева, заговорил вполголоса: — Понимаете, Галя, я был почти спокоен за уклон, потому что вы здесь. Вы отличный инженер... Давайте договоримся, что поработаем вместе еще очень долго! А?

— Очень долго?... — В глазах у Гали мелькнуло что-то похожее на испуг, но она тут же спокойно сказала: — Мне все равно, Павел Гордеевич, на какой шахте работать, но... лучше, если рядом с вами. Надежнее.

— Очень хорошо! — отозвался Рогов и, по привычке глядя в глаза то Вощиной, то Стародубцеву, быстро заговорил: — Чтобы нас в следующий раз не давила вода, воспользуемся буросбоечной машиной. Понимаете? Нарезаем рудничный двор, ставим машину на нижней плите и... бьем вверх по угольной пачке! Тут вода не страшна будет.

Стародубцев скромно потупился, но сейчас же заметил:

— Вообще-то работа на буросбоечной потребует филигранная: сечение скважины девяносто сантиметров, а угольная пачка всего метр двадцать — тридцать. Ошибка всего на одну десятую градуса... Это, знаете, немного напоминает игру: человек закрывает глаза, покрутит перед собой указательными пальцами, потом сводит их — сойдутся или нет? Так и здесь...

Рогов фыркнул.

— Хиромантия! Не от инженера бы слышать. Нам некогда крутить перед собой этими твоими пальцами. Слышите, Галина Афанасьевна: не принимать во внимание «предсказаний» Стародубцева! — Рогов улыбнулся. — А... помощью его мы воспользуемся.

Семен обратил все в шутку.

— Ты, Павел, не изменяешься, — вздохнул он. — Таким тебя люди и запоминают, даже те, с кем ты всего один-два раза встречался. Недавно в Новосибирске, беседуя с видным ученым, не успел я упомянуть о тебе, как он вдруг перебил меня: «Ах, позвольте, позвольте! Так я же знаю инженера Рогова, как же!»

— Что за ученый? — любопытно спросил Рогов.

— Скитский Василий Пантелеевич.

— Скитский? — Рогов кивнул. — Хороший мужик, светлый!

— Умный! — подхватил Семен. — Жалко, мало с ним пришлось побеседовать — дело ограничилось моим скучным докладом и несколькими его замечаниями. Знаешь ведь, как он занят? А тут еще, понимаешь, человек вторую молодость переживает, так что и здесь у него можно кое-чему поучиться... — Семен сделал шутливый полупоклон в сторону Гали и, тут же немигающе глядя в лицо Рогова, небрежно закончил: — Женится профессор Скитский на своей аспирантке... Евтюховой.

— Вот как... — без всякого выражения отметил Рогов, потом посмотрел на ручные часы, на Вощину.

Галя инстинктивно сжалась, словно на нее замахнулись. Ни разу она не видела у Рогова таких пустых, обмелевших глаз, словно в одно мгновение перегорела в них влажная синь.

Он сказал:

— Хорошо, Галина Афанасьевна, значит, мы... договорились. А теперь я пойду.

Семен сделал было шаг за ним, но Рогов только чиркнул по его лицу взглядом и пошел сквозь кусты напролом.

— Вот так, Галина Афанасьевна... — начал Стародубцев в замешательстве.

— Оставьте! — резко оборвала Галя. — Оставьте! Вы сейчас сказали Рогову... Как это стыдно!..

Она быстро обежала бурый породный отвал, спустилась в ложок, прямо по воде перебежала ручей и, хватаясь за кусты противоположного ската, взобралась наверх. Только ступила на тропинку, как впереди показался Рогов. Шел он обыкновенным своим размашистым шагом, только необычно беспокойно двигались его руки, то отстегивая все три петельки на фуфайке, то вновь застегивая. Вот он остановился у золотистой сосны, придерживая кепку, поглядел на ее зеленую вершину и снова пошел. А когда увидел Галю на тропе, ни одним движением не выдал удивления, словно ждал этого.

— Павел Гордеевич... — Галя посторонилась с тропы, давая ему возможность пройти. — Извините меня... но я хотела спросить...

— А спрашивать как раз и не нужно. — Рогов дружески сжал ей локоть. — Не нужно, Галя, спрашивать. Просто Стародубцев притронулся к тому, что очень болит. Спасибо, Галя.

И пошел в гору все таким же ровным размашистым шагом... В этот час с горки можно было беседовать и с весной и со всем миром, если, конечно, тебе понятен многоголосый, разноязыкий говор апрельского полудня.

Круто, широкими лентями дорога поднимается к верховой рыжеватой седловине. На западном склоне почти нет леса — он дальше, за водоразделом. Изредка попадаются красноватые кустики молодой березовой поросли, да справа от дороги, над крутой каменистой осыпью, стоит

одинокая мачтовая сосна, — стоит и задумчиво качает зелеными лапами веток, в дальнюю даль смотрит, словно и грустно ей, что одна еще весна мимо проходит, и легко, что под золотистой корой тронулись густые прохладные соки.

На одном из поворотов Рогов остановился, прищурившись от яркосинего света, огляделся вокруг и вдруг, затаив дыхание, почти на носках пошел к невысокой годовалой березке и шагах в двух от нее остановился. Где-то здесь, — наступить можно, — опустилась маленькая пичужка. «Но где же она, неужели пешком ушла?» Рогов даже пригнулся, в нем внезапно пробудился давний мальчишеский азарт.

— Ха!.. — сказал он удивленно, когда у него из-под ног выпорхнула быстрокрылая птица и с тихими вскриками: «Чьи вы! Чьи вы!» — закружилась вокруг. — Ах, вот что! — Рогов усмехнулся. — Вас интересуется, чьи мы? Не беспокойтесь, мы свои, тутошние.

И, все еще смеясь над своим ребячеством, он присел на корточки и осторожно раздвинул кустики прошлогодней жухлой травы. В маленьком углублении лежало гнездо — круглое, аккуратное, с загнутыми внутрь краями, выстланное тонкими былинками и молочно-голубым растительным пухом. Опустил пальцы внутрь и как будто тепло почувствовал или показалось это, но сердцу действительно почему-то тепло стало. А над головой звенело все беспокойнее, все жалобнее: «Чьи вы?.. Чьи вы?..»

— Ну, ладно, ладно, — поднимаясь, примирительно говорит Рогов. — Что уж ты на самом деле? Неужели не понимаю?..

В другом месте он присел на пенек, пощупал на солнечной стороне его шершавую кожу. Да, здесь по-настоящему тепло.

Тепло... Рогов сильно трет лоб, как будто стараясь вспомнить что-то трудное и давно-давно забытое.

«Ох, Валя, Валя!..»

Нашел в кармане помятый листок письма и, разгладив его на колене, стал читать заново, от слова до слова:

«Если бы я могла ограбить тебя хотя бы от минутного горя... Павел! — писала Валя. — Я это могла бы сделать, но я ненавижу ложь. И ты, разве ты можешь...»

Нет, все не то!

В последнее время я очень часто бывала мыслями и душой с Василием Пантелеевичем Скитским. Я изо всех сил боролась против этого, но он как-то незаметно вошел в мою жизнь. Я приезжала сказать тебе это. Хочу, чтобы тебе стало легче, надеюсь на это, верю в тебя. Прости, Павел.

Валя».

Еще и еще раз перечитывает Рогов письмо, потом опускает его между коленями. «Ну разве так можно? — спрашивает он себя. — Разве можно, чтобы так трудно было?»

Потом он встает и снова начинает подниматься в гору. Дорога крутая, но сердце бьется уже спокойнее, мысли не мечутся, в голове ясно.

А вот и верховая седловина. Рогов выпрямился, медленно расстегнул фуфайку, снял кепку. О, как же далеко видно отсюда! Родимый край...

Внизу глубокая падь — Черная Тайжина, а чуть подымешь взгляд — видишь бесконечную гряду то желтовато-лысых, то лесом укрытых гор. Прямо на востоке глаз еле различает далекое розовое полыхание вечных снегов на хребтах Алтая, на севере поднимается дымное облако над городом Сталинском.

А если бы подняться еще выше... Рогов на минуту закрывает глаза, потом снова всматривается в неоглядный весенний мир. Кузбасс! Но ведь это слишком тысяча километров с юга на север, почти от Телецкого озера на Алтае, через поймы многочисленных горношорских рек, до Мариинской гайги у великой сибирской магистрали, вот он — Кузбасс!

Кузбасс, выросший, как рабочий, возмужавший, как солдат, чистый и строгий в своих простых одеждах...

Кузбасс — это шахты, заводы, электростанции, колхозные пашни. Кузбасс! Сколько же нужно прожить, не старея, не уставая, чтобы переделать хотя бы часть твоей великой, твоей нужной работы! И сколько тепла необходимо освободить из твоих щедрых глубин!

Рогов смотрит на снежные хребты, обрамляющие южный Кузбасс с востока, потом делает такое широкое движение, как будто кладет ладонь на острое плечо одного из горных отрогов.

— Подожди, — говорит он тихо, — подожди немного, и до тебя доберемся, и в твои недра придем. А сейчас... просто рук нехватает, ничего не попишешь...

Свежим воздушным током со стороны Черной Тайжины донесло звонкий перестук топоров. Глянул вниз — словно на крыльях с горных высот спустился. В снегах и желтых проталинах, в темной зелени пирамидальных пихт, в вербном цветении кустарников падь Черная Тайжина до краев наполнена серебристо-синим светом.

Даже руками развел, так не хотелось отрываться от всего, что глаза видят.

А пора, нужно еще пройти к новым шурфам. Рогов оглядывается на северный склон, по которому поднимался, и вдруг видит, что по извилистой тропе кто-то идет. Пристально всмотрелся и угадал Бондарчука. Парторг шел, широко махая руками, и по всему видать — торопился.

— Ты что ж это? — закричал он из-за кустов. — Ищу целый час, а он, извольте, разгуливает, Кузбассом лобуется!

— Правильно, люблюсь... — признался Рогов. — Жалел, что тебя нехватает рядом.

Бондарчук присел на соседний сухой бугорок, вытер вспотевшее лицо и устало передохнул.

— Уморился...

— А что случилось?

— Да ничего особенного... Знамя привезли прокопчане, тебя вот ищу — вот и все. Что могло случиться?

Потом им стало, очевидно, немного не по себе: сидят два взрослых человека друг против друга и в прятки играют. Рогов пригладил носком сапога кустик сухой травы и машинально вытащил коробку папирос.

Бондарчук смахнул пот с бровей и, внимательно глянув из-под ладони на товарища, спросил:

— Что-нибудь очень трудное?

— Очень. — Рогов подал конверт с письмом. — Почитай. Я не жалуясь, — это, чтобы ты понял.

Несколько минут Бондарчук читал и перечитывал письмо Евтюховой. Временами под глазами у него набежали морщинки. Потом он аккуратно свернул письмо вчетверо, вложил его в конверт и, ударив о ладонь, сказал:

— Понимаю. Тяжело. В таком деле трудно словами помочь... Но жизнь-то, Павел, ни на одну секунду остановки не сделала. Наша большущая жизнь!

— Я тоже над этим думаю... — отозвался Рогов.

— Думаешь!.. А ты это чувствуешь?

— Стараюсь... — Рогов улыбнулся и тряхнул головой. — Знаешь что, Виктор, пройдем к дальним шурфам. Беспокоит меня что-то монтаж подстанции.

— А на шахту?

— Так я же это еще и для того, чтоб соскучиться по ней.

Бондарчук поднялся.

— Тогда пойдем!

А где-то уже в пути Рогов осторожно спросил:

— А ты что искал-то меня? Сердце весть подает?

— Подает, конечно, — подтвердил Бондарчук. — Была у меня Галина Вощина, рассказала о своей встрече с Валентиной, о твоём разговоре со Стародубцевым...

— Ага... — Рогов невольно ускорил шаг.

Возвращались они уже в поздние сумерки. На одном из круглых поворотов тропы остановились. Бондарчук положил руку на плечо Рогова, слегка притянул его к себе.

Внизу по цепочкам и созвездиям огней угадывались линии рудничных улиц, контуры кварталов. В серебристых сумерках на противоположном скате не видно было домов, и оттого светлые квадратики окон казались вделанными прямо в гору.

Земля дремала. Над горизонтом неслышно ступала негасимая синеватая зорька, на севере, по ту сторону гор, полыхали зарева огней над городами и рудниками. Неподалеку в темных зарослях пихтача кричала птица-невидимка, и почему-то казалось, что дышит земля кузнецкая — земля сильная, молодая.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. Н. Волошин (биографическая справка) :	3
Пролсг . . . . . :	5
Глава I . . . . . :	15
Глава II . . . . . :	25
Глава III . . . . . :	28
Глава IV . . . . . :	37
Глава V . . . . . :	44
Глава VI . . . . . :	52
Глава VII . . . . . :	57
Глава VIII . . . . . :	65
Глава IX . . . . . :	69
Глава X . . . . . :	79
Глава XI . . . . . :	85
Глава XII . . . . . :	88
Глава XIII . . . . . :	99
Глава XIV . . . . . :	103
Глава XV . . . . . :	109
Глава XVI . . . . . :	121
Глава XVII . . . . . :	132
Глава XVIII . . . . . :	135
Глава XIX . . . . . :	142
Глава XX . . . . . :	148
Глава XXI . . . . . :	154
Глава XXII . . . . . :	159
Глава XXIII . . . . . :	164
Глава XXIV . . . . . :	168
Глава XXV . . . . . :	174
Глава XXVI . . . . . :	181
Глава XXVII . . . . . :	198
Глава XXVIII . . . . . :	205
Глава XXIX . . . . . :	211
Глава XXX . . . . . :	219
Глава XXXI . . . . . :	227

Глава XXXII	233
Глава XXXIII	239
Глава XXXIV	245
Глава XXXV	250
Глава XXXVI	257
Глава XXXVII	264
Глава XXXVIII	269
Глава XXXIX	274
Глава XL	279
Глава XLI	295
Глава XLII	300
Глава XLIII	303

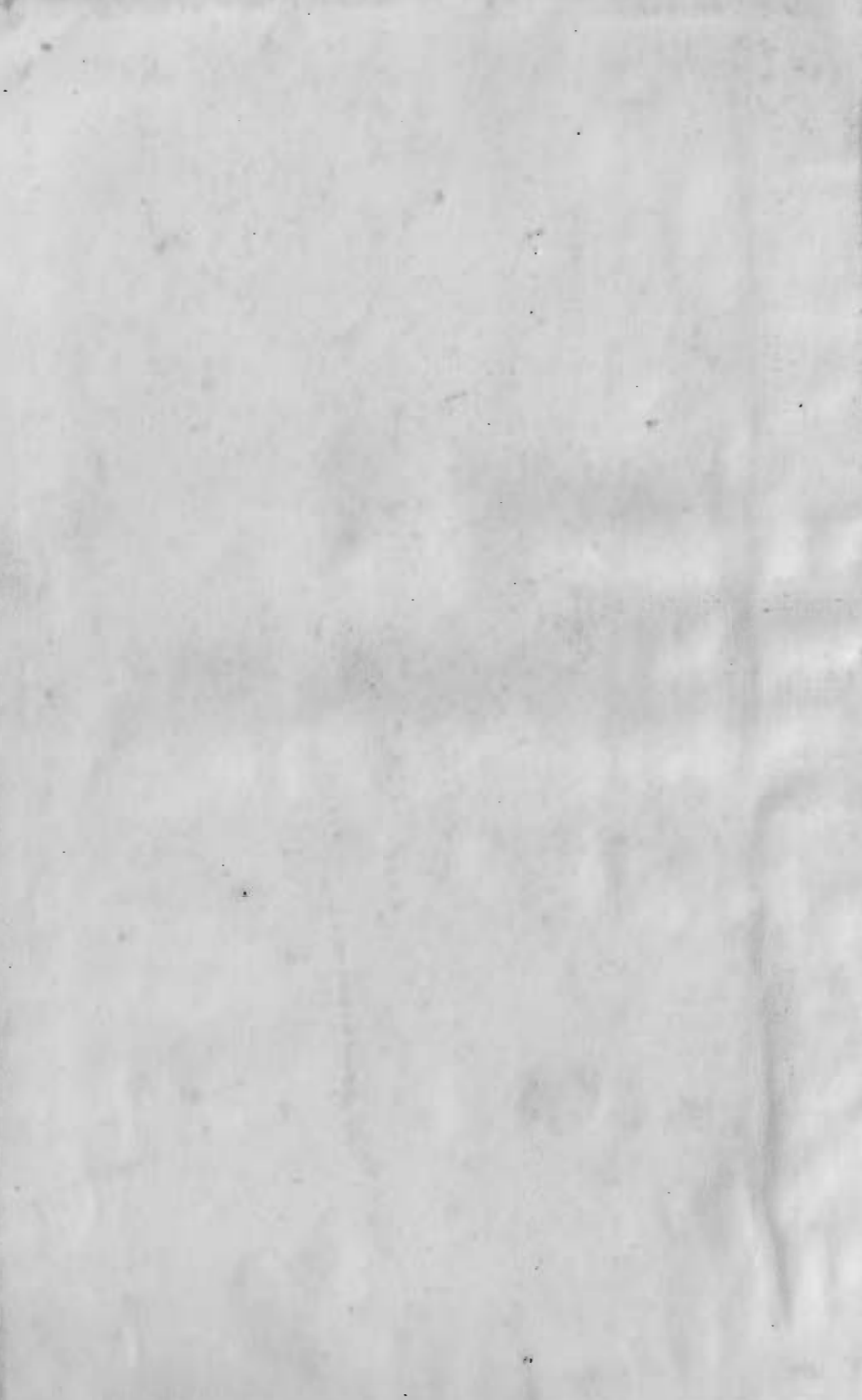
Переплёт и титул художников
К. Бурова и И. Литвишко

Редактор *Н. Крюков*
Художественный редактор *Н. Мухин*
Технический редактор *М. Позднякова*
Корректоры: *В. Брагина и Т. Рощина*

Сдано в набор 24/VI 1952 г.
Подписано к печати 11/X 1952 г. А 06843.
Бумага $84 \times 108^{1/32} = 4,94$ бум. л. — 16,19 печ. л.
Уч.-изд. л. 16,9 + 7 вклеек = 17,25 л.
Тираж 150 000 экз. Заказ № 1388.
Цена 7 р. 30 к.

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфиздата при Совете Министров СССР,
Москва, Краснопролетарская, 16.

73 нон

ГОСАИТИЗДАТ
1952